

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Reforms in Russia: A Century-long Path

Bodily Deviations in Literature and Art

Vasily Tatishchev: The 1738 Case

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 7 | 2019 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f – Prof. **Francine-Dominique Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Editor: Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Guest Editor*: PhD **Annick Morard** (Switzerland, University of Geneva). *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zapary** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Ф.-Д. Лиштена** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор: проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор: PhD **А. Морар** (Швейцария, Женевский университет); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Орхидского); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-Х. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвэша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Annick Morard, Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. 7</p>	<p><i>Annick Morard, Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. 7</p>
--	--

Scientia et vitae

<p><i>Владимир Запарий, Владимир Камынин, Борис Личман.</i> «По волнам нашей памяти...»: формирование разно-мыслия в учебниках истории России (УГТУ-УПИ, начало 1990-х гг.) 23</p>	<p><i>Vladimir Zapary, Vladimir Kamynin, Boris Lichman.</i> “On the Waves of Our Memory...”: The Formation of Differences of Opinion in Russian History Textbooks (USTU-UPI, Early 1990s) 23</p>
--	--

Problema voluminis

<p>Век великих реформ: успех созидания и крах иллюзий</p> <p><i>Татьяна Андреева.</i> На пути к реформе: вопрос о казенных крестьянах в секретных комитетах николаевского царствования. 39</p> <p><i>Евгений Неклюдов.</i> Подготовка горной реформы в России в 1860-е гг.: европейские ориентиры и российские реалии 55</p> <p><i>Юлия Бут.</i> Трансляция европейских образовательных практик в Российскую империю в XIX в.: основные каналы и рефлексия элит. 68</p> <p><i>Оксана Завьялова.</i> В поисках новой модели модернизации России: письма и записки к власти во второй половине 1850-х гг. 85</p> <p><i>Евгений Крестьянников.</i> Правосудие через расстояния: негативная практика деятельности мировых судей в дореволюционной Сибири. 98</p> <p><i>Роман Почекаев.</i> Честолюбие «полупадишаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К. П. фон Кауфман 115</p> <p><i>Сергей Любичанковский.</i> Отторжение волостного земства мультиэтническим населением Юго-Востока России в ходе выборов 1917 г. 129</p> <p>Телесное несовершенство и мировая дисгармония</p> <p><i>Варвара Добровольская.</i> Немота и речевые аномалии героев в русских волшебных сказках 140</p>	<p>The Age of Great Reforms: The Success of Innovation and the Collapse of Illusions</p> <p><i>Tatiana Andreeva.</i> On the Path to Reform: The State Peasant Question in the Secret Committees of Nicholas I. 39</p> <p><i>Evgeny Neklyudov.</i> Preparations for Mining Reform in Russia in the 1860s: European Guidelines and Russian Realities 55</p> <p><i>Yulia But.</i> The Transfer of European Educational Practices into the Russian Empire in the 19th Century: The Main Channels and Elite Reflections 68</p> <p><i>Oksana Zavyalova.</i> In Search of a New Model for Russia’s Modernisation: Letters and Notes to the Authorities in the Second Half of the 1850s 85</p> <p><i>Evgeny Krestyannikov.</i> Justice across Distances: The Unsuccessful Practice of Magistrates in Prerevolutionary Siberia 98</p> <p><i>Roman Pochekaev.</i> The Ambition of a Half-Padishah or the Enthusiasm of a Tsarist Administrator? Konstantin von Kaufmann and the Development of Local Government in Tashkent. 115</p> <p><i>Sergey Lyubichankovsky.</i> Rejection of the Volost Zemstvo by the Multinational Population of Southeast Russia during the 1917 Election. 129</p> <p>Bodily Imperfection and World Disharmony</p> <p><i>Varvara Dobrovolskaya.</i> The Muteness and Speech Anomalies of Characters in Russian Fairytales 140</p>
--	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Михаил Строганов. Вокруг «Слеплого музыканта»: художественная репрезентация девиантных органов чувств155

Леонид Геллер. О «яростном экспрессионизме» и прозе с протезами 171

Юлия Подорога. Революционная телесность: А. Платонов и П. Филонов в поисках души.187

Петр Казарновский. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки»)203

Ольга Буренина-Петрова. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов.....222

Mikhail Stroganov. Around *The Blind Musician*: The Artistic Representation of Deviant Sense Organs.....155

Leonid Heller. On “Violent Expressionism” and Prose with Protheses..... 171

Iulia Podoroga. Revolutionary Corporality: Platonov and Filonov in Search of the Soul.....187

Petr Kazarnovsky. Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman’s *Puppies*).203

Olga Burenina-Petrova. The Immortality of Man and Bodily Transformations in the Creative Work of Anarchobiocosmists.....222

Conceptus et conceptio

Наталья Володина. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения 243

Вадим Дементьев. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации.255

Natalya Volodina. Dialogue between A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky on the Character of Russian and European Enlightenment243

Vadim Demytyev. *Heart-to-heart Talk* in the System of Values of Russian Speech Communication255

Disputatio

Андрей Богданов. Создание «Прений с греками о вере» Арсением Сухановым в 1650 г.277

Наталья Фатеева, Зоя Петрова. «Каменное слово» в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи – камни, металлы» 294

Andrey Bogdanov. The creation of Arseny Sukhanov’s *The Debate on Faith with the Greeks* in 1650.277

Natalya Fateeva, Zoya Petrova. The “Stone Word” in Russian Poetry: The Figurative Parallel “Words, Poems – Stones, Metals”.....294

Origines

Евгений Анисимов. Дело о доносе В. Н. Татищева 1738 г.315

Evgeny Anisimov. The Case of V. N. Tatischev’s Denunciation, 1738 315

Controversiae et recensione

Михаил Акишин. Судьба хана Кучума и его потомков в период кризиса кочевой государственности 337

James M. White. Ivan Goncharov and the Imperial Horizons of *The Frigate Pallada*347

Об авторах.....354

Сокращения360

Mikhail Akishin. The Fate of Khan Kuchum and His Descendants during the Crisis of Nomadic Statehood337

James M. White. Ivan Goncharov and the Imperial Horizons of *The Frigate Pallada*347

On the Authors..... 354

Abbreviations 360

**TRANSFORMATIONS OF SOCIETY, BODILY
IMPERFECTION, AND SPIRITUAL BEAUTY**

Quaestio Rossica (2019, No. 1) opens with an article by prominent professors of history from Ural Federal University (*Vladimir Zapary, Vladimir Kamynin, and Boris Lichman*), who offer an overview of a new concept for teaching history to non-humanities students that emerged in Russia during perestroika. The authors believe the introduction of multi-concept learning techniques which successfully substituted the monopoly of the Marxist approach has contributed to an atmosphere of competitive thinking among students in technical departments (*Scientia et vitae* section).

While formulating the central problem of this issue (*Problema voluminis* section), we devised the theme “The Age of Great Reforms: The Success of Innovation and the Collapse of Illusions”. Here, we chronologically extend the limits of the “century of the great reforms” by including in our discussion many reform ideas and practices from the late 1820s to the early twentieth century. This chronological extension was encouraged by understanding the reform process in Russia as an extended one, taking up if not all of modernity, then at least its ‘imperial’ segment (spanning from the 18th century well into the 1920s). In the early 20th century, the very idea of the reforms received a modernist meaning as transformations possessing a preliminary design, theoretical basis, certain policies, and an apparent progress-oriented vector [Феномен реформ].

Russia is often characterised as a country of “unfinished”, “never-ending”, or “failed” reforms in the anecdotes of popular writers and in the experience of the reforms of the last few decades. This obliges historians to pursue a “binocular” perception of the 19th-century reforms. They have to be seen both in a relatively broad historical perspective and in close focus through specific historical studies that look at various qualitatively important phases and aspects. Following this logic, the section opens with an article by *Tatiana Andreeva* (Institute of History, RAN, St Petersburg), who discusses the preparatory stages of 19th-century peasant reform in Russia, namely, the emancipation of *kazna* (state-owned) peasants in secret committees between the second half of the 1820s and the late 1830s. In assessing the activities of these committees as an integral part of the modernisation of the social system and public administration, the author notes the

unity of the strategic goals and tactical methods in reform projects aimed at creating rational and profitable land administration systems, land use, taxation, and administrative management.

The 1860s in Russia are famous for large-scale transformations (the Great Reforms) that sought to fundamentally change the country, mostly by solving the “peasant question” associated with the abolition of serfdom. This scale, however, encouraged government institutions and social forces alike to seek answers to the other global challenges facing Russia, which was at the time involved in global developmental processes: the Industrial Revolution, structural societal change, the increasing complexity of the geopolitical situation, and new views on ethical values, civil rights, political freedoms, national identities, cultural landmarks, etc.

From the second half of the 19th century onwards, the Russian Empire, previously a predominantly agrarian nation, was beginning to move towards industrialisation by overcoming the crisis in older types of manufacturing and forming modern industrial sectors. Several aspects of these processes were manifested in the provisional design of mining reform in Russia. These are reflected in an article by *Evgeny Neklyudov* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg). The choice of legal and institutional innovations in the mining industry, according to the author’s conclusions, depended on way in which the reformers viewed domestic industrial development: under state control or without it. This determined the extent to which European experience was used in preparing major mining reforms.

One of the motivations for the reforms was a change in Russia’s international standing: this demanded the creation of a more progressive social structure that would have further developed the country towards parity with the leading European powers of the time. Growing awareness of being “Europeans”, not only within the elites of the Russian Empire but also broader society, was a hallmark of 19th-century Russia. This became possible not least because of fundamental changes in attitudes towards education and enlightenment. Virtually all external observers since the end of the 15th century blamed Russia for lacking a European educational system. This allowed European observers to mark the Russian state as “barbaric” and non-European. By the beginning of the 19th century, a strong opinion had formed in Russia that schooling was one of the most important tools for channeling *the national idea*, as *Yulia But* argues (Ural Federal University, Yekaterinburg). The author believes that the translation of foreign educational experience and the development of an optimal model of education that was simultaneously European and adapted for Russian reality was a subject of deep contemplation by the national elites for a century.

The main characteristic of the 19th-century Russian reforms that distinguished them from those which preceded and followed was the

wide public discussion around them. The reforms entered into a space for public communication, which reflected not only the successes of 18th-century westernisation (in particular, the establishment of the periodical press and the appearance of a target discursive audience), but also changes in the relationship between the authorities and citizens. According to *Oksana Zavyalova* (Southern Federal University, Rostov-on-Don), in the second half of the 19th century there were unique conditions for creating better connections between the general population and the state authorities. As she explains, the system of subject-to-subject relationships in which parties listened to and heard each other “had ripened”. Numerous “appeals to authorities” in letters and notes on current issues were made not only by the usual narrow circle of public figures or officials, but also by a wider population: these appeals thus became an important channel for dialogue. As this research has shown, the appeals did not remain unanswered.

The undoubted successes of the reforms often coexisted with disappointments and failures caused by the mistakes of the reformers and other factors. For Russia, one of the reasons for unsuccessful reforms may have been an extremely complex ethnic and confessional structure, which included many territories with diverse traditions of social life and administration. For a long time, Russia had managed, with varying rates of success, a system of multi-ethnic and multi-cultural territories around its ethno-political core: it was little concerned with the unification of its managerial and social institutions. According to N. S. Kollmann, Moscow’s rulers pursued a policy of “calculated decentralisation” in which the state was granted only the most important functions: the supreme court, taxation, the military and diplomacy. At the same time, it shared “power with a strikingly wide range of institutions and traditional social practices” [Коллманн, с. 42]. As early as the second half of the 18th century, Russian elites recognised the unquestionable difficulty of applying common standards throughout the empire. In a letter to Voltaire, Empress Catherine II (written in Kazan in May 1767) stated: “Here, the population consists of twenty different nationalities, completely dissimilar to each other. Meanwhile, it is necessary to sew a dress that would be acceptable to all. General principles might still be found; but the particularities? And what particularities! <...> The whole new world has to be created, united, and safeguarded” [Императрица Екатерина II, с. 748–749]. In the 19th century, the imperial authorities seriously began to “sew” the “dress that would be acceptable to all” in an attempt to place the manners and customs of all the internal and external borderlands under a single standard, a task that turned out to be infeasible.

Judicial reform aimed at regulating and systematising the functions of magistrates in the vast expanses of Siberia can be seen as a notable example of such difficulties. *Evgeny Krestyannikov* (Tyumen State University),

basing his research on archival documents, shows the ineffectiveness of this reform due to irrational land division, the attachment to specific subjects of judicial activities, and the idea of combining both investigative and judicial functions in one agent.

Difficulties in reforming the political system manifested themselves especially clearly in distant imperial provinces inhabited by ethnicities other than Russians. *Roman Pochekaev* (NRU Higher School of Economics, St Petersburg Branch) and *Sergey Lyubichankovsky* (Orenburg State Pedagogical University) offer detailed historical studies of these processes. The former describes the work of K. P. von Kaufmann, Governor-General of Russian Turkestan, that sought to adapt rules of municipal self-governance to the newly-established Tashkent Municipal Duma in the 1870s. The latter discusses attempts to introduce local land administrations into the southeastern provinces (Astrakhan, Orenburg, and Stavropol, all areas with high proportions of non-Russians among the population) in the last years of the empire. Both articles seem to confirm the disparity between calendar and historical time and the need to further examine the reforms beyond their ‘chronological core’, which is often interpreted by historians without taking into account the many peculiarities of ‘peripheral modernisation’.

The second major theme of this issue is the paradoxical combination of bodily deviancy and spiritual beauty in Russian culture. This phenomenon goes back to the rethinking of muteness and speech dysfunctions in traditional society that led to a shift towards more humane treatment: this was interestingly manifested in Russian fairytales which granted magical abilities to disabled heroes. In *Varvara Dobrovol'skaya's* article (State Republican Center of Russian Folklore, Moscow), overcoming muteness is conceived as a return of justice and harmony to the hero's world. *Mikhail Stroganov* (Institute of World Literature RAS, Moscow) discusses the famous 1886 novel *The Blind Musician* by V. Korolenko, which is highly relevant to this theme. The author reveals the literary and historical context, correlates this novel with other works in terms of motifs and tropes, and reflects on the social mercy which was becoming clearly visible in public discourse.

An original take on the theme of corporal deviation and spiritual beauty was proposed at the colloquium “Deviant bodies in Russian culture” (*Les corps déviants dans la culture Russe*) (University of Geneva, 23–24 February 2018). In the union which traditionally blends mind and soul, the body often plays the role of a ‘poor parent’: in the face of eternity, the body is seemingly nothing more than mortal flesh, while in the history of thought, interest in the body has often seemed vulgar. However, it is precisely the body that acts as a witness and measure of individual and social events, political struggle, scientific progress, and cultural, aesthetic, and ethical transformations. The objective of the colloquium was to analyze the artistic representations and discourses (literary, cinematic, philosophical, scientific, intellectual, and social) which formed an understanding of and assigned a value

to the human body, thus changing the focus and nature of its perception and depiction in Russian culture. The conference emphasised 'pathologies' rather than the 'norm', i.e. all that seemed and seems like physical anomaly against the 'norms' of nature and culture, be it the anatomical 'monsters' of St Peterburg's *Kunstkamera*, fairground 'freaks', cripples and invalids, literary, artistic, and sculptural depictions of anthropomorphic creatures, anatomical abnormalities, and the 'bodily deviations' of contemporary culture.

What circumstances and contexts, from the historian's point of view, change our ideas about the human body? What do they depend on and what defines the standards, rules, and exceptions when one looks at human physical nature? What is the role of corporal anomalies in Russian history and culture? These were the questions discussed by the participants of the colloquium. The organisers selected a number of articles for publication in *Quaestio Rossica*, four of which are printed in this issue and two in the next one¹.

The focus of *Leonid Heller's* (University of Lausanne, Switzerland) work is Andrei Platonov's novels. Analysing "prosthetical expressionism" in Russian literary and cultural manifestations of the body and corporeality, Heller conclusively shows why the question of 'improving' human nature, widely discussed throughout the 20th century, should be considered in connection with themes of disability and monstrosity. Deconstructing the manifestos and literary texts of the Anarchobiocosmicists, who sought biological immortality, *Olga Burenina-Petrova* (University of Zurich, Switzerland) indicates the importance of the bodily paradigm for Alexandr Svyatogor, Aleksandr Yaroslavskiy, Pavel Ivanitskiy, and others. The Biocosmicists perceived bodily deviations ('bestialism', anabiosis, and other new bodily norms) as a "modus of immortality." *Iulia Podoroga* (University of Strasbourg, France) offers a philosophical discourse on the concept of "revolutionary corporeality" in the works of Andrei Platonov and Pavel Filonov. According to the researcher, both "insufficient" and "excessive" physicality led, in the oeuvre of these authors, to bodily victory over the soul and to the formation of a new unity of body and spirit. Finally, *Petr Kazarnovsky* (University of Geneva, Switzerland) analyses anomalies of corporeality in P. Zaltsman's novel *Puppies*, whose characters seem to be able to overcome the barriers between life and death, and those between bestiality and humanity.

The *Conceptus et conceptio* section raises the question of national identity. Based on a dialogue of the two prominent Slavophiles I. Kireevskiy and A. Khomyakov (19th c.), *Natalya Volodina* (Cherepovets State University) shows the austere disengagement between the rational European understanding of the Enlightenment and its interpretation in the Russian cultural-historical space. The work reveals the origins of the Slavophiles'

¹ The Editorial Board would like to thank organisers of the conference, Professor Konstantin Bogdanov, National Research University "Higher School of Economics" and PhD Annick Morard, University of Geneva, for constructive help in the formation of this section.

contradictions and their commitment to European humanism. *Vadim Dementyev's* article (Saratov State University) is an elegant continuation of the theme, excavating the proverbial “heart-to-heart talk” in the history of Russian speech and looking at how it is exclusive to Russian national discourse. The article offers the persuasive hypothesis, backed up by numerous examples, that the need for “intimate talk” might be associated with an axiology of the national mindset. In all likelihood, the need to “talk heart-to-heart” can be explained as some sort of compensatory mechanism in the absence of the democratic institution of free speech and as the desire to have a trustworthy interlocutor, which is inconceivable in official communications. The theme opened up by the author clearly calls for further investigation.

An interesting return to the question of Russo-Ukrainian relations discussed in previous issues of our journal [Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. No. 1; Vol. 6. 2018. No. 2] is provided by *Andrey Bogdanov* (Institute of Russian History, Moscow), who offers new data on the creation of Arseny Sukhanov's *The Debate on Faith with the Greeks*, a 17th-century text. The article examines the historical roots of the dispute about the preservation of the integrity of Orthodoxy in western and eastern Russian traditions and has undoubted relevance with regard to the contemporary situation with Orthodoxy and church unity. The article clearly demonstrates that the problem of ritual discrepancies arising from real historical circumstances originated before the advent of the Old Believer movement. *Natalia Fateeva* and *Zoya Petrova* (Institute of Russian Language, Moscow) consider important features of the imagery system in Russian poetic speech. The authors look at major concepts in literature-centered Russian culture: the Word and Poetry. Revealing their essence through metaphors of metal and stone, these notions are capable of making interesting discoveries not only in poetic speech but also in society's self-awareness (*Disputatio* section).

Evgeny Anisimov's publication (NRU Higher School of Economics, St Petersburg) presents new documents on a political investigation started by a report from V.N. Tatishchev in 1738: this rapidly turned into a “trigger” for the trial against the reporter himself. The sources published within the article reveal facets of the character and lifestyle of a vigorous statesman and one of the founders of the industrial town of Yekaterinburg. They also present a remarkable picture of the manners of the time, soaked with trepidation in the face of political prosecution in 18th-century Russia. The published texts return the reader to the problem of moral choice, the normal, and the deviant, as well as the historical conditionality of the notion of ‘norm’ itself (*Origines* section).

The issue ends with reviews. *Mikhail Akishin* (Novosibirsk University) evaluates V.V. Trepavlov and A.V. Belyakov's monograph *Sibirskiye tsarevichi v istorii Rossii* (*Siberian Princes in the History of Russia*). The reviewer argues that the presentation of complex and sensitive material is done

with academic thoroughness, thus proving the work's academic relevance and modern approach. Meanwhile, *The Frigate Pallada* by I. Goncharov, a 19th-century travelogue undeservedly forgotten by Russian philological scholarship, has been the subject of analysis in a book by American researcher Edyta M. Bojanowska (Yale). The undoubted merits and a few interpretative inaccuracies of her work are considered in the review by *James White* (Ural Federal University). In the opinion of the reviewer, the monograph should encourage the emergence of a new and improved translation of Goncharov's text into English.

Annick Morard
(University of Geneva, Switzerland);

Larisa Soboleva, Dmitry Redin
(Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia)

Translated by Anna Dergacheva

Номер открывается статьей опытных преподавателей исторических дисциплин для студентов технических специальностей Уральского федерального университета, профессоров *Владимира Запария*, *Владимира Камынина*, *Бориса Личмана* о формировании новой концепции в преподавании истории студентам негуманитарных специальностей, возникшей в процессе перестройки. Авторы считают, что введение в процесс обучения многоконцептуальной методики, успешно вытеснившей монополию на марксистский подход, способствовало формированию атмосферы разномыслия в среде технических специалистов (рубрика *Scientia et vitae*).

Формулируя проблему номера (рубрика *Problema voluminis*), мы назвали ее «Век великих реформ: успех созидания и крах иллюзий», позволив при этом хронологически расширить представление о «веке великих реформ», включив реформационные замыслы и практики всего «долгого XIX века», начиная с конца 20-х гг. XIX в. до начала XX столетия. К этому побуждает представление о реформаторском процессе России в масштабах если и не всего Нового времени, то его «имперского» отрезка XVIII – 10-х гг. XX в., когда само понимание реформ получило современный смысл, означающий преобразования, имеющие предварительное осмысление, теоретическую основу, программные установки и очевидную прогрессистскую направленность [Феномен реформ].

Определение России как страны «незавершенных реформ», «вечных реформ», «неудачных реформ», приобретающее под пером околонучных публицистов и в массовом сознании зачастую анекдотические формы, а также реформы, переживаемые современными поколениями последних десятилетий, обязывают к определенной «бинокулярности» восприятия реформ XIX в. и в панорамном плане, в относительно широкой исторической перспективе, и в крупном плане конкретно-исторических исследований отдельных, но качественно важных их этапов и аспектов. Согласно этой логике, рубрику открывает статья *Татьяны Андреевой* (Институт истории РАН, Санкт-Петербург), посвященная подготовительным этапам подготовки крестьянской реформы – вопросу эмансипации казенных (государственных) крестьян в секретных комитетах второй половины 20-х – второй половины 30-х гг. XIX в. Оценивая деятельность этих комитетов как составную часть модернизации социального строя и государственного управления, автор отмечает единство стратегической цели и тактических установок авторов проектов, направленных на формирование рационализированных и доходных систем землеустройства, землепользования, налогообложения и административного управления.

60-е гг. XIX в. в России знаменательны масштабными преобразованиями (Великими реформами), имевшими целью коренное изменение жизни страны, решение «крестьянского вопроса», связанного с отменой крепостного права. Но это побуждало власть и общественные силы искать ответы и на другие глобальные вызовы, стоявшие перед Россией, вовлеченной в мировые процессы развития, – это промышленная революция, изменения социальной организации общества, усложнение геополитической ситуации, новые представления об этических ценностях, гражданских правах и политических свободах, проблемы национальных идентичностей, новых культурных ориентиров и т. д.

Со второй половины века Российская империя, по преимуществу остававшаяся аграрной державой, начала демонстрировать движение в сторону индустриализации, к преодолению кризиса старого мануфактурного производства, формированию промышленного сектора. Об особенностях этих процессов, проявившихся, в частности, в разработке положений горной реформы, размышляет *Евгений Неклюдов* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург). Выбор правовых и институциональных новаций в горнозаводской отрасли, по его выводам, зависел от представлений реформаторов о путях развития отечественной промышленности под контролем государства или без него; этим определялась и степень использования европейского опыта при подготовке горной реформы.

Одним из побудительных мотивов реформ было изменение международного положения России, требовавшее создания прогрессивной социальной структуры, которая обеспечила бы развитие страны в кругу ведущих европейских держав. Осознание своей «европейскости» не только элитами империи, но и значительно более широкими общественными слоями – примета XIX в. Это стало возможным и благодаря кардинальным изменениям отношения к воспитанию через образование и просвещение общества. Отсутствие европейской образовательной системы ставилось в вину России практически всеми внешними наблюдателями с конца XV в. Это то обстоятельство, которое позволяло маркировать Российское государство как «варварское», неевропейское. К началу XIX в. в стране сформировалось устойчивое убеждение в том, что школа является одним из важнейших инструментов и проводников национальной идеи, о чем пишет *Юлия Бут* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Как полагает автор, трансляция зарубежного образовательного опыта и выработка оптимальной модели образования, одновременно европейской и максимально целесообразной для России, были глубоко отрефлексированы национальной элитой на протяжении столетия.

Особенностью преобразований в России XIX в., отличавшей их от предшествовавших и последующих, было их широкое общественное обсуждение. Проблема реформ вышла в сферу публичного коммуникационного пространства, что свидетельствовало не только об успехах вестернизации страны в XVIII столетии (в частности, о появлении периодической печати и целевой дискурсивной аудитории), но и об изменениях в отношении власти к подданным. По мнению *Оксаны Завьяловой* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), во второй половине века сложились уникальные условия налаживания обратной связи между населением и властью, вызрела система субъект-субъектных отношений, когда стороны небезуспешно учились слушать и слышать друг друга. Важным каналом этого диалога стали многочисленные «обращения во власть» в письмах и записках по актуальным вопросам современности не только узкого круга общественных деятелей или сановников, но и широкого круга населения. И, как показывает исследование, эти обращения не оставались без ответа.

Несомненные успехи реформ нередко соседствуют с разочарованиями и неудачами, которые обусловлены как просчетами реформаторов, так и иными причинами. Для России к таковым может быть отнесена чрезвычайно сложная этноконфессиональная структура, включавшая множество территорий с самыми разнородными традициями общественного устройства и управления. Долгое время Россию, выстраивавшую вокруг своего этнополитического ядра целую

систему иноэтничных и инокультурных территорий, мало беспокоила унификация управленческих и социальных институтов. По наблюдению Н. Ш. Коллманн, московские государи проводили политику «расчетливой децентрализации», при которой государству делегировались лишь важнейшие функции верховного суда, налоговых сборов, военной и дипломатической сфер, «одновременно передававшие властные полномочия поразительно широкому кругу институтов и традиционных социальных практик» [Коллманн, с. 42]. Сложность распространения общих норм на всю территорию империи осознавалась уже во второй половине XVIII в. Так, например, в письме Екатерины II Вольтеру (Казань, май 1767 г.) отмечалось: «Здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо сшить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем. Общие принципы еще могут найтись; но зато частности? И какие еще частности! <...> Приходится целый мир создавать, объединять, сохранять» [Императрица Екатерина II, с. 748–749]. В XIX в. имперские власти всерьез принялись «шить» «платье, которое оказалось бы пригодно всем», пытаясь подвести под единый стандарт нравы и обычаи всех внутренних и внешних окраин, что оказалось слабовыполнимой задачей.

Яркое свидетельство тому – попытка судебной реформы, нацеленная на регламентацию и систематизацию деятельности мировых судей на бескрайних просторах Сибири. Зачастую нерациональное разделение на участки, прикрепленность к конкретным субъектам судейской деятельности в соединении с идеей выполнения следственных и судейских функций приводили к малой эффективности реформы, что и доказывают привлеченные архивные документы в статье *Евгения Крестьянникова* (Тюменский госуниверситет).

На пространствах иноэтничной периферии трудности реформирования государственно-политической системы проявились особенно отчетливо. Конкретно-исторические исследования этих процессов осуществлены в статьях *Романа Почекаева* (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал) и *Сергея Любичанковского* (Оренбургский государственный педагогический университет). В первом случае речь идет о деятельности генерал-губернатора русского Туркестана К. П. фон Кауфмана, направленной на поиск адаптации норм городского самоуправления при создании Ташкентской городской думы в 1870-х гг., а во втором – о попытках внедрения земской волостной организации в юго-восточных губерниях страны с высоким удельным весом нерусского населения – Астраханской, Оренбургской и Ставропольской – в последние годы существования империи. Статьи подтверждают мысль о несовпадении календарного и исторического времени и целесообразности изучения опыта реформ за пределами их «хронологического ядра»,

представления о котором формируются у историков зачастую без учета особенностей «периферийной модернизации».

Второй проблемой, освещаемой в журнале, стало рассмотрение парадоксального сочетания темы телесных девиаций и духовной красоты в русской культуре. Начало ее уходит во времена формирования в традиционном обществе гуманного отношения к немоте и нарушению речи, своеобразно воплощенного в волшебных сказках через дарование героям магических способностей. В статье *Варвары Добровольской* (Государственный российский дом народного творчества им. В. Д. Поленова, Москва) преодоление немоты мыслится как возвращение справедливости и гармонии в мир героя. Классическое и самое известное в русской литературе произведение В. Короленко, соотносимое с данной тематикой, «Слепой музыкант», обсуждается *Михаилом Строгановым* (Институт мировой литературы, Москва). Раскрываются литературно-исторический контекст, соотношение с другими произведениями, основанными на близких мотивах, и тот новый уровень социального милосердия, который явственно возник в общественной рефлексии.

Оригинальный поворот темы был предложен на конференции «Телесные девиации в русской культуре» (Женевский университет, 23–24 февраля 2018 г.).

В союзе, который традиционно связывает разум и душу, тело часто играет роль бедного родителя: перед лицом вечности тело не более, чем тленная плоть, и в истории мысли или психики интерес к нему может показаться вульгарным. Но, вместе с тем, именно тело выступает свидетелем и мерилем индивидуальных и социальных событий, политической борьбы и научного прогресса, культурных, эстетических и этических преобразований. Цель конференции состояла в анализе художественных представлений и дискурсов (литературных, изобразительных, кинематографических, в области философии и науки, интеллектуальной и общественной мысли), которые формировали определенное понимание и оценку человеческого тела, меняя фокус и характер его восприятия и изображения. Акцент при этом был сделан не на «норме», а на «патологии» – на всем том, что предстало и предстает физическими аномалиями на фоне природы и культуры, будь это анатомические «монстры» петербургской Кунсткамеры, уродцы ярмарочных балаганов, калеки и инвалиды, литературные, художественные и скульптурные образы антропоморфных чудищ, анатомические фантазмы и телесные девиации современной нам культуры.

Какие обстоятельства и контексты с точки зрения историка культуры и искусства меняют наши представления о человеческом теле, от чего зависят и чем определяются стандарты правил и исключений при взгляде на физическую природу человека? Какую роль играют

телесные аномалии в контексте русской истории и культуры? На эти вопросы постарались ответить участники конференции. Для публикации в журнале *Quaestio Rossica* организаторами конференции было отобрано небольшое количество статей, четыре из которых печатаются в этом выпуске, а две – в следующем².

В центре внимания *Леонида Геллера* (Лозаннский университет, Швейцария) – творчество Андрея Платонова. Анализируя «протезное пространство» в литературных и культурных репрезентациях о теле и телесности, исследователь убедительно показывает, почему обсуждаемый в течение всего XX в. вопрос об улучшении человеческой природы следует рассматривать в связи с тематикой инвалидности и монструозности. *Юлия Подорога* (Университет Страсбурга, Франция) предлагает философские рассуждения о понятии «революционной телесности» на основе творчества Андрея Платонова и Павла Филонова. По мнению философа, как «недостаточная», так и «избыточная» телесность должны вести и Платонова, и Филонова к завоеванию души и образованию нового телесно-духовного единства. *Петр Казарновский* (Женевский университет, Швейцария) анализирует аномалии телесности в романе П. Зальцмана «Щенки», персонажи которого оказываются способными преодолевать преграды между жизнью и смертью, а также между животным началом и человечностью. Разбирая манифесты и художественные тексты анархистов-биокосмистов, целью которых являлось обретение биологического бессмертия, *Ольга Буренина-Петрова* (Университет Цюриха, Швейцария) указывает на значимость телесной парадигмы для Александра Святогора, Александра Ярославского, Павла Иваницкого и др. Именно телесные девиации («бестиализм», анабиоз и другие формы новой телесной нормы) воспринимались биокосмистами как «модус бессмертия».

В рубрике *Conceptus et conceptio* обсуждается проблема национальной идентичности. Размежевание рационального европейского понимания концепта просвещения и его трактовки в российском культурно-историческом пространстве на основе диалога славянофилов И. Киреевского и А. Хомякова (XIX в.) подробно представлено *Натальей Володиной* (Череповецкий госуниверситет). В работе раскрыты истоки противоречий взглядов славянофилов и их приверженность европейскому гуманизму. Продолжением темы явилась статья *Вадима Дементьева* (Саратовский госуниверситет) о «разговоре по душам» в истории русской речи, выявляемом исключительно в национальном дискурсе. Убедительная, доказанная многочисленными примерами концепция связывается автором с аксиологией в национальном мышлении. По всей вероятности,

² Редколлегия благодарит организаторов конференции профессора НИУ ВШЭ (СПб.) Константина Богданова и доцента Женевского университета (Швейцария) Анник Морар за конструктивную помощь в формировании этой рубрики.

необходимость «разговоров» объясняется своего рода механизмом компенсации в отсутствие демократического института свободы слова и желанием иметь доверительного собеседника, немислимого в официальном общении. Тема, открытая автором, явно требует своего продолжения.

Своеобразным возвращением к проблеме русско-украинских отношений, обсуждавшейся в предыдущих номерах нашего журнала [Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1; Т. 6. 2018. № 2], стала статья *Андрея Богданова* (Институт российской истории, Москва), в которой приводятся новые данные о возникновении «Прений с греками о вере» Арсения Суханова – писателя XVII в. В ней анализируются исторические корни спора о путях сохранения целостности православия в западнорусской и восточнорусской традициях. Исследование имеет несомненную актуальность в связи с сегодняшней ситуацией в вопросах вероисповедания и церковного единства. Автор убедительно показывает, что проблема расхождений ритуального характера, обусловленных жизненными историческими обстоятельствами, возникла до появления старообрядческого движения.

Особенности образного строя русской поэтической речи рассматриваются *Натальей Фатеевой* и *Зоей Петровой* (Институт русского языка, Москва). Авторы обратились к важнейшим для литературоцентричной русской культуры образам слова и стихов в поэзии. Выявление их сути через обращение к метафорическим образам металла и камня, представленное в статье, способно многое открыть не только в поэзии, но и в самочувствии социума (раздел *Disputatio*).

В публикации *Евгения Анисимова* (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург) представлены новые документы о политическом розыске, начатом по доносу В. Н. Татищева в 1738 г. и ставшем своего рода «спусковым крючком» для процесса над самим доносителем. Представленные источники раскрывают грани характера и образ жизни энергичного государственного деятеля и одного из основателей Екатеринбурга и ярко живописуют нравы времени, проникнутые трепетом перед системой политического сыска в XVIII в. Предлагаемые вниманию читателей тексты вновь возвращают нас к проблеме нравственного выбора, нормального и девиантного, к разговору об исторической обусловленности самого представления нормы (раздел *Origines*).

Завершают выпуск две рецензии. Первая – авторства *Михаила Акишина* (Новосибирский университет) о монографии В. В. Трепавлова и А. В. Белякова «Сибирские царевичи в истории России». Автор с академической дотошностью рассматривает качество изложения непростого материала, доказывая его актуальность и современные подходы. Незаслуженно забытая в российской филологии книга И. Гончарова «Фрегат Паллада» стала предметом анализа в кни-

ге английского исследователя Эдиты М. Божановской (Кембридж). Несомненные достоинства и некоторые неточности ее трактовок рассмотрены в рецензии *Джеймса Уайта* (Уральский федеральный университет). По мнению рецензента, монография должна способствовать появлению нового улучшенного перевода текста И. Гончарова на английский язык.

Анник Морар
(Университет Женевы, Швейцария);

Лариса Соболева, Дмитрий Редин
(Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия)

Список литературы

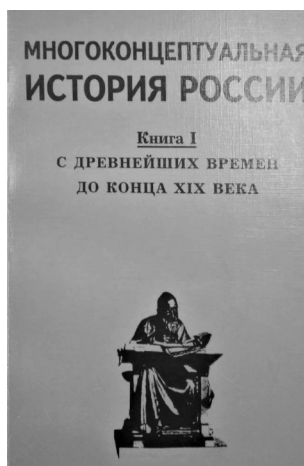
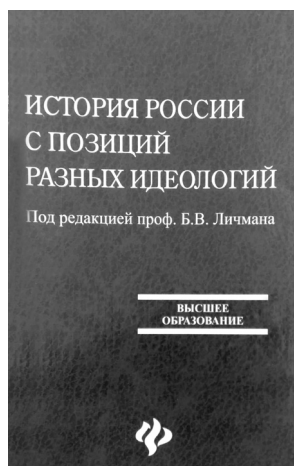
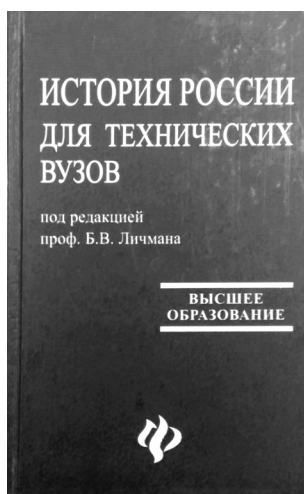
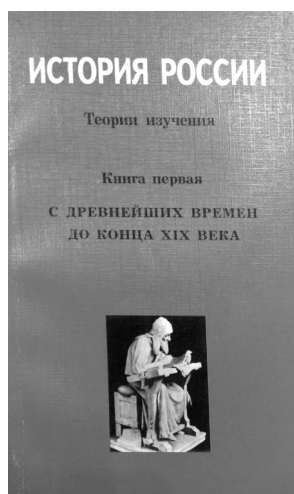
- Императрица Екатерина II*. О величии России. М. : ЭКСМО, 2003. 832 с.
Коллманн Н. Ш. Соединенные честью : Государство и общество в России раннего Нового времени. М. : Древлехранилище, 2001. 464 с.
 Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) : сб. ст. / под. ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 364 с.
Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1; Т. 6. 2018. № 2.

References

- Empress Ekaterina II (2003). *O velichii Rossii* [On the Greatness of Russia]. Moscow, EKSMO. 832 p.
 Kollmann, N. Sh. (2001). *Soedinennye chest'yu: Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni* [United by Honour: The State and Society in Russia in the Early New Time]. Moscow, Drevlekhranilishche. 464 p.
 Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). (2013). *Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) : sbornik statei* [The Phenomenon of Reforms in the West and East of Europe at the Beginning of the New Time (16th–18th Centuries). Collection of Articles]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 364 p.
Quaestio Rossica (2017, 2018). Vol. 5. No. 1. Vol. 6. No. 2.

Scientia
et vitae

DOI 10.15826/qr.2019.1.360

УДК 94(07)+371.64/.69+371.214+378-057.175:94

**«ПО ВОЛНАМ НАШЕЙ ПАМЯТИ...»:
ФОРМИРОВАНИЕ РАЗНОМЫСЛИЯ В УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ РОССИИ (УГТУ-УПИ, НАЧАЛО 1990-х гг.)***

Владимир Запарий

Владимир Камынин

Борис Личман

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“ON THE WAVES OF OUR MEMORY...”:
THE FORMATION OF DIFFERENCES OF OPINION
IN RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS (USTU-UPI, EARLY 1990s)**

Vladimir Zapary

Vladimir Kamynin

Boris Lichman

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

During perestroika and the post-perestroika period, teaching the history of Russia was characterised by difficulties of interpretation, which was especially true in technical higher educational establishments. The authors analyse the contribution of Ural historians to the process of teaching history as a multi-conceptual system. The authors share their doubts and arguments about the period in question and describe the process of interaction among the staff of different educational institutions. They refer to concepts from 18th-, 19th-, and 20th-century Russian schools of history, such as V. N. Tatishchev, N. M. Karamzin, S. M. Solovyov, V. O. Klyuchevskoy, M. N. Pokrovsky, L. N. Gumilyov, etc. As to their working hypothesis on the optimality of teaching, they single out several approaches to

* *Citation:* Zapary, V., Kamynin, V., Lichman, B. (2019). “On the Waves of Our Memory...”: The Formation of Differences of Opinion in Russian History Textbooks (USTU-UPI, Early 1990s). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 23–36. DOI 10.15826/qr.2019.1.360.

Цитирование: Запарий В., Камынин В., Личман Б. «По волнам нашей памяти...»: формирование разномыслия в учебниках истории России (УГТУ-УПИ, начало 1990-х гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 23–36. DOI 10.15826/qr.2019.1.360 / Запарий В., Камынин В., Личман Б. «По волнам нашей памяти...»: формирование разномыслия в учебниках истории России (УГТУ-УПИ, начало 1990-х гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 23–36. DOI 10.15826/qr.2019.1.360.

explaining the historical process. The political preferences of modern historians led to a number of interpretations of the universal historical approach, which perceives history as a unified process of the incremental development of peoples, i. e. liberal, Marxist, and technological. These interpretations were reflected in several textbooks published by the Department of History of USTU-UPI between 1992 and 2002. All of them rely on principles of equally respectful treatment, interpretations of Russian history and their presentation as part of an academic curriculum.

Keywords: history teaching methods; history textbooks; interpretation of the historical process; tolerance.

В ходе перестройки и в постперестроечный период в преподавании истории России, особенно в негуманитарных вузах, возникли проблемы интерпретации исторического процесса. Авторы анализируют вклад уральских историков в разработку преподавания истории как многоконцептуальной системы, делятся своими сомнениями и рассуждениями той поры, описывают процесс взаимодействия сотрудников разных учебных учреждений. За основу были взяты концепции различных российских исторических школ XIX–XX вв.: В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. Н. Покровского, Л. Н. Гумилева и др. В качестве рабочей гипотезы оптимальности преподавания были выявлены несколько вариантов подхода к объяснению исторического процесса. Политические предпочтения современных историков привели к различным трактовкам всемирно-исторического подхода, рассматривающего историю как единый процесс прогрессивного развития народов: либеральной, марксистской и технологической. Эти поиски были воплощены в ряде учебников, созданных в 1992–2002 гг. на кафедре истории УГТУ-УПИ. В них методикой донесения материала принимается принцип равно уважительного отношения к разным трактовкам российской истории и ее презентации в учебном процессе.

Ключевые слова: методика преподавания истории; учебники истории; интерпретация исторического процесса; толерантность.

Три десятилетия назад подавляющее большинство наших соотечественников мыслили единообразно, получая свои знания об истории страны из «единственно верного» учебника. В начале 1990-х гг. была осознана необходимость создания нового учебника, в котором внимание уделялось бы разным трактовкам исторического процесса.

Перестройка конца 1980-х – начала 1990-х гг. вызвала отторжение долгое время господствовавшей в исторической науке марксистской теории. Выпущенные ранее государственные учебники по истории для школ и вузов стали оцениваться научной общественностью негативно, а так как «правильных» учебников не было, то историю стали преподавать по нехарактерным источникам – произведениям шестидесятников, писателей, побывавших в ГУЛАГе, по запрещенным в советское

время работам инакомыслящих историков, публицистическим статьям из перестроечной периодики, работам дореволюционных историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и публиковавшимся в стране немногочисленным историческим сочинениям западных и эмигрантских авторов. Никто из преподавателей не знал, какой из многочисленных появившихся вариантов осмысления отечественной истории был «правильным». Понятно, что огромному большинству преподавателей, особенно негуманитарных вузов, был необходим алгоритм системного рассмотрения истории нового уровня.

Особенно много проблем возникло в технических вузах, где начиная с 1948 г. из исторических дисциплин преподавалась только история КПСС, изложенная ведущими историками партии в учебниках, созданных в 1970-е гг. Они отражали уровень официальной историко-партийной науки и дополнялись решениями очередного съезда партии. Реорганизация системы обществоведческого образования, проведенная в начале 1990-х гг., целью которой был отказ от преподавания общественных дисциплин, пропагандировавших марксистско-ленинское мировоззрение, поставила историков перед вопросом, что преподавать и как [Заболотный, Камынин, с. 95–100]. Были мнения, что надо вообще отказаться от преподавания истории в технических вузах или радикально заменить историю партии курсами «Человек и общество», «Мировые цивилизации», «Культурология» и т. п. Однако большая часть научной интеллигенции того времени, в том числе и технической, утверждала, что общество не знает своей подлинной истории, и нужно приложить усилия для ликвидации «белых пятен». Большинство преподавателей общественных наук относили историю к мировоззренческим дисциплинам и осознавали, что отказ от официальной идеологии может оказаться губительным для общества.

Рождение идеи

Во второй половине XX в. Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова (Свердловск, ныне Екатеринбург) был крупнейшим техническим вузом страны. На его десяти факультетах обучались 26 тыс. студентов, которые составляли образованную интеллектуальную элиту уральской молодежи. Его выпускники занимали многие ключевые места в управлении государством и промышленностью (председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг. Н. И. Рыжков, первый Президент России Б. Н. Ельцин и др.). Можно выделить целый ряд причин, обусловивших появление в 1992 г. на кафедре истории УГТУ-УПИ учебника нового поколения, рассчитанного на подготовку студентов технических специальностей.

Первая заключается в том, что преподаватели и студенты университета, находившегося на острие мирового научно-технического прогресса, всегда предъявляли к своим коллегам-гуманитариям высокие требования к подаче общественных дисциплин.

Нам представляется, что именно совместная научная и педагогическая деятельность технарей и гуманитариев стала тем катализатором, который сыграл решающую роль в процессе создания нового учебника. Еще в 1970-е гг. на факультете общественных наук (ФОН) был создан методический семинар, на котором происходила совместная работа преподавателей различных кафедр, позволявшая делать нетривиальные теоретические обобщения в общественных дисциплинах.

Во времена перестройки на ФОНе в рамках семинара царил настоящее научное и методическое творчество. Существовал тесный контакт с технической интеллигенцией вуза и региона, настроенной достаточно критично, но в то же время лояльно и конструктивно по отношению к существующему режиму. Именно техническая интеллигенция почувствовала опасность в ослаблении гуманитарной направленности образования. Она видела ущербность насаждавшегося мнения о возможности решения любых проблем с помощью технологий. Поэтому вполне закономерно, что ученый совет УГТУ-УПИ принял решение не о ликвидации кафедры истории КПСС, а о преобразовании ее в кафедру истории России.

Второй причиной, обусловившей появление новаторского учебника на этой кафедре, было то, что на протяжении десятилетий она была центром притяжения научных сил историков не только Урала. С 1962 по 1977 г. ею руководил профессор А. В. Бакунин, возглавлявший в течение 20 лет Всесоюзный проблемный совет Минвуза РСФСР «КПСС и научно-технический прогресс», который координировал научно-исследовательскую работу в стране по этому направлению исторической науки.

На кафедре царила творческая атмосфера. Заложенная А. В. Бакуниным традиция обсуждения наиболее перспективных проблем историко-партийной науки была продолжена позже, когда кафедру возглавили его ученики доценты Г. Н. Харин, ставший близким сподвижником Б. Н. Ельцина, и Б. В. Личман. В 1991 г. одной из первых в стране кафедра получила право чтения лекционного курса «История России с древнейших времен до наших дней» в техническом вузе.

Замысел и авторский коллектив

С введением лекционного курса «История России с древнейших времен до наших дней» потребовалось полностью изменить методику его преподавания, обновить и внедрить в учебный процесс целую систему новых учебно-методических программ обучения. Имевшиеся материалы исторических факультетов университетов по курсу истории страны были написаны с позиций марксистской методологии и морально устарели. Необходимо было выработать новый подход к преподаванию и изучению истории России в целом, учитывая техническую, инженерную направленность вуза.

Для разработки новой методики с 1991 г. уже непосредственно на кафедре стал работать теоретический семинар. К его деятельности были привлечены обществоведы и историки ведущих учебных и научных учреждений города. На теоретических семинарах формировалось толерантное отношение к разным историческим концепциям¹. Его участниками были в основном преподаватели возраста 25–35 лет. Многие из них в дальнейшем вошли в состав авторского коллектива нового учебника по истории России².

Особенностью учебника было то, что в нем было провозглашено равно уважительное отношение к разным историческим подходам. В процессе его создания возникла новая методика объяснения истории России с обязательным обращением к различным историческим концепциям. С обоснованием многоконцептуального подхода к объяснению российского исторического процесса выступил Б. В. Личман, ставший редактором нового учебника.

Со страниц учебника студентам объяснялось, что редукция марксистской методологией в объяснении истории привела к необходимости обращения различных интерпретаций исторического процесса. Уже в его первом издании, вышедшем в 1992 г.³, во вводной части говорилось о необходимости учета разных подходов: «В современной исторической науке сложилось две концепции исторического процесса: всемирно-историческая и культурно-историческая. Первая рассматривает историю как единый процесс прогрессивного развития народов. Вторая представляет историю как совокупность замкнутых циклов развития различных культур (цивилизаций)» [Курс лекций по истории России, с. 9].

¹ На теоретическом семинаре обсуждались концепции российских исторических школ прошлого и настоящего. В период кризиса марксистской методологии на рубеже 1980–1990-х гг. популярность набирала историческая концепция Л. Гумилева, у которого было опубликовано сразу несколько монографий по истории Евразии, написанных с позиций локального (культурно-исторического) подхода.

² Участники теоретического семинара и члены авторского коллектива учебника сегодня являются ведущими учеными, организаторами науки: С. П. Постников – ректор Уральского архитектурно-художественного университета; Д. В. Бугров – первый проректор Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; Д. А. Редин – заместитель директора по научной и инновационной работе Уральского гуманитарного института УрФУ; Р. Г. Пихоя – главный редактор журнала «Российская история»; И. В. Побережников – директор Института истории и археологии УрО РАН; С. А. Нефедов – главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; В. В. Запарий – заведующий кафедрой истории науки и техники Уральского федерального университета; В. Д. Камынин – профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета.

³ Тираж его составил 1000 экземпляров. Последующие два издания учебника публиковались в лучшей типографии региона «Уральский рабочий». Для публикации и распространения учебника в 1992 г. было создано ООО «Ника-92». Директором «Ники» стал ученый секретарь кафедры истории России К. Ж. Ирбе, помогла ему в распространении учебников, заведующая кабинетом кафедры истории России Л. С. Хромова. За 1992–2003 гг. было издано около 100 тыс. экземпляров учебника.

Перестройка возродила внимание к истории религиозной культуры. Для введения религиозной парадигмы в объяснение истории были приглашены профессора В. В. Скоробогатский (Уральский кадровый центр) и Д. В. Пивоваров (Уральский государственный университет). Во втором издании учебника, увидевшего свет в 1993 г., наряду с всемирной исторической и локально-исторической концепциями, студентам разъяснялась суть религиозной трактовки исторического развития (теория провиденциализма) [История России].

Непосредственно в процессе работы семинара кафедры была создана технологическая интерпретация исторического процесса. На теоретический семинар был приглашен кандидат исторических наук С. А. Нефедов, чьи разработки процесса заимствования научных изобретений Китая другими странами в контексте теории мирового прогресса органично вписывались в теорию конвергенции, критикованную в СССР в 1960–1980-е гг. Для нас, партийно-советских историков, это было новое видение. Существовавшее в мировой науке технико-технологическое объяснение всемирной истории, где детерминантой развития считались не отношение к собственности (в марксизме – общенародная, в либерализме – частная), а научные открытия в технике и технологии, стало для участников методического семинара поворотным. Идея, что технологические открытия во всех областях жизни человека, а затем их передача (диффузия), являются основным двигателем социального прогресса [Нефедов, Запарий, Личман, с. 36–39], для нас и особенно для наших коллег (представителей технических дисциплин) была близка и понятна.

Увлечение технико-технологическими открытиями подогревало интерес к истории Российского государства, делало ее доступной и понятной для инженерного образования. Проявлением этого стало создание в УГТУ-УПИ кафедры истории науки и техники, появившейся по предложению профессуры металлургического факультета и просуществовавшей почти два десятилетия. Деятельность этой кафедры стала заметным явлением в исторической науке и историческом образовании. Для лучшего понимания студентами ее сущности всемирно-историческая концепция была разделена на три интерпретации: марксистскую, либеральную и технологическую. Общими для всех трех интерпретаций стали идеи прогрессивного развития исторического процесса.

Следует отметить, что либеральная интерпретация истории, которая идентифицировалась с европоцентричным подходом, не просто входила в учебный процесс. Преподаватели, воспитанные на марксистском мировоззрении, воспринимали историю через изучение социума, а не интереса к личности. В советской историографии либеральные представления трактовались государственной идеологией как фальсификация истории.

Первый учебник по истории России, созданный в русле либеральной методологии, был привнесен извне и переведен с французского языка. Автором учебника «История советского государства.

1900–1991 гг.» был французский профессор Н. Верт. Издание вышло в 1992 г., и на его титуле был поставлен гриф Министерства образования, которое рекомендовало его к изучению в вузах. В 1995 г. увидел свет учебник уже российского автора И. Н. Ионова «Российская цивилизация, IX – начало XX в.», также написанный с позиций либеральной интерпретации истории. Он был тоже рекомендован Министерством образования, на сей раз для школ. Оба эти учебника дополняли друг друга, в их основе лежал цивилизационный подход к истории, но, написанные различными авторами, они не создавали целостного представления об особенностях развития России.

Авторский коллектив первого издания учебника состоял из преподавателей кафедры истории УГТУ-УПИ, кафедр истории УрГУ и других вузов Екатеринбурга, а также научных сотрудников Института истории и археологии УрО РАН. Учебник выдержал три издания (последнее вышло в 2002 г.). В совокупности за десятилетие их издания (1992–2002) он составил порядка 40 человек⁴.

Структура учебника нового поколения

Для всех изданий учебника при довольно сильном их различии было характерно то общее, что выделяло его среди других современных учебников отечественной истории. Главное его отличие состояло в наличии в нем теоретической части, которая называлась «Введение в многотеоретическое изучение истории». Ее сердцевиной был раздел «Теории исторического процесса в трудах российских историков и философов», где анализировались особенности исторических школ в объяснении событий российской истории: религиозный подход к объяснению прошлого – В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин; «государственная теория» С. М. Соловьева; либеральный подход В. О. Ключевского и его школы; марксистский – в трудах М. Н. Покровского, который он понимал как развитие «торгового капитала»; локальный (культурно-исторический) подход в работах Л. Н. Гумилева; технологический подход С. А. Нефедова.

Выработка методологии рассмотрения истории и написание учебника происходили одновременно, проходя проверку в студенческой аудитории. Первоначально учебник состоял из нескольких разделов: «Историческая традиция», «Государство и право», «Россия и мир», «Экономическое положение», «Культура и быт». В разделе «Историческая традиция» содержалась историография проблемы с выделением наиболее крупных работ, различавшихся своими интерпретациями исторических фактов. В остальных разделах излагались сами

⁴ Это были С. М. Верзилов, К. Ж. Ирбе, В. В. Лебедев, Б. В. Личман, И. Г. Носкова, И. В. Петухова, С. В. Рыбаков, А. А. Сафронов, Г. Я. Таратоненков, А. Ю. Шаламов, Ю. В. Величко, М. Е. Главацкий, В. Д. Камынин, Б. Б. Овчинникова, Н. Н. Попов, А. И. Прищепа, В. А. Козлов, М. И. Кондрашова, Л. Н. Мартюшов, В. В. Скоробогачкий, А. Н. Трифонов, Н. А. Миненко, С. П. Постников и др.

исторические факты. Однако чтение лекций студентам и практика семинарских занятий показали, что преподаватели, а также учащиеся отвергают данную структуру подачи материала.

Редактор и авторский коллектив понимали, что фактов истории без сопровождающей их интерпретации не бывает. Поэтому в последующих изданиях эти факты стали излагаться в логике каждого из исторических подходов. При таком принципе изложения необходимо было более подробно характеризовать теорию, использованную в анализе исторического процесса. Признание локального подхода как равноправного другим привело к необходимости ввести в учебник главы «Древние государства и движение народов (до X в.)», «Государство Золотая Орда (сер. XIII – сер. XV в.)» и «Государство Литовско-Русское (сер. XIII – сер. XVI в.)». Раздел 1 «Историческая традиция» в результате был перенесен в конец, переработан и значительно расширен. Теперь он стал называться «Теоретические материалы». Если в главе информация подавалась в логике определенного подхода, то в теоретических материалах ключевые факты истории объяснялись с позиций разных вышеуказанных подходов. В теоретические разделы учебника вошли методические сравнительные схемы теорий истории. Во «Введении» стал обязательным раздел «Правила многотеоретического изучения». Считаем необходимым привести их для всеобщего обозрения, так как они показывают основу изучения многоконцептуальной истории России.

Аргументировалось, что многоконцептуальное изучение истории направлено на самостоятельный научный поиск обучаемого, формируя его способность отстаивать выбранную (свою) теорию и понимание логики оппонента. Обращалось внимание, что прошлое соткано из множества исторических фактов, логически связанных и случайных.

В учебнике формулировались три главные направления изучения, обусловленные мировоззрением, целью исследования, характером источника. Сторонники религиозно-исторической теории смысл пребывания человека на Земле видят в движении его к Богу, в победе духовной составляющей над материальной, над плотскими страстями. Адепты всемирно-исторической теории видят смысл в стремлении человека к материальным благам, зависящим от общемирового прогресса. Те, кто придерживаются локально-исторических взглядов, считают смыслом жизни сохранение единства человека и среды обитания. Исходя из предмета исторического изучения, каждая теория предлагает свое понимание хода истории, определяет понятийный аппарат, создает историографию, предлагает выводы и делает прогноз на будущее. Критика одной теории с позиций другой некорректна.

Преподавание истории, утверждалось в новом учебнике, это объяснение исторического процесса, о чем надо заранее объявить учащимся, указав, в русле какой теории ведется изложение материала. Учащийся, отдав предпочтение одной из теорий, обязан знать и другие. При употреблении понятий («тоталитарная система», «командно-административная система», «социализм», «общественно-экономическая фор-

мация», «модернизация», «пассионарность», «способ производства») необходимо раскрытие того, какой теорией они коррелируются.

Многоконцептуальное изучение, используя общеизвестные исторические факты, обращается к новому фактическому материалу. Каждая теория выстраивает свою логику каузальности, выбирая из множества только необходимые факты. Представление историка о прошлом всегда строится в свете проблем, решаемых в его эпоху. Каждое новое поколение осмысливает факты прошлого в русле изменяющегося смысла жизни, отраженного в приведенных теориях. При изложении событийного материала необходимо избегать его модернизации, то есть механического переноса представлений современности на прошлое. Кроме того, недопустимо смешивать историческое пространство разных регионов. Исторический документ только воспроизводит или помогает реконструировать исторический факт. Теория поясняет события – факты прошлого, отраженные в исторических источниках. Документ в различных исторических теориях получает различные объяснения.

Во все основные вузы и техникумы страны были посланы письма с аннотацией содержания учебника и предложением его использовать. Дефицит новаторских разработок привел к получению множества заказов на учебник от Балтики до Сахалина. Он также поступил в книжные магазины Екатеринбурга, Челябинска, Перми и Москвы.

Учебник в школе

Многоконцептуальный учебник оказался востребованным и в школьном образовании. В середине 1990-х гг. в школах была введена двухуровневая система изучения истории: первый уровень – для младших классов, второй – для старших. На первом уровне изучалась событийная история, на втором – аналитическая история. Новых учебников для второго уровня не было. Поэтому сначала преподаватели школ очень активно как на Урале, так и в других регионах страны стали использовать наш учебник для вузов, что вызывало трудности в восприятии материала учащимися. В дальнейшем преподаватели Уральского педагогического университета доцент А. И. Богатырев и профессор Г. Е. Корнилов в методическом пособии для школ адаптировали учебник ко второму уровню изучения истории России [Богатырев, Корнилов, с. 4–8].

Площадкой для апробации школьного курса истории и методики многоконцептуального преподавания стал Специализированный учебно-научный центр (СУНЦ) УрГУ. В его гуманитарном классе профессор В. Д. Камынин в 1992–2002 гг. апробировал материалы учебника. На базе СУНЦа в течение целого ряда лет проводился постоянно действующий методический семинар для учителей истории школ города и Свердловской области.

Продолжением этой работы стало написание и издание учебника для школ и техникумов по истории Урала [История Урала:

XX век; История Урала с древнейших времен]. Учебник был создан с соблюдением всех стандартов, но, помимо этого, имел методические материалы по образцу вузовского учебника по истории России, был хорошо иллюстрирован. В дальнейшем были подготовлены и изданы учебные пособия по истории Урала для шестых-десятых классов, которые были рекомендованы для использования в школах Уральского региона.

На распространение в учебных заведениях страны методики многоконцептуального изучения истории повлияла победа во всероссийском конкурсе вузовских учебников по истории России в 2000 г. Принцип преподавания истории России как многоконцептуальной дисциплины был признан официально и рекомендован в 2001 г. Министерством образования РФ к внедрению⁵.

Рекомендация Министерством образования РФ учебников с разными мировоззренческими историческими интерпретациями была следствием государственной политики в области исторического образования, которое ускоряло процесс демократизации страны – создания полноценного гражданского общества, имеющего разные мировоззрения, формирования идейной толерантности этого общества.

Высокая востребованность нового учебника побудила разместить его в сети Интернет. В 2001 г. был создан иллюстрированный сайт «История России» – первое онлайн-пособие такого рода. Сайт приобрел большую популярность: среднемесячное число обращений вскоре достигло 50 тыс. Различные институты и региональные ресурсные центры стали по своей инициативе копировать сайт и размещать его на своих серверах (например, в Дагестане и в Удмуртии). Затем этому примеру последовали многие частные студенческие порталы (*Webfile*, *Book-mir* и др.). Даже отдельные студенческие группы стали заводить свои сайты и копировать на них нашу «Историю России» (например, сайт группы 03-СТ). Популярность сайта отмечалась во многих аналитических обзорах [Афанасьева] и на образовательных порталах⁶.

Нельзя не упомянуть о многочисленной корреспонденции, приходившей в то время на адрес сайта «История России». Обычно это были просьбы российских студентов о присылке учебника. Но встре-

⁵ До этого Министерство образования РФ рекомендовало учебники с разными историческими подходами: либеральным – 1992 г. [Верт], 1995 г. [Ионов], локальным – 1996 г. [Гумилев], марксистским – 1998 г. [Мунчаев, Устинов].

⁶ Федеральный портал «Российское образование»; Российский образовательный портал; сайт Федерации интернет-образования «Учитель.ru»; Российский гуманитарный интернет-университет; Московский центр интернет-образования «В помощь учителю»; Каталог педагогических интернет-ресурсов. Учебник под ред. Б. В. Личмана рекомендуют также и некоторые иностранные порталы, в том числе *World Wide Web Virtual Library*, *Universitateade Statdin Moldova* и русскоязычный «Глобус Израиль». Сейчас прежние сайты ликвидированы или трансформированы в новые. Часть из них содержат материалы данного учебника. В настоящее время он представлен на полусотне различных учебных сайтов и библиотек.

чаются и письма, пришедшие издалека. Вот, например, одно из них: «Уважаемый профессор Борис Васильевич Личман. Я студент русского языка (так у автора. – В. З., В. К., Б. Л.), недавно нашел в Интернете Вашу книгу “История России” в двух томах. Мне очень интересно связаться с Вами, получить эту книгу. Я хочу приобрести этот материал. Напишите мне, как это возможно сделать? Спасибо большое. Хуан Карлос Мощано, г. Розарио, Аргентина» (цит. по: [Запарий, с. 6–7]).

Следует сказать, что многоконцептуальный учебник истории породил целое поколение других изданий, более современных и отвечающих современным запросам исторического образования. На Урале появилось научное направление, занимающееся воплощением в историческое образование принципа многоконцептуального изучения истории России [Камынин, с. 81–87]. Его представителями издаются специальные научные труды и учебные пособия, в которых эта методика применяется либо к рассмотрению отдельных проблем или отраслей научного знания [Многоконцептуальность в науке], либо ко всему курсу истории России [Тертышный, Трофимов].

Подводя итоги, следует отметить, что перестройка общества и государства вызвала к жизни и кардинальные преобразования в исторической науке и образовании, стремление к поиску новых теоретических концепций, объясняющих исторический процесс. Для своего времени этот подход к изучению истории был революционным. В условиях, когда социальные идеи были признаны утопиями и возобладавал технологический скептицизм в большой массе технической интеллигенции, многоконцептуальная интерпретация сыграла свою роль в переходе технической интеллигенции от «единственно правильного» марксистского понимания исторического процесса к многовариантному, к формированию в обществе в целом толерантного отношения к иным идеям и теоретическим платформам. Уральские историки вызвали к жизни это теоретическое направление современной исторической науки, которое заняло достойное место в ряду других методик и теорий. И хотя многоконцептуальная интерпретация не стала главенствующей в образовании, учебник применим для обучения студентов исторических, политологических или философских специальностей, откликающихся на наличие разномыслия в современном российском обществе.

Список литературы

Афанасьева Л. П. Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник : [интернет-журнал]. 2003. № 9. С. 1–29. URL: http://www.nivestnik.ru/2003_1/14.shtml (дата обращения: 12.02.2018).

Бережная Л. А. Результаты анкетирования по проблемам преподавания истории Российской империи в вузах // Саратовский межрегиональный институт развития общественных наук : [официальный сайт]. URL: http://mion.sgu.ru/empires/textbook/at_seminars_ru/id/433193.html (дата обращения: 12.02.2018).

Богатырев А. И., Корнилов Г. Е. Методика многоконцептуального подхода к изучению истории: к вопросу о методологических проблемах школьного исторического образования в России на рубеже XX–XXI веков // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий : Четвертые всерос. ист.-пед. чтения. Екатеринбург : УрГПУ ; Банк культурной информации, 2000. С. 4–8.

Верт Н. История советского государства 1990–1991. М. : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

Гумилев Л. Н. От Руси до России : Очерки по русской истории. 8–11 кл. : пособие для общеобразоват. учеб. заведений / под ред. А. М. Панченко. М. : Дрофа ; Наталис, 1996. 362 с.

Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2004. 208 с.

Запарий В. В. Видный российский ученый и педагог высшей школы : (К 65-летию заслуженного работника высшей школы РФ, профессора, доктора исторических наук Бориса Васильевича Личмана) // Многоконцептуальность в науке : материалы междунар. науч. конф., посв. 65-летию проф. Б. В. Личмана / под ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. С. 4–10.

Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – начало XX в. : учеб. кн. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. М. : Просвещение, 1995. 319 с.

История России : Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. Б. В. Личмана. Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 1993. 333 с.

История Урала : XX век : учебник для общеобразоват. заведений : в 2 кн. / под ред. проф. Б. В. Личмана и проф. В. Д. Камынина. Екатеринбург : СВ-96, 1996. Кн. 2. 387 с.

История Урала с древнейших времен до конца XIX века : учебник : в 2 кн. / под ред. акад. Б. В. Личмана. Екатеринбург : СВ-96, 1998. Кн. 1. 439 с.

Камынин В. Д. Влияние парадигмы многоконцептуальности на уральских ученых на рубеже XX–XXI вв. // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. 2016. № 1 (34). С. 81–87.

Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / под. ред. проф. Б. В. Личмана. Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 1992. 323 с.

Многоконцептуальность в науке : материалы междунар. науч. конф., посв. 65-летию проф. Б. В. Личмана / под ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 443 с.

Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России : учебник для вузов. М. : Культура и спорт ; ЮНИТИ, 1998. 487 с.

Нефедов С. А., Запарий В. В., Личман Б. В. Технологическая интерпретация новой истории России // Урал. 1999. № 12. С. 36–39.

Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2005. 576 с.

References

Afanas'eva, L. P. (2003). Internet dlya istorika: musornaya korzina ili kladez' mudrosti? [The Internet for a Historian: A Trash Can or a Storehouse of Wisdom?]. In *Novyi istoricheskii vestnik* [internet-journal]. No. 9, pp. 1–29. URL: http://www.nivestnik.ru/2003_1/14.shtml (mode of access: 12.02.2018).

Berezhnaya, L. A. (N. d.). Rezul'taty anketirovaniya po problemam prepodavaniya istorii Rossiiskoi imperii v vuzakh [The Results of a Survey on the Issues of Teaching the

History of the Russian Empire at Universities]. In *Saratovskii mezhtseleobrazovatel'nyi institut razvitiya obshchestvennykh nauk* [official website]. URL: http://mion.sgu.ru/empires/textbook/at_seminars_ru/id/433193.html (mode of access: 12.02.2018).

Bogatyrev, A. I., Kornilov, G. E. (2000). Metodika mnogokontseptual'nogo podkhoda k izucheniyu istorii: k voprosu o metodologicheskikh problemakh shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov [Methods of a Multi-conceptual Approach to the Study of History: On the Methodological Problems of School History Education in Russia at the Turn of the 21st Century]. In *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie na rubezhe XX–XXI stoletii: Chetvertye vsrossiiskie istoriko-pedagogicheskie chteniya*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 4–8.

Gumilyov, L. N. (1996). *Ot Rusi do Rossii. Ocherki po russkoi istorii. 8–11 klassy: posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii* [From Russia to Russia. Essays on Russian History. Forms 8–11. A Textbook for Comprehensive Secondary Schools] / ed. by A. M. Panchenko. Moscow, Drofa, Natalis. 362 p.

Ionov, I. N. (1995). *Rossiiskaya tsivilizatsiya, IX – nachalo XX v.: uchebnaya kniga dlya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Civilization, 9th – Early 20th Centuries. Textbook for Grades 10–11 of Comprehensive Secondary Schools]. Moscow, Prosveshchenie. 319 p.

Kamynin, V. D. (2016). Vliyanie paradigmy mnogokontseptual'nosti na ural'skikh uchennykh na rubezhe XX–XXI vv. [The Influence of the Multi-conceptual Paradigm on Ural Scholars at the Turn of the 21st Century]. In *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. No. 1 (34), pp. 81–87.

Lichman, B. V. (Ed.). (1992). *Kurs lektsii po istorii Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [A Course of Lectures on the History of Russia from Ancient Times to the Present Day]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 323 p.

Lichman, B. V. (Ed.). (1993). *Istoriya Rossii. Kurs lektsii po istorii Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of Russia. A Course of Lectures on the History of Russia from Ancient Times to the Present Day]. Ed. 2, New and Updated. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 333 p.

Lichman, B. V. (Ed.). (1998). *Istoriya Urala s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka. Uchebnik v 2 kn.* [The History of the Urals. 20th Century. 2 Books]. Yekaterinburg, SV-96. Book 1. 439 p.

Lichman, B. V., Kamynin, V. D. (Eds.). (1996). *Istoriya Urala: XX vek. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh zavedenii v 2 kn.* [The History of the Urals from Ancient Times to the Late 19th Century. 2 Books]. Yekaterinburg, SV-96. Book 2. 387 p.

Munchaev, Sh. M., Ustinov, V. M. (1998). *Istoriya Rossii. Uchebnik dlya vuzov* [Russian History. University Textbook]. Moscow, Kul'tura i sport, YuNITI. 487 p.

Nefedov, S. A., Zapary, V. V., Lichman, B. V. (1999). Tekhnologicheskaya interpretatsiya novoi istorii Rossii [Technological Interpretation of the New History of Russia]. In *Ural*. No. 12, pp. 36–39.

Tertyshnyi, A. T., Trofimov, A. V. (2005). *Rossiiskaya istoriya: modeli izmereniya i ob'yasneniya* [Russian History: Models of Measurement and Explanation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 576 p.

Vert, N. (1992). *Istoriya sovetskogo gosudarstva 1990–1991* [The History of the Soviet State 1990–1991]. Moscow, Progress, Progress-Akademiya. 480 p.

Zabolotnyi, E. B., Kamynin, V. D. (2004). *Istoricheskaya nauka Rossii v kontse XX – nachale XXI veka. Uchebnoe posobie* [Historical Studies of Russia in the Late 20th – Early 21st Centuries. A Tutorial]. Tyumen', Izdatel'stvo Tyumenskogo universiteta. 208 p.

Zapary, V. V. (2011). Vidnyi Rossiiskii uchenyi i pedagog vysshei shkoly (K 65-letiyu zasluzhennogo rabotnika vysshei shkoly Rossiiskoi federatsii, professora, doktora istoricheskikh nauk Borisa Vasil'evicha Lichmana [Prominent Russian Scholar and Teacher of Higher Education. For the 65th Birthday of Boris Vasilyevich Lichman, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of History]. In Zapary, V. V. (Ed.). *Mnogokontseptual'nost' v nauke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 65-letiyu professora B. V. Lichmana*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 4–10.

Zapary, V. V. (Ed.). (2011). *Mnogokontseptual'nost' v nauke: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 65-letiyu professora B. V. Lichmana* [Multi-conceptuality in Scholarship. Proceedings of the International Scholarly Conference for the 65th Birthday of Professor B. V. Lichman]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 443 p.

The article was submitted on 12.12.2018

Problema voluminis

THE AGE OF GREAT REFORMS: THE SUCCESS OF INNOVATION AND THE COLLAPSE OF ILLUSIONS

BODILY IMPERFECTION AND WORLD DISHARMONY

И. Тюрин. Портрет
Александра II.
Конец 1860-х
I. Tyurin. Portrait by
Alexander II. Late 1860s

Н. В. Муравьев.
Фото 1902 г.
N. V. Muravyev.
Photograph taken
in 1902

Неизвестный
художник. Портрет
К. П. фон Кауфмана.
2-я пол. XIX в.
Unknown artist.
Portrait of K. P. von
Kaufmann. 2nd Half
of the 19th Century

Ф. Крюгер. Портрет
Николая I. 1852
F. Krüger. Portrait by
Nicholas I. 1852

Problema voluminis

ВЕК ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: УСПЕХ СОЗИДАНИЯ И КРАХ ИЛЛЮЗИЙ
ТЕЛЕСНОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО И МИРОВАЯ ДИСГАРМОНИЯ

THE AGE OF GREAT REFORMS: THE SUCCESS OF INNOVATION AND THE COLLAPSE OF ILLUSIONS

DOI 10.15826/qr.2019.1.361

УДК 94(470)"18"+929Николай(470)*1+323.325+351/354

НА ПУТИ К РЕФОРМЕ: ВОПРОС О КАЗЕННЫХ КРЕСТЬЯНАХ В СЕКРЕТНЫХ КОМИТЕТАХ НИКОЛАЕВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ*

Татьяна Андреева

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ON THE PATH TO REFORM: THE STATE PEASANT QUESTION IN THE SECRET COMMITTEES OF NICHOLAS I

Tatiana Andreeva

St Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article considers the background of state peasant reform, its ideological sources, and practical outcome. The Great Reforms are not described as a single act but as a long process reflecting the complex character of Russian modernisation. With reference to previously unstudied documents, both official and private, the author analyses Nicholas I's policy regarding the peasant question. It was based on the principle of gradual social change and the rejection of a single abrupt abolition of serfdom. It also focused on laying the foundations for future emancipation. The committees of 6 December 1826 and 1828 maintained the idea of a complex reform based on transforming the management of state peasants through a gradual and controlled change of their status. The committee of 1835 also drafted a programme of changes in state-owned villages. The author regards the reform of state peasants as a comprehensive process reflecting the

* *Citation:* Andreeva, T. (2019). On the Path to Reform: The State Peasant Question in the Secret Committees of Nicholas I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 39–54. DOI 10.15826/qr.2019.1.361.

Цитирование: Andreeva T. On the Path to Reform: The State Peasant Question in the Secret Committees of Nicholas I // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 39–54. DOI 10.15826/qr.2019.1.361 / Андреева Т. На пути к реформе: вопрос о казенных крестьянах в секретных комитетах николаевского царствования // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 39–54. DOI 10.15826/qr.2019.1.361.

progressive character of the social and economic development of Russia: it was aimed at rationalising income-generating systems of land management and use, taxation, and the administration of state-owned villages. Despite the differences between the drafts worked out by the secret committees of 1826, 1828, and 1835, they can be characterised by certain similarities, i. e. their strategic aims (the strengthening of the Russian state). Thus, they included the development of the legal status of state peasants and state control of all the spheres of their lives. The article pays close attention to the model of the two-pronged reform formulated by M. M. Speransky and perfected by P. D. Kiselev. Although the methods proposed to solve the peasant question did not rely on the peasant population, they were aimed at eliminating the extreme features of serfdom, thus illustrating the desire of the autocratic government to nurture bourgeois social relations. The official reform of the agrarian sphere of the second half of the 1820s and the early 1830s was characterised by its consecutive incremental nature and the modernisation of the social structure and state management at the central and local levels.

Keywords: state peasantry; governmental policy; secret committees of 1826, 1828, 1835; Nicholas I; M. M. Speransky; P. D. Kiselev; E. F. Kankrin; A. B. Kurakin.

Рассматриваются предыстория реформы государственных крестьян, ее идейные истоки и практический результат. Великая реформа предстает не одномоментным актом, а длительным процессом, отражавшим сложный характер российской модернизации. Политика Николая I по крестьянскому вопросу представлена на основании анализа и введения в научный оборот важнейших источников официального и личного происхождения. Она базировалась на принципе постепенности социальных изменений и на отрицании единовременного и резкого уничтожения крепостного права, была направлена на подготовку условий для будущей эмансипации. В основе работы комитетов 6 декабря 1826 г. и 1828 г. была идея о двуединой реформе, идущей от преобразований устройства и управления государственными крестьянами к постепенному и контролируемому государством сближению с ними положения помещичьих крестьян. Разработкой ее первой части, то есть программы преобразований в казенной деревне, занимался также Комитет 1835 г. Автор видит реформу государственных крестьян как целостный процесс, отражавший поступательный характер социально-экономического развития России и направленный на формирование рационализированных доходных систем землеустройства, землепользования, налогообложения, а также административного управления казенной деревней. При всех особенностях и отличительных чертах проектов реформы, разрабатываемых в секретных комитетах 1826, 1828, 1835 гг., прослеживается единство как их стратегической цели (укрепление российской государственности), так и тактических установок ее достижения. Они включали развитие правового статуса государственных крестьян, контроль со стороны государства над всеми сферами их жизни. Особое внимание уделено модели двуединой реформы, теоретически проработанной М. М. Сперанским и усовершен-

ствованной П. Д. Киселевым. И хотя методы решения крестьянского вопроса в политике Николая I исключали опору на крестьянское население, тем не менее, она была направлена на уничтожение крайних черт крепостного права и олицетворяла стремление верховной власти к формированию буржуазных социальных отношений. Официальное реформаторство в аграрной сфере второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. носило последовательный взаимосвязанный характер и являлось составной частью модернизации социального строя и государственного управления России центрального и местного уровня.

Ключевые слова: казенное крестьянство; правительственная политика; секретные комитеты 1826, 1828, 1835 гг.; Николай I; М. М. Сперанский; П. Д. Киселев; Е. Ф. Канкрин; А. Б. Куракин.

Главная цель преобразований в казенной деревне, их значение в решении проблемы крепостничества определяются и оцениваются в современной историографии по-разному. По мнению И. А. Христофорова, «смысл киселевской реформы, совпадающей с доктриной “упорядоченного полицейского государства”», был в «улучшении через регламентацию и контроль». Поэтому целями и одновременно средствами реформы в казенной деревне «оказывались рационализация и регламентация их жизни: не только повинностей перед государством, но и условий хозяйствования, быта, даже нравственности» [Христофоров, с. 35, 50]. И. В. Ружицкая считает, что основной смысл реформы заключался в подготовке предпосылок для решения проблемы крепостничества. Однако в ходе обсуждения плана реформы «прогрессивные черты первых проектов все более сглаживались. В итоге реформа свелась преимущественно к изменениям административного порядка». Главная же ее цель – «показать помещикам преимущества свободного состояния земледельцев – не была достигнута» [Ружицкая, с. 121, 126]. Н. В. Дунаева полагает, что Министерство государственных имуществ «не достигло главной цели, ради которой создавалось, – остановить рост задолженности казенных крестьян по сбору оброчной подати и обеспечить ее бесперебойное поступление в казну» [Дунаева, с. 56].

В этой ситуации важное значение приобретают концептуально-идейная основа, социально-политические предпосылки и проективно-законодательные истоки реформы.

Актуализация крестьянского вопроса (1826 – начало 1830-х гг.)

В начале царствования Николая I крестьянский вопрос, под которым понимался весь комплекс проблем, связанных не только с отменой крепостного права, но и с его ограничением и смягчением, приобрел государственное и общественно-политическое значение,

обусловленное несколькими основными причинами. «Наступление» на крепостное право, которое предпринял новый император, было связано с необходимостью укрепления абсолютистской государственности, ослабленной кризисом междоусобия и военными выступлениями конца 1825 – начала 1826 г. Это достигалось модернизацией сословного строя страны в тесной связи с усовершенствованием управления центрального и местного уровня. Так формировалась программа взаимосвязанных реформ в социальной и административной сферах.

Необходимость решения крестьянского вопроса была обусловлена и важностью создания эффективной доходной системы сельского хозяйства, напрямую связанной с социально-экономическим развитием страны. О том, что Николай I считал крепостное право тормозом для расширения товарно-денежных отношений и народной промышленности, имеется опосредованное свидетельство А. О. Смирновой-Россет. В одной из бесед с ней в 1839 г. император как-то сказал:

Как мне ни пели бы о том, что крепостное право было полезно с экономической точки зрения, это неправда; оно вбило гвоздь, который сидит в русской коже и давит на меня как несправедливость, которую я лишь терплю (цит. по: [Смирнова-Россет, с. 63]).

Волнения казенных и помещичьих крестьян, активизировавшиеся после восстания декабристов и связанные со слухами «о вольности, об уничтожении дворян», также заставляли власть обратить внимание на крестьянский вопрос. В связи с этим руководители III отделения в первых отчетах императору подчеркивали, что государственные крестьяне желают утверждения их устройства и управления на основании законов, а не на произволе коронных чиновников и введении податей, соразмерных доходу с земли и промыслов. Помещичьи же уповают на то, что верховная власть вскоре сделает их положение схожим с казенным, а затем освободит [Ежегодные отчеты, с. 143, 146, 149, 152–153].

Международный авторитет России, ее возросшие политические и экономические связи также обуславливали необходимость создания стабильной прогрессивной социальной структуры, которая обеспечила бы развитие страны в кругу ведущих европейских государств. Об этом в конце 1826 г. писал Николаю I В. П. Кочубей:

Для России, сделавшей в течение столетия громадные успехи в цивилизации и занявшей подобающее место среди других европейских государств, является существенная необходимость согласовать все ее институты с настоящим положением (цит. по: [Николаенко, с. 572]).

Осознание необходимости гражданской свободы, невозможности исходя из норм христианской морали одному человеку быть «недви-

жимой собственностию» другого, было характерно не только для дворянских интеллектуалов, но и для императора, который подчеркивал:

Крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, не может считаться собственностью, а тем менее вещью [НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 51. Л. 2 об.].

Таким образом, в основании намерения Николая I начать «процесс против рабства» лежали как объективный, так и субъективный факторы. По свидетельству П. Д. Киселева, Николай Павлович в 1854 г. говорил ему: «Три раза начинал я это дело и три раза не мог продолжить: видно, это перст Божий» [Из истории раскрепощения, с. 262]. Действительно, в правительственной политике по «крестьянскому делу» в николаевское царствование существовали три периода, связанных с деятельностью шести основных секретных комитетов. Причем в первые два периода (1826–1832 и 1835–1836) работали три важнейшие из них, которые заложили основание реформе государственных крестьян.

Модель двуединой реформы в Комитете 6 декабря 1826 г.

Первым секретным комитетом николаевского царствования, в работе которого важное место занимал вопрос о казенных крестьянах, был Комитет 6 декабря 1826 г., названный по дате его основания. В него входили В. П. Кочубей (председатель), И. В. Васильчиков, А. Н. Голицын, П. А. Толстой, И. И. Дибич, М. М. Сперанский. Усовершенствование высшей и центральной администрации, на которое вначале было направлено все внимание комитета, оказалось, по мнению его членов, теснейшим образом связано с преобразованием местного управления, и прежде всего в казенной деревне.

На заседании 25 апреля 1827 г. данный вопрос актуализировал лично Николай I. С этого момента вопрос о казенной деревне стал одним из центральных в деятельности комитета. 31 августа его члены ознакомились с аналитической запиской «О крепостном состоянии в России» Сперанского, в которой рассматривалась история крепостного права и предлагалась модель двуединой реформы: проведение преобразований в государственной деревне, которые должны были стать примером для реформы частновладельческих крестьян [Сперанский, с. 478].

Отдавая должное достоинствам записки, участники обсуждения постановили, что после подробного и внимательного изучения работы Сперанского следует вновь рассмотреть на общем собрании комитета. Результатом повторного обсуждения (19 и 28 сентября 1827 г.) стало принятие важнейшего положения о двуединой реформе как пути решения проблемы крепостничества. Предполагалось, что просвещенные помещики, «видя порядок и благоденствие в казенных

селениях», вскоре последуют «примеру правительства», а «упорных и нерассудительных надо принудить сообразовать свои поступки с действиями прочих и подчинять свои частные интересы государственным» [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3]. Таким образом, были выдвинуты две основные тактические установки правительственной преобразовательной политики в отношении крестьянского вопроса. Реформа в казенной деревне должна была стать только подготовительным, переходным этапом важнейших преобразований в помещичьей. Для реализации последних правительство намеревалось использовать насильственный способ вовлечения в реформаторский процесс большинства консервативного поместного дворянства.

Поскольку реформа в государственной деревне имела общегосударственное значение, было принято решение создать «особую комиссию», главной задачей которой определялось рассмотрение всех проектов по данному вопросу и представление Комитету 6 декабря 1826 г. аналитических материалов для общего проекта преобразований [Журналы заседаний, с. 171–175].

Усовершенствование управления казенными крестьянами: проект Комитета А. Б. Куракина

Комитет «для рассмотрения предположений и составления проекта устава об управлении казенных крестьян» во главе с князем А. Б. Куракиным был создан 20 апреля 1828 г. и состоял из бывшего рижского генерал-губернатора О. О. Дюгамеля, директора Департамента государственных имуществ Министерства финансов Я. А. Дружинина, сенаторов В. В. Филатьева и Ф. А. Львова.

По высочайшему повелению комитет должен был рассмотреть проект бывшего министра финансов Д. А. Гурьева «О новом порядке управления и устройства казенных селений» (1824). В нем предлагалось предоставить крестьянам право семейной аренды казенных земель, установить оброчную подать с земли, а не с душ, переселять их из малоземельных губерний в многоземельные. Основная идея проекта состояла в изменении формы землепользования. Общинное владение землей преобразовывалось в индивидуально-семейственное в виде наследственной аренды [Дружинин, с. 154].

Проект усовершенствования управления казенными поселянами в рамках Министерства финансов и по модели Удельного ведомства в начале царствования Николая I выдвинул и министр финансов Е. Ф. Канкрин. Проект был реализован. Согласно «Положению о распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных крестьян» от 24 июня 1826 г., новая модель управления вводилась в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях. Здесь государственные крестьяне изымались из ведения губернского правления и переподчинялись особым округам во главе с окружными комиссарами Министерства финансов. Административного статуса в отношении

к ним лишались губернаторы и земские власти – полиция, исправники и суды [ПСЗ-2, т. 1, № 423].

Основная цель «Положения» состояла в упорядочении государственных налогов путем сосредоточения управления казенными поселянами в одном ведомстве, а также закрепления традиционного общинного землепользования. Министр полагал, что переход от общинного к индивидуально-семейному землепользованию и развитие аренды казенных земель приведут к обезземеливанию основной массы казенных крестьян и их пауперизации. Подчиненными задачами преобразования 1826 г. ставились усиление правительственного контроля над деятельностью местной администрации, ограждение крестьян от произвола и злоупотреблений чиновников. В силу этого данный эксперимент мог иметь вполне положительные результаты.

Для разработки дальнейших шагов по реализации реформы Комитету 1828 г. предписывалось «рассмотрение опыта преобразований» в казенной деревне Санкт-Петербургской и Псковской губерний. Специальная записка, составленная А. Б. Куракиным, включала анализ проекта Гурьева и «нового управления» государственными крестьянами по модели Удельного ведомства. С точки зрения председателя Комитета 1828 г., «утверждение частного, а не общинного землепользования» подготовит крестьян к предоставлению им без социальных потрясений гражданских прав, соответствующих их «месту и назначению в гражданском обществе». Однако приведение в действие проекта Гурьева, с точки зрения рецензента, было возможно только после постепенной идеологической и экономической подготовки. Важнейшее препятствие для форсированной его реализации Куракин видел в том, что введение индивидуально-семейного землепользования неминуемо приведет к разделению крестьян на два класса – домохозяев и наемных работников. Причем численность последних будет быстро возрастать [НИ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 211а. Л. 3–3 об., 41–51 об.].

Чтобы избежать этого, Куракин вслед за Гурьевым предлагал провести переселение казенных крестьян, имеющих многочисленные семьи, из малоземельных губерний в те места, где есть «много пустопорожной земли». Переселяемых наделять «нераздробляемыми участками» по 30 десятин на правах «бессрочного наследственного владения». При этом как в переселяемых, так и в остающихся деревнях предлагалось ввести вместо подушной подати поземельную оброчную подать. Настоятельная необходимость обработки больших земельных территорий диктовала Куракину идею о предоставлении переселенцам права нанимать работников и даже покупать крепостных [Там же. Л. 12–17]. Таким образом, для решения крестьянского вопроса в государственной деревне предлагалось использовать противоречащие друг другу принципы: буржуазный принцип частной земельной собственности в виде бессрочного наследственного владе-

ния (секвестра), поземельной подати и аренды, а также феодальный принцип расширения крепостнических прав.

Что же касается «нового управления» казенными поселянами, то Куракин, считая «правила», действовавшие в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях, вполне приемлемыми, предлагал учредить окружные правления. Созданные «для надзора и попечительства» в судебной и полицейской сферах, они должны были «подчинить крестьян наравне со всеми общим законам и присутственным местам». Причем именно переселение следовало использовать «для опытов и постепенного введения нового устройства в управлении и в самом гражданском существовании крестьян казенных». Для этого необходимо было создать «особую комиссию» в губерниях во главе с генерал-губернатором, в ведении которой находились бы четыре губернии (две малоземельные и две многоземельные) и деятельность которой была бы под контролем Комитета 1828 г. [Там же. Л. 17 об.–19].

Несмотря на работу особых комиссий, Комитет 6 декабря 1826 г. оставался центром обсуждения крестьянского вопроса, в том числе преобразований в казенной деревне. Поэтому все проблемы, связанные с подготовкой реформы государственных крестьян, были перенесены в него, а работа Комитета Куракина 25 ноября 1828 г. была на этом закончена. По высочайшему повелению 9 декабря того же года его записка была внесена в Комитет 6 декабря 1826 г. и обсуждалась на его заседаниях 16 и 19 декабря 1828 г. При рассмотрении данного документа идея о предоставлении переселяющимся казенным крестьянам права приобретать «крепостных работников» вызвала резкое неприятие. По мнению членов комитета, это противоречило не только фундаментальным государственным законам и намерениям императора, но и «человеческим правилам». Более того, это привело бы не к уменьшению, а к увеличению числа крепостных. Одновременно с этим было признано нецелесообразным и предложение о создании «особой комиссии» под контролем Комитета 1828 г. [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 44. Л. 20–24]. Однако главную мысль проекта Куракина о необходимости переселения крестьян из малоземельных губерний в многоземельные члены Комитета 6 декабря 1826 г. признали «верной» и предлагали постепенно подготавливать почву для этих мероприятий [Там же. Л. 25–26].

На рассмотрение Комитета 6 декабря 1826 г., 23 и 26 декабря 1828 г., 4 и 8 января 1829 г. была предложена записка М. М. Сперанского, в которой сравнивались проекты Гурьева и Куракина. По мнению автора, «в существе своем они одинаковы», а отличия сводятся лишь к способу и времени исполнения, «но сия разница весьма незначительна». И хотя первый проект, по мнению Сперанского, исполнить трудно, но если бы он был выполнен, то «решил бы дело в самом его основании. Казенные крестьяне навсегда стали бы состоянием действительно государственным». Второй же, если бы и был реализован, то «польза его была бы только частная», поскольку «устройство

состояний и управление суть два предмета разные, бедности и мало-земелью никакое местное управление пособить не может».

В отношении проекта Гурьева у Сперанского было еще «одно возражение». Реформатор подчеркивал, что государственные крестьяне всегда считали свои земли общественными, а «не лицам и семействам принадлежащими». Поэтому преобразование общественного землепользования в семейно-наследственное «несправедливо и небезопасно». Сперанский был уверен, что оно «представляет более выгод, чем общественное», но, так же, как Куракин, считал, что для данного преобразования в России время еще не пришло: «Придет время, когда и у нас, так же, как и в других государствах, можно будет приступить к сей перемене и произвести ее постепенно» [ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 776. Л. 7 об. –11].

По повелению Николая I Комитет 6 декабря 1826 г. рассматривал также доклад Комитета 1828 г. В нем утверждалось, что оба пути усовершенствования «положения казенных поселян» – по проекту Гурьева и модели Удельного ведомства – до конца не удовлетворительны. Члены Комитета 6 декабря 1826 г., проанализировав доклад и признав его выводы верными, вновь акцентировали внимание императора на необходимости проведения двуединой реформы:

Необходимо нужно всеми средствами стремиться к указываемой цели – постепенному преобразованию всего устройства поселян, принадлежащих казне, тем более что чрез сие может быть достигнута и другая цель, столь же важная – улучшение состояния крестьян помещичьих [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 44. Л. 115–119].

Однако сама аболиционистская модель, основанная на концепции единства и взаимосвязи вопросов о помещичьих и государственных крестьянах, была оформлена в Комитете 1835 г.

Разработка двуединой реформы в Комитете И. В. Васильчикова

Комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» был создан 4 марта 1835 г. Его председателем назначался князь И. В. Васильчиков, членами – советники М. М. Сперанский и П. Д. Киселев, а также министры – финансов Е. Ф. Канкрин и юстиции Д. В. Дашков. На первом же заседании 5 апреля того же года были выработаны принципы преобразовательной политики. Основопологающими определялись принцип постепенного перехода помещичьих и государственных крестьян «от состояния крепостного до состояния свободы в той мере, какую закон справедливости и польза государственная допустить могут», и принцип «неотъемлемости и неприкосновенности» государственной и помещичьей земельной собственности. Главными способами этого перехода виделись «три степени состояния» крестьян: 1) состояние крепостных крестьян с ограничением

работы на владельца (указ от 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине); 2) состояние крестьян, являющихся крепкими только по земле, но количество их работ определено законом «соразмерно ей»; 3) состояние крестьян, «не крепких по земле», пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключаемых договоров.

Все помещичьи крестьяне центральных губерний были отнесены к первой «крепостной степени состояния». По отношению к ним ближайшей задачей правительства определялась подготовка условий для перехода во вторую степень – из лично крепостных в прикрепленных к земле с введением обязательных и законодательно утвержденных «инвентарей». Их содержание, определяющее повинности крестьян, устанавливалось в зависимости не только от размера земельных участков и степени доходов от них и промыслов, но и от местных социально-экономических условий. Все государственные поселяне, которые платили казне точно установленный законом оброк, были отнесены ко второй степени. Важнейшей задачей ставилось уравнивание положения помещичьих и казенных крестьян. Главная же цель преобразований состояла в переходе на третью степень всех категорий крестьян. Это связывалось не только с введением единообразных норм барщины и оброка, но главное – с правом заключения договора на пользование земельным участком, все равно, частным или казенным. Комитет полагал, что

...общим переходом в положение крестьян Остзейских губерний удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России [РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 646. Л. 3–3 об.].

Однако в ходе работы комитета его программа стала корректироваться. В конце 1835 г. Николай I, осознавая, что «дело» о помещичьих крестьянах не обещает скорых успехов и вызывает «многостороннюю и упорную оппозицию», выделил из общей проблемы крепостничества вопрос о государственных крестьянах, тем более что данное «дело не вызывает оппозиции» и может быть решено «в непродолжительное время». Так модель двуединой реформы, оставаясь доминирующей, была разделена на ее составляющие. Этому во многом способствовала записка Киселева от 30 ноября 1835 г., в которой подчеркивалось: «Вообще виды правительства относительно крестьян стремятся к постепенному уничтожению в России крепостного состояния». Однако тактика решения проблемы крепостничества «мерами общими, единовременными» чревата социальной нестабильностью». Киселев считал, что только

...соединением нескольких последовательных частных мер, нечувствительно и без губительных для государства сотрясений может быть достигнута цель важная, то есть уничтожение крепостного права [Заблоцкий-Десятковский, с. 10–12, 224–227; Ружицкая, с. 112–113].

Одной из этих «частных мер» представлялась реформа государственных крестьян. До реформы центральное управление над ними сосредоточивалось в Департаменте государственных имуществ Министерства финансов, а губернское возлагалось на хозяйственные отделения казенных палат. В уездах не было особого управления над казенными поселянами, а волостное и сельское фискальными мерами правительства были приведены в упадок. Министерство финансов, озабоченное только исправным получением оброка и выбиванием недоимок, не интересовалось ни количеством и состоянием пашенной земли, скота, ни доходами казенных крестьян. Средний доход в год составлял, по данным 1830-х – начала 1840-х гг., 35 руб. на одну ревизскую душу, а на семью – до 120 руб. При этом все три системы – землеустройства, землепользования и налогообложения – были архаичны. Генеральное и специальные межевания не привели к их рационализации, а наоборот, создавали условия для противостояния, с одной стороны, частновладельческой чересполосицы, а с другой – наделов казенных поселян, легализации захватов их земель. Недостаточность законодательных гарантий минимальных гражданских прав крестьян и отсутствие вертикали власти на местах, а также процветавшая в среде местных чиновников коррупция способствовали этим процессам. Поэтому неудивительно, что Комитет 1835 г. сосредоточил всю свою деятельность на выработке плана преобразований в казенной деревне.

В основе его работы лежала идея переходных для крестьян «степеней состояния», предложенная Канкриным. Его новый проект реорганизации управления казенной деревней, внесенный в декабре 1835 г., был рассмотрен первым. Однако комитетчики отвергли идеи Канкринна, предлагавшего Департамент государственных имуществ превратить в Главное управление казенными имуществами с расширением полномочий главного управляющего, но с подчинением министру финансов. В губерниях из компетенции казенных палат предполагалось выделить все дела, касавшиеся государственных имуществ, и передать их в новые структуры – экономические управления, но в тех же рамках Министерства финансов. Члены комитета посчитали, что проект министра финансов не отвечает задуманным преобразованиям, поскольку не только не затрагивает основ прежнего управления казенной деревней, но главное – отходит от модели двуединой реформы.

В данной ситуации, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, Николай I сделал упор на своих единомышленников Сперанского и Киселева, повелев сформировать их «общее предположение о новом устройстве казенных поселян» [Заблоцкий-Десятковский, с. 11]. Вскоре в комитет были представлены проекты реформаторов, объединенные двумя главными идеями: изъятия управления государственными крестьянами из Министерства финансов и создания отдельного центрального ведомства государственных имуществ.

Сперанский предлагал взять для опыта Санкт-Петербургскую губернию, все государственные земли и крестьян, а также оброчные статьи в ней передать особому губернскому учреждению – конторе, которая подчинялась бы центральному органу – главному управлению или комиссии. После завершения реформы в данной губернии следовало начать обследование еще трех-четырех губерний, «раздвигая круг действия главного управления». Однако он считал, что новое управление государственными имуществами должно вводиться постепенно, по мере проведения «специального межевания: технического, судебного и хозяйственного в каждой губернии» [Дружинин, с. 292–294; Христофоров, с. 62–63].

Программа Киселева состояла из нескольких блоков, нашедших отражение в источниках личного происхождения и официальных документах. 25 февраля 1836 г. им были переданы в комитет «Соображения по записке об устройстве казенных крестьян и вообще государственных имуществ». Этот документ, во многом ставший реакцией на проект Канкрин, касался главного вопроса – усовершенствования управления казенными поселянами. По мнению автора, обеднение государственной деревни и увеличение недоимок происходят вследствие отсутствия «опеки» и «наблюдения» со стороны правительства, что приводит к «обременению крестьян незаконными поборами и личными повинностями». Поэтому, помимо переложения оброков с душ на землю и экономического межевания, следует ввести законодательное регламентирование всех видов местных повинностей и поборов, а главное – правительственный контроль над волостным и сельским управлением [Заблоцкий-Десятковский, с. 17–18].

После совещания со Сперанским Киселевым была составлена записка, также посвященная административному управлению казенной деревней и почти совпадающая с проектом реформатора. В ней предлагалось вначале в Санкт-Петербургской, а затем еще в трех-четырех разнотипных великорусских губерниях учредить новые губернские управления государственными имуществами, находящиеся в ведомстве нового особого центрального учреждения – комиссии, и постепенно распространить эти меры на другие казенные территории [Дружинин, с. 293]. Эти идеи были закреплены Киселевым в докладе Комитета от 22 апреля 1836 г., в котором уже прямо говорилось о необходимости создания временного отделения Собственной ЕИВ канцелярии (СЕИВК) для сосредоточения в ней всех дел государственных имуществ и подготовки реформы казенных крестьян [Заблоцкий-Десятковский, с. 14]. Согласно указу 29 апреля 1836 г., было создано временное V Отделение СЕИВК, сформировать и возглавить которое Николай I поручил Киселеву, получившему статус министра [ПСЗ-2, т. 11, № 9119]. Главной задачей отделения определялась подготовка нового управления казенной деревней.

Между тем, работа по созданию самого плана преобразований продолжалась в Комитете 1835 г., что нашло отражение в его послед-

нем докладе от 4 мая 1836 г., также созданном Киселевым. В нем намечались следующие основные направления реформы: 1) переложение оброка с душ на землю и промыслы; 2) введение семейно-наследственного землепользования; 3) наделение малоземельных крестьян «из земель пустопорожных»; 4) наделение крестьян лесами и их охранение; 5) улучшение сельского и волостного управлений; 6) повышение доходов от оброчных статей [РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 646. Л. 1]. Как видно, все эти пункты касались главных основ жизни казенной деревни – налогообложения, землеустройства, землепользования, административного управления.

Именно им посвящена еще одна записка Киселева 1836 г. «Об устройстве казенных крестьян». В ней развивались идея сохранения традиционных крестьянских институтов, «правила» Комитета 1835 г. о неприкосновенности государственной и помещичьей собственности, концепция двуединой реформы. По мнению автора, на данном историческом этапе развития России следует сохранить общинное землепользование, то есть приоритет сельских общин «в наделении землей, межевании и оценке ее стоимости». В селениях, где было менее двух десятин на душу, предлагалось пустопорожную землю отдавать в наем казенным крестьянам. В проекте подчеркивалось:

...устройство положения казенных крестьян, главнейшим образом на найме земель основанное, познакомит помещиков с управлением казенными крестьянами и откроет способ приступить со временем с согласия дворянства к уничтожению крепостного права людей. Тогда и для устройства крестьян помещичьих можно будет с удобством принять те же основания, какие выше предложены для крестьян казенных, и постановить правилом, чтобы помещики землю отдавали крестьянам в наем по взаимному условию [РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 253. Л. 17–19].

Помещичьи крестьяне, которые получали бы землю на данных условиях, названы «условными». Позже они будут именоваться «обязанными». В целом предполагалось – вначале путем расширения правительственной опеки, утверждения законом права наследственного владения землей, установления официально зафиксированных норм оброка и работ обязательными и законом утвержденными инвентарями, введения поземельного налога – улучшить положение государственных крестьян, а затем подвести к этому стандарту положение помещичьих:

Я совершенно убежден, что настало время приступить к мерам приуготовительным для освобождения помещичьих крестьян. Обязанность правительства – соорудить пример в казенных имениях, оградить государство от бедствий, могущих произойти от нетерпения рабов и ложного их понятия о свободе [Там же. Л. 26].

27 декабря 1837 г. по указу Правительствующего Сената было учреждено Министерство государственных имуществ во главе с Киселевым [ПСЗ-2, т. 12, № 10834]. Его главные задачи определялись так: 1) управление государственными имуществами и «попечительство» над государственными крестьянами, включавшее юридические, финансовые, полицейские, хозяйственные функции; 2) проведение административной реформы в казенной деревне; 3) усовершенствование сельского хозяйства, прежде всего в сферах налогообложения, землеустройства и землепользования. Документальную основу реформы составило «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях», высочайше утвержденное 30 апреля 1838 г. [ПСЗ-2, т. 13, № 11189].

В ходе реформы в губерниях учреждались особые палаты государственных имуществ, подчинявшиеся Министерству государственных имуществ, а в уездах – окружные управления во главе с окружными начальниками. В волостях и сельских общинах сохранялось самоуправление. Однако контроль над деятельностью выборных крестьянских управленцев и в целом над хозяйственной жизнью казенной деревни осуществлялся чиновниками вновь созданных ведомств. Прежде всего они должны были следить за тем, чтобы казенная земля была равномерно разделена между общинами и внутри общин, размер оброка соответствовал наделу и доходу от него. В качестве подготовки к введению обязательных инвентарей, хотя медленно и не повсеместно, была произведена замена подушного обложения поземельным, сначала только в Санкт-Петербургской губернии.

* * *

Деятельность первых секретных крестьянских комитетов николаевского царствования демонстрирует наличие целостной правительственной преобразовательной программы, для которой был характерен системный взаимосвязанный подход, а не проведение разрозненных мер. Основанная на концепции двуединой реформы, она была направлена на решение в целом проблемы крепостничества. Главные принципы реформаторской политики в отношении казенных крестьян, нашедшие отражение в проектах комитетов 1826, 1828 и 1835 гг., состояли в постепенности социальных изменений, регламентации и контроле со стороны государства над всеми сферами их жизни. Взаимосвязь систем землеустройства, землепользования, налогообложения и административного управления, невозможность рационализации крестьянского хозяйства без коренной ломки архаичного саморегулирующегося общинного механизма лежали в основании осторожного отношения как носителя верховной власти, так и его сановных единомышленников к преобразованиям в государственной аграрной сфере и обусловили компромиссный характер официальной концепции реформы казенной деревни.

Список литературы

- Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 631 с.
- Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб. : СЗАГС, 2010. 471 с.
- Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов : 1827–1830 гг. // Красный архив. Т. 6 (37). 1929. С. 143–157.
- Журналы заседаний Комитета 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. СПб. : Гос. тип., 1891. С. 1–487.
- Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время : в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 2. 355 с.
- Из истории раскрепощения помещичьих крестьян: показания А. Е. Тимашева // Рус. архив. Т. 6. 1887. С. 259–262.
- НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 51, 211а, 211в.
- Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб. : Европ. дом, 2009. 779 с.
- ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Оп. 1. Д. 776.
- ПСЗ. Собрание второе. Т. 1. № 423; Т. 11. № 9119; Т. 12. № 10834; Т. 13. № 11189.
- РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 1. Д. 253; Ф. 958 (П. Д. Киселев). Оп. 1. Д. 646; Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 44.
- Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. 2-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 358 с.
- Смирнова-Россет А. О. Записки : Из записных книжек 1826–1845 гг. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1895. 341 с.
- Сперанский М. М. Избранное. М. : Наука, 2010. 510 с.
- Христофоров И. А. Судьба реформы : Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М. : Собрание, 2011. 367 с.

References

- Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva v 2 t.* [The State Peasants and P. D. Kiselev's Reform. 2 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 631 p.
- Dunaeva, N. V. (2010). *Mezhdru soslovnoi i grazhdanskoi svobodoi: evolyutsiya pravosub'ektnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossiiskoi imperii v XIX v.* [Between Class and Civil Freedom: The Evolution of the Legal Personality of Free Rural Inhabitants of the Russian Empire in the 19th Century]. St Petersburg, Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby. 471 p.
- Ezhegodnye otchety III Otdeleniya i Korpusa zhandarmov. 1827–1830 gg. [Annual Reports of the Third Branch and Corps of Gendarmes. 1827–1830]. (1929). In *Krasnyi arkhiv*. Vol. 6 (37), pp. 143–157.
- Iz istorii raskreposhcheniya pomeschich'ikh krest'yan: pokazaniya A. E. Timasheva [From the History of the Emancipation of Estate Peasants: The Testimony of A. E. Timashev]. (1887). In *Russkii arkhiv*. Vol. 6, pp. 259–262.
- Khristoforov, I. A. (2011). *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)*. [The Fate of Reform: The Russian Peasantry in tGovernmental Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830–1890)]. Moscow, Sbranie. 367 p.
- NI Arkhiv SPbII RAN [Scientific-historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 115 (Kolleksiya rukopisnykh knig). List 1. Dos. 51, 211a, 211v.

Nikolaenko, P. D. (2009). *Knyaz' V. P. Kochubei – pervyi ministr vnutrennikh del Rossii* [Prince V. P. Kochubei – First Minister of Internal Affairs of Russia]. St Petersburg, Evropeiskii Dom. 779 p.

OR RNB [Manuscript Section of the National Library of Russia]. Stock 731 (M. M. Speransky). List 1. Dos. 776.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. Vol. 1. № 423; Vol. 11. № 9119; Vol. 12. № 10834; Vol. 13. № 11189.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 651 (Vasil'chikovy). List 1. Dos. 253; Stock 958 (P. D. Kiselev). List 1. Dos. 646; Stock 1167 (Komitet 6 dekabrya 1826 goda). List 1. Dos. 44.

Ruzhitskaya, I. V. (2015). *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative Activity in the Reign of Emperor Nicholas I]. 2 Ed. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 358 p.

Smirnova-Rosset, A. O. (1895). *Zapiski: Iz zapisnykh knizhek 1826–1845 gg.* [Notes: From the Notebooks of 1826–1845]. St Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva. 341 p.

Speransky, M. M. (2010). *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Nauka. 510 p.

Zablotsky-Desyatovsky, A. P. (1882). *Graf P. D. Kiselev i ego vremya v 4 t.* [Count P. D. Kiselev and His Time. 4 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 2. 355 p.

Zhurnaly zasedanii Komiteta 6 Dekabrya 1826 goda [Minutes of Committee Meetings as of December 6, 1826]. (1891). In *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 74. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 1–487.

The article was submitted on 21.08.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.362
УДК 622.3(470)+35.07:622+351.823.3

**ПОДГОТОВКА ГОРНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ
В 1860-е гг.: ЕВРОПЕЙСКИЕ ОРИЕНТИРЫ
И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ***

Евгений Неклюдов

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

**PREPARATIONS FOR MINING REFORM IN RUSSIA
IN THE 1860s: EUROPEAN GUIDELINES
AND RUSSIAN REALITIES**

Evgeny Neklyudov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the activity of two commissions, the Mining Commission and the Tax Commission, which operated in the 1860s under the Ministry of Finance in order to develop a draft reform of mining and metallurgical legislation of Russia. The author clarifies the role of various factors that influenced the adoption of decisions by members of the commissions, paying special attention to the importance of international experience. The article focuses on the views the participants of the discussion had regarding the prospects of private entrepreneurship in the mining industry and the use of the experience of Western European countries in addressing the issues of subsurface resource management, taxes, and the organisation of state supervision. It transpires that the Mining Commission relied in its proposals on the rules and institutions already existing in Russia, trying to give them a more European look, while the Tax Commission categorically rejected not only the domestic order, but also international experience

* *Citation:* Neklyudov, E. (2019). Preparations for Mining Reform in Russia in the 1860s: European Guidelines and Russian Realities. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 55–67. DOI 10.15826/qr.2019.1.362.

Цитирование: Неклюдов Е. Preparations for Mining Reform in Russia in the 1860s: European Guidelines and Russian Realities // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 55–67. DOI 10.15826/qr.2019.1.362 / Неклюдов Е. Подготовка горной реформы в России в 1860-е гг.: европейские ориентиры и российские реалии // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 55–67. DOI 10.15826/qr.2019.1.362.

if it did not comply with modern liberal ideas about freedom of enterprise. The differences in their approaches are explained by the composition of the members of both commissions. In the first Commission, which was composed of the higher echelons of the mining department, the basis for their proposed reform was their desire to reconcile the interests of the treasury and entrepreneurs. To this end, they sought to expand opportunities for private enterprise while maintaining professional supervision by a special mining department. In the second Commission, mostly represented by factory owners, liberal economists, and the “enlightened bureaucracy”, the interests of entrepreneurs came to the fore. This resulted in a focus on the complete elimination of sectoral governance, which was intended to lead to entrepreneurial freedom. Depending on the attitudes of Russian reformers to the development of the industry, they made different choices regarding legal and institutional innovations, either accepting or rejecting European experience. The author concludes that the choice of legal and institutional innovations and the adoption or rejection of European experience depended primarily on the ideas of Russian reformers about the development of the industry under the control or in the absence of the state.

Keywords: 19th-century Russia; mining reform; mining legislation; Western European experience.

Анализируется деятельность двух комиссий – Горной и Податной, действовавших в 1860-е гг. при Министерстве финансов с целью разработать проект реформы горнозаводского законодательства России. Выясняется роль различных факторов, повлиявших на принятие членами комиссий тех или иных решений, обращается особое внимание на значение иностранного опыта. Акцент делается на взглядах участников дискуссии о перспективах развития частного предпринимательства в горном деле и на использовании практики западноевропейских стран при решении вопросов недропользования, податей и организации государственного надзора. Выясняется, что Горная комиссия в своих предложениях опиралась на существующие в России правила и институты, пытаясь придать им более европейский вид, в то время как Податная комиссия решительно отвергала не только отечественные порядки, но и иностранный опыт в случае, если они не соответствовали современным либеральным представлениям о свободе предпринимательской деятельности. Различия в подходах объясняются составом участников обеих комиссий. В первой, где заседали высшие чины горного ведомства, базовым основанием для трансфера служило их желание согласовать интересы казны и предпринимателей. С этой целью они и стремились расширить возможности для частного предпринимательства, но при сохранении профессионального надзора со стороны особого горного ведомства. Во второй комиссии, где большинство оказалось за горнозаводчиками, либеральными экономистами и «просвещенной бюрократией», на первый план вышли интересы предпринимателей. Следствием этого стала ориентация на полную ликвидацию отраслевого управления, чем в первую очередь и достигалась предпринимательская

свобода. В соответствии с этими установками, или представлениями российских реформаторов о путях развития отрасли, и происходил выбор правовых и институциональных новаций, принимался или отвергался европейский опыт. Делается общий вывод о том, что выбор правовых и институциональных новаций, принятие или отклонение европейского опыта зависели в первую очередь от представлений российских реформаторов о путях развития отрасли под контролем государства или без него.

Ключевые слова: горнозаводская промышленность России в XIX в.; горная реформа; горное законодательство; западноевропейский опыт.

В ходе подготовки Великих реформ царствования Александра II при Министерстве финансов, отвечавшем тогда за экономическое развитие страны, действовали две правительственные комиссии, которым было поручено разработать проект нового кодекса горнозаводского законодательства. Он должен был заменить действующий Горный устав, с 1835 г. регулировавший правовые отношения в сфере добычи и переработки полезных ископаемых и признанный устаревшим во многих отношениях. В 1861–1866 гг. велась подготовительная работа в специально созданной Комиссии по пересмотру Горного устава (Горной комиссии), состоявшей из ведущих специалистов, членов Горного совета и Горного ученого комитета. В 1866–1868 гг. подготовленный ими законопроект проходил экспертизу в Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податной комиссии), в состав которой входили некоторые участники Горной комиссии, представители от других министерств и ведомств, экономисты и горнозаводчики. В результате этой многолетней работы были созданы два альтернативных варианта обновленного Горного устава, отличавшихся друг от друга степенью либерализации правовых условий функционирования промышленности [Неклюдов, 2018]. Попытаемся выяснить роль различных факторов, влиявших на принятие тех или иных решений членами Горной и Податной комиссий, обращая главное внимание на значение иностранного опыта.

Судя по составленной в Горной комиссии объяснительной записке, алгоритм ее работы включал «разбор действующих постановлений и применения их на практике», изучение «предположений о преобразованиях в правительственной сфере и мнений частных лиц, заявленных ими по приглашению комиссии», и «обзор иностранных законов», составлявшийся специалистами в виде особых тематических записок [Труды Комиссии, т. 13, ч. 3, с. 8]. Деятельность же Податной комиссии заключалась в постатейном обсуждении подготовленного в Горной комиссии проекта устава и выработке его окончательного варианта с учетом мнений расширенного состава участников. Это не предполагало составления новых обзоров, но и не исключало обращения членов комиссии к своим собственным знаниям о порядках в других странах.

Анализ подготовительных материалов показал, что иностранный опыт был востребован при обсуждении вопросов, связанных в первую очередь с развитием частной горной промышленности в России. Это объясняется тем, что обе комиссии из трех исторически сложившихся секторов этой промышленности – казенного, посессионного и частновладельческого – отдавали предпочтение именно последнему. Поэтому в окончательном варианте реформы было предложено сократить до минимума казенный сектор, сохранив в нем лишь оборонные предприятия и обслуживавшие их металлургические заводы, а остальные продать в частные руки. Посессионный сектор решили преобразовать во владельческий путем выкупа заводчиками прав казны на земли, отданные в посессию. Для более же динамичного развития частного сектора требовалось создать благоприятные условия, что связывалось с решением трех первостепенных вопросов: недропользования, податей и организации государственного надзора. Основопологающим среди них был вопрос о собственности на недра, от которого в первую очередь зависели условия развития горного предпринимательства.

Как выяснилось в ходе обсуждения этого вопроса в Горной комиссии, в европейских странах действовали две системы недропользования¹. В Австрии, Пруссии, Саксонии и Испании владение поверхностью было отделено от владения недрами, которые признавались достоянием государства. Во Франции и Бельгии такая «горная реглация» распространялась лишь на некоторые основные минералы. В этих странах поиски и разведка полезных ископаемых производились с разрешения горного управления на всех категориях земель, горнопромышленник заявлял об открытии месторождения и получал определенную законом отводную площадь, за которую обязан был вознаградить землевладельца по добровольному соглашению, а в случае его отсутствия вознаграждение определялось особой комиссией экспертов. Сама разработка подчинялась известным правилам, и за добываемые ископаемые уплачивалась государству определенная законом горная подать. Такой порядок назывался «горной свободой». В Англии, где недра вместе с поверхностью составляли собственность землевладельца, ему было предоставлено «право бесконтрольного и произвольного распоряжения минеральными богатствами, и все влияние правительства ограничивалось надзором за безопасностью при производстве горных работ и получением известного процента с прибыли» [Труды Комиссии, т. 13, ч. 3, с. 90–92]. Этот порядок назывался акцессией.

Особенность России заключалась в том, что в ней действовали оба вида собственности: на обширных казенных землях империи недра принадлежали государству, на землях помещичьих (с 1782 г.) и кре-

¹ Это была несколько упрощенная картина, лишь в общих чертах соответствовавшая действительности, подробнее см.: [Грамматчиков; Штоф; Абамелек-Лазарев].

стьянских надельных (с начала выкупной операции) – их владельцам. Члены Горной комиссии пояснили, что «российское законодательство первого из этих двух видов может быть поставлено в параллель с горным законодательством Франции, Бельгии и германских государств», а второго – «вполне соответствует условиям Англии», отличаясь в обоих случаях лишь степенью «свободы горного промысла». «Не отступая от своеобразных и нередко исключительных условий нашей горной промышленности», они решили развивать обе системы, при этом «сообразив, в какой степени принятые... в европейских странах начала могут быть применимы к нашему законодательству» [Там же, с. 92–93].

Предложения для облегчения условий развития частного горного промысла на казенных землях члены Горной комиссии сориентировали на правила «горной свободы» в континентальных европейских странах и на уже испытанный опыт развития уральской и сибирской золотопромышленности, с 1838 г. действовавшей по этим же правилам. За образец изменений в сторону большей свободы промысла на частных землях намеревались использовать порядки Англии. Главной новацией стало предложение, исходившее от южноуральского заводчика Д. Д. Дашкова, о введении отсутствовавшего в России особого права собственности на недра. Предполагалось, что на практике это позволит владельцу отчуждать недра своих земель отдельно от поверхности «тем же законным порядком, какой установлен для отчуждения недвижимой собственности вообще», и устранил возможные препятствия горнорудному предпринимательству со стороны землевладельца [Там же, с. 96–97, 168–170].

В Податной комиссии несколькими чиновниками был поднят вопрос о возможности перехода в стране на единую систему недропользования, в частности отказа от акцессии и признания «горной регалии» с сопряженной с нею «горной свободой» для всех категорий земель империи. По их мнению, это, с одной стороны, упростило бы законодательство и облегчило организацию горного промысла, с другой, устранило бы якобы присущий акцессии «произвол землевладельца». Однако представители горнозаводчиков и экономисты, участвовавшие в обсуждении, указали на недопустимость «вводить какие-либо изменения в началах полной собственности», что превышало полномочия комиссии, а также на неизбежное в этом случае «введение государственной деятельности в область частного горного производства, а с тем вместе и регламентации». «У правительства нет недостатка в средствах поднять горный промысел, помимо изъятия предполагаемого права распоряжения недрами земли по беззаботности владельца», – отметил влиятельный экономист В. П. Безобразов. В результате развернувшейся полемики большинство членов Податной комиссии все-таки выступили за сохранение акцессии с условием введения предложенного

Горной комиссией отдельного права собственности на недра [Труды Комиссии, т. 13, ч. 4, с. 149–157, 274–280]².

Был поднят и важный сопутствующий вопрос о действовавшем в России с 1762 г. «правиле нераздробимости» горнозаводского имущества, которое существенно ограничивало возможности заводчиков в распоряжении этим сложным по составу имуществом, включавшим предприятия, рудники, земли и леса, а до 1861 г. еще и прикрепленных к заводам рабочих. Опыт прусского Гарца и Швеции, где металлургическая промышленность, как и в России, работала на древесном угле, но где не было «громadных промышленных единиц» и недвижимое имущество свободно дробилось, «проявляя при сем богатое развитие горного промысла», стал основанием для предложения Горной комиссии, поддержанного затем Податной, об отмене этого правила. На практике это позволяло владельцам громadных горнозаводских округов (на Урале они в среднем включали свыше 200 тыс. десятин земли) в случае необходимости свободно дробить их на части, что, как полагали члены обеих комиссий, «могло бы существенно способствовать привлечению капиталов к занятиям горным промыслом и сделало бы его более доступным для частной предприимчивости». Отмена же зависимости между различными частями этого имущества могла привести к обособлению отраслей комбинированной горнозаводской промышленности, способствуя самостоятельному развитию как металлургии, так и рудо- и лесопромышленности, и тем самым – большему развитию рыночных отношений в стране [Там же, т. 13, ч. 3, с. 98–102]³.

В контексте развития частного предпринимательства важнейшим становился вопрос о налогообложении горного промысла. Изучение в Горной комиссии опыта европейских государств показало, что там действовали горные подати «двоякого рода» – пропорциональная и постоянная. Первая взималась «или с произведений горного производства, или с чистой прибыли, получаемой от сего производства»; вторая составляла «плату за поверхность земли, отводимой для производства промысла». Пропорциональная (то есть собственно горная) подать в Австрии, Франции, Саксонии, Бельгии, Баварии и Португалии собиралась с чистой прибыли и не превышала 5%. В Англии «правительство определяло известный процент с общего дохода», а в Пруссии подать уплачивалась со стоимости добытых полезных ископаемых, независимо от доходов или убытков промышленников, но была весьма умеренной и не превышала 3%. Россия отличалась

² Эта новация так и не была введена в России. Споры же о преимуществах и недостатках «горной свободы» продолжались и в начале XX в. [Неклюдов, 2014]. На практике она была введена в 1870 г. лишь на частных землях в Царстве Польском, на остальной же территории империи сохранялась акцессия с присущими ей правилами недропользования.

³ «Правило нераздробимости» сохранилось в законодательстве, но его действие касалось лишь посессионных округов.

от всех этих стран, поскольку горная подать взималась здесь «не с прибыли, получаемой горнопромышленником от горного производства, и даже не с сырого продукта, т. е. с полезного ископаемого, извлекаемого из недр земли, а с металла, полученного из руды» [Там же, с. 245–253].

Такое положение сложилось еще в XVIII в. и было следствием нераздельности горнозаводского промысла, когда горнопромышленник одновременно являлся и заводчиком. Поэтому и было решено брать подать не с добытого минерала, а с металла как конечного продукта комбинированного горнозаводского производства. При этом подать начислялась с продукта первичного металлургического передела – чугуна, выплавка которого всегда превышала выделку железа. Поскольку чугун в то время практически весь шел на передел в сортовое железо на тех же предприятиях, он не являлся товаром, и налог мог быть определен только с величины его выплавки, а не с дохода или прибыли, определявшихся по результатам реализации товара.

При обсуждении вопроса о подати члены Горной комиссии признали способ ее взимания с прибыли не только наиболее распространенным в Западной Европе, но и самым рациональным. Однако они констатировали, что в России невозможно было точно определить прибыль горнозаводчика из-за отсутствия механизма сбора и контроля сведений о доходах. «В России эта система не введена ни для какого промысла, и потому применение ее только к одной горной промышленности повлекло бы значительные расходы со стороны казны... и для этого потребовалось бы близкое вмешательство правительства во внутреннее хозяйство». Переход же на определение величины подати «с ценности сырых минеральных произведений» тоже потребовал бы учреждения «самого строгого правительственного контроля» на многочисленных рудниках, разбросанных «на большом пространстве в различных местностях России». Учли также, что и руда не была в России «товарным продуктом», а следовательно, не имела «какой-либо определенной торговой цены» [Там же, с. 253–254].

Поэтому Горная комиссия предпочла сохранить традиционный для России способ взимания подати с величины выплавленного из руд или добытого из россыпей металла (так называемую «попудную подать»). «Несмотря на некоторую неправильность в основании, – полагали участники, – система эта имеет то важное удобство, что надзор правительства... сосредотачивается на одних только горных заводах, число которых гораздо менее числа рудных месторождений, а потому, независимо от сокращения расходов по взиманию подати, самый учет в количестве получаемых металлов в заводе может быть производим гораздо вернее и удобнее, нежели учет руд при рудниках и определение непостоянной ценности оных» [Там же, с. 254]. Корректировке подвергся лишь вопрос о величине и форме этой подати. Горная комиссия, сославшись на отсутствие жалоб со стороны заводчиков, предложила сохранить

величину подати с чугуна, но заменить на денежную и уменьшить существующую натуральную подать с меди, оставив таковую лишь для драгоценных металлов.

При этом общее правило о сборе горной подати с металла фактически вело к исключению из налогообложения самостоятельного горнопромышленного производства, что, по мнению членов комиссии, способствовало бы развитию этого промысла, в первую очередь добычи перспективных горючих материалов – каменного угля и нефти. В этом отношении они пошли на фактическую безвозмездную уступку принадлежавших казне минеральных богатств государственных земель ради развития добычи, беря с промышленников лишь постоянную подать за отвод казенной земли в размере 30 коп. серебром за десятину (как это было в европейских странах и в российской золотопромышленности) [Труды Комиссии, т. 13, ч. 4, с. 255–270].

В Податной комиссии некоторые участники обсуждения темы горных податей вообще не увидели «никаких финансовых или юридических оснований для их взимания как специальных податей» при отсутствии общей «горной регалии» и несущественности величины подати в доходах государства (в 1860-е гг. она составляла в среднем около 743 тыс. руб. в год). «Основываясь на чистом разуме и справедливости, – констатировал В. П. Безобразов, – следовало бы горную промышленность вовсе освободить от всяких специальных податей, подчинив общим налогам: гильдейским повинностям, патентным сборам и т. п.». Представитель уральских Кыштымских заводов Г. В. Дружинин призывал брать пример с динамично развивавшейся металлургии Пруссии, где подать с чугуна была отменена. Подмосковный заводчик С. И. Мальцов указывал на противоречие правительственной политики, которая провозглашала покровительство отечественной горнозаводской промышленности и в то же время разрешала беспощинный импорт железа. «Как бы незначительна ни казалась попудная подать, она и сопряженные с нею формальности, конечно, не суть поощрение», – заявлял он, тоже предлагая полностью отменить подать. Однако на такой шаг комиссия все-таки не решилась. Даже В. П. Безобразов вынужден был констатировать, что «всякий существующий налог получает право гражданства в системе государственного хозяйства, с ним свыкаются, и уничтожение его требует нового налога». Согласившись в итоге дискуссии с предложениями горных специалистов, Податная комиссия нашла возможным лишь понизить подать с чугуна, меди, золота и серебра и вовсе отменить подать с платины как с «орудия науки». Сбор же подати было предложено передать из горного ведомства акцизным учреждениям [Там же, с. 345–372]⁴.

⁴ Сбор «попудной подати» сохранялся в России до начала XX в., когда был введен общий для всех отраслей российской промышленности промысловый налог, включавший и элементы подоходного обложения. Так называемая добавочная горная подать осталась лишь для посессионных заводов.

Наконец, потребовал анализа состояния и обзора иностранных порядков казенный горный надзор за деятельностью горнопромышленников, от формы которого, как считалось, во многом зависел уровень «хозяйственной свободы» предпринимателя. С начала XIX в. этот надзор действовал на заводах России в форме горно-полицейского контроля особых исправников, выбиравшихся из гражданских чиновников. «Недостаточность заводских исправников для принесения существенной пользы горному делу по неспециальности их в оном давно уже признана на практике», – утверждали члены Горной комиссии [Труды Комиссии, т. 13, ч. 3, с. 78]. Кроме того, после отмены крепостного права полицейские функции заводских исправников были переданы гражданским властям.

Опыт европейских стран показывал, что «всюду, где частный горный промысел получил развитие, правительственное наблюдение за производством оного находилось в заведывании особой специальной администрации», хотя пределы ее действий были различны. Так, в Саксонии и Пруссии, где существовала «горная регалия», казенный надзор был особенно строгим и осуществлялся независимой от гражданских властей горной администрацией, которая обладала и полицейскими функциями. Во Франции надзор за рудниками и металлургическими заводами подлежал совместной компетенции гражданской полицейской и горной технической властей, которые могли как приказывать промышленникам исправить недостатки или даже остановить работы в случае опасности для рабочих, так и давать им советы в случае «неправильности в техническом производстве» [Там же, с. 69]. В Англии, где, как и в России, действовали правила акцессии, вмешательство государства происходило крайне осторожно в форме особого надзора нескольких горных инспекторов за безопасностью работ и сбором подати.

Горная комиссия, сочтя специальный надзор совершенно необходимой и важнейшей функцией государства, предложила сохранить его, но «определить в точности круг действия и обязанности оного, имея в виду... не препятствовать, а содействовать развитию частной горнозаводской промышленности». Для этого по примеру европейских стран следовало сделать надзор профессиональным и передать его образованным горным инженерам, «приобретшим практические сведения в горнозаводском деле» [Там же, с. 78–79]. Изучение опыта организации надзора в разных европейских странах (во Франции, Бельгии, Австрии, Пруссии) привело к предложению поделить территорию империи на горно-административные области и округа, образующиеся по мере распространения промысла. Обязанности же надзора, ограниченного «специальными, непосредственно до горной промышленности относящимися предметами» (учет податей, наблюдение за безопасностью работ, отвод приисков и рудников, выдача свидетельств на залог металлов, сбор статистики и пр.), передавались окружным инженерам, полномочия которых включали ежегодный осмотр предпри-

ятий подведомственного им округа, составление замечаний о нарушениях и «требование отвращения оных» владельцем или управляющим вплоть до обращения в полицию [Труды Комиссии, т. 13, ч. 4, с. 80–82].

Особое значение при этом придавалось надзору за безопасностью рабочих и за соблюдением правил их найма. Комиссия констатировала, что «до настоящего времени в наших горных законах не было постановлено каких-либо правил относительно ограждения общественной безопасности, жизни и здоровья рабочих, обращающихся при рудничных и горнозаводских работах». Эти правила были сформулированы по образцу действовавших во Франции, Бельгии, Пруссии, Саксонии и Англии; правила же найма рабочих Горная комиссия разработала «на основании существующих в Бельгии по этому предмету постановлений» с некоторыми дополнениями [Там же, с. 298–299 и др.]. Они были включены в качестве приложений к Дополнительным правилам о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов от 19 февраля 1861 г. и Положению о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 г.

Но даже в таком обновленном виде горный надзор (как, впрочем, и вся система горного управления) большинством членов Податной комиссии был признан бесполезным. Против него вновь объединились горнозаводчики и экономисты. Главным их аргументом служило предположение о том, что «институт окружных инженеров с легкостью может развиваться в орудие произвола». Задавшись целью «поставить горную промышленность под действие общего закона, в условия всех прочих промыслов в России», Податная комиссия полностью устранила горный надзор, передав его функции другим ведомствам (финансовым и общей полиции) и положившись на ответственность заводовладельцев. Не помогло и напоминание о порядках европейских стран. «Даже в Англии, – возмущались представители Горной комиссии, – где горный промысел вполне свободен, установлен весьма строгий надзор над безопасностью работ в рудниках». «Раздробление обязанностей окружных инженеров между разными органами правительства повлечет за собой еще большие стеснения», – безуспешно доказывали они [Труды Комиссии, т. 13, ч. 4, с. 121–148].

Несогласие горных специалистов с большинством участников Податной комиссии по многим принятым решениям привело к тому, что они отказались от безоговорочного подписания подготовленного в 1868 г. проекта Горного устава. Это послужило одним из мотивов принятого министром финансов М. Х. Рейтерном решения вовсе не вводить в действие новый Горный устав ни в одном из подготовленных вариантов. В сложившейся ситуации «найденно было более целесообразным изменять горные законоположения по частям, по указанию опыта» [Неклюдов, 2018, с. 104]. Горная реформа приобрела особую форму раздробленного на части и растянутого во времени до начала XX в. процесса. Поскольку ее реализация осталась в компе-

тенции действующего горного управления, текущее реформирование шло преимущественно по варианту Горной комиссии, состоявшей из высших руководителей этого ведомства. В частности, новый горный надзор был организован по образцу, который в свое время предлагали ее участники.

Изложенные факты из истории подготовки горной реформы дают основания для некоторых наблюдений. Очевидно, что в период подготовки реформ, когда создаются проекты преобразований, когда участники процесса усиленно размышляют о будущем и ищут ориентиры, на которые можно опереться, складываются наиболее благоприятные условия для изучения иностранного опыта и трансфера инноваций. Симптоматично, что ко времени работы Горной и Податной комиссий относятся первые серьезные попытки сравнительного анализа российского и иностранного горного законодательства.

Главная роль западноевропейских стран в развитии мировой горной промышленности и культурно-историческая близость имперской России и Европы обусловили ориентацию членов обеих комиссий именно на западноевропейский иностранный опыт. Заметно, что в некоторых, особенно правовых и социальных аспектах они считали свою страну отстающей от отдельных европейских стран, что и создавало возможность для трансфера существующих там правовых норм и институтов.

При этом выяснилось, что порядки европейских стран не являлись единообразными. В случае необходимости это позволяло делать разумный выбор заимствований из разных стран. Да и порядки, действовавшие в России, тоже отличались разнообразием, чем обуславливалась не только возможность, но и необходимость учета европейского опыта, сложившегося в условиях как «горной регалии», так и акцессии. Вследствие этого новое горное законодательство Российской империи в обоих вариантах Горного устава представляло собой синтез норм как специфически российских, так и иностранных, близких порядкам нескольких европейских стран.

Заметно также, что в первой комиссии, где заседали высшие чины горного ведомства, базовым основанием для трансфера служило их желание согласовать интересы казны и предпринимателей. С этой целью они и стремились расширить возможности для частного предпринимательства, но при сохранении профессионального надзора со стороны особого горного ведомства. Для этого использовался опыт европейских стран с похожими условиями. Во второй комиссии, где большинство оказалось за горнозаводчиками, либеральными экономистами и «просвещенной бюрократией», на первый план вышли интересы предпринимателей. Следствием этого стала ориентация на полную ликвидацию отраслевого управления, чем в первую очередь и достигалась предпринимательская свобода. В соответствии с этими установками или представлениями российских реформаторов о путях развития отрасли и происходил выбор правовых и ин-

ституциональных новаций, принимался или отвергался европейский опыт. Причем более радикальные предложения, высказанные в Податной комиссии и основанные скорее на отвлеченных идеях, чем на отечественной или европейской практике, в условиях предполагавшегося бурного развития промышленности могли вызвать негативные последствия, очевидные для специалистов. (В частности, они указывали, что отсутствие профессионального надзора делало неизбежным распространение «хищничества» при эксплуатации природных ресурсов.) Можно предположить, что реализация этих предложений скорее всего привела бы к необходимости возвратного движения в процессе реформирования. Предложения же горных специалистов, лучше осознававших как потребности, так и возможности развития отрасли, направляли ее развитие по более спокойному пути, предполагавшему и возможность дальнейшего реформирования по мере накопления как собственного, так и иностранного опыта. Именно этим путем в итоге и пошла Россия в реформировании условий развития горнозаводской промышленности.

Список литературы

- Абамелек-Лазарев С. С.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. СПб. : Тип. общего печатного и писчебумажного дела «Слово», 1910. 398 с.
- Грамматчиков В. А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1870. 546 с.
- Неклюдов Е. Г.* Влияние систем горного права на развитие мировой металлургии: взгляд уральского заводчика // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 229–241.
- Неклюдов Е. Г.* Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб. : Нестор – История, 2018. 576 с.
- Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов : в 23 т. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1868. Т. 13. Ч. 3. Проект Горного устава, составленный особой Комиссией. Т. 13. Ч. 4. Проект Горного устава, составленный общим собранием Комиссии.
- Штоф А. А.* Горное право : Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главных горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 618 с.

References

- Abamelek-Lazarev, S. S. (1910). *Vopros o nedrakh i razvitie gornoj promyshlennosti s 1808 po 1908 g.* [The Issue of the Subsurface and the Development of the Mining Industry from 1808 to 1908]. St Petersburg, Tipografiya obshchego pechatnogo i pishebumazhnogo dela “Slovo”. 398 p.
- Grammatchikov, V. A. (1870). *Gornoe zakonodatel'stvo i gornaya administratsiya Anglii, Bel'gii, Frantsii, Avstrii i Prussii* [Mining Legislation and the Mining Administration of England, Belgium, France, Austria, and Prussia]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K°. 546 p.
- Neklyudov, E. G. (2014). Vliyanie sistem gornogo prava na razvitie mirovoi metallurgii: vzglyad ural'skogo zavodchika [The Influence of Mining Law Systems upon the Development of World Metallurgy: The View of a Ural Manufacturer]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 229–241.

Neklyudov, E. G. (2018). *Gornaya reforma v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: ot zamysla k realizatsii* [Mining Reform in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: From Concept to Implementation]. St Petersburg, Nestor – Istoriya. 576 p.

Stof, A. A. (1896). *Gornoe pravo. Sravnitel'noe izlozhenie gornykh zakonov, deistvuyushchikh v Rossii i glavneishikh gornopromyshlennykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy* [Mining Law. A Comparative Description of Mining Laws in Russia and the Main Mining Countries of Western Europe]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 618 p.

Trudy Komissii, vysochaishe uchrezhdennoi dlya peresmotra sistemy podatei i sborov v 23 t. [Proceedings of the Commission Established to Review the System of Taxes and Fees. 23 Vols.]. (1868). Vol. 13. Part 3. Proekt Gornogo ustava, sostavlenniy osoboi Komissiei. Vol. 13. Part 4. Proekt Gornogo ustava, sostavlenniy obshchim sobranie Komissii. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K^o.

The article was submitted on 01.03.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.363
УДК 94(470)"18"+37.013+37.014

**ТРАНСЛЯЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРАКТИК В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ В XIX в.:
ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ И РЕФЛЕКСИЯ ЭЛИТ***

Юлия Бут

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE TRANSFER OF EUROPEAN EDUCATIONAL
PRACTICES INTO THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE 19th CENTURY: THE MAIN CHANNELS
AND ELITE REFLECTIONS**

Yulia But

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the transfer of European educational patterns into Russia. The author demonstrates that they became a primary point of reference for Russian elites as early as the 18th century. In the 19th century, however, the transfer of European educational experience to Russia considerably increased and acquired new features, drawing in wide circles of Russian educational elites who were critical of the structures, methods, and ideals they were adopting from abroad. By this time, the political elites of Russia had already adopted the European idea of schooling as one of the most important channels for propagandising the national idea at each educational level: this meant the sustained involvement of the Russian state in the development of the education system. The article identifies and characterises the main channels through which European educational practices were transferred into the Russian Empire in the 19th century and studies the reflections of Russian educational elites on the process. The study is based on the reports of officials, the accounts of inspections of various educational institutions, the reports of univer-

* *Citation:* But, Yu. (2019). The Transfer of European Educational Practices into the Russian Empire in the 19th Century: The Main Channels and Elite Reflections. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1, p. 68–84. DOI 10.15826/qr.2019.1.363.

Цитирование: Бут Ю. The Transfer of European Educational Practices into the Russian Empire in the 19th Century: The Main Channels and Elite Reflections // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 68–84. DOI 10.15826/qr.2019.1.363 / Бут Ю. Трансляция европейских образовательных практик в Российскую империю в XIX в.: основные каналы и рефлексия элит // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 68–84. DOI 10.15826/qr.2019.1.363.

sity professors and gymnasium teachers on their academic missions abroad, and the publications of renowned Russian teachers analysing European educational achievements and their possible application in Russia. The study makes it possible to identify a number of channels through which European educational practices were transferred into Russia in the 19th century, i. e. schools of the European type, foreign boarding schools in the central Russian provinces, Russian seminars at leading European universities, and the so-called “pedagogical journeys” of the educated elite. The two latter channels were found to be the most efficient and desirable for the government. The transfer of foreign educational experience into Russia throughout the 19th century is represented in the study as a process on which Russian elites deeply reflected: they sought to bring the Russian schooling system in line with developed European patterns in the most appropriate way.

Keywords: 19th-century Russian Empire; European educational practices; Russian national schooling; pedagogical journeys.

Рассмотрен процесс трансляции европейских образовательных моделей и практик в отечественную систему образования. Показано, что они становятся главным ориентиром для российских элит еще в XVIII в. В XIX в. процесс трансляции европейского опыта существенно усиливается и получает качественно иные черты, отличается включением в него широких слоев отечественной образованной элиты и ее критичным отношением к заимствуемым структурам, методам и идеалам. Политическая элита усваивает европейское представление о школе как об одном из важнейших проводников национальной идеи на всех уровнях образования, что обеспечивает устойчивый интерес к развитию системы образования со стороны государства. В статье определяются и характеризуются основные каналы, через которые осуществлялась трансляция европейских образовательных практик в Российскую империю в XIX в., прослеживается рефлексия этого процесса российской образованной элитой. Исследование основано на докладах чиновников, отчетах по результатам инспекций российских учебных заведений, отчетах университетских профессоров и учителей гимназий о зарубежных командировках, а также на публикациях авторитетных педагогов того времени, посвященных анализу европейских достижений в области образования и возможности их применения в российской школе. Результатом исследования стало выделение каналов трансляции европейских образовательных практик в XIX в. (школы европейского типа; иностранные пансионы в центральных российских губерниях; русские семинарии при европейских университетах; «педагогические путешествия» образованной элиты). Наиболее эффективными и благонадежными правительство признавало два последних из перечисленных каналов. Процесс трансляции зарубежного образовательного опыта представлен как глубоко рефлекслируемый отечественной элитой, стремившейся наиболее целесообразными способами привести российскую систему образования в соответствие с более развитыми европейскими моделями.

Ключевые слова: Российская империя XIX в.; европейские образовательные практики; российская система образования; педагогические путешествия.

Начиная с петровских времен ориентированность на европейские модели и практики в области образования становится неотъемлемой чертой российских элит. Если для XVIII в. было характерно копирование европейских образовательных традиций, которые в большинстве случаев привносились приглашенными преподавателями-иностранцами, то XIX в. отмечен разнообразием путей распространения европейских практик, гораздо более широким участием отечественных элит и их критичным отношением к европейским системам образования и педагогическим идеалам. Из Европы же приходит понимание школы как важного канала индоктринации, что обеспечивает пристальное внимание к ее развитию со стороны государства и политической элиты.

На протяжении XIX в. моделями для заимствования образовательных практик выступали национальные системы образования и учебные заведения германских государств, Франции, Великобритании, Швейцарии, Австрии, а в последние десятилетия XIX в. также Швеции, Норвегии и Дании.

Каналы трансляции европейских образовательных практик

Поначалу российские элиты положительно оценивали то, что в вошедших в состав империи землях Великих княжеств Литовского и Финляндского на протяжении длительного времени функционировали школы европейских типов, и надеялись использовать здания и накопленный потенциал этих школ для развития собственной системы образования. В ряде случаев такие школы послужили своеобразными площадками, откуда европейские практики перекочевывали в Российскую империю. Например, из финских учебных заведений в российскую школу пришли уроки ручного труда по «шведской методе» (см., например: [Ульянов]).

В других случаях попытка задействовать опыт уже существовавших школ потерпела крах. Так, в литовско-белорусских землях, отошедших к Российской империи после разделов Речи Посполитой (1772–1795), школьное образование еще с конца XVII в. было сконцентрировано в руках различных католических монашеских орденов, большей частью иезуитского и пиаристского. В XVIII в. это были наиболее прогрессивные учебные заведения, программа преподавания которых включала естественные и точные науки. Обучение велось в соответствии с передовыми методиками того времени, языком преподавания был польский, а не латынь, коллегиумы и гимназии имели богатые библиотеки, ботанические сады, лаборатории и аптеки, издавали новые учебные пособия [Березкина, с. 76–77]. В современных учебниках по истории Белоруссии упоминается о том, что после вхождения белорусских территорий в состав Российской империи эти школы еще какое-то время функционировали «при полном попустительстве российских властей опояченному

панству в конце XVIII – первой четверти XIX в.» [История Беларуси, с. 147], а затем были упразднены в ходе «реакционной политики царизма», которая «сдерживала развитие народного просвещения» [Учебно-методический комплекс, с. 66].

В действительности, судя по регулярному инспектированию орденских школ, о недостаточном внимании к этому вопросу и попустительстве российских властей говорить не приходится. Российская образованная элита поначалу явно возлагала надежды на эти учебные заведения с превосходной репутацией, а российское правительство даже выделяло денежные средства на их содержание в дополнение к их доходам от собственных угодий и платы, поступавшей от учеников-пансионеров (на содержание Высшего училища в Полоцке отпускалось ежегодно по 28 тыс. руб. [Новоселов, с. 75]). Однако эти надежды не оправдались, поскольку отчеты ревизоров Министерству народного просвещения опровергали закрепившуюся за орденскими школами блестящую репутацию.

Последний визитатор, профессор Санкт-Петербургского университета О. И. Сенковский, готовясь в 1826 г. к отъезду на ревизию белорусских училищ, вначале выразил сильное недоверие к отзывам предыдущих ревизоров и даже заподозрил навет на столь достойные учебные заведения европейского образца. Лично осуществив ревизию, Сенковский раскаялся в своем недоверии. В отчете о состоянии дел в Высшем пиаристском училище г. Полоцка он сообщает, что нашел успехи учеников в науках «чрезвычайно слабыми или, лучше сказать, никакими», только один из учеников знал немного латынь, «да и тот запасся этим знанием в Забальской гимназии, в которой прежде обучался», а «порусски никто не был в состоянии правильно написать трех строчек под диктовку». Нравственное состояние учеников вызвало у него крайнее возмущение. Ученики были оставлены без надзора, по ночам играли в карты, писали пасквили на городское начальство и на руководство своего училища, часть из них состояли в подозрительном тайном обществе, членство в котором якобы даровало «полное на всю жизнь прощение грехов». У воспитанников было найдено множество польских патриотических стихов антироссийской направленности, которые они распевали дома, по дороге в училище и прикрепляли к воротам городских заведений, так что «дух вольнодумства и ненависти ко всему русскому господствовал между ними» [Там же, с. 76–77].

В отношении других белорусских учебных заведений монашеских орденов отзыв Сенковского также носит нелестный характер как о методах преподавания и успеваемости учеников, так и об их политической благонадежности. Таким образом, использование этих европейски организованных школ в целях развития национальной системы образования было признано нецелесообразным. По итогам министерских проверок большинство орденских училищ было ликвидировано в 1830-е гг., оборудование учебных кабинетов и библиотеки вывезены. Оставшиеся училища были реформированы,

преподавание было переведено на русский язык, за деятельностью преподавателей и учащихся был учрежден контроль с целью нейтрализации полонизационных тенденций.

Второй тип институтов, транслировавших европейские практики, то есть разнообразные иностранные пансионы в центральных губерниях Российской империи, также был признан к середине XIX в. неэффективным и даже вредным. В 1811 г. министр народного просвещения граф А. К. Разумовский отмечал в своей докладной записке императору Александру I:

Все почти пансионы в империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушась оным, не имея привязанности к стране, для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему, и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца (цит. по: [Шмид, с. 91–92]).

Посчитав, что приобщение российского населения к европейскому образованию через иностранные пансионы сопровождается отторжением русского языка, культуры и православной веры, правительство начало принимать меры по ограничению их деятельности. На протяжении всего XIX в. регулярно ужесточались условия работы иностранных пансионеров, усиливалась инспекция со стороны государства, вводилось обязательное изучение русского языка и ряда предметов из министерских программ, проверялись права учителей на преподавание и т. д. (см., например: [Министерское распоряжение № 9, с. LXIV; О мерах против умножения пансионеров; Отчет С. С. Уварова, с. CLXVIII]). В результате иностранные пансионы во второй половине XIX в. уже не рассматривались российской образованной элитой в качестве приемлемого института-транслятора европейского опыта.

Третий тип институтов, транслировавших образовательные традиции из Европы в Россию, представляли собой временные русские семинарии, открывавшиеся российским правительством при ведущих зарубежных университетах с целью подготовки преподавательских кадров в той или иной научной области. Например, в 1873 г. на основании доклада министра народного просвещения Д. А. Толстого была открыта русская филологическая семинария при Лейпцигском университете (с 1884 г. – Русский филологический институт в Лейпциге) ввиду того, что имевшиеся в России историко-филологические институты не могли подготовить требуемого количества квалифицированных филологов. Выбор Лейпцигского университета объяснялся репутацией последнего как сосредоточившего лучшие кадры европейских классических филологов [Птицын, с. 98]. Студенты семинарии получали бесплатное образование и стипендию от российского правительства при условии наличия российского подданства и обязательства отработать учителем в одной из российских

гимназий по два года за каждый год получения стипендии [Русская филологическая семинария, с. 97].

В 1887 г. была открыта Русская семинария по римскому праву при Берлинском университете (или Русский институт римского курса). По словам министра народного просвещения И. Д. Делянова,

...к прискорбию, этому основному предмету юридического образования у нас доселе не придавалось должного значения, а потому наши университеты страдают ныне недостатком преподавательских сил по кафедре римского права [Всеподданнейший доклад].

Семинарией, учрежденной на средства российского правительства, руководили берлинские профессора; студенты, командированные туда по выбору Министерства народного просвещения, получали повышенные стипендии и право по возвращении в Россию занимать профессорские кафедры без магистерского и докторского экзаменов [Оболенский, с. 127]. Несмотря на то, что такого рода заведения носили временный характер и закрывались после того, как министерство посчитало, что они выполнили свою задачу, их следует считать наиболее успешным типом институтов-трансляторов европейских традиций образования.

Более надежным и безопасным путем заимствования европейского опыта считалось командирование представителей российской образованной элиты за границу с целью изучения европейского законодательства в области образования, анализа уставных документов, знакомства с зарубежными педагогическими сочинениями, консультаций с авторитетными европейскими профессорами. Такие поездки, получившие название «педагогических путешествий», участились во второй половине XIX в. Л. Н. Толстой вспоминал:

Я был тогда за границей и помню везде встречавшихся мне тогда скитавшихся по Европе послов, разыскивавших новую веру, т. е. чиновников министерства, изучавших немецкую педагогию [Толстой, с. 292].

Министр народного просвещения граф Д. А. Толстой совершил такое путешествие для ознакомления с положением реального образования в Германии и иностранным законодательством по этому вопросу, результатом которого стала реформа средней школы 1871 г. Не менее ярким примером служат многочисленные командировки графа А. А. Мусина-Пушкина (1855–1918). На протяжении более чем 30 лет в его задачи входило наблюдение за постановкой образовательного процесса на Западе, по результатам которого он представлял доклады в министерство и публиковал их в различных педагогических журналах, а в 1912 г. издал в двухтомном «Сборнике статей по вопросам образования на Западе и в России» [Мусин-Пушкин, 1912].

Так, заняв должность почетного попечителя Нежинского историко-филологического института князя Безбородко в марте 1880 г., в мае следующего года граф Мусин-Пушкин отправился в командировку с целью изучения особенностей общей организации, интернатов, учебных планов и методов преподавания в высших учебных заведениях Германии и Франции, подходящих под тип Нежинского института. Министерство народного просвещения снабдило его «открытым листом», дававшим возможность осмотреть выбранные учебные заведения во всех подробностях и получить доступ к интересовавшим документам. Наибольшее внимание Мусин-Пушкин уделил Высшей нормальной школе в Париже как наиболее соответствующей целям российских историко-филологических институтов. Он настаивал на необходимости перенять у французских коллег принципы самостоятельного научного труда студентов, предоставления им большей свободы и возможности проявить собственную инициативу, учета их персональных склонностей и интересов. Тогда, полагал граф, можно будет избежать характерной для российских институтов проблемы выпуска педагогов «по принуждению, но без призвания», занимающихся преподавательской деятельностью «просто по недостатку в насущном пропитании» [Мусин-Пушкин, 1882, с. 25].

Мусин-Пушкин посетил историко-филологическую секцию недавно открытой Практической школы высших исследований Сорбонны, а также немецкие учебные заведения с большими интернатами – католическую и евангелическую семинарии в Тюбингене, филологическую семинарию при Тюбингенском университете, Русскую филологическую семинарию при Лейпцигском университете, знаменитую Шультсфорту и Лейпцигскую школу святого Фомы. Историческая семинария фон Йордена при Лейпцигском университете, считавшаяся одной из лучших в Германии, при всех несомненных достоинствах вызвала критику русского специалиста: он отметил чересчур узкую специализацию при недостаточной общеисторической подготовке студентов. Любопытным ему показалось то, что вместе со студентами-мужчинами в семинарии обучалась, и весьма успешно, молодая девушка [Там же, с. 46–47]. Обращают на себя внимание педантичность Мусина-Пушкина, беспристрастность в оценке организации учебного процесса и условий проживания студентов, стремление проанализировать возможность использования западноевропейских практик в российской высшей школе.

В годы нахождения графа Д. А. Толстого на посту министра народного просвещения существенно увеличился поток молодых выпускников российских университетов, направлявшихся за границу на стажировку. Наряду с основной задачей сбора материалов для написания собственной диссертации, им давалось особое поручение – ознакомиться с программами и методиками учебного процесса в зарубежном университете [Лесаев, с. 13–14].

За счет средств министерства на срок от одного месяца до полугода (часто на время летних каникул) за границу командировались опытные университетские профессора, а также преподаватели гимназий. Их отчеты содержат сравнительный анализ и конструктивную критику европейских и российской школ, личные мнения о том, что было бы полезно перенять из европейских практик, а что не подойдет для российской почвы. Так, в 1869 г. по распоряжению министра народного просвещения и согласно выбора попечителей учебных округов за границу с целью изучения преподавания отечественного и классических языков были командированы несколько учителей из гимназий, в том числе директор 5-й московской гимназии и учитель латыни и греческого языка В. П. Басов (1841–1887) и учитель греческого языка 2-й киевской гимназии А. Д. Юркевич (1833–1896). Оба составили подробные объемные отчеты о своем «педагогическом путешествии за границу», которые были опубликованы в нескольких номерах «Журнала Министерства народного просвещения» [Басов; Юркевич А. Д].

Басов отмечает, что сразу по прибытии в русском посольстве им передали разрешение прусского министра посещать любые гимназии и его персональные рекомендации. Русский педагог ясно формулирует поставленную перед ним задачу визита: «чем мы, русские учителя, можем попользоваться от немцев для нашего дела» [Басов, с. 153]. Первое, на что обращает внимание Басов, это то, что в Германии базисом всего образования считается знание родного языка. В российских же школах ребенка начинали обучать сразу несколькими языкам одновременно – русскому, латыни, греческому, французскому, немецкому – разные, как правило, учителя по совершенно разным методикам, отчего у детей в голове возникала путаница. Главной задачей классического образования в немецких школах являлось понимание содержания произведений великих поэтов древности, а не изучение с их помощью новых слов и этимологических форм, как в российских школах. Басов отмечает у немецких гимназистов «навык и легкость в чтении классических писателей», хорошее знание ими политической истории античных времен, «живое и мастерское преподавание учителя», а также более дружеские, чем в России, отношения между учителем и учениками. Басова удивило, что немецкий учитель обращался к гимназистам на «ты», но это не мешало их взаимным добрым отношениям и не нарушало серьезности классной атмосферы [Там же, с. 127–142]. Педагог с грустью констатирует:

...Курс наших гимназий так далеко отстал от курса германских гимназий, что даже в случае прибавления к семилетнему курсу наших гимназий осьмаго класса все-таки нам не придется проходить того, что приходится в высшем отделении примы немецких гимназий [Там же, с. 125].

В заключение он предлагает конкретные меры, чтобы хоть как-то сократить этот разрыв в уровне классического образования.

Юркевич отмечает бóльшую свободу и самостоятельность немецких гимназистов, молодость, энергичность и высокую квалификацию преподавателей, наличие «громadных научных и учебных средств». Особенно ему понравилась форма построения урока в берлинских гимназиях:

Учитель скуп на объяснения, но зато щедр на спрашиванье... Метода спрашиванья отличается живостью, быстротой и строгостью. Учитель не имеет журнала, не останавливается долго на одном ученике; напротив, быстро переходит от одного к другому и в час переспросит всех, и даже по несколько раз [Юркевич А. Д., с. 54].

Такой метод опроса был перенят многими российскими преподавателями, получил название «системы быстрых вопросов», но в ряде случаев принял весьма уродливую форму. С. Т. Шацкий, учившийся в 1885–1892 гг. в одной из лучших московских гимназий, вспоминал:

Наш математик Сократ выдумал новую манеру: перед началом основного урока он быстро перебирает весь класс, задавая короткие вопросы. Кто ответит – «пять», не ответит – «кол». Это создает некоторый род спорта, но очень утомляет... За расшатывание балльной системы он был особенно ценим [Шацкий, с. 63–64].

Поприсутствовав на одном из уроков в берлинской гимназии, Юркевич сравнивает свой опыт с «положением послов Владимира, которым после бедного своего языческого богослужения пришлось присутствовать при патриаршем богослужении у греков». По наблюдениям педагога, немецкие гимназисты читали Гомера лучше, чем русские – Пушкина [Юркевич А. Д., с. 48, 56]. Тем не менее, Юркевич оптимистично заявляет:

...Как бы ни был незначителен успех наших учеников по сравнению с заграничными, все же он – успех сравнительно с прежним... <...> Время, опыт и потребности жизни сблизят нас с Европой и в устройстве наших образовательных заведений [Там же, с. 57–58].

Министерство народного просвещения неоднократно командировало за границу профессора И. И. Паплонского (1819–1885) для знакомства с организацией воспитания и обучения глухих и слепых детей в Европе. Для второй половины XIX в. это было активно развивающееся направление; детей с подобными ограничениями здоровья начали рассматривать как будущих граждан, обучение которых входило в задачи национального воспитания. Задачами

обучения таких детей Паплонский называет, помимо приучения к физическому труду, «облагорожение их сердца» и «ознакомление с обязанностями их в отношении к Богу, правительству и обществу» [Паплонский, с. 10]. Ознакомившись с устройством учебных заведений для глухих и слепых детей во многих городах Европы, Паплонский отметил не только полезные моменты для развития Варшавского института глухонемых и слепых, директором которого он являлся, но и преимущества своего института перед заграничными. Он считал, что совместное обучение слепых и глухих детей, которого он не встретил в Европе, удобнее в плане административно-финансовой организации, постановки профессионального обучения и, что важнее всего, морально-нравственного воспитания. Также он был разочарован тем, что в европейских школах глухих и слепых детей в их свободное время занимали только физическим трудом, тогда как организация игр и развлечений им ровно так же необходима, как и обычным детям. В Варшавском институте Паплонский устраивал загородные прогулки и танцы для своих воспитанников.

К своему удивлению, профессор отмечает, что в немецких и французских заведениях преподавание ремесел поставлено хуже, и они менее обеспечены наглядными пособиями, тогда как стены Варшавского института «увешаны картинами» и рисунками для глухонемых по методикам немецких авторов, повсюду выставлены «модели разных предметов... на которые ученики смотрят ежедневно, заучивая подписанные под ними названия» [Там же, с. 8]. Осмотрев Институт глухонемых в Линце, некогда послуживший моделью для Варшавского, Паплонский делает вывод, что «между тем как наш институт постоянно улучшается и развивается, Линцкий стоит все на той же точке» [Там же, с. 37]. Тогдашние опыты инклюзивного образования в парижских школах – совместное обучение глухих и слышащих детей – крайне заинтересовали российского педагога, но не убедили в своей эффективности [Там же, с. 14].

Эффективность «педагогических путешествий» как канала трансляции европейского образовательного опыта в Россию была несомненной, и к концу XIX в. довольно частым явлением жизни российской образованной элиты становятся подобные поездки и по частной инициативе. Широкую популярность получают летние каникулярные курсы за границей: по наблюдениям современницы, «проводить лето за границей, на курсах, становится обычным явлением учительской жизни, и не редкость встретить в аудиториях Парижа, Йены, Женевы, Лондона слушателей из самых отдаленных городов России и даже Сибири» [Ганшина, с. 193]. Популярными среди русских путешественников-педагогов были курсы при университетах Германии, Франции и Швейцарии; обучение на них поощрялось со стороны начальства, а выданные на них дипломы высоко ценились.

Трансляция европейского опыта в рефлексии российской элиты

Следует отметить, что все материалы, позволяющие реконструировать каналы трансляции европейского образовательного опыта, даже официальные докладные записки и отчеты по инспекциям и командировкам, непременно включают рассуждения отчитывающегося, оценку зарубежных достижений, взгляд на современное состояние российской школы, попытку определить степень пригодности или адаптированности европейских практик в отечественной системе образования, конкретные предложения по улучшению эффективности заимствованных практик в России. Можно говорить о глубокой рефлексии образованной элиты Российской империи по поводу процесса трансляции европейского образовательного опыта.

Рефлексия этого процесса отчетливо представлена в ставших нередкими с середины XIX в. широких общественных дискуссиях на страницах журналов «Русский вестник», «Русская старина», «Учитель», «Воспитание», «Семья и школа», «Журнал министерства народного просвещения», «Журнал для родителей и наставников» и др. Все чаще поднимался вопрос, почему перенесенные на российскую почву европейские модели не дают должных результатов (см., например: [Рехневский, с. 1–2]). Публицисты называли разные причины. Одни утверждали, что заимствование и адаптация европейских нововведений идут, но с заметным отставанием, другие писали об отрицательных последствиях слишком частого реформирования, третьи указывали на отсутствие работ на русском языке, обобщающих все европейские педагогические инновации, и на слишком короткие, по сравнению с европейскими странами, сроки обучения в школах [Овсянников, с. 32]. Подчеркивалась разница в социальном статусе и материальном положении учителей в «просвещенных» странах, где в их деятельности видят «существенное условие преуспевания и будущности народа», и в России, где «пока еще относятся к ним с крайним пренебрежением, и учителя почти нищенствуют» [Миропольский, 1871, № 1, с. 9–10]. Непопулярность «учёбищ», то есть народных школ, объясняли неумением русских учителей применить передовую европейскую идею воспитывающего обучения [Там же, с. 13–22].

Ряд педагогов считали существенным недостатком российской образовательной системы по сравнению с западной непременное положение о том, что преподавание религии в школах не могло быть поручено светскому лицу. В результате Закон Божий преподавали священники, имевшие мало навыков работы с детьми, к тому же постоянно занятые исполнением своих культовых обязанностей. Преподаватели светских предметов, со своей стороны, не имели представления о том, что именно дети изучают на уроках Закона Божьего. В итоге то, что рассказыва-

лось на уроках по светским предметам и по Закону Божьему, противоречило друг другу и вредило формированию у учащихся «правильной» идеи Отечества и патриотических чувств. Профессор Московского университета П. Д. Юркевич (1826–1874) приводит пример, когда в один день законоучитель-священник рассказывал детям, как греческий проповедник показал князю Владимиру картину Страшного суда, на которой Бог карает грешников, и тот принял решение креститься. Через два дня учитель русской истории, не зная курса церковной, рассказал об этой же картине Страшного суда, добавляя, что «картина эта, хотя, конечно, в сущности, нелепая, придуманная на страх тем, которые были еще крепко слепы разумом, сильно, однако ж, подействовала на Владимира и на присутствующих при этом бояр» [Юркевич П. Д., 1870, № 3, с. 9–10]. Таким образом, светский учитель, сам того не желая, не только подорвал усилия священника научить детей православной вере, но и разрушил представление о князе Владимире как об одном из самых почитаемых отечественных деятелей, воплощающем собой идею величия России.

Причинами отставания российской школы были децентрализация преподавания, слабая нравственно-воспитательная сторона учебного процесса, отсутствие талантливых преподавателей, плохие санитарно-гигиенические условия и проч. Однако подобные же жалобы раздавались в то время и со стороны зарубежных педагогов на их собственные школы, которые тоже часто бывали плохо обустроены и где тоже не хватало талантливых учителей. Во второй половине XIX в. усиливается критика собственно европейских систем, педагогических идей и методов, которые попали в российскую школу через переводные работы или были переработаны в учебниках и пособиях русских педагогов. В адрес большинства российских авторов выдвигалось обвинение в том, что их учебники представляют собой переводные компиляции западных работ, причем не самых лучших и безо всякого учета особенностей российской почвы (см., например: [Миропольский, 1871, № 2]).

За чрезмерное увлечение и идеализирование идей И. Г. Песталоцци, А. Дистервега и Я. А. Коменского критиковали даже таких признанных корифеев педагогики, как К. Д. Ушинский и Л. Н. Модзалевский. Последнего обвиняли в том, что, возвеличивая педагогические идеи Ж.-Ж. Руссо, «сделавшегося идолом современных педагогов», он умалчивал о безнравственном, аморальном образе жизни последнего [Юркевич П. Д., 1870, № 9, с. 6, 8–11].

Русских педагогов критиковали за недостаточное внимание к морально-нравственным и религиозным аспектам. П. Д. Юркевич проводит сравнительный анализ коротких текстов, включенных в русский и немецкий учебники, по которым дети учились читать, – «Родное слово» К. Д. Ушинского (1864) и «Книгу для детей» Вильгельма Лампе («Zweites Buch für Kinder von Wilhelm Lampe», 1867). Критик отмечает, что при практически идентичных тематике и объ-

еме тексты в русском учебнике носят описательный, поверхностный характер и состоят из случайного набора незначительных фактов, тогда как в немецких текстах сделан сильный акцент на воспитательном и нравственном элементах [Юркевич П. Д., 1870, № 3, с. 19–20]. Юркевич также указывал на бессмысленность и даже вредность, с его точки зрения, включения в учебник народных потешек и тех русских сказок, которые, в отличие от немецких, не имели морально-воспитательной функции [Там же, с. 20–22].

И все же, несмотря на обширную критику, процесс заимствования европейских образовательных практик шел полным ходом. При обсуждении реформ и возможных нововведений в систему российского образования в Министерстве народного просвещения в первую очередь рассматривался вопрос о том, как это дело обстоит в Германии, Англии, Франции и т. д. Все законы о школьном образовании, принимаемые в ведущих европейских государствах, критика и поправки к ним, дебаты относительно их принятия регулярно отслеживались, о чем свидетельствуют сообщения на страницах Журнала Министерства народного просвещения. Пространные статьи, публиковавшиеся в журнале с 1860-х гг., представляли собой в том числе критические описания зарубежных воспитательных и учебных учреждений, разборы трудов иностранных ученых «по всем отделам науки, если они по содержанию своему могут иметь влияние на педагогическую деятельность», исторические исследования, «в которых раскрывается ход народного образования в том и другом народе», и работы по философии, «если они прямо или косвенно могут содействовать к определению и уяснению цели и задачи народного просвещения» [Программа журнала]. С 1860 г. обязательным разделом журнала стала «Иностранная учебная хроника», где особое внимание уделялось состоянию школьного дела в Германии, Австрии, Франции, Англии, Швейцарии и Италии. Раздел «Разное» включал последние известия об открытии за рубежом новых учебных заведений, о введении новых предметов в учебные программы, о новых учебниках и методах преподавания, новшествах в области женского образования, библиотеках, учебных комитетах и органах надзора, численности учащихся и проч.

В заключение следует еще раз подчеркнуть последовательную эскалацию на протяжении всего XIX в. интереса российской элиты к европейским образовательным практикам, которые транслировались в Российскую империю наиболее эффективно через временные русские семинарии при европейских университетах, и широкое участие образованной элиты в так называемых «педагогических путешествиях» в Европу с целью разностороннего изучения зарубежного образовательного опыта. Процесс заимствования и адаптации европейских моделей, методов и педагогических идеалов к российской почве элитами глубоко рефлексировался, оценивался в целом как положительный и нацеленный на приведение российской школы в соответствие с более развитыми европейскими моделями.

Список литературы

Басов В. П. Преподавание отечественного и классических языков в немецких гимназиях // Журн. М-ва народного просвещения. 1870. Ч. CXLX. № 7. Отд. 3. С. 36–88; № 8. С. 125–183.

Березкина Н. Ю. Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси (XVI–XX в.). Минск : Беларус. наука, 2013. 523 с.

Всеподданнейший доклад министра народного просвещения И. Д. Делянова Александру III от 15 ноября 1886 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 917. Л. 16–19.

Ганишина К. А. Летние каникулярные курсы за границей // Журн. М-ва народного просвещения. Новая серия. Ч. XVIII. 1908. № 12. Отд. 3. С. 193–212.

История Беларуси : Полный курс : пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / Ю. Л. Козаков, П. О. Лойко, С. Н. Ходин и др. ; под ред. проф. О. Я. Яновского и доц. А. Г. Кохановского. Минск : Юнипресс, 2005. 416 с.

Лесаев Р. К. Сравнительный анализ научных зарубежных командировок преподавателей и выпускников российских духовных академий и университетов (1869–1917) // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 7–19.

Министерское распоряжение № 9 от 27 мая 1833 г. // Журн. М-ва народного просвещения. 1834. Ч. I. № 1. Отд. 1. С. LX–LXVI.

Миропольский С. И. Реч. на: Руководство к начальному обучению для учителей народных школ. Киев, 1869 // Журн. М-ва народного просвещения. 1871. Ч. CLIII. № 2. С. 108–132.

Миропольский С. И. Идея воспитывающего обучения в применении к народной школе // Журн. М-ва народного просвещения. 1871. Ч. CLIII. № 1. Отд. 3. С. 1–25.

Мусин-Пушкин А. А. Высшие учебные заведения с интернатами в Германии и Франции // Журн. М-ва народного просвещения. 1882. Ч. CCXIX. № 2. Отд. 3. С. 19–53.

Мусин-Пушкин А. А. Сборник статей по вопросам образования на Западе и в России (по личным наблюдениям) : в 2 т. СПб. : [Б. и.], 1912. Т. 1. 418 с. Т. 2. 417 с.

Новоселов А. Ревизия профессором Сенковским белорусских училищ в 1826 г. (окончание) // Журн. М-ва народного просвещения. 1872. Ч. CLXI. № 5. Отд. 2. С. 74–122.

О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений (№ 47 от 4 ноября 1833) // Журн. М-ва народного просвещения. 1834. Ч. I. № 2. Отд. 1. С. LXXVII–LXXVIII.

Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 766 с.

Овсянников Н. Объяснительное чтение в народной школе // Журн. М-ва народного просвещения. 1877. Ч. CXC. № 4. Отд. 3. С. 21–32.

Отчет С. С. Уварова по министерству народного просвещения за 1833 г. // Журн. М-ва народного просвещения. 1834. Ч. I. № 3. Отд. 1. С. CLXI–CCXXVI.

Паплонский И. И. Заведения для глухонемых и слепых в некоторых государствах Западной Европы // Журн. М-ва народного просвещения. 1869. Ч. CXLVI. № 11. Отд. 3. С. 1–42.

Программа журнала с июля 1860 г. // Журн. М-ва народного просвещения. 1860. Ч. CVIII. № 10. С. 2.

Птицын А. Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция австро-венгерских славян в Россию // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 97–102.

Рехневский Ю. С. Очерк истории народных школ в Германии // Журн. М-ва народного просвещения. 1860. Ч. CVIII. № 10. Отд. 1. С. 1–35.

Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете с 1873 по 1877 год // Журн. М-ва народного просвещения. 1877. Ч. CXCI. № 6. Отд. 4. С. 95–113.

Толстой Л. Н. О народном образовании (1874 г.) / Толстой Л. Н. Пед. соч. СПб. : Тип. акционер. об-ва «Слово», 1912. 413 с.

Ульянов И. И. Классы ручного труда и ремесленные отделения ведомства Министерства народного просвещения // Журн. М-ва народного просвещения. Новая серия. Ч. XVII. 1908. № 10. Отд. 3. С. 178–222.

Учебно-методический комплекс по дисциплине «Педагогика» / сост. В. Г. Игнатович, Л. И. Баранова, Ю. С. Любимова и др. Минск : БГПУ, 2014. 527 с.

Шацкий С. Т. Годы исканий. М. : Учпедгиз, 1935. 152 с.

Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России / пер. с нем. Г. К. Шмид. СПб. : [Б. и.], 1878. 684 с.

Юркевич П. Д. План и силы для первоначальной школы // Журн. М-ва народного просвещения. 1870. Ч. CXLVIII. № 3. Отд. 3. С. 1–29.

Юркевич А. Д. Преподавание классических языков в немецких гимназиях // Журн. М-ва народного просвещения. 1870. Ч. CXLIX. № 9. Отд. 3. С. 43–58.

Юркевич П. Д. Идеи и факты из истории педагогики (по поводу соч. «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен», сост. Л. Н. Модзалевский, вып. 1-й 1866 г., 2-й 1867 и 3-й 1867) // Журн. М-ва народного просвещения. 1870. Ч. CXLXI. № 9. Отд. 3. С. 1–42.

References

Basov, V. P. (1870). Prepodavanie otechestvennogo i klassicheskikh yazykov v nemetskikh gimnaziakh [Teaching the National and Classic Languages in German Gymnasias]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXLX. No. 7. Section 3, pp. 36–88. Part CXLX. No. 8, pp. 125–183.

Berezkina, N. Yu. (2013). *Biblioteki i rasprostranenie nauchnykh znaniy v Belorusi (XVI–XX v.)* [Libraries and the Spread of Scholarly Knowledge in Belarus (16th–20th Centuries)]. Minsk, Belorusskaya nauka. 523 p.

Ganshina, K. A. (1908). Letnie kanikulyarnye kursy za granitsej [Summer Vacation Courses Abroad]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. New Series. Part XVIII. No. 12. Section 3, pp. 193–212.

Ignatovich, V. G., Baranova, L. I., Lyubimova, Yu. S., et al. (2014). *Uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline “Pedagogika”* [A Teaching Aid Package on the Discipline of Pedagogy]. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 527 p.

Kozakov, Yu. L., Loiko, P. O., Khodin, S. N. et al. (2005). *Istoriya Belarusi: Polnyi kurs: Posobie dlya starsheklassnikov i postupayushchikh v vuzy* [The History of Belarus: A Complete Course: A Tutorial for Senior Students Entering Higher Educational Institutions] / ed. by O. Ya. Yanovskii, A. G. Kokhanovskii. Minsk, Yunipress. 416 p.

Lesae, R. K. (2012). Sravnitel’nyi analiz nauchnykh zarubezhnykh komandirovok prepodavatelei i vypusnikov rossiiskikh dukhovnykh akademii i universitetov (1869–1917) [Comparative Analysis of Foreign Academic Trips Taken by Teachers and Graduates of the Russian Theological Academies and Universities in 1868–1917]. In *Vestnik PSTGU. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. No. 6 (49), pp. 7–19.

Ministerskoe rasporyazhenie No. 9 ot 27 maya 1833 g. [Ministerial Order No. 9 from 27 May 1833]. (1834). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part I. No. 1. Section 1, pp. LX–LXVI.

Miropol’skii, S. I. (1871). Ideya vospityvayushchego obucheniya v primenenii k narodnoi shkole [The Idea of Educational Instruction as Applied to National Schooling]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CLIII. No. 1. Section 3, pp. 1–25.

Miropol’skii, S. I. (1871). Retseziya na: Rukovodstvo k nachal’nomu obucheniyu dlya uchitelei narodnykh shkol. Kiev, 1869 [Rev. of: Instruction on Primary Teaching for National Schoolteachers. Kiev, 1869]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CLIII. No. 2, pp. 108–132.

Musin-Pushkin, A. A. (1882). Vysshie uchebnye zavedeniya s internatami v Germanii i Frantsii [Higher Educational Institutions with Boarding Schools in Germany and France]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCXIX. No. 2. Section 3, pp. 19–53.

Musin-Pushkin, A. A. (1912). *Sbornik statei po voprosam obrazovaniya na Zapade i v Rossii (po lichnym nablyudeniyam) v 2 t.* [Collection of Essays on Issues of Education in Western European Countries and Russia (Personal Observations). 2 Vols.]. St Petersburg, S. n. Vol. 1. 418 p. Vol. 2. 417 p.

Novoselov, A. (1872). Reviziya professorom Senkovskim belorusskikh uchilishch v 1826 g. (okonchanie) [The Inspection of Belorussian Schools by Prof. Senkovsky in 1826 (Final Part)]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CLXI. No. 5. Section 2, pp. 74–122.

O merakh protiv umnozheniya pansionov i chastnykh uchebnykh zavedenii (No. 47 ot 4 noyabrya 1833) [On Measures against the Increase in the Number of Boarding Schools and Private Schools (Iss. 47 from 4 November 1833)]. (1834). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part I. No. 2. Section 1, pp. LXXVII–LXXVIII.

Obolenskii, V. A. (2015). *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My Life. My Contemporaries]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 766 p.

Otchet S. S. Uvarova po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1833 g. [Report by S. S. Uvarov on the Ministry of National Education in 1833]. (1834). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part I. No. 3. Section 1, pp. CLXI–CCXXVI.

Ovsyannikov, N. (1877). Ob"yasnitel'noe chtenie v narodnoi shkole [Explanatory Reading in Public Schools]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXС. No. 4. Section 3, pp. 21–32.

Paplonskii, I. I. (1869). Zavedeniya dlya glukhonemykh i slepykh v nekotorykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy [Schools for Blind and Deaf-mute Children in Some Western European States]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXLVI. No. 11. Section 3, pp. 1–42.

Programma zhurnala s iyulya 1860 g. [Programme of the Journal as of July 1860]. (1860). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CVIII. No. 10, p. 2.

Ptitsyn, A. N. (2017). Russkaya filologicheskaya seminariya v Leiptsige i emigratsiya avstro-vengerskikh slavyan v Rossiyu [The Russian Philological Seminar in Leipzig and the Emigration of Austrian-Hungarian Slavs to Russia]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 97–102.

Rekhnevskii, Yu. S. (1860). Oчерк istorii narodnykh shkol v Germanii [An Essay on the History of National Schools in Germany]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CVIII. No. 10. Section 1, pp. 1–35.

Russkaya filologicheskaya seminariya pri Leiptsigskom universitete s 1873 po 1877 god [The Russian Philological Seminary at Leipzig University between 1873 and 1877]. (1877). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXCI. No. 6. Section 4, pp. 95–113.

Shatskii, S. T. (1935). *Gody iskanii* [Years of Quest]. Moscow, Uchpedgiz. 152 p.

Schmid, E. K. (1878). *Istoriya srednikh uchebnykh zavedenii v Rossii* [The History of Secondary Schools in Russia] / transl. by G. K. Schmid. St Petersburg, S. n. 684 p.

Tolstoy, L. N. (1912). O narodnom obrazovanii (1874 g.) [On National Education (1874)]. In Tolstoy, L. N. *Pedagogicheskie sochineniya*. St Petersburg, Tipografiya aktsionernogo obshchestva "Slovo". 413 p.

Ulyanov, I. I. (1908). Klassy ruchnogo truda i remeslennye otdeleniya vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Classes of Handicraft and Craft Branches Accountable to the Ministry of National Education]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. New Series. Part XVII. No. 10. Section 3, pp. 178–222.

Vsepoddanneishii doklad ministra narodnogo prosveshcheniya I. D. Delyanova Aleksandru III ot 15 noyabrya 1886 g. [The Most Devoted Report by Minister of National Ed-

ucation I. D. Delyanov to Alexander III from 15 November 1886]. In *RGIA* [Russian State Historical Archive]. Stock 733. List 149. Dos. 917. L. 16–19.

Yurkevich, A. D. (1870). Prepodavanie klassicheskikh yazykov v nemetskikh gimnaziyakh [Teaching Classical Languages in German Gymnasia]. In *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. Part CXLIX. No. 9. Section 3, pp. 43–58.

Yurkevich, P. D. (1870). Idei i fakty iz istorii pedagogiki (po povodu sochineniya “Ocherk istorii vospitaniya i obucheniya s drevneishikh do nashikh vremen”, sostavitel’ L. N. Modzalevskii. Vyp. 1. 1866. Vyp. 2. 1867. Vyp. 3. 1867) [Ideas and Facts from the History of Pedagogy (On the Work *An Essay on the History of Education from Antiquity till the Present Day* by L. N. Modzalevskii. 1866, Iss. 1; 1867, Iss. 2; 1867, Iss. 3)]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXLXI. No. 9. Section 3, pp. 1–42.

Yurkevich, P. D. (1870). Plan i sily dlya pervonachal’noi shkoly [Plan and Potential for Elementary Schools]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CXLVIII. No. 3. Section 3, pp. 1–29.

The article was submitted on 07.04.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.364

УДК 94(470)"18"+929Александр(470)*2+316.422+316.653

**В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИИ: ПИСЬМА И ЗАПИСКИ К ВЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х гг.***

Оксана Завьялова

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**IN SEARCH OF A NEW MODEL FOR RUSSIA'S
MODERNISATION: LETTERS AND NOTES TO THE
AUTHORITIES IN THE SECOND HALF OF THE 1850s****

Oksana Zavyalova

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Referring to the analysis of letters and notes written by representatives of the Russian public and addressed to the emperor and other representatives of the supreme authorities, the author considers one of the forms in which the government and society interacted during the preparation for the Great Reforms between the 1860s and 1870s. Theoretically and methodologically, the research is based on the historical and sociological theories of European sociologists and philosophers and approaches to the new intellectual history. These can help us comprehend the goals the Russian public sought to attain while creating their journalistic texts and letters and take into account the influence of sociocultural and political processes on their content. The second half of the 1850s was characterised by a rise in social consciousness and another stage in modernization. In this situation, letters and notes addressed to the authorities were an important means for expressing the public's reaction to the changes, turning them into an instrument of social "expertise" that

* Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

** *Citation:* Zavyalova, O. (2019). In Search of a New Model for Russia's Modernisation: Letters and Notes to the Authorities in the Second Half of the 1850s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364.

Цитирование: Zavyalova O. In Search of a New Model for Russia's Modernisation: Letters and Notes to the Authorities in the Second Half of the 1850s // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364 / Завьялова О. В поисках новой модели модернизации России: письма и записки к власти во второй половине 1850-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364.

pointed out the need to alter the government's foreign and domestic policy. The first years of Emperor Alexander II's reign were characterised by unique conditions which made it possible for the Russian public to discuss the most relevant issues and let the authorities know about its perception of the changes, while the authorities were ready to listen to the public's opinion and take its suggestions into account when working on the ideological foundations of modernisation. Letters and notes addressed to the authorities testify to the expansion of public life in Russia and the formation of a new model of interaction between the authorities and the public as part of subject-to-subject relations. These were characterised by the need of both sides to take each other's interests into account in the context of reform.

Keywords: Russian Empire in the second half of the 19th century; Alexander II; Russian public; rise of social consciousness; public sphere; reforms; modernisation.

На основе анализа писем и записок, составленных представителями русской общественности и адресованных императору и другим высшим государственным деятелям Российской империи, рассматривается одна из форм взаимодействия власти и общества в период подготовки Великих реформ 1860–1870-х гг. Теоретико-методологическую основу исследования составляют историко-социологические теории европейских социологов и философов, методологические подходы новой интеллектуальной истории, которые позволили приблизиться к понимаю целей, преследовавшихся представителями русской общественности при создании своих публицистических сочинений и писем, а также учесть влияние социокультурных и политических процессов на их содержание. Во второй половине 1850-х гг. в условиях общественного подъема и запуска нового витка модернизационных преобразований письма и записки к власти получают широкое распространение, приобретая характер своеобразной общественной «экспертизы», указывая на необходимость корректировки внешне- и внутриполитического курса правительства. В первые годы царствования императора Александра II сложились уникальные условия для налаживания обратной связи между властью и образованным обществом, когда представители русской общественности получили возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение актуальных проблем, а власть была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке идейных основ правительственной политики модернизации. Письма и записки на имя государственных деятелей стали характерным свидетельством расширения публичной сферы в России и формирования новой модели взаимодействия власти и общества по линии субъект-субъектных отношений, что характеризовалось необходимостью как для общественности, так и для власти учитывать интересы и потребности друг друга в контексте преобразований.

Ключевые слова: Российская империя во второй половине XIX в.; Александр II; русская общественность; общественный подъем; публичная сфера; реформы; модернизация.

В середине XIX в. в России сложилась уникальная общественно-политическая ситуация, которая привела к изменению характера взаимоотношений власти и образованной части общества. В первые годы царствования императора Александра II русская общественность получила возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение актуальных проблем, а власть была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке модернизационных проектов. Современник событий известный ученый и общественный деятель Б. Н. Чичерин писал по этому поводу: «В России все совершенные преобразования созрели уже в общественном сознании; программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе... Для счастья России нашелся Государь, который... исполнил все то, что было предназначено общественной мыслью» [Чичерин, с. 11–12].

Высказывание Чичерина зафиксировало новую роль русского образованного общества. Из объекта воздействия и всесторонней административной опеки оно превращается в субъект, формирующий комплекс актуальных преобразовательных идей. Александру II пришлось отказаться от административно-командной модели отношений с образованным обществом времен Николая I, тормозившей решение важных внутривластных задач нового царствования. Взаимодействие приобретало характер *субъект-субъектных отношений*, отличающихся стремлением участников коммуникационного процесса учитывать интересы и потребности друг друга [Грачев, с. 78]. Появление многочисленных обращений представителей русской общественности различных идейных направлений к императору Александру II посредством писем и записок стало характерным явлением предреформенного десятилетия.

Письма и записки становятся одним из основных каналов коммуникации образованного общества и власти во второй половине 1850-х гг. Теория социокультурной модернизации позволяет, проанализировав изменения в сознании исследуемых объектов – власти и общества, зафиксировать смену ценностей и социальных установок, которые привели к осознанию необходимости совместных усилий властных и общественных структур в решении основных внутривластных проблем империи [Федотова, с. 47–48]. Коммуникативный подход изучения публичной сферы, разработанный Ю. Хабермасом, позволяет рассматривать отношения между властью и образованным обществом как социальное взаимодействие, в рамках которого происходит налаживание диалога, опосредованного персональными текстами [Habermas, p. 6–7]. При использовании концепции П. Бурдьё коммуникация власти и общества рассматривается как взаимодействие агентов из «поля политики» и литературного, философского, публицистического, академического и других социальных полей, в процессе чего происходит выработка совместных проектов перспективного общественного развития [Бурдьё, с. 37].

Частные письма и записки на имя императора и лиц, занимавших высокие государственные должности, представляли собой один из немногочисленных способов, позволявших донести до верховной власти отдельные общественные ожидания, настроения и мнения по актуальным внутривластным вопросам. С приходом к власти Александра II в 1855 г. тональность и основное содержание подобных писем приобретают острый общественно-политический характер. С их страниц открыто звучат призывы к корректировке внешне- и внутривластного курса, и в особенности к изменению сложившейся за годы николаевского царствования схемы взаимоотношений «власть – общество». Многие из этих писем заведомо создавались как открытые и имели публичный характер. Основные идеи и предложения, изложенные в них, представляют собой определенную модель преобразований, которая «вбрасывалась» интеллигентами в правительственные круги в надежде на то, что на ее основе власть сможет осуществить широкое обновление всех сторон государственной и общественной жизни, необходимое стране после поражения в Крымской войне.

В первые годы нового царствования представители общественности берут на себя роль экспертов, формулирующих рекомендации и советы для правительства, в которых под верноподданнической риторикой скрывались настойчивое ожидание перемен и стремление подтолкнуть к ним властные круги. Одной из попыток взять на себя такую роль стало творчество периода Крымской войны 1853–1856 гг. историка М. П. Погодина, в котором ярко и последовательно проявилось общее движение к преобразованиям. После восшествия на престол императора Александра II Погодин отправил ему несколько писем. В одном из них (апрель 1855) «смиранный труженик истории» желал монарху успешно «исправить всё, оказавшееся не согласным с пользами отечества», и «предпринять нужное для содействия счастью... подданных», которые встретили его «с такой любовью и такими надеждами». К этому письму Погодин приложил очерк под названием «Царское время», рассчитывая на то, что император сможет «рассмотреть тщательно вопрос важнейший в нашем государственном быту, вопрос о царском времени» [ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 45. Д. 61. Л. 1].

В очерке Погодин отмечает, что Николай I пал «жертвой царственного долга», не справившись со сложностью разросшегося механизма управления империей. Выход из сложившейся ситуации историк видел в решении нескольких задач: Государственный совет должен определить, какие вопросы могут быть решены другими ведомствами без нарушения прерогатив самодержавной власти. К тому же необходимо «определить, в какой степени может быть допущена гласность», призванная следить за добросовестным исполнением правительственных решений [Погодин, с. 313]. Эти меры позволят привлечь полезных людей к делам государственного управления и выявить различные злоупотребления властью.

Если письма Погодина представляли собой скромные и осторожные рекомендации, призванные укрепить власть в ее намерениях, то письма к Александру II А. И. Герцена, публиковавшиеся на страницах его заграничных изданий, изначально носили характер открытых публичных деклараций, проникнутых ожиданием преобразований, на необходимости которых русский мыслитель-эмигрант настаивал на протяжении многих лет.

Серия открытых писем Герцена к императору Александру II открывалась посланием от 11 марта 1855 г., которое было отправлено по почте и затем опубликовано в первом выпуске «Полярной звезды». Публицист возлагал на нового императора большие надежды. Призывая Александра II дать «свободу русскому слову», Герцен выражал настоятельную потребность общества выговориться, донести до верховной власти свое видение насущных проблем государственной жизни, пафосно добавляя, перефразируя латинское *Urbi et orbi*, что русской общественности «есть что сказать миру и своим» [Герцен, с. 13].

Адресатом обращений представителей общественности к власти мог выступать не только император, но и лица, имевшие к нему как официальный доступ, так и возможность оказать неформальное влияние. В марте 1855 г. писатель Н. А. Жеребцов вместе с сопроводительным письмом направил генерал-адъютанту С. А. Юрьевичу свою обширную программную записку под названием «О современной политической и внутренней жизни России», включавшую в себя комплексный план преобразований в стране [Жеребцов, с. 633–642].

Обращение писателя к отставному генерал-адъютанту, находящемуся на покое «доблестному старцу-слепцу», как его называет Жеребцов, не выглядит случайным, поскольку на протяжении 25 лет Юрьевич занимал должность помощника воспитателя и преподавателя цесаревича Александра Николаевича. За годы долгой службы Юрьевич сблизился с будущим императором и сохранил с ним доверительные отношения. В 1850 г. он почувствовал признаки ослабления зрения и, подав в отставку, практически безвыездно поселился на своей даче в Павловске [Юрьевич Семен Алексеевич, с. 340]. Но Жеребцов свои записки, теперь уже подаваемые на имя императора Александра II, продолжал отправлять Юрьевичу, считая его одним из надежных каналов, через которые существовала реальная возможность донести до императора соображения о состоянии дел в стране, касающиеся разных сторон государственной и общественной жизни.

В записке состояние русского общества после 18 февраля 1855 г. Жеребцов охарактеризовал как «всеобщую умственную тревогу», когда под тяжестью обстоятельств мыслящие люди стремятся «неухищренно» изложить перед императором свои убеждения [Жеребцов, с. 634]. Одной из «язв» политического устройства России автор считал «послабление духа законности», выразившееся в произволе, самоуправстве и непомерном росте самовластия среди некоторых первых деятелей правительства. Высокопоставленные чиновники идут на раз-

личные ухищрения, стараясь скрыть свое злоупотребление властью от государя. Подобное положение вещей в государственном управлении привело к «страшной порочности служебных нравов» и широкому распространению главной ее формы – взяточничества [Жеребцов, с. 639]. Выход из сложившейся ситуации он видел в строгом наблюдении за исполнением законов со стороны ближайшего окружения царя. Император же должен следить за уважением законов, обеспечить бережливость государственной казны и умалить роскошь, личным примером выразив стремление к простоте и отрицательное отношение к излишествах [Там же, с. 640]. Возможность исцелить перечисленные им внутриполитические проблемы России Жеребцов напрямую связывал с волей и словом государя. Но в то же время он подчеркивал право бескорыстных, честных верноподданных граждан указывать на существующие проблемы, обратить высочайшее внимание на них посредством живого слова и апелляции к власти¹.

Представители общественности использовали многочисленные неофициальные личные каналы, связывавшие их с представителями властных кругов. Именно таким путем была доставлена Александру II записка одного из теоретиков славянофильства, известного общественного деятеля К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (1855). В ней мыслитель стремился донести до высочайшего лица свое видение сложившейся в 1850-е гг. кризисной ситуации в стране и предложить меры по ее урегулированию.

Помощь Аксакову в представлении записки императору оказала графиня А. Д. Блудова, поддерживавшая приятельские отношения со многими представителями славянофильства. Прогрессивные взгляды и круг общения графини, включавший членов императорской семьи, видных государственных и общественных деятелей, делали ее незаменимым лицом в выстраивании коммуникативного пространства между властью и обществом. Отцом графини был крупный государственный сановник граф Д. Н. Блудов, «человек просвещенный, любящий науку и литературу», также не чуждый передовых общественных веяний [Никитенко, т. 1, с. 320]. Прочитав записку Аксакова, содержащую в себе критику прежней правительственной политики и ряд требований к новому императору, граф решил сначала показать ее императрице Марии Александровне. К императору записка, составленная почти сразу после его вступления на престол, попала только осенью 1855 г. [Мельников, с. 102].

Обращаясь к историческим примерам, Аксаков убеждает императора, что в России существует давняя традиция налаживания диалоговой формы общения между властью и обществом, включающим представителей разных сословий, когда правительство

¹ На экземпляре письма имеется помета о том, что записка Жеребцова, прилагавшаяся к письму, была предоставлена лично 30 марта 1855 г. в 9 часов утра в Зимний дворец [ГАРФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1].

«вызывает мнение страны» при всяком удобном случае [Аксаков, с. 83]. Мыслитель считал, что свободное выражение общественного мнения позволит представителям власти понять, «чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования», которыми император Александр II может руководствоваться в проведении государственной политики [Там же].

По мнению Аксакова, в истинных русских народных началах нет революционности, и поэтому свободное развитие духовной жизни русского общества не приведет к попыткам свержения законной императорской власти. В этот период схожие мысли высказывал другой видный представитель славянофильства Ю. Ф. Самарин, призывавший правительство отказаться от увлечения «обманчивым сходством» и «заподозривать русское народное начало в революционном демократизме» [Самарин, с. 311].

Рассматривая современные ему отношения между правительством и народом, Аксаков находил их состояние совершенно неудовлетворительным. Политическая система, созданная за годы николаевского царствования, сковывавшая развитие общественной жизни в России, не только вела к унижению человеческого достоинства и к нравственной деградации личности, но и превращала особу государя в идола, что искажало истинную сущность самодержавной власти. Данная мысль в начале царствования Александра II высказывалась не только Аксаковым. Несколько позже, в 1857 г., об этом в «Колоколе» будет писать Н. П. Огарёв: «Нам пора перестать быть холопами», а правительству «перестать быть не правительством, а каким-то богдыханом» [Письмо к издателю, с. 5].

Выход из кризисной ситуации, предлагавшийся мыслителем, всецело находился в рамках славянофильской стратегии политического реформирования России, состоявшей в необходимости призыва правительством народного мнения в форме Земского собора [Цимбаев, с. 118]. Но при этом Аксаков понимал, что созыв Земского собора в условиях продолжавшейся Крымской войны невозможен. В качестве первичной тактической меры он предлагал созывать отдельные непериодические сословные собрания, призванные решать конкретные узкосословные или хозяйственные вопросы. Данные собрания могли бы стать своеобразным *институциональным источником общественного мнения*, донося необходимые власти сведения при разработке будущих преобразований [Аксаков, с. 94].

Стремление донести до власти свое видение направления развития страны на новом этапе ее истории охватывало и периферийную общественность. В январе 1857 г. на имя Александра II была представлена записка под названием «Задуманные думы». Ее автором являлся известный русский изобретатель и писатель С. И. Барановский. В этот период он занимал должность профессора русского языка в Гельсингфоргском университете, а с 1855 г. исполнял обязанности цензора [Барановский Степан Иванович, с. 33].

Как и многие другие авторы подобных посланий, ученый начинает записку с рассмотрения основных «бедствий» в государственном управлении России, особо подчеркивая при этом, что в настоящих условиях для блага страны необходимо только самодержавное управление. Однако в то же время «самодержавие невозможно без благоустроенного порядка», который, по мнению автора, в стране отсутствует. Власть самодержавного монарха в России, формально не ограниченная, фактически ограничена «самоволием и корыстной хитростью особ, которые злоупотребляют доверием к ним государя» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 78. Л. 2]. Укоренившееся в российской политической системе от самых низших до самых высших ее звеньев представление о том, что император может и должен лично следить за исполнением всех распоряжений, привело, по мнению Барановского, к «гибельным последствиям». Один справиться с нарастающим объемом государственных дел император не может, и он вынужден полагаться на своих докладчиков, которые зачастую поступают недобросовестно, и нередко «самая неудачная мера приводится в исполнение ко вреду многих» [Там же].

Указав на основные проблемы существующей политической системы, Барановский предлагал меры, способные их устранить и обеспечить «надлежащий порядок управления». Далее ученый в общих чертах излагает собственный проект реформирования государственного устройства России. Одна из основных идей Барановского состояла в необходимости «строгого разграничения трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащего взаимного отношения их между собою, а также к государю и народу» [Там же. Л. 3]. Эта положение не только роднит идеи автора с представлением о «правильной монархии» М. М. Сперанского, но и подтверждает его приверженность идеалу конституционной монархии [Нарежный, с. 78], реализация которого отводилась ученым на далекое будущее.

Большое распространение в предреформенное десятилетие получили анонимные письма, адресованные представителям высшей российской власти. Авторы подобных писем позиционировали себя не столько как частные лица, стремящиеся донести до адресата собственные идеи и воззрения, сколько как *выразители совокупных интересов русского общества*. Анонимы были смелее в выражении своей позиции и позволяли себе открыто критиковать внутреннюю политику правительства, а также указывать на конкретные злоупотребления властей.

Одно из таких писем обличительного характера, написанное в 1856 г. на имя императора, с пометой «непреренно в собственные руки», имело подзаголовок «О вопиющих злоупотреблениях в Москве» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 75. Л. 1]. Автор писал о происходящих в Москве злонамеренных действиях московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского, о котором нелестно отзывались и другие со-

временники [Аксакова]. Критика представителей власти, обличение их злоупотреблений и незаконных махинаций стали в этот период одной из основных тем, циркулировавших в общественном мнении и составлявших компетенцию расширяющейся гласности в России.

Еще одно анонимное послание было отправлено императору из Москвы в октябре 1859 г. Обратиться напрямую к Александру II автора письма, по его словам, вынудило осознание крайней необходимости требовать от императора «решительных и обдуманых мер для прекращения хаоса в государственном управлении и происходящего от него повсеместного уныния» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 6]. Это было не первое письмо анонима к высочайшей особе. К нему было приложено другое письмо, написанное еще в 1848 г. и адресованное Николаю I. Опираясь на него, можно составить некоторое представление о типе личности, сословной и социальной принадлежности анонимного автора.

В письме к Николаю I общие проблемы развития России отходят на второй план. Аноним обратился к императору с личной просьбой исправить бедственное положение его семьи, глава которой, отец автора, остался без служебного места вследствие действия высочайшего повеления увольнять от службы всех находящихся под судом [Там же]. Из характера письма становится ясно, что сам аноним является, по всей видимости, мелким чиновником и получает небольшое жалование.

Находясь в бедственном материальном положении, аноним в письме к Александру II также отмечал повсеместную народную бедность. При этом он указывал на одну из причин народной нищеты, а именно – на «частые путешествия за границу особ императорского двора и особенно государыни, обогащающие иностранцев» [Там же Л. 8 об.]. Примечательно то, что в этом же будет упрекать членов императорской семьи спустя семь лет после написания этого анонимного письма А. И. Герцен в одной из своих статей [Августейшие путешественники, с. 8–9].

«Беспечное управление», сложившееся в России и охарактеризованное автором на страницах письма к Александру II, не может вывести страну из «безотрадного положения». Тем не менее, он особо подчеркивает, что его критика не направлена на самодержавную форму правления. По его мнению, главнейшими врагами прогресса являются министры и придворные, которые скрывают от императора «все дурное или показывают оное в радужном цвете» [Там же. Л. 5].

Автор предлагает императору несколько мер для выхода из сложившейся ситуации. Во-первых, «не терпеть льстецов и глупцов, выслушивать истину, хотя бы и неприятную, от кого бы ни было», и самому усерднее вникать в особенности общественной жизни, прислушиваться к «общественной молве», сближаясь с подданными. В таком случае монарху удастся найти среди них «мудрых и верных советников» вместо «неспособных и жестокосердных министров» [Там же. Л. 5–5 об.]. Во-вторых, восполнить недостаток умных и до-

бросовестных советников *расширением гласности*. Автор считает необходимым не только освещать злоупотребления, но и называть имена виновных вне зависимости от занимаемого ими положения. Императору же рекомендуется самому читать русские газеты, а обзор журнальных статей доверить «преданному пользам России» человеку, который бы занимался поиском и отбором для государя обличительных статей [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 5]. В роли такого человека аноним выступил сам, перечислив некоторые современные статьи, поднимающие злободневные вопросы, на которые необходимо обратить внимание императору. Автор неоднократно указывал на усилившуюся в первые годы нового царствования роль периодической печати и литературы. Обращаясь к Александру II, он декларировал, что «без чтения русских газет и журналов ты всегда останешься в неведении о нуждах России» [Там же].

В конце 1850-х гг. письма на имя императора приобретают более резкий тон и характер обращения, критическую направленность, проявляющуюся, в частности, в повышенной эмоциональности, что обусловлено общим изменением общественных настроений в этот период. Подобные письма можно считать первыми довольно наивными попытками оказать моральное давление на власть. Несмотря на то, что письма к Александру II были написаны представителями разных идейных направлений, их объединяло общее стремление к совместной работе по подготовке преобразований и желание всяческого содействия власти на пути к ним.

В условиях роста интеллектуализма русского общества середины XIX в. эпистолярная коммуникативность играла значимую роль в выстраивании взаимодействия власти и общества. Многочисленные письма и записки, адресованные представителям власти, содержат не только характеристику кризисного положения России, но и предлагают ряд мер и средств, при помощи которых, по мнению их авторов, представлялось возможным преодолеть самую суть этого кризиса, а не просто совершить отдельные поправки «фасада» империи. При этом требование «духовной свободы», понимаемое как отсутствие препятствий для развития общественной жизни, призывы к расширению гласности, к обращению властей за помощью к общественному мнению занимали в них центральное место. Наряду с дворянской интеллигенцией, в процесс разработки общественной концепции преобразований включились образованные представители низших слоев, что с этого момента не только изменило социальный состав русской общественности, но и усилило ее значение в общественно-политической жизни страны в последующие периоды, заложив основы гражданской инициативы и самосознания. Сложная внешняя и внутренняя общественно-политическая обстановка, в которой к власти пришел Александр II, способствовала осознанию представителями власти невозможности «управлять по-старому», не прислушиваясь к гласу

общественности, без учета «вбрасываемых» ее представителями идей, которые будут учтены при разработке концепции реформ 1860–1870-х гг., оказывая влияние на политическую культуру российского самодержавия.

В то же время следует отметить, что представители русского образованного общества были не готовы возглавить модернизационный процесс в стране, сохраняя эту прерогативу за монархией. Большинство из них довольствовались теми немногочисленными послаблениями, которые были сделаны властью во второй половине 1850-х гг., что отразилось на содержании их обращений к императору и другим государственным деятелям. Несмотря на стремление к обновлению во всех сферах государственной и общественной жизни, охватившее русскую общественность, излагаемые в письмах и записках предложения носили скромный, порой верноподданнический характер и практически не затрагивали основы и тем более не ущемляли прерогативы самодержавной формы правления. Это свидетельствовало о сохранении в сознании большинства представителей общественности привычной модели первенства власти в деле реформирования страны.

Список литературы

Августейшие путешественники // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева : Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : в 11 вып. / предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Факсимильное изд. Вып. 1. С. 8–9.

Аксакова В. С. Дневник В. С. Аксаковой (1854–1855) // Литература и жизнь [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 17.11.2018).

Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова «о внутреннем состоянии России» // Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1910. С. 69–96.

Барановский Степан Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб. : Семен. типолит. (И. А. Ефрона), 1891. Т. 3. С. 33–34.

Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

ГАРФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159; Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68, 75, 78.

Герцен А. И. Письмо к императору Александру второму // Полярная звезда. 1855. № 1. С. 10–14.

Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей, 2004. 328 с.

Жеребцов Н. А. О современной политической и внутренней жизни России // Рус. старина. 1896. Т. 86. Вып. 5. С. 633–642.

Мельников И. И. Отражение проблемы развития государственности России в записке К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Евраз. юридич. журн. 2012. № 11 (54). С. 102–104.

Нарежный А. И. История конституционализма в России (проблемы политической модернизации): учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. 200 с.

Никитенко А. В. Записки и дневник : в 3 т. М. : Захаров, 2005. Т. 1. 640 с. ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 45. Д. 61.

Письмо к издателю // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : в 11 вып. / предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Факсимильное изд. Вып. 1. С. 3–6.

Погодин М. П. Царское время // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. М. : Тип. В. М. Фриш, 1874. С. 310–313.

Самарин Ю. Ф. Православие и народность / отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 720 с.

Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН, 1997. 255 с.

Цимбаев Н. И. Славянофильство : Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 272 с.

Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин : Г. Штейниц, 1900. 180 с.

Юрьевич Семен Алексеевич // Рус. биограф. словарь : в 25 т. / изд. под наблюдением предс. Императ. рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1912. Т. 24. С. 339–340.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere : An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge : Polity Press, 1989. 301 p.

References

Aksakov, K. S. (1910). Zapiska K. S. Aksakova “o vnutrennem sostoyanii Rossii” [Note of K. S. Aksakov *About the Internal State of Russia*]. In Brodsky, N. L. (Eds.). *Rannie slavyanofily: A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, K. S. i I. S. Aksakovy*. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina, pp. 69–96.

Aksakova, V. S. (N. d.). Dnevnik V. S. Aksakovo (1854–1855) [Diary of V. S. Aksakova (1854–1855)]. In *Literatura i zhizn'* [website]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (mode of access: 17.11.2018).

Avgusteishie puteshestvenniki [Royal Travellers]. (1962). In *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva v 11 vyp.* / preface by M. V. Nchkina and E. L. Rudnitskaya. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Facsimile. Iss. 1, pp. 8–9.

Baranovskii Stepan Ivanovich [Baranovsky Stepan Ivanovich]. (1891). In *E'ntsiiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t.* St Petersburg, Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. 3, pp. 33–34.

Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology] / transl. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos. 336 p.

Chicherin, B. N. (1900). *Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the Eve of the Twentieth Century]. Berlin, H. Steinitz. 180 p.

Fedotova, V. G. (1997). *Modernizatsiya “drugoi” Evropy* [Modernisation of the ‘Other’ Europe]. Moscow, Institut filosofii RAN. 255 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 1132. List 1. Dos. 159; Stock 109. List 3a. Dos. 68, 75, 78.

Grachev, M. N. (2004). *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Development Vectors]. Moscow, Prometei. 328 p.

Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge, Polity Press. 301 p.

Herzen, A. I. (1855). Pis'mo k imperatoru Aleksandru vtoromu [Letter to Emperor Alexander II]. In *Polyarnaya zvezda*. No. 1, pp. 10–14.

Mel'nikov, I. I. (2012). Otrazhenie problemy razvitiya gosudarstvennosti Rossii v zapiske K. S. Aksakova “O vnutrennem sostoyanii Rossii” [Reflection on the Problem

of the Development of the Statehood of Russia in a Note by K. S. Aksakov *On the Internal State of Russia*]. In *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 11 (54), pp. 102–104.

Nareznyi, A. I. (2009). *Istoriya konstitutsionalizma v Rossii (problem politicheskoi modernizatsii): uchebnoe posobie* [The History of Constitutionalism in Russia (Problems of Political Modernisation): A Textbook]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 200 p.

Nikitenko, A. V. (2005). *Zapiski i dnevnik v 3 t.* [Notes and Diary. 3 Vols.]. Moscow, Zakharov. Vol. 1. 640 p.

OR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 231/I. List 45. Dos. 61.

Pis'mo k izdatelyu [Letter to the Publisher]. (1962). In *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva v 11 vyp.* / preface by M. V. Nechkina and E. L. Rudnitskaya. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Facsimile. Iss. 1, pp. 3–6.

Pogodin, M. P. (1874). *Tsarskoe vremya* [Tsarist Times]. In *Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenie Krymskoi voiny*, 1853–1856. Moscow, Tipografiya V. M. Frish, pp. 310–313.

Samarin, Yu. F. (2008) *Pravoslavie i narodnost'* [Orthodoxy and Nationality] / ed. by O. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 720 p.

Tsimbaev, N. I. (1986). *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi my'sli XIX veka* [Slavophilism. From the History of Social and Political Thought of the 19th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 272 p.

Yur'evich Semen Alekseevich [Yuryevich Semen Alekseevich]. (1912). In *Russkii biograficheskii slovar' v 25 t.* / publ. by A. A. Polovtsov. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. Vol. 24, pp. 339–340.

Zherebtsov, N. A. (1896). *O sovremennoi politicheskoi i vnutrennei zhizni Rossii* [On the Contemporary Political and Internal Life of Russia]. In *Russkaya starina*. Vol. 86. Iss. 5, pp. 633–642.

The article was submitted on 17.04.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.365
УДК 94(571.1/.5)"17"+343.16+656

ПРАВОСУДИЕ ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ: НЕГАТИВНАЯ ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ*

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

JUSTICE ACROSS DISTANCES: THE UNSUCCESSFUL PRACTICE OF MAGISTRATES IN PREREVOLUTIONARY SIBERIA

Evgeny Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

The late nineteenth century was marked by a judicial reform in Siberia which established magistrates' courts: this signified that the judicial system was being adapted to the political regime and space of the country. To make justice more widely available to the population, Siberian magistrates were entrusted responsibilities which they did not have in European Russia. Additionally, they had to conduct site visits to hold court hearings and investigate crimes. The author uses a cross-disciplinary approach and comparative techniques, paying close attention to daily occurrences and micro-historical details while referring to documents of diverse origin: this helps us fully consider the efficiency of the judicial system with regard to magistrates' courts and the trips judges had to make. It becomes clear that employees responsible for the delimitation of sites did not manage to find an optimal way to do this that suited all the requirements and circumstances. In many cases, magistrates had to travel long distances and their trips were troublesome, taking up lots of working hours while also being, on occasion, absolutely unproductive; they had to use different kinds of local

* *Citation:* Krestyannikov, E. (2019). Justice across Distances: The Unsuccessful Practice of Magistrates in Prerevolutionary Siberia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365.

Цитирование: Krestyannikov E. Justice across Distances: The Unsuccessful Practice of Magistrates in Prerevolutionary Siberia // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365 / Крестьянников Е. Правосудие через расстояния: негативная практика деятельности мировых судей в дореволюционной Сибири // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365.

transport and communication lines depending on the weather and the season. This form of work led to an increase in red tape and affected the qualifications of the staff, making them treat their work irresponsibly and undermining their moral principles. Trips made by officials did not bring the court closer to the population, which resulted in a lack of attention to the population from the judicial authorities. The latter, in their turn, lacked in human and material resources and did not have an opportunity to change the situation. The heads of regional judicial institutions saw the harmful effect the magistrates' multifunctionality and trips had on justice but could not do anything. The situation started to change after the resignation of N. V. Muravyov, Minister of Justice, who supported the combination of judicial and investigation duties by the magistrates. Overall, the territorial mobility of judicial organs proved utterly ineffective and did not make magistrates' courts more available to the population, thus reducing their productivity. This led to several negative repercussions for the judicial system.

Keywords: Siberia in the late 19th – early 20th century; magistrates' court; judicial duties; communication lines; transport.

Конец XIX в. ознаменовался проведением в Сибири судебной реформы, установившей мировую суд, судебная система приспособлялась к политическому режиму и пространствам страны. Чтобы сделать правосудие более доступным для населения, сибирских мировых судей наделили не свойственными им в Европейской России обязанностями и предписали совершать выезды для проведения судебных заседаний и расследования преступлений. Приложение междисциплинарного подхода и компаративистских методик, приоритетное внимание к повседневности и применение микроисторической детализации, а также использование различных по генезису источников позволяют всесторонне рассмотреть влияние на эффективность деятельности судебной системы организации участков мировой юстиции и условия командировок судей. Служащие, ответственные за определение границ участков, так и не сумели найти оптимальный способ приведения их в соответствие со всеми потребностями и обстоятельствами. Поездки мировых судей бывали дальними, хлопотными, отнимавшими много служебного времени и порой совершенно не результативными; в них оказывались задействованы многие разновидности местных путей сообщения и транспорта, зависящих от климата и времени года. Режим разъездов приводил к развитию волокиты, способствовал падению квалификации работников, формировал у них безответственное отношение к служебным обязанностям, приводя даже к нарушениям нравственных устоев. Совершаемые поездки не приблизили суд к населению, которое испытывало серьезный дефицит внимания судебной власти, в свою очередь, ограниченной в человеческих и материальных ресурсах и лишенной возможности исправить положение. Председатели судебных учреждений края понимали пагубность судебных командировок и многофункциональности для дела правосудия, но не могли ничего поделать. Изменения последовали после ухода с поста министра юстиции Н. В. Му-

равьева, бывшего сторонником совмещения судебских и следовательских обязанностей. Увеличение штата мировых судей в 1911 г. дало возможность разделить несовместимые функции, но не повсеместно. В целом апробированный порядок территориальной подвижности судебных органов зарекомендовал себя наихудшим образом. Не сделав сибирский мировой суд более доступным и уменьшив продуктивность его деятельности, он стал причиной многих негативных явлений в юстиции.

Ключевые слова: Сибирь в конце XIX – начале XX в.; мировой суд; обязанности судей; пути сообщения; транспорт.

Судебная реформа 1864 г. одним из основных назначений имела приближение правосудия к россиянам, а практическое осуществление этой задачи возлагалось в первую очередь на мировую юстицию. Независимая, с несменяемыми выборными судьями и собственными съездами в качестве второй судебной инстанции, она в глазах большинства воплощала лучшие и наиболее привлекательные свойства всей новой судебной системы, сделавшейся доступной для населения благодаря мировым судьям. Они занимали передовые позиции в разрешении подавляющего числа юридических неопределенностей и олицетворяли собой скорый, правый, милостивый и близкий суд, став главными борцами с правовыми беспомощностью и невежеством, а их камеры в российской глубинке порой представлялись единственным местом, где жители страны могли почувствовать человеческое к себе отношение со стороны власти и найти ее поддержку.

Однако, вступив в конфликт с авторитарным сознанием и бюрократическим аппаратом, реформированный суд стал испытывать атаки правительства и по воле царского законодателя подвергался изменениям, неся ущерб собственному либеральному строению. Охранительная и чрезвычайно противоречивая судебная политика [Wagner] ввергла самодержавие, по словам Р. Уортмана, «в состояние войны с собственной судебной системой» [Уортман, с. 475], одной из выдающихся «побед» которой стала ликвидация в 1889 г. мирового суда, замененного в сельской местности Европейской России судебно-административными учреждениями – земскими начальниками [Macey; Pearson; Wcislo]. Одержав окончательный верх в той войне, вероятнее всего, планировала «муравьевская» комиссия (по имени ее председателя министра юстиции Н. В. Муравьева), трудившаяся в 1894–1899 гг. над пересмотром отечественных судовостройства и судопроизводства [Baberowski, p. 429–480; Taranovski], а ее отдельные члены во главе с руководителем даже пытались исключить из лексикона само понятие «мировой» [Мировая юстиция, с. 269], предлагая модель организации единоличного суда, искажавшую саму сущность мирового института.

В Сибири он вводился на основании закона 13 мая 1896 г. (первоначально в составе 173 судей) с учетом рекомендаций названной

комиссии [ПСЗ-3, т. 16, № 12932], которые, по свидетельству самого Н. В. Муравьева, «были приняты в соображение» в ходе подготовки сибирского преобразования [Всепопданнейший отчет, с. 5]. Мировые судьи региона не избирались и лишались несменяемости, их назначение всецело зависело от министерского аппарата, а не как раньше в России – от высочайшей власти, функции съездов передавались окружным судам. Особенности географические условия гигантского края и его малонаселенность (обширные северные территории вообще не получили юстицию, и судопроизводством там по-прежнему занималась полиция) диктовали во избежание излишних казенных затрат сибирским мировым судьям, кроме судейской, проделывать работу судебных следователей и нотариусов, выполнять поручения окружных судов, а также выезжать для проведения судебных заседаний в удаленные населенные пункты, когда была необходимость разбирать дела, возникавшие на расстоянии далее 50 верст от судейской камеры. Это подразумевало чрезвычайную подвижность ближайшей к населению судебной системы; для чиновников же постоянные командировки несли существенную нагрузку, отягощенную условиями их чрезвычайно расширенной подсудности, ограниченного штата и материального обеспечения [Крестьянников, 2016, с. 12–16]. Сибирский судебный округ обходился государству на четверть дешевле остальных российских округов [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10], а ежегодное содержание здешних мировых судей и размеры их командировочных предусматривались в значительно меньшем размере, чем для аналогичных чинов в некоторых российских провинциях [Крестьянников, 2018, с. 29].

Таким образом, столичные бюрократы обрекли сибирских судей на перегрузки и создали для них невыносимые служебные условия. Введению мирового суда предшествовала внушительная работа по разграничению судебных участков, очень усложнявшаяся из-за предполагаемых разъездов. Лица, управлявшие разделением территорий на участки, в своих директивах полицейским служащим, непосредственно занимавшимся дроблением местностей, попытались выработать необходимые рекомендации. Например, руководители Тобольской губернии советовали:

...избегать учреждения слишком больших участков, поставив обширность участков в известное соотношение к числу возникающих дел, то есть чем больше количество дел, тем меньше должна быть величина участка. Независимо от сего невозможно также включать в один участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как в противном случае, даже при малом количестве дел и не особенно обширных участках, судьи будут лишены возможности исполнять надлежащим образом свои обязанности [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1–2].

В Забайкальской области начальство предписывало принимать к сведению «обширность пространств между отдельными поселениями», «количество народонаселения», «количество дел, возникающих в районе каждого участка», «удобство путей сообщения» [ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 3. Л. 14]. Отличавшийся дальновидностью томский губернский прокурор А. В. Витте проводил еще более утонченный инструктаж: при дроблении на участки надлежало учитывать судебские «способности и характер, состояние здоровья и семейное положение» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 25 об.].

Полиция ставилась в трудное положение, поскольку условия далеко не всегда позволяли удовлетворять указанным требованиям. Вообще без камеры мирового суда оказались крупные территории, по населенности и протяженности заслуживавшие собственного участка. Примером являлся обширный Нарымский край на севере Томской губернии, простиравшийся на 1500 верст, с населением 20 тыс. чел. [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 14]. А. В. Витте в своем проекте судебно-территориального районирования 1896 г. предполагал установить в Нарыме постоянный судебный офис, однако ограниченный штат не позволил это сделать [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 15]. Некоторые полицейские чиновники пытались сигнализировать о противоречивости данных им заданий: ялutorовский окружной исправник докладывал тобольскому губернатору Л. М. Князеву, что разделение вверенного ему района на три участка «представлялось крайне затруднительным». В интересах правосудия, по его мнению, была необходимость в пяти участках. Следовательно, мировым судьям грозило увеличение интенсивности разъездов [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 173 об., 207, 369].

Работа сибирской юстиции запускалась 2 июля 1897 г., и, по словам томского адвоката Р. Л. Вейсмана, «крах мирового суда последовал немедленно» [Вейсман, с. 41]. Причиной тому были судебская многофункциональность и ее следствие – разъезды чиновников по зачастую огромным территориям. Типичный сибирский участок, как отмечал служивший в разных частях края М. И. Войтенков, составлял 200 верст радиусом [Войтенков, с. 208]. В Забайкальской области, где ему довелось трудиться мировым судьей [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 29, 32], из оцененных в конце XIX в. Читинским окружным судом 18 участков было всего четыре, где расстояния от камер до границ были меньше указанных названным служащим, зато имелось семь по 400 верст и больше, а один – 700 верст [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 27. Л. 96–97].

Рекогносцировка участков часто делалась с ошибками, поскольку занимающиеся ей чины полиции, сплошь и рядом невежественные и недобросовестные, вряд ли обладали способностью качественно выполнить поручение [Крестьянников, 2013]. В Томской губернии станция Верх-Алейская с населением 2 706 душ обоего пола и несколько инородных местностей близ Каинска оказались не отнесен-

ными ни к одному участку, а значит, лишенными всякого правосудия [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 114, 118, 127, 129]. Результатом халатности становилось наличие участков, мировые судьи которых, чтобы добраться до подведомственного себе района, были вынуждены совершать вояжи по посторонним. В 1898 г. о подобных случаях редакция иркутского «Восточного обозрения» намеревалась даже специально рассказать в заметке, но цензоры запретили ее публиковать [ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–8]; в 1911 г. Благовещенский окружной суд об-суждал похожую ситуацию, когда мировой судья, добираясь до ста-ницы Уруша, был вынужден совершать длительное путешествие че-рез другой участок [Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 924. Л. 67].

Мирового судью села Бердского Томской губернии заставляло совершать лишние разъезды расположение офиса на самой окраине участка, а те населенные пункты, которые располагались географич-ески удобнее, были настолько малонаселенными, что в них даже от-сутствовала полиция. В 1910 г. в той же губернии выделилась новая Славгородская волость, и ее по административным соображениям включили в участок мирового судьи, резиденция которого располагалась в 305 верстах, тогда как ближе на 200 верст постоянно находился другой мировой судья [ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 109. Л. 33, 36].

Судя по приведенным фактам, на практике давал сбой установлен-ный законом 13 мая 1896 г. порядок, в соответствии с которым разде-ление территорий на участки утверждали губернские и областные ко-митеты, куда входили руководители административных органов, чьи интересы могли не совпадать с потребностями отправления право-судия. Инициативы чинов судебных учреждений, ближе знавших си-туацию и иногда по собственному почину производивших переделы мировых участков, пресекались. Так, один из окружных судов Вос-точной Сибири буквально через несколько месяцев после введения новой юстиции внес изменения в участковое распределение, другой разрешил мировому судье вынести свою камеру за пределы участка. Председатель Иркутской судебной палаты Г. В. Кастриото-Скандер-бек-Дрекалович немедленно сообщил о таких действиях Н. В. Мура-вьеву. Министр признал оба случая нарушением правил, но отреагир-овал мягко, понимая, что члены судебных органов, непосредственно видевшие трудности в организации мирового суда, руководствуются вполне рациональными соображениями. Он лишь порекомендовал впредь в подобных случаях «испрашивать» его разрешение [Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

Примечательно, что попытки мировых судей хотя бы обсудить вопросы рационализации разграничения участков могли в конеч-ном итоге выливаться для них в служебные неприятности. В июне 1908 г. Барнаул стал центром судейского съезда для определения способов «более равномерного распределения мировых участков». На совещание приехал за 200 верст на лошадях мировой судья пя-того участка Барнаульского уезда, потративший на путь туда и об-

ратно десять дней. Так как из-за поездки треть месяца оказалась проведенной им непроизводительно и текущие дела накопились, ему пришлось держать ответ перед Томским окружным судом [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–5].

Повседневным режимом работы судебных чиновников, если их участки включали местность вне городов, были командировки, информация о которых специально и систематически не собиралась, обнаруживаясь в самых разных источниках в виде фрагментарных сведений. В условиях, когда подведомственные мировым судьям районы охватывали территории, сопоставимые по площади с крупнейшими государствами Европы, передвижения по плохо обустроенным сухопутным дорогам, могучим и не очень сибирским рекам бывали весьма дальними, длительными, связанными с разными опасностями, в том числе с риском невыполнения служебных обязанностей.

Мировой судья с девятилетним стажем В. Н. Анучин утверждал, что каждому такому же, как он, сибирскому служителю Фемиды приходилось пребывать в пути по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500–600 верст [Анучин, № 49/50, с. 28]. По данным Тобольского окружного суда, в 1905 г. подчиненные ему судьи находились в поездках по своему участку в среднем по 45 дней, или приблизительно четыре дня ежемесячно [ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 47–48]. За 1899 г. «исключительно в дороге» судьи Ишимского уезда Тобольской губернии провели от 35 до 60 дней [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6. Л. 51, 54, 66].

Режим регулярных служебных странствований, имевших целью преодоление расстояний и разнообразных природных преград, по оценке В. Н. Анучина, придавал деятельности сибирских судей «характер скачек с препятствиями» [Анучин, № 51/52, с. 59]. Когда им приходилось выезжать за пределы более-менее освоенного человеком цивилизованного мира, они использовали самые разнообразные средства транспорта и сообщения, вплоть до наиболее традиционных и даже примитивных, очень зависимых от времени года и погодных условий. В районе Якутска летом таковые были представлены лодками и реками, верховой ездой по таежным тропам, иногда – гужевыми повозками по редким наезженным дорогам [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 28]; в баргузинской тайге, где «колесные дороги» попросту отсутствовали, в теплое время года чиновники ездили верхом, а с «ноября по апрель при снеговой зиме в зимних экипажах» по руслу рек [Там же. Ф. 246. Оп. 6. Д. 3. Л. 19]; в первом кузнецком участке на Алтае, чтобы донести правосудие до сибиряков через гористую местность в студеную пору, требовалось встать на лыжи [Там же. Л. 6 об.–7]; судья из поселка Корсаковского на Сахалине в теплый сезон перемещался «морем на пароходах», чаще «случайных», в остальное же время года сообщение либо совершенно прекращалось, либо осуществлялось «на собаках и преимущественно по льду замерзающего у берегов Татарского залива» [Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 57]; мировые судьи с первого по пятый участок Амурской области

обычно пользовались в своих разъездах почтовым трактом, «по которому весной и осенью во время распутицы сообщение происходило исключительно вьюком, зимой же на санях и колесах по берегу и льду реки Амур – смотря по состоянию пути» [Там же. Л. 11 об.].

Бывали комбинированные по задействованному транспорту поездки, в которых сотрудникам юстиции выпадал шанс ощутить весь контраст между технологичными и архаичными средствами передвижения. Один путешественник в своих путевых заметках рассказывал о встрече на пароходе с мировым судьей из села Демьянского Тобольской губернии, совершавшим утомительную командировку на север своего участка для расследования убийства вместе с писарем из волости, где было совершено преступление. Писарь рассказывал, что им предстояло проплыть после высадки с комфортабельного речного судна на каюке еще несколько сотен верст по реке Конде до места происшествия, и с искренним сочувствием восклицал: «Ох, как трудно здесь судьям приходится, какими необъятными участками заведуют судьи в местных краях» [Квитка, с. 39–40].

Разные районы не одинаковой по географическим условиям Сибири представляли свои препятствия для перемещения чиновников. На юге Томской губернии располагался Алтай, мировые судьи которого, по их донесениям, были вынуждены в поездках пересекать «быстрые реки» и горные хребты с «часто размывающимися тяжелыми и опасными перевалами» [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 67 об.]. На равнинном севере той же губернии главную сложность представляли сами расстояния, плохо развитая транспортная система и состояние путей сообщения. Не получивший в ходе реформирования собственного, Нарымский край входил во второй участок Томского уезда, а его судья специальным предписанием Томского окружного суда от 19 ноября 1897 г. обязывался четырежды в год наведываться в северный городок [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]. На каждую поездку почти в 500 верст затрачивалось минимум две недели, причем часто они оканчивались безрезультатно. В июне 1903 г. по причине недельного опоздания парохода судья прибыл в Нарым позже назначенных для разбирательств сроков, и люди, вызванные на суд, уже разъехались. В начале лета 1908 г. мировой судья этого участка надолго выключился из графика работы в связи с очередной неудачной поездкой в Нарымский край [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 67. Л. 14–16].

Передвижения по сибирским просторам не сулили комфорта и проходили в дисгармонии с окружающей средой. Скажем, в летних турне в центр нарымской тайги судья сталкивался с полчищами назойливых кровожадных насекомых, когда человеческое состояние было «близко к отчаянию, потому что масса комаров и мошек не дает вам ни минуты покоя, мешает смотреть и свободно дышать» [Волков, с. 3–4]. Вероятно, нередкими бывали встречи служащих с разного рода природными катаклизмами, влиявшими на исполнение ими служебных обязанностей. Однажды мировой судья первого участка

Кузнецкого уезда Томской губернии поехал для производства следствий, но из-за обильных дождей таежные реки смыли все мосты. Чиновник был вынужден вернуться с полдороги, не выполнив намеченных дел [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 7, 10, 17].

Вместе с тем, представляло серьезнейшую проблему обеспечение выездных заседаний мирового суда помещениями, которые и для собственно судебных камер находились в Сибири с огромным трудом. Необходимость экономить заставляла располагать основные офисы в самых непригодных зданиях (например, в Хабаровске под нужды правосудия задействовали заброшенную больницу, «тесную, низкую, холодную и пропитанную больничным запахом» [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 52]), даже если их требовалось арендовать в крупнейшем и наиболее культурном Томске [Крестьянников, 2015, с. 63]. В некоторых частях региона оказывалось, что приехать судье было просто некуда. В первом якутском участке, где разъезды достигали 430 верст, на 1898 г. за пределами областного центра совершенно отсутствовали помещения, в которых были бы возможны заседания. Там в радиусе судебных разъездов в принципе имелось всего четыре дома, удовлетворявших элементарным потребностям отправления правосудия. Якутский судья жаловался, что остальные помещения представляли собой чрезмерно тесные русские избы или «юрты, разделенные внутри не глухими стенами, а лишь перегородками, не доходящими иной раз до потолка», и уверял начальство, что в них отсутствовала возможность «допрашивать свидетелей так, чтобы недопрошенные свидетели не слышали даваемых показаний», а выставлять за порог на время допроса людей «при суровости здешнего климата» считал недопустимым [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 28–29].

Судьи стремились избавиться от хлопотных и в сибирских условиях зачастую бесполезных командировок. Они просились перевести их в участки с меньшими разъездами или вообще без них. В 1909 г. судья первого участка Мариинского уезда Томской губернии К. Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, уговаривал начальство переместить его в один из крупных городов, то есть именно туда, где поездок не предусматривалось [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 24]. Также чиновники иногда просили сузить круг их обязанностей, ссылаясь на обременительность передвижений. Когда в 1909 г. в Западной Сибири вводился суд присяжных [Крестьянников, 2008], некоторые мировые судьи назначались председательствовать в комиссиях по составлению списков присяжных заседателей, и это было особенно тяжело для тех, кто часто совершал служебные поездки. В Тюменском уезде руководить комиссией назначили судью обширного пятого участка, вынужденного постоянно разъезжать. Он незамедлительно сообщил в Тобольский окружной суд о такой несправедливости, ведь рядом были мелкие по протяженности участки, не требовавшие командировок [ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 227. Л. 2–3].

Чтобы совершать меньше выездов, чиновники прибегали к разного рода противозаконным способам. Соккрытие следственных дел под судебными и, наоборот [Гессен, с. 249], пренебрежение той статьей закона 13 мая 1896 г., которая обязывала разбирать дела в ближайших к местам их возникновения селениях [Анучин, № 49/50, с. 30], были обычными для деятельности сибирских судей явлениями. Мировые судьи, уличенные в служебных преступлениях или в медленном рассмотрении дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, было просто невозможно. Например, множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на поездки в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда, а один из них вовсе перестал расследовать преступления [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45].

Командировочный режим наверняка влек за собой определенные нравственные деформации. Возмущение жителей села Усть-Сосновского Кузнецкого уезда вызвал факт сожительства здешнего мирового судьи, женатого и имеющего троих детей, с шестнадцатилетней дочерью местного учителя, которая сопровождала чиновника в его служебных переездах по местным деревням [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 6–8]. В 1901 г. тобольскому губернатору от крестьян одной из волостей поступил анонимный донос с описанием картины судебного процесса, организованного мировым судьей во время приезда: «Более важные дела разбираются в квартире писаря во время выпивки. Судья судит, а волостной писарь объявляет наказание». Тот писарь, Н. А. Успенский, как установила проверка Тобольского губернского жандармского управления,

...устроил у себя в квартире – во флигеле волостного правления – помещение для заезжих начальствующих лиц, симпатиями которых как человек умный и хитрый завладел... В квартире Успенского стали останавливаться мировой судья четвертого участка Тарского уезда Медведев... мировой судья Страхов, который четыре месяца исполнял должность за уволенного в отпуск мирового судью Медведева. Во время приезда кого-либо из этих лиц Успенский в своем помещении для приезжающих устраивал попойки, завоевывая на свою сторону переименованных лиц, столь влиятельных в сельской среде [ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 4–11].

Продиктованные многофункциональностью разъезды и их следствие – служебные перегрузки – были главными причинами чудовищной волокиты, особенно явно ощущавшейся в мировой юстиции обеих – Тобольской и Томской – западносибирских губерний (подчинявшихся Омской судебной палате). Уже в 1898 г. председатель Томского окружного суда Ф. Ф. Депп указывал на то, что количество поступавших к мировым судьям дел было в среднем в два-три раза

больше допустимого [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об.–81]. В связи с ростом населения и его неравномерным размещением в Сибири к концу первого десятилетия XX в. по проволочкам в мировом суде Томский округ опережал все семь округов Иркутской судебной палаты вместе взятых (в Томской губернии к 1 января 1910 г. числилось нерешенными 35 274 дела, в округах Иркутского, Красноярского, Якутского, Благовещенского, Владивостокского, Читинского и Пограничного судов – 28 806) [Сборник, вып. 25, с. 238–239]. К началу 1911 г. не получилось решить 20 794 дела мировой подсудности в Тобольской губернии, 60 412 – в Томской [Сборник, вып. 26, с. 238–239]. Таким образом, в первой на каждого участкового судью приходилось в среднем по 520 залежавшихся дел, во второй – по 1 185. Исходя из применяемых в России норм (500–600 дел на судью ежегодно) [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 158], это означало, что для завершения только прошлогодних производств, не считая вновь заведенных, мировым судьям Тобольской губернии нужен был год, Томской губернии – два года.

Союзницы волокиты – командировки – определяли трагичность положения сибирской мировой юстиции, вынося суровый приговор опыту судьи-следователя. Но поскольку инициатором эксперимента и убежденным сторонником являлся сам Н. В. Муравьев, от него долго не отказывались, иначе пришлось бы признать неадекватность министра, который 6 апреля 1896 г. в Государственном совете прогнозировал, что «совмещение в одном лице и судьи, и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совмещения» [Отчет, с. 505], а если впоследствии какой-нибудь сибирский мировой судья намеревался встретиться с главой Министерства юстиции, как рассказывал В. Н. Анучин, то его предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставьте себе крест; он не выносит такого мнения» [Анучин, № 46/47, с. 36–37]. В такой обстановке никто не решался доводить ходатайства о разделении функций мирового суда до министерских кабинетов.

В доверительной деловой переписке, однако, руководители сибирских судебных учреждений делились самыми негативными отзывами о противоречащем здравому смыслу правиле. Так, 20 мая 1898 г. председатель Якутского окружного суда А. Н. Лубенцов писал Г. В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичу:

Вследствие продолжительных отлучек, в каких приходится бывать участковым судьям, уезжающим иногда из своего постоянного местопребывания за несколько сот верст по делам мирового разбирательства и для производства предварительных следствий, большая часть населения участка остается без мирового судьи и нотариуса, между тем как в том, так и в другом часто может возникнуть срочная и неотложная необходимость [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–16 об.].

Объединенная судебная, следовательская и нотариальная работа действовала отталкивающе на чиновников. Уже лица из первоначального набора, получившие назначение в край, узнав на месте о необходимости расследовать преступления и о разъездах, отказывались от должностей [Сибирская хроника]. Именно так поступил недавний выпускник юридического факультета Московского университета мировой судья Нижнеудинска Иркутской губернии Н. Н. Большаков. 29 октября 1897 г. он подал на имя председателя Иркутского окружного суда И. И. Гафферберга прошение об отставке, объясняя свое желание уволиться окончательно и бесповоротно оформившимся убеждением, «что созданный для губерний и областей Сибири тип мирового судьи, исполняющего обязанности судьи, судебного следователя и нотариуса, не по его характеру» [ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 46–46 об.]. Одним из неутешительных годовых итогов деятельности новой юстиции стало массовое бегство судей со своих участков [Плотников, с. 170], со временем обернувшееся существенным понижением квалификации служащих в сибирском мировом суде [Анучин, № 51–52, с. 61].

Ставшие жертвой необдуманной новации, судьи нередко оказывались просто не в состоянии удовлетворить сибиряков в правосудии. В корреспонденции «Русского богатства» приводился пример крайне негативных последствий разъездов. Из села Братского Иркутской губернии в журнал писали:

В Сибири институт мировых судей введен уже около года, однако наше село еще не видало ни разу своего судьи в камере... Говорят, что местный судья все свое время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи, так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями, так много, что, по-видимому, мы не скоро дождемся мирового суда [Плотников, с. 170].

Из жалоб крестьян на юстицию, собранных в 1909 г. в Томской губернии, следовало, что из-за беспорядков, вызванных между прочим поездками чиновников, правосудие в некоторых местностях вообще отсутствовало: годами без рассмотрения лежали уголовные и гражданские дела, ввергая местных жителей в состояние отчаяния и способствуя развитию преступности [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 79–83 об.]. Вообще вследствие недостатков устройства сибирской мировой юстиции, как заявлялось уже с парламентской трибуны столицы, «многие пострадавшие крестьяне, зная, какова будет участь их дела, отказывались обращаться в суд, махая на все безнадежно рукой» [Речи, с. 47].

Подавляющей массе сибиряков приходилось смириться с режимом командировок своего судьи и покорно «ждать его прибытия» [Гессен, с. 249], а наиболее настойчивым оставалось досаждать руководству просьбами установить стационарные судебные офисы.

23 июля 1897 г. бывший городской голова Нарыма К. Прянишников от имени, как он писал, «бедных жителей убогого Нарымского края» просил теперь уже товарища прокурора Иркутской судебной палаты А. В. Витте, и без того прекрасно знавшего о недоступности правосудия на севере Томской губернии, посодействовать в установлении судейской камеры в далеком городе. 8 января 1898 г. уполномоченные горожане решили «ходатайствовать перед правительством» все о том же, и Томское губернское управление поддержало их притязания, передав просьбу в Томский окружной суд. Тот своим определением выразил пожелание перед Н. В. Муравьевым, но на этом процесс остановился [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–14 об., 24, 25 об.]. Не получив собственного судью (местности он очень требовался как нотариус), в 1905 г. рыбопромышленники Нарымского края обратились с просьбой к томскому губернатору В. Н. Азанчевскому-Азанчеву перевести к ним на постоянной основе того, который обслуживал их район, и были в своих доводах по данному вопросу настолько убедительными, что руководитель попросил председателя Томского окружного суда (извилистый карьерный путь на этот пост сейчас определил А. В. Витте) наконец-то удовлетворить прошения. Однако в условиях ограниченных ресурсов судебной власти руководители администрации и юстиции были бессильны чем-либо помочь населению, и показательно, что через четыре года с обстоятельствами отсутствия мирового судьи в Нарыме разбиралась Омская судебная палата [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; Д. 67. Л. 14].

После ухода Н. В. Муравьева (был назначен 22 января 1905 г. послом в Италию) [Прощание, с. 77] ситуация с судейскими многофункциональностью и разъездами начала меняться, и в 1910 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов в связи с предположением об увеличении штата сибирского мирового суда высказал мысль о необходимости раздробить мировые участки края на участки с мировой подсудностью и участки следственные [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1]. Руководителями сибирской системы правосудия эта инициатива была встречена единодушным одобрением. «Соединение в Сибири в одном лице обязанностей мирового судьи и судебного следователя, как показал четырнадцатилетний опыт, дает безусловно отрицательные результаты», – передавал общее мнение восточносибирских судей старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков [ГАИО. Ф. 246. Оп. 9. Д. 1. Л. 6].

Закон 28 мая 1911 г. установил в дополнение к существовавшим 21 должность мирового судьи в Томской губернии, 14 – в Тобольской, девять – в Иркутской, семь – в Енисейской, в областях Приморской и Забайкальской – по шесть [ПСЗ-3. Т. 31. № 35330]. Совсем отказаться от так называемых «смешанных» судебно-следственных участков не удалось, но в некоторых частях края свести к минимуму численность «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [А. Х., с. 45] все-таки получилось. В наиболее неблагоприятной

в отношении судебного устройства Томской губернии теперь осталось всего четыре участка с судьями-следователями [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 321. Л. 11, 50–52], тогда как до преобразования их было 38 [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 162. Л. 11–16]. Мировым судьям оставшихся «смешанных» участков не повезло. Они продолжали совершать командировки для расследования преступлений и по-прежнему испытывали перегрузки. По трем из таких участков в Мариинском и Каинском уездах в архивах отложились некоторые сведения: в двух возникало в два раза больше нормы следственных дел, в одном – в три раза [Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 109. Л. 116 об.].

Таким образом, в Сибири была продемонстрирована полнейшая несостоятельность попыток путем интенсификации разъездов судебных чинов повысить эффективность судопроизводства, сделав суд близким к населению. Полируя шагами палубу парохода, испытывая на прочность полозья саней, протаптывая в сугробах лыжню, отмахиваясь от насекомых и укутываясь, чтобы не получить обморожение, мировые судьи прекращали всякую деятельность по отправлению правосудия. В такие дни-недели-месяцы оно отсутствовало и там, откуда выезжал чиновник, и там, куда он рассчитывал приехать и где для него зачастую отсутствовали нормальные условия. Неминуемыми были некоторые профессиональные и моральные изменения в сознании служащих, поскольку орудиями труда нередко становились не письменные принадлежности, а вожжи и весла, решать приходилось не юридические споры, а вопросы комфорта во время вынужденных путешествий. Порядок командировок, нанеся сокрушительный удар по разным позициям организации судебной системы в целом, приводил к волоките, обрекал служащих на непривлекательные условия существования, ронял престижность службы, понижал качество судебного персонала и его занятий, в конце концов, наносил ущерб авторитету юстиции и государства.

Список литературы

- А. Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 5/6. С. 38–45.*
Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 46/47. С. 26–39; № 49/50. С. 26–39; № 51/52. С. 54–71.
Вейсман Р. Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4. С. 41–47.
Войтенков М. И. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. № 4. С. 206–210.
Волков В. Т. Таежные углы Томской губернии. Томск : Типолит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 24 с.
 Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [СПб. : Сенат. тип., 1897]. 41 с.
 ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14; Ф. 245. Оп. 1. Д. 8, 10, 24, 27, 924; Ф. 246. Оп. 6. Д. 3; Оп. 9. Д. 1.
 ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6, 233, 321.
 ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861, 869, 875, 904; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31, 155, 227; Ф. 479. Оп. 2. Д. 74.

- ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5; Оп. 14. Д. 109; Ф. 10. Оп. 1. Д. 63, 67, 73, 133, 134, 162, 183.
 Гессен И. В. Судебная реформа. СПб. : Типолит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 267 с.
- Квитка М. По рекам Западной Сибири (Из впечатлений поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 2. С. 33–40.
- Крестьянников Е. А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отеч. история. 2008. № 4. С. 37–47.
- Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Рос. история. 2013. № 3. С. 84–99.
- Крестьянников Е. А. Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Вопр. истории. 2015. № 10. С. 58–70.
- Крестьянников Е. А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопр. истории. 2016. № 9. С. 3–20.
- Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.
- Мировая юстиция в России : создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А. Д. Поповой, С. В. Лонской. М. : Проспект, 2016. 288 с.
- Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб. : Гос. тип., 1896. 825 с.
- Плотников М. Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1898. № 8. С. 165–170.
- Прощание статс-секретаря Н. В. Муравьева с чинами Министерства юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1905. № 2. С. 77–92.
- ПСЗ. Собрание третье. Т. 16. № 12932; Т. 31. № 35330.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250, 254.
- Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1909. № 45. С. 44–47.
- Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. СПб. : Сенат. тип., 1911. 396 с.
- Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. Вып. 26. СПб. : Сенат. тип., 1911. 396 с.
- Сибирская хроника // Вост. обозрение. 1897. 23 июля.
- Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 520 с.
- Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im Ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann, 1996. 846 S.
- Macey D. A. J. The Land Captains : a Note on their Social Composition, 1889–1913 // Russian History. Vol. 16. 1989. No. 2/4. P. 327–351.
- Pearson T. S. The Origins of Alexander III's Land Captains : A Reinterpretation // Slavic Rev. Vol. 40. 1981. № 3. P. 384–403.
- Taranovski T. The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 29. 1981. № 2. P. 161–184.
- Wagner W. G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century : A Study in Inconsistencies // Slavonic and East Europ. Rev. Vol. 54. 1976. № 3. P. 371–394.
- Wcislo F. The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority // Russian History. 1988. Vol. 15. № 2/4. P. 285–325.

References

- A. Kh. (1911). Mirovoi sud'ya v Sibiri [Magistrates in Siberia]. In *Sibirskie voprosy*. No. 5/6, pp. 38–45.
- Anuchin, V. N. (1909). Pasyunki Femidy [Themis' Stepchildren]. In *Sibirskie voprosy*. No. 46/47, pp. 26–39; No. 49/50, pp. 26–39; No. 51/52, pp. 54–71.
- Baberowski, J. (1996). *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im Ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt a/M, Vittorio Klostermann. 846 S.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 243. List 1. Dos. 14; Stock 245. List 1. Dos. 8, 10, 24, 27, 924; Stock 246. List 6. Dos. 3; List 9. Dos. 1.

GAOO [State Archive of Omsk Region]. Stock 25. List 1. Dos. 6, 233, 321.

GAT [State Archive of Tobolsk]. Stock 152. List 37. Dos. 861, 869, 875, 904; Stock 158. List 2. Dos. 31, 155, 227; Stock 479. List 2. Dos. 74.

GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock 3. List 6. Dos. 5; List 14. Dos. 109; Stock 10. List 1. Dos. 63, 67, 73, 133, 134, 162, 183.

Gessen, I. V. (1905). *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. St Petersburg, Tipolitografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. 267 p.

Krestyannikov, E. A. (2008). Sud prisyazhnykh v dorevolyutsionnoi Sibiri [The Jury Court in Prerevolutionary Siberia]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 37–47.

Krestyannikov, E. A. (2013). Politsiya i politseiskoe sledstvie v Zapadnoi Sibiri (1822–1897 gg.) [Police and Police Investigation in Western Siberia, 1822–1897]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 84–99.

Krestyannikov, E. A. (2015). Pomeshcheniya sudebnykh uchrezhdenii Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. [Facilities of Judicial Establishments of Western Siberia in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 58–70.

Krestyannikov, E. A. (2016). Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevolyutsionnoi Sibiri [Ways of Establishing Magistrates' Courts in Prerevolutionary Siberia]. In *Voprosy istorii*. No 9, pp. 3–20.

Krestyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.

Kvitka, M. (1900). Po rekam Zapadnoi Sibiri (Iz vpechatlenii poverkhnostnogo turista) [Along the Rivers of Western Siberia (From the Impressions of a Superficial Tourist)]. In *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoi Rossii*. No. 2, pp. 33–40.

Macey, D. A. J. (1989). The Land Captains : A Note on Their Social Composition, 1889–1913. In *Russian History*. Vol. 16. No. 2/4, pp. 327–351.

Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1895–1896 gg. [Report on the Office of State Council for the Session of 1895–1896]. (1896). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 825 p.

Pearson, T. S. (1981). The Origins of Alexander III's Land Captains : A Reinterpretation. In *Slavic Review*. Vol. 40. No. 3, pp. 384–403.

Plotnikov, M. (1898). Khronika vnutrennei zhizni [A Chronicle of Inner Life]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 8, pp. 165–170.

Popova, A. D., Lonskaya, S. V. (Eds.). (2016). *Mirovaya yustitsiya v Rossii : sozдание, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [World Justice in Russia : Creation, Activity, Historical Mission]. Moscow, Prospekt. 288 p.

Proshchanie stats-sekretarya N. V. Murav'eva s chinami Ministerstva yustitsii [State Secretary N. V. Muravyov's Farewell to the Officials of the Ministry of Justice]. (1905). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 2, pp. 77–92.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. *Sobranie tret'e*. Vol. 16. № 12932; Vol. 31. № 35330.

Rechi sibirskikh deputatov v Gosudarstvennoi dume [Speeches of Siberian Deputies in the State Duma]. (1909). In *Sibirskie voprosy*. No. 45, pp. 44–47.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1405. List 542. Dos. 250, 254.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii za 1909 g. [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice for 1909]. (1911). Iss. 25. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 396 p.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii za 1910 g. [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice for 1910]. (1911). Iss. 26. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 396 p.

Sibirskaya khronika [Siberian Chronicle]. (1897). In *Vostochnoe obozrenie*. July 23.

Taranovski, T. (1981). The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 29. No. 2, pp. 161–184.

Voitenkov, M. I. (1911). Mirovoi sud'ya v Sibiri i Zabaikal'e [Magistrates in Siberia and Transbaikalia]. In *Pravo*. No. 4, pp. 206–210.

Volkov, V. T. (1898). *Taezhnye ugly Tomskoi gubernii* [Taiga Parts of Tomsk Province]. Tomsk, Tipolitografiya M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo. 24 p.

Vsepoddanneishii otchet ministra yustitsii za 1896 g. [The Most Generic Report of the Minister of Justice for 1896]. (1897). [St Petersburg, Senatskaya tipografiya]. 41 p.

Wagner, W. G. (1976). Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century : A Study in Inconsistencies. In *Slavonic and East European Review*. Vol. 54, No. 3, pp. 371–394.

Wcislo, F. (1988). The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority. In *Russian History*. Vol. 15. No. 2/4, pp. 285–325.

Weisman, R. L. (1908). Yarkie nedostatki sibirskogo suda [Significant Disadvantages of the Siberian Court]. In *Sibirskie voprosy*. No. 3/4, pp. 41–47.

Wortman, R. S. (2004). *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [Sovereigns and Judges: The Development of Legal Consciousness in Imperial Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 p.

The article was submitted on 25.05.2018

**ЧЕСТОЛЮБИЕ «ПОЛУПАДИШАХА»
ИЛИ ЭНТУЗИАЗМ ЦАРСКОГО АДМИНИСТРАТОРА?
ОРГАНИЗАТОР МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ТАШКЕНТЕ К. П. ФОН КАУФМАН***

Роман Почекаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал),
Санкт-Петербург, Россия

**THE AMBITION OF A HALF-PADISHAN
OR THE ENTHUSIASM OF A TSARIST ADMINISTRATOR?
KONSTANTIN VON KAUFMANN AND THE DEVELOPMENT
OF LOCAL GOVERNMENT IN TASHKENT****

Roman Pochekaev

National Research University
Higher School of Economics (St Petersburg Branch),
St Petersburg, Russia

In 1877, Konstantin von Kaufmann, Governor-General of Turkestan, established municipal government in Tashkent, which implemented Alexander II's reform of local government in the territories recently joined to the Russian Empire. The principles of the formation and activity of the Tashkent City Duma provoked contradictory opinions among contemporaries and later researcher. The author aims to analyse the terms of the development of local government in Tashkent, its correspondence with imperial principles and specific local features (based

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-01-0005) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

** *Citation:* Pochekaev, R. (2019). The Ambition of a Half-Padishah or the Enthusiasm of a Tsarist Administrator? Konstantin von Kaufmann and the Development of Local Government in Tashkent. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 115–128. DOI 10.15826/qr.2019.1.366.

Цитирование: Pochekaev R. The Ambition of a Half-Padishah or the Enthusiasm of a Tsarist Administrator? Konstantin von Kaufmann and the Development of Local Government in Tashkent // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 115–128. DOI 10.15826/qr.2019.1.366 / Почекаев Р. Честолюбие «полупадашаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К. П. фон Кауфман // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 115–128. DOI 10.15826/qr.2019.1.366.

on centuries-old traditions of local government in Central Asia), and the evaluations of the adherents and opponents of Kaufmann's project. In order to achieve this goal, the author studies the position of the Turkestan governor-general, the legal institutions of local government in the Russian Empire in general and in Turkestan in particular, and opinions of contemporaries, i. e. Russian imperial officials, representatives of the Turkestan administration, and members of the Tashkent City Duma. Additionally, the author refers to works by Soviet, Russian, and foreign scholars in the 20th and early 21st centuries. The most criticised aspects of the reform are the disproportional representation in the City Duma of "Russian" and "indigenous" parts of the Tashkent population, the active intervention of the governor-general in the activity of the Duma, and his freedom in spending municipal funds on projects outside the competence of the local government. The author establishes that von Kaufmann's reform was a declarative imitation in Tashkent of reforms implemented in European Russia. At the same time, he considered the City Duma an additional instrument for the realisation of his own projects in Tashkent and the Turkestan region in general, which was reflected in his Regulations, an "adaptation" of the City Code of 1870 to Central Asian realities. As a result, it is not surprising that the organisation and activity of the Tashkent City Duma during Kaufmann's rule in Turkestan was criticised not only by central officials (who reacted negatively to Kaufmann's activity from the very beginning), but also by the representatives of the Turkestan administration who had deep respect for Kaufmann.

Keywords: Russian Empire; Turkestan Region; reform of local government; Tashkent City Duma; Konstantin von Kaufmann.

В 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман ввел местное самоуправление в столице края Ташкенте в рамках реализации реформы городского самоуправления Александра II на вновь присоединенных к России территориях. Принципы организации и деятельность Ташкентской городской думы вызвали противоречивые мнения и оценки как современников, так и последующих исследователей. Целью статьи является анализ условий организации местного самоуправления в Ташкенте, его соответствия как общеимперским принципам, так и местным особенностям (на основе многовековых традиций местного самоуправления в Средней Азии), оценок сторонников и противников проекта К. П. фон Кауфмана. Для этого изучаются позиция самого туркестанского генерал-губернатора, основные правовые организации местного самоуправления в Российской империи в целом и в Туркестане в частности, мнения современников – российских имперских чиновников, представителей туркестанской администрации и самих членов Ташкентской городской думы. Также привлекаются исследовательские работы советских, российских и зарубежных специалистов XX – начала XXI в. К наиболее критикуемым аспектам изучаемой реформы относятся непропорциональность представительства населения «российской» и «туземной» частей Ташкента, чрезмерно активное вмешательство генерал-губернатора

в деятельность Городской думы, а также свобода расходования им муниципальных средств для финансирования проектов, далеко выходящих за рамки ташкентского городского самоуправления. Однако реформа, проведенная К. П. фон Кауфманом в сфере местного самоуправления, носила лишь декларативный характер и отражала внешнее следование курсу реформ, осуществлявшихся в Европейской России. Ташкентская городская дума виделась ему дополнительным инструментом для реализации собственных проектов в Ташкенте и Туркестанском крае в целом, что нашло отражение в подготовленных им правилах, представлявших собой адаптацию Городового положения 1870 г. к среднеазиатским реалиям. Неудивительно, что организацию и деятельность Ташкентской городской думы в период руководства К. П. фон Кауфмана Туркестаном оценивали негативно не только изначально настроенные на критику представители центральных властей, но и местные чиновники, в целом относившиеся к Кауфману и его деятельности с большим пиететом.

Ключевые слова: Российская империя; Туркестанский край; К. П. фон Кауфман; реформа городского самоуправления; Ташкентская городская дума.

Изучение особенностей претворения в жизнь реформ в отдельных регионах России – тема весьма интересная и актуальная как в чисто научном, так и в практическом отношении. Яркие примеры учета специфики регионов имели место в процессе «Великих реформ» Александра II. При этом специфика проявлялась не только в географических, национальных, культурных особенностях того или иного региона, но и в том, кто именно отвечал за проведение в нем реформ. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка проследить процесс реализации реформы местного самоуправления в Туркестанском крае под руководством его первого генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана на примере применения Городового положения 1870 г. при организации Городской думы Ташкента (столицы Туркестана), проанализировать его позицию по данному вопросу, оценку его мероприятий и их последствий современниками и последующими исследователями.

В 1865 г. в результате завоевания Ташкента к Российской империи были присоединены обширные среднеазиатские территории, на которых была образована Туркестанская область в составе Оренбургского края. Однако уже двумя годами позже, в 1867 г., имперские власти сочли целесообразным создать на новоприсоединенных территориях отдельное генерал-губернаторство – Туркестанское. Первым его главой был назначен К. П. фон Кауфман, который с 1868 по 1873 г. в результате боевых действий против Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств увеличил подконтрольную ему территорию примерно в полтора раза.

Итогом завоеваний в Средней Азии стало включение в состав Российской империи регионов с многочисленным населением, имевшим

собственные традиции управления, правового регулирования, методов хозяйствования и пр. Перед администрацией Туркестанского края возникло немало проблем, к которым относились, в частности, упорядочение отношений в сфере городского и сельского хозяйства, поддержание порядка в населенных пунктах, забота о благосостоянии местного населения, которое, согласно имперской идеологии, рассматривалось отнюдь не как «люди второго сорта», а как полноправные подданные Российской империи. Отсюда возникла необходимость в организации низовых управленческих структур, которые могли бы обеспечивать интересы местного населения, то есть муниципальных органов.

Традиции местного самоуправления были хорошо развиты в городах тюрко-монгольских государств и нередко имели весьма давнюю историю. Низшие единицы местного самоуправления составляли квартальные общины, носившие в разных странах и регионах названия «махалли» или «гузары». Исследователи неоднократно обращались к изучению этих «муниципальных органов» на примерах Бахчисарая, Бухары, Самарканда, Хивы и др. (см., например: [Абибуллаева; Абрамов; Сухарева; Таджикиева]).

Наиболее активно действовали органы местного самоуправления в Ташкенте, который в течение всего времени существования Туркестанского генерал-губернаторства являлся его столицей. Город был разделен на четыре части (в местной традиции – дахи или юрты) – Шейхантаур, Бешагач, Кукча и Себзар, каждая из которых делилась на вышеупомянутые махалли, во главе которых стояли юзбаши или аксакалы, а население совместно вело хозяйство, платило налоги и несло повинности, совершало религиозные и бытовые обряды. Во главе дах стояли наследственные правители, подчинявшиеся правителю Ташкента – беку или хакиму [Чехович, с. 174] (см. также: [Арифханова, с. 52–53; Зунунова]), в результате чего встречается даже такое определение формы правления в Ташкенте в указанный период, как «хакимат» [Nastich, Schuster, p. 105]. Подчиняясь (нередко номинально) то казахским, то джунгарским, то кокандским монархам, приблизительно в 1740–1770-е гг. Ташкент фактически управлялся именно беком и правителями четырех дах. После захвата Ташкента Кокандским ханством деление было сохранено, хотя границы власти правителей частей, конечно же, были несколько урезаны [Маллицкий, т. 588, с. 136–138].

Для российских властей традиция местного самоуправления в Средней Азии не была чем-то неизвестным и неожиданным. Еще в 1840-е гг. востоковед Н. В. Ханьков, побывавший в Бухарском эмирате в составе дипломатической миссии 1841–1842 гг., упоминал о разделении Бухары на кварталы (гузары), которое осуществлялось по профессиональному принципу – исследователь упоминает даже особые кварталы для нищих и прокаженных [Ханьков, с. 4, 11–12]. Непосредственно самоуправление в Ташкенте стало предметом ис-

следований туркестанских чиновников, выдающихся востоковедов Н. А. Маева и Н. Г. Маллицкого, которые охарактеризовали современное им состояние дах и махаллей, их историческое прошлое и эволюцию [Маев, с. 262–266; Маллицкий, б. г., т. 588, с. 137; Маллицкий, 1927, с. 109]. Эти исследования убедили власти в необходимости учитывать местные традиции при дальнейшей организации муниципальных органов в Туркестане.

Сохранение местных традиций изначально представлялось русским властям в Ташкенте настолько важной задачей, что первый военный губернатор Туркестанской области генерал-майор М. Г. Черняев (1865–1866) в своем проекте об управлении ею 1865 г. сохранял местное самоуправление в традиционном «туземном виде» – во главе с аксакалами, раисами (блюстителями шариата) и т. д. [Васильев, 2018, с. 39; Центральная Азия, с. 97–98].

Но поскольку наряду с местным населением в Средней Азии стало появляться немалое число выходцев из России (военнослужащих, чиновников, торговцев, ученых и пр., причем нередко с семьями), их интересы также следовало учитывать при решении вопросов организации местного самоуправления. Эта необходимость сочетать принципы имперской организации городского управления и местные традиции вызвала серьезные затруднения у властей и фактически привела к разделению городов Туркестана, где российское население было значительным, на две части – «старую» («туземную») и «новую» («русскую») [Котюкова, с. 204]. В каждой части действовали и свои органы, ведавшие вопросами городского хозяйства: в «старой» – охарактеризованные выше институты, а в «новой» – органы, учреждаемые по инициативе военной администрации. Так, в 1866 г. второй начальник Туркестанской области генерал-майор Д. И. Романовский создал «городской комитет», главной задачей которого было распределение земельных участков в «новой» части Ташкента для новых поселенцев [Бродский, с. 101; Pierce, p. 71]. Тогда же был разработан проект по приведению местных городских органов самоуправления в соответствие с аналогичными российскими институтами: в частности, предполагалось учреждение должности «баши» (городского головы) и городских дум в составе двух-шести гласных из числа местных жителей с участием избираемых народных судей [Васильев, 2018, с. 75].

Преобразование Туркестанской области в генерал-губернаторство и назначение его главой К. П. фон Кауфмана не привели к немедленному пересмотру политики в области местного самоуправления. Более того, к ранее созданному Д. И. Романовским городскому комитету новый начальник края добавил еще и «арычный комитет», занимавшийся вопросами водопользования в «новой» части Ташкента, тогда как в «старой» части продолжали действовать традиционные органы, ведавшие распределением воды [Бродский, с. 101]. Юридически подобное разделение органов на «русские» и «туземные» обосновывалось в Проекте положения об управлении Семиреченской и Сырда-

рынской областей 1867 г. (который, несмотря на свой формат, вплоть до 1886 г. являлся основным правовым актом, определявшим статус Туркестанского края): его составители исходили из принципа сохранения традиционных местных органов управления в Туркестане и, соответственно, неслияния их с российскими муниципальными структурами [Васильев, 2018, с. 129]. Согласно тому же проекту, Ташкент как центр новообразованного края выделялся в самостоятельную административную единицу, равную по статусу уездам: во главе его стоял начальник города, имевший в распоряжении помощника и собственную канцелярию [Тухтаметов, с. 171; Центральная Азия, с. 98]. Именно это нововведение положило начало официальному разделению Ташкента на «русскую» и «туземную» части, ранее существовавшему де-факто.

Как впоследствии писал Кауфман, большинство городов Туркестана не получило широкого развития в сфере управления, оставшись, по сути, «туземными селениями». И только Ташкент и Верный (*совр.* Алматы) в связи со значительным числом русского населения достигли большего развития торговли и промыслов, что допускало «возможность более развитой формы управления общественного» [Проект, с. 101–102] (см. также: [Туркестан, с. 332]). Исследователи совершенно обоснованно полагают, что на позицию Кауфмана повлияли «Великие реформы», изменившие принципы организации местного самоуправления в России (см., например: [Mackenzie, p. 213; Sahadeo, 2004, p. 158]). Принятие Городового положения 1870 г. позволило генерал-губернатору определить направления реализации реформ во вверенном ему крае – естественно, с учетом его специфики [ПСЗ-2, № 48 498, с. 821–839]. И главной целью преобразований стало объединение в рамках единого органа самоуправления представителей «старой» и «новой» частей города по принципу совмещения элементов имперского законодательства и местных правовых традиций [Туркестан, с. 332].

Обосновывая свою позицию, Кауфман писал своему непосредственному начальнику военному министру Д. А. Милютину:

С приростом населения расширилась территория русской части города, увеличились общественные потребности и расходы, а вместе с тем увеличился и круг действий общественного управления. При этом выяснилось, что многие из предметов городского хозяйства и статей расходов настолько общие для обеих частей города, что выделить их в заведывание того или другого управления не представляется никакой возможности (цит. по: [Котюкова, с. 207]).

В результате уже в 1871 г. генерал-губернатор впервые поставил вопрос перед администрацией края об организации городских дум по образцу и подобию создаваемых в Европейской России. В 1872 г. по распоряжению Кауфмана общее присутствие Сырдарьинского областного правления разработало проект правил применения Городо-

вого положения в Ташкенте [Котюкова, с. 205; Турсунова, с. 12]. Эти предложения были включены в проект Положения об управлении Туркестанского края 1873 г., представленный им для утверждения в центральные органы, однако он так и не был утвержден [Проект, с. 102] (см. также: [Васильев, 2014; Тухтаматов, с. 46–55]).

В результате возникла необходимость принятия самостоятельных правил применения Городового положения в Ташкенте. Разработкой их занималась специально сформированная комиссия под председательством помощника военного губернатора Сырдарьинской области полковника Майлевского, также включавшая делопроизводителей генерал-губернаторской канцелярии, двух членов хозяйственного управления «русской» части Ташкента, двух «туземцев» и переводчика. Комиссия начала работу 27 июня 1877 г. и 7 августа представила проект «Правил о применении высочайше утвержденного 16 июня 1870 года городского положения к городу Ташкенту», которые были официально введены Кауфманом приказом № 241 от 9 августа 1877 г., а 1 сентября 1877 г. начали работу Городская дума и Городская управа Ташкента, включавшие представителей как «русской», так и «туземной» части города [Добросмыслов, с. 114] (ср.: [Отчет, с. 113]). Этот документ уже публиковался и неоднократно рассматривался исследователями (см., например: [Бродский, с. 102–103; Добросмыслов, с. 115–120]), поэтому считаем целесообразным провести анализ тех положений, которые характеризуют позицию Кауфмана по вопросам организации местного самоуправления в Ташкенте и вызывают противоречивые оценки со стороны его современников и исследователей.

Прежде всего генерал-губернатор включил в правила ряд положений, отражавших специфику Туркестанского края по сравнению с европейскими регионами Российской империи. В частности, согласно п. 1, к предметам ведения городского самоуправления относилась также и ирригационная деятельность. А согласно п. 7, в выборах в органы самоуправления через своих представителей могли участвовать также мечети и медресе, имеющие недвижимость в городе. В соответствии с п. 8 и 13 правил определения и постановления Городской думы публиковались в официальном издании края – газете «Туркестанские ведомости».

Постоянно подчеркивая, что Ташкент является достаточно развитым городом, чтобы иметь общественное управление по образу и подобию городов Европейской России, К. П. фон Кауфман был далек от мысли передать все вопросы управления городским хозяйством органам местного самоуправления. Одновременно с учреждением Городской думы было образовано также специальное Сырдарьинское областное по городским делам присутствие, в его состав входили военный губернатор, его помощник, правитель канцелярии самого генерал-губернатора, управляющий казенной палатой края, городской голова и мировой судья Ташкента, в компетенцию которого прямо входил контроль деятельности городских органов самоуправления

(п. 2). Должность же городского головы, по замыслу Кауфмана, должен был занимать вышеупомянутый начальник города Ташкента, что позволяло избежать избрания «лица случайного» с учетом политической значимости города и большинства населения «из недавно покоренных мусульман». В результате первым городским головой стал начальник Ташкента полковник Э. П. Пукалов (август 1877 – март 1882), и к Городской думе перешла часть полномочий начальника города [Туркестан, с. 329–330; Тухтаметов, с. 172–173]. Неудивительно, что за первые шесть лет работы Городской думы решение вышестоящих административных органов Сырдарьинской области ни разу не обжаловалось в суде, что делалось неоднократно думами городов Европейской России [Отчет, с. 115].

В результате сложилась весьма противоречивая ситуация по вопросу соотношения полномочий административного института начальника города и органов самоуправления (Городской думы и Городской управы). Сам К. П. фон Кауфман впоследствии в своем отчете выказывал намерение в целях сокращения расходов упразднить институт начальника города и, соответственно, его штат, намереваясь подчинить Ташкент в административном отношении управлению ближайшего Кураминского уезда [Проект, с. 102–103]. Однако, как показали результаты ревизии Туркестанского края 1882 г. под руководством тайного советника Ф. К. Гирса, расходы на штат начальника города с каждым годом лишь росли [Отчет, с. 49–51]. При этом начальник города как глава общественного управления руководил хозяйственной деятельностью города, а как руководитель органа исполнительной власти – правоохранительной [Тухтаметов, с. 173, 174].

Кроме того, при организации органов городского самоуправления в Ташкенте проявилась еще одна характерная особенность К. П. фон Кауфмана – недостаточное умение подбирать квалифицированные кадры. Так, первое же заседание Городской думы началось с решения спора о неправильном избрании двух ее гласных (правда, по итогам его рассмотрения оба спорных депутата сохранили свой статус) [Бродский, с. 106–107]. И ревизор Гирс, и современники неоднократно отмечали непрофессионализм и «сомнительную репутацию» ряда гласных и многих чиновников Городской управы, которые «больше суетились и аккуратно получали содержание», вызывая недовольство даже русского населения города [Кастельская, с. 49–50; Турсунова, с. 13]. И если первый городской голова, полковник Пукалов, назначенный по распоряжению К. П. фон Кауфмана, в принципе, не дал поводов для обвинений, то уже сменивший его в марте 1882 г. отставной титулярный советник К. М. Максимович, ранее занимавший должность начальника отделения в Сырдарьинском областном правлении, был отстранен от нее и заключен под арест уже в декабре того же года за то, что сам себя назначил подрядчиком при строительстве Ташкентско-Ходжентско-Уратюбинского тракта. В течение двух лет, пока велось следствие (до сентября 1884 г.), он считался занимавшим пост городского головы, тогда как фактически должность

исполнял «малограмотный» ташкентский купец Е. В. Кожевников [Добросмыслов, с. 120–121; Отчет, с. 114] (см. также: [Котюкова, с. 206–207]).

Самым важным средством контроля местного самоуправления Ташкента имперской администрацией стало активное вмешательство самого генерал-губернатора в дела Городской думы. Именно эти положения Правил 1877 г. вызвали наиболее существенную критику со стороны центральных властей. Вышеупомянутый Ф. К. Гирс, в 1882 г. проводивший ревизию Туркестанского края, прямо указал, что едва ли не главным изменением в Правилах 1877 г. по сравнению с Городовым положением 1870 г. стало то, что вопросы, закрепленные в последнем за министром внутренних дел, в правилах были отнесены к компетенции самого генерал-губернатора [Отчет, с. 113] (см. также: [Кастельская, с. 50; Sahadeo, 2007, p. 66]).

В самом деле, при сравнении ряда пунктов Положения 1870 г. и Правил 1877 г. очень легко убедиться в справедливости замечания Гирса. Так, п. 92 Городового положения предусматривает утверждение городского головы в губернских городах министром внутренних дел, а п. 11 правил – генерал-губернатором. Аналогичным образом к генерал-губернатору «перешли» полномочия министра внутренних дел по утверждению действий Городской управы и Торговой депутации по надзору в торговой сфере (п. 112 и 15 соответственно), равно как и публикация списка фабрик, заводов и пр., неподведомственных Городской управе (п. 115 и 17), передача Городской думой в пользование городских участков земли и возведение на них сооружений (п. 120, 122 и 18), определение платы за проход или проезд через сооружения, возведенные за городской счет (п. 123 и 19), определения Городской думы о займах и поручительствах или гарантиях от имени города (п. 124 и 20). Впрочем, вероятно, стараясь найти компромисс с центральными властями, К. П. фон Кауфман сохранил в Правилах 1877 г. положения о необходимости соотносить свои действия по ряду направлений с министром финансов Российской империи в тех случаях, когда Городовое положение предусматривало, что и министр внутренних дел принимает аналогичные решения по соглашению с министром финансов (п. 17, 21).

Еще одним поводом для критики действий К. П. фон Кауфмана по организации местного самоуправления стало его довольно радикальное отношение к городским финансам, фактически нарушавшее принцип самостоятельности хозяйственной деятельности городских органов. В частности, по распоряжению Кауфмана в городские расходы было включено до 20 % в качестве обязательных на финансирование различных мероприятий, реализуемых самим генерал-губернатором. Также критиковалось то, что население Ташкента, платя городские сборы, в то же время платило еще и поземельную подать, на что, как указывал Ф. К. Гирс, его комиссия «не могла не обратить особого внимания» [Отчет, с. 114] (см. также: [Центральная Азия, с. 98; Sahadeo, 2007, p. 66]).

Негативное отношение к деятельности К. П. фон Кауфмана в области местного самоуправления, впрочем, порой приводило его недоброжелателей к противоречивым выводам. В частности, Ф. К. Гирс не без основания критиковал то, что в общее число 72 гласных Городской думы входят 48 представителей «русской» и лишь 24 представителя «туземной» части города (при том, что русских жителей в Ташкенте было 12 тыс., а местных – 70–75 тыс.), и предлагал уравнивать их число. И сам же отмечал, что «потребности русского Ташкента гораздо сложнее в сравнении с туземным» [Отчет, с. 113–114]. Объективности ради следует отметить, что цифры Гирса вызывают некоторое удивление: согласно изысканиям исследователей, русское население Ташкента при Кауфмане составляло около 4 тыс. чел. (на момент формирования первой Городской думы – 3 921), а туземное – порядка 140 тыс. чел. [Кастельская, с. 50; Турсунова, с. 13].

Оценка результатов деятельности городского самоуправления в Ташкенте при К. П. фон Кауфмане современниками оказалась не слишком положительной. Ревизор Ф. К. Гирс, изначально настроенный на критику действий первого туркестанского генерал-губернатора, прямо писал, что общественное управление в городе работало неэффективно, и Ташкент оказался гораздо более грязным и менее благоустроенным, чем, например, Самарканд или Маргелан, в которых органы самоуправления не функционировали [Отчет, с. 114]. Даже такие почитатели Кауфмана, как А. И. Добромыслов или Н. Г. Малицкий, не высказывая замечаний по поводу его действий, тем не менее, отмечают существенные достижения органов городского самоуправления лишь в 1880-е и в особенности в 1890-е гг., то есть уже после смерти генерал-губернатора [Добромыслов, с. 122–123; Малицкий, т. 548, с. 160 и след.]. При этом нельзя не отметить, что первые гласные Городской думы склонны были оценивать создание городского общественного управления весьма позитивно и даже преувеличивать его значение в масштабах Российской империи. Так, по их словам, создание Ташкентской думы нашло отражение и в «главнейших органах печати», что объясняется «живейшим интересом» русского общества [Бродский, с. 103].

В заключение рассмотрим, как же отнеслись к Правилам 1877 г. центральные органы власти, чьи права и интересы, как мы имели возможность убедиться, были весьма серьезно ограничены генерал-губернатором. Исследователи совершенно справедливо отмечают, что городское самоуправление в Ташкенте было введено волевым решением Кауфмана без предварительного согласования с вышестоящими имперскими властями [Котюкова, с. 203]. Сознывая, что в таких условиях созданное им городское общественное управление может так и остаться «на птичьих правах», генерал-губернатор неоднократно предпринимал попытки добиться официального утверждения введенных им правил. Не случайно в своем отчете он утверждал, что правила были введены в действие «с высочайшего соизволения» им-

ператора Александра III, благо тот ко времени составления отчета уже «почил в бозе» [Проект, с. 102].

В течение ряда лет Кауфман направлял прошения в Военное министерство об утверждении введенных им правил в формате временного положения. Однако ведомство раз за разом откладывало решение этого вопроса, отговариваясь тем, что вот-вот решится вопрос о введении постоянного положения. Наконец, 14 июля 1880 г. Военное министерство сделало в Комитет министров представление «О введении городского положения в Ташкенте и Верном». Комитет рассмотрел его 2 сентября и принял решение... предоставить генерал-губернатору право самому принимать «все те меры, которые он признает необходимыми для устройства края» [Отчет, с. 113] (см. также: [Котюкова, с. 207–208; Тухтаматов, с. 172])! Таким образом, центральные власти сохранили в отношении правил 1877 г. status quo, не утвердив их официально. Когда в 1886 г. было наконец принято постоянное Положение об управлении Туркестанского края, даже в нем отсутствовали нормы, регулирующие вопросы местного самоуправления в регионе. Только в 1888 г., то есть 11 лет спустя после введения правил и шесть лет спустя после смерти К. П. фон Кауфмана, они были утверждены императором Александром III, в результате чего городское самоуправление в Ташкенте наконец-то было официально закреплено.

Все это позволяет сделать вывод, что К. П. фон Кауфман постарался лишь формально провести реформу городского самоуправления в Ташкенте, не слишком заботясь о предоставлении его органам действительно необходимых полномочий и определенной самостоятельности. Нельзя видеть в этом исключительно проявление властолюбия самого генерал-губернатора и его стремление контролировать все направления деятельности в подведомственном ему крае (хотя и это обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов), следует иметь в виду и то, что Кауфман был своего рода первопроходцем, и его опыт организации городского управления путем объединения институтов, регулируемых имперским законодательством и действующих на основе местных правовых обычаев и традиций, конечно же, не мог сразу оказаться успешным и эффективным.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в дальнейшем органы самоуправления в Ташкенте не только были сохранены, но и не подверглись существенным изменениям по сравнению с проектом К. П. фон Кауфмана. Лишь в 1892 г. генерал-губернатор Туркестанского края барон А. Б. Вревский в связи с появлением новой редакции Положения об управлении Туркестанского края предпринял попытку упразднить Городскую думу, но безрезультатно [Турсунова, с. 14]. Это свидетельствует о том, что в принципе он действовал вполне в русле имперской политики, не ставя специальной цели бросить вызов центральным властям и продемонстрировать свои широкие полномочия в пределах Туркестанского края, противопоставляя его другим регионам империи.

Список литературы

- Абибуллаева Э. Э.* Махалле – территориальная единица средневекового Бахчисарая по материалам Кадиаскерских тетрадей // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 163–186.
- Абрамов М.* Гузары Самарканда. Ташкент : Узбекистан, 1989. 58 с.
- Арифханова З.* Ташкентская махалля в начале XX в. // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации : материалы междунар. конф. (Ташкент, 12–13 сент. 2008 г.). Ташкент : Ин-т истории АН Респ. Узбекистан, 2009. С. 52–55.
- Бродский Л. Г.* Ташкент 1877–1919 гг. : К 35-летию городского общественного управления // Туркестанский сборник. Т. 548. Ташкент : [Б. и.] ; [Б. г.]. С. 97–157.
- Васильев Д. В.* Бремя империи : Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : РОССПЭН, 2018. 638 с.
- Васильев Д. В.* Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Науковедение : [интернет-журнал]. 2014. Вып. 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru> (дата обращения: 12.02.2018).
- Добросмыслов А. И.* Ташкент в прошлом и настоящем : ист. очерк. Ташкент : Электропаровая типолит. О. А. Порша, 1912. 520 с.
- Зунунова Г. К.* вопросу о ритуальной обрядности узбеков (на материалах махалли г. Ташкента) // История Узбекистана. 2002. № 1. С. 72–78.
- Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М. : Наука, 1980. 120 с.
- Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении... : Туркестан в преддверии драмы. М. : Науч.-полит. кн., 2016. 391 с.
- Маев Н.* Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб. : Тип. и хромолитограф. А. Траншеля, 1876. С. 260–313.
- Маллицкий Н. Г.* Речь в первом собрании гласных Ташкентской городской Думы десятого созыва после принесения присяги, 9 ноября 1914 года // Туркестанский сборник. Т. 548. Ташкент : [Б. и.] ; [Б. г.]. С. 158–185.
- Маллицкий Н. Г.* Ташкент : (Исторический очерк) // Туркестанский сборник. Т. 588. Ташкент : [Б. и.] ; [Б. г.]. С. 128–141.
- Маллицкий Н. Г.* Ташкентские махалля и мауза // Бартольд В. В. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент : О-во для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927. С. 108–121.
- Отчет ревизующего, по высочайшему повелению, Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб. : [Б. и.], 1883. 464 с.
- Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб. : Воен. тип., 1885. 503 с.
- ПСЗ. Собрание второе. Т. 45. Отд. первое.
- Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М. : Наука, 1976. 366 с.
- Таджиева Ф. Ж.* Отражение в русских и зарубежных источниках и исследованиях истории махаллей Хивинского ханства // Фэн-Наука. 2011. № 1. С. 29–30.
- Туркестан в имперской политике России : монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова. М. : Кучково поле, 2016. 880 с.
- Турсунова Р. Ю.* Городское самоуправление в Туркестане (1877–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент : [Б. и.], 2000. 27 с.
- Тухтаметов Ф. Т.* Правовое положение Туркестана в Российской империи : Вторая половина XIX века. Уфа : Башкир. гос. ун-т, 1999. 214 с.
- Ханыков Н. В.* Городское управление в Средней Азии // Журн. М-ва внутр. дел. 1844. Ч. 6 (отд. оттиск). 14 с.
- Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.

Чехович О. Д. Сказание о Ташкенте // Письменные памятники Востока. 1968. М. : Наука, 1970. С. 172–198.

Mackenzie D. Tashkent – Past and Present // *Russian Rev.* Vol. 28. 1969. No. 2. P. 207–216.

Nastich V., Schuster W. Catalog of Pre-Modern Central Asia Coins 1680–1923 : Janid (Later Period) – Bukhara – Tashkand – Shahrisabz – Khoqand – Khiva – Khorezm Republic – Dzungar (Later Period) – Islamic East Turkestan. Moscow ; Vienna : Bremer Numismatische Gesellschaft, 2017. 304 p.

Pierce R. A. Russian Central Asia 1867–1917 : A Study in Colonial Rule. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1960. 359 p.

Sahadeo J. Empire of Memories: Conquest and Civilization in Imperial Russian Tashkent // *Canadian Slavonic Papers / Rev. Canadienne des Slavistes.* Vol. 46. 2004. No. 1/2. P. 141–163.

Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007. 317 p.

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Yu., Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Abibullaeva, E. E. (2015). Makhalle – territorial'naya edinita srednevekovogo Bakhchisaraya po materialam Kadiaskerskikh tetradei [Makhalle – a Territorial Entity of Medieval Bakhchisaray with Reference to Materials of Kadi 'asker Registers]. In *Zolotoordynskoe obozrenie.* No. 2, pp. 163–186.

Abramov, M. (1989) *Guzary Samarkanda* [Guzars of Samarqand]. Tashkent, Uzbekistan. 58 p.

Arifkhanova, Z. (2009). Tashkentskaya makhallya v nachale XX v. [Tashkent Makhallya in the Early 20th Century]. In *Sotsial'naya zhizn' narodov Tsentral'noi Azii v pervoi chetverti XX veka: traditsii i innovatsii : materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Tashkent, 12–13 sentyabrya 2008 g.)*. Tashkent, Institut istorii Akademii Respubliki Uzbekistan, pp. 52–55.

Kotyukova, T. V. (Ed.). (2016). *Turkestan v imperskoi politike Rossii: monografiya v dokumentakh* [Turkestan in the Imperial Policy of Russia. Monograph in Documents]. Moscow, Kuchkovo pole. 880 p.

Brodsky, L. G. (N. d.). Tashkent 1877–1919 gg. K 35-letiyu gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [Tashkent, 1877–1919. For the 35th Anniversary of City Public Government]. In *Turkestanskii sbornik.* Vol. 548. Tashkent, S. n., pp. 97–157.

Chekhovich, O. D. (1970). Skazanie o Tashkente [The Story of Tashkent]. In *Pis'mennye pamyatniki Vostoka.* 1968. Moscow, Nauka, pp. 172–198.

Dobromyslov, A. I. (1912). *Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskii ocherk* [Tashkent, Its Past and Present. A Historical Overview]. Tashkent, Elektro-parovaya tipografiya O. A. Porsha. 520 p.

Kastel'skaya, Z. D. (1980). *Iz istorii Turkestanskogo kraya (1865–1917)* [On the History of Turkestan Region (1865–1917)]. Moscow, Nauka, 120 p.

Khanykov, N. V. (1844). Gorodskoe upravlenie v Srednei Azii [City Administration in Central Asia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* Part 6 (reprint). 14 p.

Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Remote Area of Special Status... Turkestan on the Threshold of Drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 391 p.

Mackenzie, D. (1969). Tashkent – Past and Present. In *Russian Review.* Vol. 28. No. 2, pp. 207–216.

Maev, N. (1876). Aziyatskii Tashkent [Asian Tashkent]. In *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya.* Iss. 4. St Petersburg, Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya, pp. 260–313.

- Mallitskii, N. G. (1927). Tashkentskie makhallya i mauza [Tashkent Makhallya and Mauza]. In *V. V. Bartol' du. Turkestantskie druž'ya, ucheniki i pochitateli*. Tashkent, Obshchestvo dlya izucheniya Tadjikistana i iranskikh narodnostei za ego predelami, pp. 108–121.
- Mallitskii, N. G. (N. d.). Rech' v pervom sobranii gласnykh Tashkentskoi gorodskoi Dumy desyatogo sozyva posle prineseniya prisvyagi, 9 noyabrya 1914 goda [Speech at the First Meeting of Deputies of Tashkent City Duma after Adjuration, 9 November 1914]. In *Turkestantskii sbornik*. Vol. 548. Tashkent, S. n., pp. 158–185.
- Mallitskii, N. G. (N. d.). Tashkent (Istoricheskii ocherk) [Tashkent (Historical Essay)]. In *Turkestantskii sbornik*. Vol. 588. Tashkent, S. n., pp. 128–141.
- Nastich, V., Schuster, W. (2017). *Catalog of Pre-Modern Central Asian Coins 1680–1923. Janid (Later Period) – Bukhara – Tashkand – Shahrisabz – Khoqand – Khiva – Khorezm Republic – Dzungar (Later Period) – Islamic East Turkestan*. Moscow, Vienna, Bremer Numismatische Gesellschaft. 304 p.
- Otchet revizuyushchego otcheta general-ad'yutanta K. P. fon Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroistvu v oblastiakh Turkestantskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g.* [The Plan of the Loyal Report of the Governor-General K. P. von Kaufmann I on Civil Administration and Organisation in the Provinces of Turkestan Region. 7 November 1867 – 25 March 1881]. (1885). St Petersburg, Voennaya tipografiya. 503 p.
- PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. Vol. 45. Part 1.
- Sahadeo, J. (2004). Empire of Memories: Conquest and Civilization in Imperial Russian Tashkent. In *Canadian Slavonic Papers / Rev. Canadienne des Slavistes*. Vol. 46. No. 1/2, pp. 141–163.
- Sahadeo, J. (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. 317 p.
- Sukhareva, O. A. (1976). *Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriei kvartalov)* [The City Quarter Commune of Bukhara (Connected with the History of Quarters)]. Moscow, Nauka. 366 p.
- Tadzhieva, F. Zh. (2011). Otrazhenie v russkikh i zarubezhnykh istochnikakh i issledovaniyakh istorii makhallei Khivinskogo khanstva [Reflection of the History of the Makhallyas of the Khanate of Khiva in Russian and Foreign Sources and Research]. In *Fan-Nauka*. No. 1, pp. 29–30.
- Tukhtametov, F. T. (1999). *Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossiiskoi imperii: Vtoraya polovina XIX veka* [The Legal Status of Turkestan in the Russian Empire: Second Half of the 19th Century]. Ufa, Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. 214 p.
- Tursunova, R. Yu. (2000). *Gorodskoe samoupravlenie v Turkestane (1877–1918 gg.)* [City Administration in Turkestan (1877–1918)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tashkent. 27 p.
- Vasil'ev, D. V. (2014). Organizatsiya upravleniya v Russkom Turkestane po proektam Polozheniya ob upravlenii 1870-kh gg. [Organisation of Administration of Russian Turkestan in Accordance with Projects of the Statute on Administration of the 1870s] In *Naukovedenie* [Internet-journal]. Iss. 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru> (mode of access: 12.02.2018).
- Vasil'ev, D. V. (2018). *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. Second Half of the 19th Century]. Moscow, ROSSPEN. 638 p.
- Zununova, G. (2002). K voprosu o ritual'noi obryadnosti uzbekov (na materialakh makhalli g. Tashkenta) [On Rites of Uzbeks (with Reference to Materials of Makhallya of Tashkent)]. In *Istoriya Uzbekistana*. No. 1, pp. 72–78.

DOI 10.15826/qr.2019.1.367
УДК 94(470.4/.6)"1917"+342.553+342.843

**ОТТОРЖЕНИЕ ВОЛОСТНОГО ЗЕМСТВА
МУЛЬТИЭТНИЧНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГО-ВОСТОКА
РОССИИ В ХОДЕ ВЫБОРОВ 1917 г.***

Сергей Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

**REJECTION OF THE VOLOST ZEMSTVO
BY THE MULTINATIONAL POPULATION OF SOUTHEAST
RUSSIA DURING THE 1917 ELECTION**

Sergey Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

This article contains an analysis of the election to the volost zemstvo in Southeast Russia in 1917. The study is based on documents from the archives of Stavropol, Astrakhan, and Orenburg regions, the State Archive of the Russian Federation, and materials from periodicals in the region under study. Soviet historiography claimed that the results of the 1917 election did not reflect the real (i. e. “left”) political preferences of the “masses”. However, the example of Southeast Russia does not support this conclusion. Party agitation did not play a decisive role in the zemstvo campaign. It would also be wrong to interpret the political predilections of the “underprivileged classes” as mainly Left Socialist-Revolutionary and Bolshevik. The failure of the election in national minority areas, the rather low voter turnout, and the election of relatively wealthy peasants as members of the city дума allow the author to conclude that in the 1917 election campaign, the traditional consciousness of the peasant population played a fundamental role. The traditionalism of Russian peasants was further strengthened due to the authorities’ special

* *Citation*: Lyubichankovskiy, S. (2019). Rejection of the Volost Zemstvo by the Multinational Population of Southeast Russia during the 1917 Election. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367.

Цитирование: Lyubichankovskiy S. Rejection of the Volost Zemstvo by the Multinational Population of Southeast Russia during the 1917 Election // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367 / Любичанковский С. Отторжение волостного земства мультиэтническим населением Юго-Востока России в ходе выборов 1917 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367.

attitude towards their closest neighbours, i. e. representatives of national minorities. It was this traditionalism that impeded transition to a new management standard, i. e. the volost zemstvo, which was alien to peasants. The article demonstrates that the most important impediment for the reform was the mental conflict between advocates of the innovative “zemstvo volost” and adherents of traditionalist consciousness. The latter perceived the introduction of a volost zemstvo as an act of forced acculturation. It is concluded that the mental split of Russian society makes it possible to explain the pro-zemstvo orientation of many peasant councils of deputies and the anti-zemstvo attitude of both clan aristocracy and the majority of volost and rural chairmen. These factors explain the failure of the 1917 volost election in Southeast Russia in comparison to the centre of the country. It is noted that the cardinal conflict of opinions concerning the volost reform “from above” and “from below” predetermined the further development of the revolution in Southeast Russia.

Keywords: volost zemstvo; Southeast Russia in 1917; elections; forced acculturation.

Представлены результаты анализа выборов в волостное земство на Юго-Востоке России, проведенных в 1917 г. Исследование основано на документах из архивов Ставропольского края, Астраханской и Оренбургской областей, Государственного архива Российской Федерации, а также на материалах региональной периодической печати изучаемого региона периода подготовки и проведения выборов. В советской историографии утверждалось, что результаты выборов 1917 г. не отражали реальных (то есть левых) политических предпочтений «народных масс». Пример Юго-Востока России не поддерживает этот вывод. Партийная агитация не играла решающей роли в земской кампании. Также неверно было бы трактовать политические пристрастия «неимущих классов» как главным образом левоэсеровские и большевистские. Неудача выборов в национальных районах, довольно низкая явка избирателей, а также выборы в гласные сравнительно зажиточных крестьян позволяют сделать вывод, что в выборной кампании 1917 г. фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского населения. Традиционализм русского крестьянства еще более усиливался благодаря примерам особого отношения власти к его ближайшим соседям – представителям национальных меньшинств. Именно он стал главным препятствием для перехода к новому, чуждому крестьянам стандарту управления – волостному земству. Показано, что важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между проповедниками инновационной «земской волости» и носителями традиционалистского сознания. Последние воспринимали внедрение волостного земства в качестве акта насильственной аккультурации. Сделан вывод, что ментальный раскол российского общества позволяет объяснить проземскую ориентацию многих Советов крестьянских

депутатов и антиземскую настроенность не только родовой аристократии, но и большинства волостных и сельских старшин. С этими факторами связана неудача волостных выборов 1917 г. на Юго-Востоке России по сравнению с центром страны. Отмечено, что кардинальное противоречие смыслов, вкладывавшихся в волостную реформу «сверху» и «снизу», предопределило дальнейшее развитие революции на Юго-Востоке России.

Ключевые слова: волостное земство; Юго-Восток России в 1917 г.; выборы; насильственная аккультурация.

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством. Введение волостного земства потребовало огромных усилий со стороны властей, но результаты далеко не соответствовали ожиданиям. В российской и западной историографии трудности в проведении этой реформы объяснялись организационными, кадровыми и техническими проблемами и политическим размежеванием в обществе [Lyubichankovskiy]. Однако представляется, что важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между носителями традиционалистского сознания и проповедниками инновационной «земской волости». Мы анализируем конфликты вокруг волостной земской реформы 1917 г. на Юго-Востоке России. С одной стороны, наше исследование находится в рамках регионального подхода, учитывающего многообразие местных условий; с другой, в нем подчеркивается разница интересов между бюрократией и традиционными крестьянскими институтами. Процесс создания низовой самоуправленческой единицы проанализирован на примере трех губерний, которые являлись самыми «молодыми» земскими территориями империи, а именно Астраханской, Оренбургской и Ставропольской. В то время как в центральных регионах страны и некоторых губерниях Урала губернские и уездные собрания и управы начали создаваться уже в 1860–1870-е гг., описываемые губернии (в этой статье они вместе именуется Юго-Востоком России) впервые получили земское самоуправление только в 1913 г.¹ Земства имели здесь однотипную нормативно-правовую базу, организационную структуру и избирательную систему и накопили к 1917 г. схожий культурно-хозяйственный и общественно-политический опыт.

Юго-Восток России в географическом отношении отличался непосредственным соседством с окраинами империи – Кавказом, ка-

¹ Отходя от общепринятого подхода к рассмотрению земств в рамках традиционных регионов (Урала, Поволжья, Севера и т. д.), исходим из того, что земства вводились в разных губерниях в разное время, поэтому различия внутри этих макрорегионов были очень существенными.

захскими землями и Средней Азией, а также обширной площадью губерний². В Астраханской губернии было 100 волостей, в Оренбургской – 131, в Ставропольской – 157. Плотность населения в регионе была невысокой³, но общая численность жителей интенсивно росла за счет переселенцев и беженцев из прифронтовых районов в годы Первой мировой войны. В отличие от центра империи, на Юго-Востоке России дворяне и помещики были малочисленны⁴, а население было многонациональным по составу и отличалось сложной конфессиональной структурой⁵. В регионе также проживало значительное число казаков⁶, которые обладали автономией и были в значительной степени обособлены от остальных жителей губерний. Таким образом, Юго-Восток России являлся пространством активной реализации государственной имперской аккультурационной политики, будучи в социальном, этническом, а также административном отношении переходной территорией между окраинами страны и ее коренным, преимущественно русским центром. Мы попытались рассмотреть, как эти особенности региона отразились на проведении волостной реформы 1917 г. и на отношении населения к ней⁷.

В исследовательской литературе можно встретить характеристику явки избирателей на волостных выборах 1917 г. Ситуация была такова: более 50 % избирателей приняли участие в выборах земских гласных лишь в нескольких селах на Юго-Востоке России [Северокавказское слово, 1917, 10 сент, с. 4; Там же, 23 сент., с. 4; Оренбургское земское дело, 1917, 14 сент., с. 4–5; Там же, 29 сент., с. 4]; в большинстве волостей региона на избирательные участки пришли не более 35 % граждан, имевших право голоса [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 1–93; Д. 69. Л. 10–106]; на отдельных участках на выборы явились менее 10 % избирателей либо вообще не явились [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–65; Д. 708. Л. 3]. Однако такая обобщенная статистическая картина не дает адекватного представления об атмосфере, царившей на участках в день выборов.

² Астраханская губерния простиралась на 184 536 кв. верст, Оренбургская – на 101 584 кв. верст, Ставропольская – на 47 716 кв. верст, то есть они занимали одно из первых мест среди «земских» губерний России по размеру территорий.

³ В Астраханской губернии на 1 кв. версту приходилось 6,6 чел. сельских и 1,2 чел. городских жителей, в Оренбургской – 14,8 и 3,34 чел. соответственно, в Ставропольской – 27,4 и 2,5 чел.

⁴ В начале XX в. в целом по России на каждую тысячу подданных приходилось 15 дворян, а в Астраханской губернии этот показатель равнялся 0,6, в Оренбургской – 0,8, в Ставропольской – 0,9.

⁵ В Астраханской губернии казахи, калмыки и прочие нерусские народы составляли 46 % населения, в Оренбургской губернии башкиры, татары, казахи – более 27 %, в Ставропольской губернии калмыки, ногайцы, туркмены – около 8 % населения.

⁶ Астраханское казачье войско включало около 31 тыс. чел., Оренбургское – 575 тыс. чел.

⁷ В статье не рассматривается процесс подготовки выборов в волостное земство, поскольку этот сюжет должен стать объектом специального исследования.

Представляется уместным обратиться к оценкам журналистов – современников событий, которые передавали нюансы атмосферы выборов. Зарисовку хода выборов волостных земских гласных сделал журналист газеты «Оренбургское земское дело» в селе Ново-Николаевском Орского уезда:

Голосование началось в 8 часов утра. Как только открылись двери избирательного участка, сразу проголосовало несколько человек, а затем никто не являлся. Так продолжалось несколько часов. Члены избирательной комиссии пошли по домам, настойчиво приглашая крестьян на выборы. Они стали подходить нехотя, как невольники. Собрались и стали толковать: зачем это нам? Чего от нас хотят? Хомут на нас надеть хотят? Постояли, поспорили между собой и разошлись по домам. Тогда послали за избирателями ответственных должностных лиц. И только под угрозой составления протокола на тех, кто не явится за избирательными записками, удалось подействовать на крестьян [Оренбургское земское дело, 1917, 8 окт., с. 4].

Аналогичные примеры можно встретить и в других изданиях (см., например: [Северокавказское слово, 1917, 17 окт., с. 2–3]). Все это ярко показывает, что за небольшими цифрами явки избирателей на участки стояло сознательное нежелание голосовать.

В ряде волостей региона выборы не состоялись вовсе: в августе-сентябре 1917 г. от создания волостных земств полностью отказались жители многих из них⁸. Такое решение, как правило, оформлялось крестьянским сходом. Например, 20 августа 1917 г. граждане села Пелагиада в день голосования созвали сход и пришли к заключению, что «не желают называть и слушать слово “земство”, а также и выбирать гласных». Исходя из этого, они отклонили все требования местного волостного старшины и постановили: «никаких выборов, а также подач записок в волостные гласные не производить» [Наш край, с. 346].

⁸ Заплавинской и Кисловской Царевского уезда [ГААО. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–5]; Уланской – Черноярского [ГАСК. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 56–61]; Ново-Николаевской, Дмитриевской, Булановской, Ново-Михайловской и Спасской – Оренбургского [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 1–18; Оренбургское земское дело, 1917, 8 окт., с. 4]; Долговской, Таловской, Костылевской, Становской, Ичкинской, Куртамышевской, Таволжанской – Челябинского [Оренбургское земское дело, 1917, 20 авг., с. 3–4; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–95]; Кубеляк-Телевской – Верхнеуральско-Троицкого [Оренбургское земское дело, 1917, 20 авг., с. 3–4; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–95]; Медведковской – Благодаринского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–110]; Покровской и Тахтинской – Медвеженского [Там же. Л. 135–139]; Правокумской, Легокумской, Урожайнинской, Ново-Александровской, Орловской Никольской, Преображенской, Степной, Урожайнинской – Святокрестовского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 217. Л. 68]; Надеждинской, Михайловской, Татарской, Кутультинской, Тугулуковской, Безопаснинской, Донской, Степновской, Пелагадской – Ставропольского [Там же. Д. 177. Л. 223–225; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–98].

Помимо этой основной (фундаментальной) проблемы априорного недоверия к волостному земству, для произведенных выборов оказались характерны еще несколько, казалось бы, технических проблем, которые, однако, не позволили им состояться в целом ряде волостей. Среди них – оставшаяся фактом значительная техническая неподготовленность избирателей. Многие из тех граждан, которые все-таки пришли на избирательные участки, будучи не ознакомлены с процедурой, просто не смогли правильно заполнить бланки для голосования. Например, в Оренбургской губернии многие избиратели не указали отчества тех, за кого отдавали свой голос, как того требовал закон [ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 315–322]. Как мы уже писали выше, это было следствием главным образом чрезмерно ускоренной подготовки выборов.

Неприятным сюрпризом для регионального земства стало одно из следствий принятого Временным правительством варианта мажоритарной системы выборов, в соответствии с которым во многих значительная часть баллотировавшихся кандидатов не смогла заручиться поддержкой большинства граждан, принявших участие в выборах, и пройти в гласные [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 15–52]. В ходе выборов основная масса голосов избирателей «распылилась» и распределилась приблизительно поровну между отдельными претендентами. Благодаря этому в подавляющей (!) части тех волостей, где граждане все-таки пришли и проголосовали, гласные либо вообще не были избраны, либо оказалось выбрано лишь несколько человек, то есть такое число, которое не могло официально приступить к работе [Там же. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 39–44; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 73–89]. В итоге на всей территории Астраханской губернии в августе-сентябре 1917 г. было организовано всего лишь 21 волостное земство (27%), в Оренбургской – 12 (12,5%), в Ставропольской – 16 (11%). Это был полный крах волостной земской идеи в регионе.

В сентябре-октябре 1917 г. на территории региона были организованы повторные выборы или довыборы, предваренные массивной агитацией, опять с помощью Советов крестьянских депутатов [ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 120–141; Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 307–315; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 98–115], а также священников [Оренбургское земское дело, 1917, 5 сент., с. 3]. Теперь информационная обработка населения велась уже более целенаправленно, поскольку итоги голосования показали, какие волости являются наиболее проблемными. Эти мероприятия в большинстве случаев (за несколькими исключениями 100% позитивного завершения избирательной кампании добиться в регионе так и не удалось) закончились результативно. Положительное завершение процедуры выборов, хотя бы и со второго раза, было зафиксировано главным образом в тех волостях, где земская реформа активно поддерживалась и пропагандировалась Советами крестьянских депутатов, а также там,

где сельская интеллигенция – учителя, врачи, агрономы и проч. – настойчиво и последовательно агитировала крестьян прийти на выборы. В результате к концу октября 1917 г. на Юго-Востоке России волостные земские гласные в полном комплекте были избраны в 17 из 21 волостей Астраханского уезда⁹.

По сравнению с итогами первых выборов это было крупным успехом. Однако если по России в целом выборы в волостное земство не состоялись в 25 % волостей, то в рассматриваемом регионе – более чем в 1/3 волостей. Особенно тяжелая ситуация в этом отношении сложилась в Ставропольской губернии, где волостные земские гласные не были избраны более чем в половине всех волостей. Нулевые результаты при этом были достигнуты на территории проживания «кочевых инородцев».

Там, где выборы состоялись, в большинстве волостей победили в имущественном плане зажиточные жители, в политическом контексте – сторонники правых эсеров и трудовиков [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 49. Л. 12–43; Д. 32. Л. 1–21; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–153]. Большинство из них (около 70 %) имели начальное образование, часть – среднее и специальное, некоторые обладали опытом работы в земских учреждениях. Представителям неимущих слоев и сторонникам радикальных левых сил (левых эсеров и большевиков) удалось победить на выборах лишь в нескольких волостях региона [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 25–27; Д. 645. Л. 65–67; Ф. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 38–42].

Фактически это означало, что крестьянская верхушка, первоначально сопротивлявшаяся выборам, в ответ на настойчивость власти решила «оседлать» процесс земских выборов и использовать их в своих интересах. Местные крестьянские и казачьи элиты приспособились к новым для себя обстоятельствам, но только там и тогда, где и когда не представлялась возможность сорвать выборы в принципе. Важно отметить, что «инородцы» в районах компактного их проживания на подобный компромисс не пошли: выборы в волостное земство не были проведены в Калмыцкой степи, Киргизской орде, Большедербетовском улусе, Ачикулакском и Туркменском приставствах и др. [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 50–81; Д. 81. Л. 145–161]. То же самое касалось и других избирательных кампаний 1917 г. в этих районах, что демонстрировало продолжение противостояния между

⁹ 17 из 21 волости Астраханского уезда [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–26]; 14 из 17 волостей – Еногаевского [Там же. Д. 646. Л. 18–28]; 9 из 10 – Красноярского [Там же. Д. 645. Л. 47–67]; 22 из 24 – Царевского [Там же. Д. 646. Л. 39–117]; 24 из 28 – Черноярского [Там же. Л. 56–77]; 35 из 42 – Оренбургского; 8 из 10 – Верхнеуральского [Там же. Д. 677. Л. 1–47]; 9 из 12 – Троицкого [Там же. Л. 1–47]; 15 из 21 – Орского [Оренбургское земское дело, 1917, 29 сент., с. 4]; 34 из 46 – Челябинского [Там же. Д. 756. Л. 1–23]; 13 из 19 – Ставропольского [Там же. Д. 708. Л. 1]; 12 из 32 – Александровского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120]; 15 из 40 – Благодаринского [Северокавказское слово, 1917, 28 сент., с. 4]; 20 из 39 – Медвеженского [ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 134. Л. 2]; 14 из 27 – Святокрестовского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 217. Л. 68–70].

родовой аристократией и центральной бюрократией. Тем временем казаки занимали в вопросе о выборах промежуточное положение между крестьянами и «инородцами»: хотя выборы не были полностью сорваны, они не состоялись более чем в 54 % казачьих волостей.

Несмотря на поддержку выборов со стороны советов, земства и советы региона не были аналогичны друг другу по партийному и личному составу: волостные земства были более умеренными. Это было следствием двух обстоятельств, которые проливают свет на более общие вопросы, касающиеся как отношения населения к обоим институтам, так и взаимоотношений между земствами и советами в регионе.

Во-первых, в случае с земствами образца 1917 г. речь шла фактически о комплектовании бюрократических органов управления. Отсюда вытекали жесткие требования, которые власть предъявляла к проведению и результатам выборов. Советам не отводилось в планах власти такой же роли. Поэтому, не будучи навязываемыми «сверху», советы не вызывали такого отторжения и, видимо, в какой-то степени, также напоминали знакомые крестьянам традиционные общинные институты. Этим воспользовались политические партии, в первую очередь социалистические, получившие преобладание в советах.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что к моменту избирательной кампании в волостное земство в регионе были сформированы только губернские и уездные советы. Появление волостных и сельских советов на Юго-Востоке России относится к периоду уже после октября 1917 г., в массовом порядке они оформились только в январе-феврале 1918 г. Иными словами, в период земских выборов советы еще просто не являлись для населения реальной альтернативой волостному земству. Именно разницей во времени в создании низовых советов и земств можно объяснить как поддержку выборов со стороны губернских советов, так и более радикальный, нежели в земствах, состав созданных позже сельских советов.

В советской историографии утверждалось, что результаты выборов 1917 г. не отражали реальных (то есть левых) политических предпочтений «народных масс» [Ерошкин; Герасименко]. Пример Юго-Востока России не поддерживает этот вывод. Партийная агитация не играла решающей роли в земской кампании. Также неверно было бы трактовать политические пристрастия «неимущих классов» как главным образом левоэсеровские и большевистские. Неуспех выборов в национальных районах, довольно низкая явка избирателей, а также выборы в гласные сравнительно зажиточных крестьян позволяют сделать вывод, что в выборной кампании в 1917 г. фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского населения. Традиционализм русского крестьянства еще более усиливался благодаря примерам особого отношения власти к их ближайшим соседям – представителям национальных меньшинств. Именно этот

традиционализм стал главным препятствием для перехода к новому, чуждому крестьянам стандарту управления – волостному земству.

Волостная реформа на Юго-Востоке России сопровождалась огромными трудностями, которые невозможно свести только к организационным, кадровым и техническим проблемам, неизбежным в условиях продолжавшейся войны и обострения социально-политической напряженности. Главной проблемой для молодого в земском отношении и окраинного по своему положению в составе империи региона стало отторжение волостного земства мультиэтничным населением. Навязываемое сверху, не имевшее корней в местных традициях, земство воспринималось в качестве несправедливого механизма управления, причем именно управления, а не самоуправления. Нечто похожее в поздней имперской России наблюдалось при внедрении бюрократических (в веберовском смысле) механизмов управления на окраинах в конце XIX в. Об этом ярко написал Йорг Баберовски: «Нигде дилемма государственной бюрократии не проявилась так явно, как на мультиэтнических окраинах империи. Бюрократизация в этих регионах являлась синонимом маргинализации автохтонных элит, представлявших власть центра на периферии в дореформенный период. Неизвестные люди на непонятном языке объясняли и приводили в исполнение непонятные законы – так воспринималась бюрократизация окраин местными элитами и крестьянским населением» [Баберовский, с. 94].

Являлась ли эта фундаментальная проблема специфической только лишь для рассматриваемого региона, или она была характерной для страны в целом? Думается, некоторые ее признаки можно увидеть по всей земской России. Однако на разных территориях эта проблема стояла с разной остротой, но наиболее остро – именно в таких регионах, как Юго-Восток России. Основой всего предшествовавшего опыта существования этой «внутренней периферии» в составе Российского государства было уважение центра к традиционным механизмам власти и к носителям этой власти. Непосредственное соседство русских крестьян региона с особыми социокультурными группами, а именно казаками и «инородцами», не могло не возбудить в них желания пользоваться теми же льготами и привилегиями, включая признание законности старинных форм управления общиной. Следовательно, их реакция на внедряемый механизм земского волостного управления была более резкой, чем у жителей других регионов, где земство было учреждено несколькими десятилетиями ранее.

Ментальный раскол российского общества позволяет объяснить проземскую ориентацию многих Советов крестьянских депутатов и антиземскую настроенность не только туземной аристократии, но и большинства волостных и сельских старшин. С этими же факторами связана и неудача волостных выборов 1917 г. на Юго-Востоке России по сравнению с центром страны.

Опыт региона в 1917 г. наглядно показывает, что никакая теоретически выверенная модель управления не может быть «высажена» на неподготовленную почву. Жители Юго-Востока России в 1917 г. непосредственно соседствовали с казаками и национальными районами, являвшими собой примеры успешной защиты традиционных устоев. Они не воспринимали волостное земство в качестве реально работающего механизма управления и видели в проводимых выборах только способ отдать власть над собой каким-то сторонним силам. О возможности повлиять на избранную власть они, возможно, не задумывались, так как весь их предшествующий опыт не допускал такого развития событий. Именно поэтому одна часть населения, не видя возможности получить влияние на власть, отказывала земской реформе во всякой поддержке. Другая же, усмотрев в реформе способ взять власть в свои собственные руки или ее удержать, активно участвовала в выборах. Однако она едва ли задумывалась о необходимости последующей работы на благо всего коллектива, а не только своих собственных интересов. Это кардинальное противоречие смыслов, вкладываемых в волостную реформу «сверху» и «снизу», предопределило дальнейшее развитие революции на Юго-Востоке России. Этот гордиев узел, возможно, не мог быть развязан в принципе, а только разрушен.

Список литературы

- Баберовский И.* Доверие через присутствие : Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71–95.
 ГАО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40; Ф. 490. Оп. 2. Д. 2.
 ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6.
 ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69, 81, 134, 143, 181; Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 32, 49, 645, 646, 677, 708, 756.
 ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177, 200, 217, 646.
Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990. 262 с.
Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1973. 352 с.
 Наш край : Документы и материалы 1917–1977. Ставрополь : Ставроп. книж. изд-во, 1977. 405 с.
 Оренбургское земское дело. 1917. 20 авг.; 5 сент.; 14 сент.; 29 сент.; 8 окт.
 Северокавказское слово. 1917. 10 сент.; 23 сент.; 28 сент.; 17 окт.
Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After : Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13. 2012. № 4. P. 861–875.

References

- Baberovskii, I. (2008). *Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii* [Trust through Presence. Pre-modern Practices of the Authorities in the Late Russian Empire]. In *Ab Imperio*. No. 3, pp. 71–95.
- Eroshkin, N. P. (1973). *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyuetsionnoi Rossii* [History of State Institutions of Prerevolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola. 352 p.

GAO [State Archive of Astrakhan Region]. Stock 1094. List 1. Dos. 40; Stock 490. List 2. Dos. 2.

GAO [State Archive of Orenburg Region]. Stock 14. List 3. Dos. 6.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 1788. List 2. Dos. 69, 81, 134, 143, 181; Stock R. 393. List 5. Dos. 32, 49, 645, 646; Dos. 677, 708, 756.

GASK [State Archive of Stavropol Krai]. Stock 311. List 1. Dos. 177, 200, 217, 646.

Gerasimenko, G. A. (1990). *Zemskoe samoupravlenie v Rossii [Zemstvo Self-government in Russia]*. Moscow, Nauka. 262 p.

Lyubichankovskiy, S. (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13. No. 4, pp. 861–875.

Nash krai: Dokumenty i materialy 1917–1977 [Our Region. Documents and Materials 1917–1977]. (1977). Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 405 p.

Orenburgskoe zemskoe delo [Orenburg Zemstvo Work]. (1917). 20 Aug.; 5 Sept.; 14 Sept.; 29 Sept.; 8 Oct.

Severokavkazskoe slovo [North Caucasian Word]. (1917). 10 Sept.; 23 Sept.; 28 Sept.; 17 Oct.

The article was submitted on 12.10.2018

BODILY IMPERFECTION AND WORLD DISHARMONY

DOI 10.15826/qr.2019.1.368

УДК 398.21+314.44+616-036.865+801.81:398.21

НЕМОТА И РЕЧЕВЫЕ АНОМАЛИИ ГЕРОЕВ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ*

Варвара Добровольская

Государственный российский дом народного творчества

им. В. Д. Поленова,

Москва, Россия

THE MUTENESS AND SPEECH ANOMALIES OF CHARACTERS IN RUSSIAN FAIRYTALES

Varvara Dobrovolskaya

V. D. Polenov State Russian House of Folk Art,

Moscow, Russia

This article considers representations of disability in Russian fairytales. More particularly, the author focuses on anomalies of speech and muteness in fairytale characters. The article refers to classic collections of Russian fairytales, regional publications of the 20th and 21st centuries, and archival records of field materials. Considering the intricate genre interaction, multi-functionality, and correspondence of literary and oral traditions, the author makes an attempt to reveal the peculiarities of the representation of disability in Russian fairytales and folklore tradition. She demonstrates that contrary to other disabilities, muteness in fairytales is always imaginary or simulated. The inability of characters to speak is either a means of disguise, a way to hide their true nature, or a form of ritual behaviour necessary to carry out a magical act. Upon achieving the desired result, the characters begin to speak. Using elements of everyday or ritual practices, fairytale fantasy tends to change or intensify them. When it comes to speech, it copies the

* Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00145 ОГН «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России») и РФФИ (проект № 17-01-00001 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями в России»).

** *Citation:* Dobrovolskaya, V. (2019). The Muteness and Speech Anomalies of Characters in Russian Fairytales. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368.

Цитирование: Dobrovolskaya V. The Muteness and Speech Anomalies of Characters in Russian Fairytales // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368 / Добровольская В. Немота и речевые аномалии героев в русских волшебных сказках // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368.

ritual and only changes the context and manner of the deed. A prohibition against speaking is only actualised when the characters find themselves in another world and when they have to communicate with supernatural forces. Both in life and in fairytales, silence is regarded as a form of universal protection and as a prerequisite for the successful implementation of a specified task. In fairytales, the imitation of muteness is always a voluntary act and silence is a choice of the character. In case of speech, it is the inability to speak which is the driving force of the plot: a silent fool defeats the serpent and liberates the tsarevna, while a numb beauty uses nettles to knit shirts and thus returns to her brothers their real appearance. In this case, muteness signifies that the characters have been chosen for their mission because of their capacity to perform a magical feat. Other forms of disability usually result from actions of the character's enemy and are a real loss which cannot be repaired.

Keywords: folklore; Russian fairy tales; muteness; speech anomalies; disability.

Рассматриваются проблемы, связанные с репрезентацией инвалидности в русской волшебной сказке. Особое внимание уделяется речевым аномалиям и немоте сказочных героев. Источниками исследования послужили классические сборники русских волшебных сказок, региональные публикации XX – начала XXI в., а также архивные записи. С учетом межжанрового взаимодействия, полифункциональности и взаимодействия книжной и устной традиции выявляются особенности репрезентации инвалидности в русских волшебных сказках. Показано, что немота в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда является мнимой, имитируемой. Неспособность героя говорить выступает либо средством маскировки, способом скрыть свою истинную природу, либо формой ритуального поведения, необходимого для совершения магического действия. Как только герой или героиня достигают желаемого результата, они начинают говорить. Сказочная фантастика, используя элементы бытовых или обрядовых практик, в ряде случаев старается их изменить или усилить. В случае же с речью она практически полностью копирует ритуал, изменяя лишь контекст и форму его совершения. Запрет разговаривать актуализируется тогда, когда персонаж оказывается в ином мире, когда ему необходимо установить связь с потусторонними силами. Молчание как в жизни, так и в сказке рассматривается как форма универсального оберега и в то же время как условие успешного выполнения определенной работы. В сказках имитация немоты – всегда добровольное действие, молчание – выбор самого персонажа. В случае с речью именно невозможность говорить является основой развития действия: молчащий герой-дурачок побеждает змея и освобождает царевну, а немая красавица изготавливает рубашки из крапивы и возвращает братьям их истинный облик. Немота в данном случае выступает знаком некой избранности героев, их способности к сказочному подвигу. Другие же формы инвалидности обычно оказываются результатом действий противников героя и становятся реальной утратой, которую необходимо устранить.

Ключевые слова: фольклор; русская волшебная сказка; немота; речевые аномалии; инвалидность.

Доминантной темой исследований репрезентации инвалидов в фольклоре являются слепота [Толстая, 2007, с. 409–419; Михайлова, с. 132–156; Ясинская, 2014, с. 47–57] или глухота [Невская, с. 106–107; Толстая, 2008, с. 134–173]. Основное внимание в них обычно сосредоточивается на текстах мифологической и религиозной народной прозы, в предписаниях, нормативах и паремических перформативах [Ясинская, 2013, с. 79–89; Ясинская, 2016, с. 594–596], в которых слепота или глухота становятся знаковой чертой мифологического персонажа, его отличительным свойством [Неклюдов, 1979, с. 133–141; Неклюдов, 2014, с. 125–147; Махов, с. 335–340], а также результатом проклятия или нарушения запрета [Ясинская, 2013, с. 79–89; Ясинская, 2016, с. 594–596], совершения неправильного поступка [Амосова, с. 306–316] или святотатства [Добровольская, 1997, с. 76–88; Добровольская, 1999, с. 500–512; Мороз, с. 177–185; Фадеева, 2003, с. 123–126].

В народном мировоззрении отношение к физическим недостаткам человека (а не мифологического персонажа) имеет двойственный, амбивалентный характер. Физическая или психическая неполноценность – это Божья кара, с одной стороны, или некий знак избранности, указание на принадлежность к группе «знающих», связь с иным миром, наличие особых сакральных знаний – с другой. Именно к такому человеку принято было обращаться за помощью и советом. Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками (феномен юродства). Такое отношение закреплено в пословицах «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т. д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «божьи люди», необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [Иванова, с. 187–199; Фадеева, 2004, с. 200–217; Шеваренкова, с. 247–253; Добровольская, 2000, с. 137–152; Добровольская, 2001, с. 95–105].

При этом если слепота, глухота и различные виды телесных увечий представлены в русской фольклорной традиции довольно разнообразно, то немота – явление довольно редкое. И это не случайно. Немота в фольклоре практически идентична молчанию, которое само по себе может быть формой ритуального поведения (см. ниже). Невозможность говорить – это своеобразный знак принадлежности к иному миру, к сверхъестественным силам, к опасным, знающим с нечистой силой людям.

Немой или отказавшийся от речи человек воспринимается как чужой. Ряд реализаций этого представления связан, например, с попаданием в чужой дом. Традиционно в повседневной жизни человек, входя в дом, здоровался с хозяевами и начинал разговор первым. Таким образом чужой для данного дома, заговорив, разрушал границу своей «чужести». Если же пришедший входил с определенными

ритуальными целями, то он не заговаривал с хозяевами, подчеркивая молчанием свою инаковость, устанавливая границы между чужим и своим для данного дома мирами, которую должны были в этом случае разрушить разговором именно хозяева. Например, в Тверской области был распространен способ гадания, во время которого девушка, войдя в дом соседей, должна была молчать до тех пор, пока ей не назовут какое-нибудь мужское имя, которое рассматривалось как имя ее будущего мужа. Только после этого она здоровалась с хозяевами и могла вступить с ними в беседу [Архив ГЦРФ. Колл. 69–14–2015]. Молчание в этом случае маркирует девушку как существо иного, чужого мира, и лишь речь возвращает ее в мир «своих». Подобная ситуация была и с молчанием сватов. Во Владимирской области, как, впрочем, и в ряде других регионов России, приходя в дом потенциальной невесты, сваты молчали и начинали говорить лишь тогда, когда с ними заговаривали хозяева [Там же. Колл. 33–3–2002].

Молчание характерно для поведения ряженых, окружения роженицы, тех, кто делал гроб или обмывал покойника, то есть запрет на разговор актуализировался в момент разрыва границ между мирами и возможного контакта с иным миром [Агапкина, с. 292–296]. Однако в данном случае речь идет о молчании как добровольно принятой на себя форме поведения.

Немота физическая расценивается как знак Божьего наказания за неправильное поведение, святотатство или колдовство. Задержка развития речи у детей – это наказание за грехи родителей. И даже молчаливость человека, связанная с особенностями его характера, может в традиционной культуре рассматриваться как результат воздействия нечистой силы. Так, во Владимирской области, если вдова после смерти мужа становилась излишне, с точки зрения деревенского социума, молчаливой, это считалось верным признаком того, что к ней летает огненный змей [Архив ГЦРФ. Колл. 33–14–2007].

Негативное отношение к немоте и молчанию реализуется в русских волшебных сказках. Вопреки общепринятому мнению о том, что в сказках все положительные персонажи прекрасны, а физические недостатки могут иметь только отрицательные герои, поскольку «многообразные уроды и уродцы... выступают эмблемой отрицательных качеств, собирательным образом зла» [Ярская-Смирнова, Романов, с. 295], это не совсем так. Реальная инвалидность в русских волшебных сказках – явление относительно редкое и почти всегда связанное именно с положительными героями, утратившими конечности или зрение («Слепой и безногий» [СУС 519]; «Правда и Кривда» [СУС 613], «Безручка» [СУС 706]). Безусловно, существуют второстепенные персонажи, страдающие тем или иным недугом: царь-отец, который ослеп от старости и нуждается в молодильных яблоках и живой воде, царевны, страдающие от неизвестной болезни, которую не могут вылечить самые мудрые доктора, но удастся простому солдату, и т. д. Есть в этом списке больных и отрицательный персонаж –

неверная жена героя (сказка «Рога» [СУС 566]). Однако ее болезнь – типичный пример наказания за неправильное поведение. Герой, обманутый царевной, попадает в лес и находит там чудесные плоды. Съев одну их разновидность, он обнаруживает, что у него вырастают рога, а от другой они отваливаются. Первыми плодами герой угощает неверную жену, а потом лечит ее от физического уродства второй разновидностью.

Однако существенно чаще в сказках встречается мнимая увечность, когда герой по той или иной причине имитирует недуг. В этом случае задействуются другие типы инвалидности. Это может быть просто некая болезнь, при которой персонаж должен лежать. Так, в сказках сестра героя прикидывается, что лишилась возможности ходить, потому что она тяжело больна («Звериное молоко» [СУС 315]). Девушка имитирует болезнь по наущению противника героя:

— А ты, – говорит, – заболей, как будто сухота; а брат придет, скажи, что вот отец башню работал – зайти, а не выйти, так мне бы с той башни опилочков... [Балашов, № 56].

Прислушавшись к советам, сестра героя прикидывается тяжело больной:

И на другое утро, когда он пришел, сестра лежала уже в постели, совершенно притворяясь, как будто чуть жива... притворилась больной и слегла в постель, чуть едва в сознании уже лежа [Ковалев, № 17, 18].

Брат для ее излечения должен добыть молоко медведя, волка или льва, яблок, груш или «опилочков», которые находятся в отдаленном опасном месте. В данном случае болезнь является поводом для отсылки героя из дома для того, чтобы он погиб, а инвалидность – симитированной.

Однако чаще в сказках имитируют недуг положительные персонажи, и не случайно мнимая болезнь таких героев связана с немотой или речевыми нарушениями. Герой сказки практически всегда оказывается на границе миров, в ситуации, когда он должен скрывать свою истинную сущность. Полная или частичная немота становится средством маскировки героя, своеобразного обособления и дистанцирования от людей. Наиболее ярко такая мнимая полунемота реализуется в сказках сюжетного типа («Незнайка» [СУС 532]). В вариантах данного сюжета герой имитирует не только полунемоту, но и вызывающую ее умственную неполноценность. Несоответствие нормам поведения подкрепляется внешним обликом героя, который с помощью внутренностей животных, смолы, сена, мусора и других средств симулирует кожные заболевания. Они должны вызвать к нему сострадание, но, с другой стороны, заставить окружающих удалить его от себя, что и происходит в сказке.

Герой отправлен на работу в сад. Сад в сказке – это некая пограничная территория, место нахождения чудесных диковинок и прекрасных женщин, но в то же время это место разрушения границы, доступное для проникновения представителей другого мира. Отсюда Змей или Вихрь уносят прекрасную царевну, герой похищает молодильные яблоки и живую воду, злая ведьма превращается в белую уточку или рысь, наконец, это место чудесного зачатия: «ветер заваял, ей подол подынул-ся, и она понесла. Сына родила, Ивана Ветровича» [Ончуков, № 107]. Как видим, сад – это пограничное пространство, действуя в котором, герой обособляет себя от остальных жителей царства (подробнее о пограничной семантике сада см.: ([Добровольская 2017, с. 5–19]).

Демонстрируя свою инаковость, герой дистанцируется от других жителей царства, показывая своим обликом некую принадлежность к иномирным существам. После ряда испытаний он получает особые способности. Иногда изменение внешности может быть связано с колдовством чудесного помощника героя – его волшебного коня. Герой пролезает между ног коня и становится «страшным, лохматым, в коростах» [Красноженова, № 16], «страшным, нехорошим, зеленым» [Анисимова, с. 60–69]. Но даже в тех вариантах сказки, где герой не меняет свою внешность, а только скрывает свой истинный облик под нищенской одеждой, его полунемота является своеобразным подтверждением умственной неполноценности. От простака и недотепы, который на все вопросы отвечает «Не знаю» или «Зеленый», никто не ждет, что он царский сын и прекрасный воин:

Все люди гуляют, пляшут, барабаны бьют, а Незнайка в своей беседке сидит. Она приходит.

– Незнайка, пойдём на пир.

– Не знаю.

– Я тебе сюда принесу чего?

– Не знаю.

Принесла четверть водки, закуски.

– Незнаюшка, пей, ешь!

Она ушла, он из горлышка выпил, покушал, опять посиживает.

Она пришла опять, глядит – четверть выпита и разбита.

– Незнаюшка, это ты покушал?

– Не знаю.

– Кто выпил?

– Не знаю.

– Кто четверть разбил?

– Не знаю.

Так и ушла [Королькова, с. 98–107].

Такое поведение очень близко к поведению юродивого, который довольно часто «пользуется немотой, повторением слов своего собеседника, заумью...» [Толстой, с. 490]. Немота, непонятная боль-

шинству речь выступает своеобразным признаком сакральности, принадлежности к другому миру (ср. «не от мира сего»), благодаря которой сказочный герой противопоставляет себя всем остальным людям, позиционирует себя как «другой», чужой персонаж.

Кучер кричит: «Вороти!» – А он отвечает: «Не знаю». – «Кто ты?» – «Не знаю». – «Человек ли?» – «Не знаю». <...> Дали ему двадцать пять нагаек, а ему через кожан-то и не больно [Сказки и предания Северного края, № 47].

Такое поведение позволяет герою скрыть и свое истинное происхождение, и особые внешние данные (золотые кудри), и необыкновенную силу. Появись он при дворе царя с золотыми кудрями и в богатырском облачении, он тоже бы рассматривался как чужой, но от него бы и ждали подвига, подобающего таинственному воину. От большого калеки подвига не ждут. Традиция позволяет считать, что у подобного человека не может быть никаких необычных способностей, но логика сказочного повествования, напротив, указывает на то, что именно такой «ущербный» герой обладает целым рядом необычных качеств, имеет чудесного помощника, связанного с иным миром, и способен совершать подвиги. Именно это и увидела в Незнайке любимая царская дочь, которая из всех потенциальных женихов выбрала полунемого калеку.

Вот приходит очередь и до третьей дочери. Но она в последний раз все-таки принесла пищу Незнайку. И говорит: «А может, ты меня спасешь от съедения змея. Ведь у тебя же есть сила необыкновенная». А Незнайко все время говорил одно слово: «Не знаю», – и царевна ушла от него. Когда повезли царевну, то Незнайко обратно оседлал своего коня и помчался вперед. <...> Но он каждый раз перережался, и его нельзя было узнать, делался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать, красоты неописанной. И как увидела царевна такого красавца-богатыря, то сразу влюбилась в его... И вот он такой неимоверной силы удар нанес, что сразу снес шесть голов... расвирипел как лев и нанес такой сильный удар, что снес ему своей саблей последние шесть башок [Ковалев, № 15].

Как видно из приведенных примеров, змея может победить только могучий богатырь, скрывающийся под маской полунемого дурачка.

Еще одна функция имитации немоты направлена на спасение кого-либо. Здесь молчание – это своеобразная форма магического запрета. Наиболее характерным примером в данном случае является сюжетный тип [СУС 451] («Братья-вороны (лебеди, волки)').

Этот сюжет широко известен в европейской традиции, преимущественно по сказкам из сборников братьев Гримм «Двенадцать братьев» / *Die zwölf Brüder* [Гримм, с. 277–278, № 10] и Г. Х. Андерсена «Дикие лебеди» / *De vilde Svaner* [Andersen, Bd. I, S. 403]. Для европейских версий данного сюжета характерны проклятие отца или не-

осторожность сестры (уронила рубашки братьев в море, сорвала лилии в саду и т. п.), хотя в ряде текстов встречается колдовство мачехи. В европейской традиции известны случаи использования данного сюжета в литературе [Hilka; Basile, № 4.8]. Наиболее распространен он в скандинавских странах [Winther; Grundtvig], Франции и Германии. Скорее всего, именно оттуда сказка стала известна в России. Она не относится к ядру русской сказочной традиции¹.

Наиболее показательными для русской сказочной традиции являются сказки данного сюжетного типа, записанные от И. Ф. Ковалева, Е. В. Рохмистовой, М. Н. Лешуковой и А. К. Барышниковой (Куприяники). Несмотря на то, что в ряде случаев (например, у Барышниковой и Ковалева) тексты, бесспорно, восходят к сказке братьев Grimm (по свидетельству сказочников, Ковалев узнал текст в германском плену, Барышниковой прочитала сказку дочка), в них есть ряд мотивов, не свойственных немецкому оригиналу. Это же характерно и для других вариантов данного сюжета. Сказочники вводят в свои тексты формулы и мотивы, свойственные русской традиции: «Руського духа слыхом не слыхала и видом не видала, а теперь руський дух сам пришел. Я тебя нараз съем» [Ковалев, № 28]. В сказке Рохмистовой сыновья говорят матери, что в случае рождения брата не вернуться домой. Знаком рождения девочки должна стать прялка на воротах. Родив дочь, женщина «положила прялицу на ворота, а Яга-баба пришла, сняла прялицу, положила ружье на ворота» [Сказки Поморья, № 59]. Появляется и мотив нарушения запрета. Героиня не должна целовать братьев в губы, а она «не стерпела, в губы их и поцеловала» [Сказки и предания Северного края, № 136].

Братья могут быть превращены в птиц из-за того, что их заколдовала мачеха:

...Послала своих одиннадцать сынов в баню мыться и велела, чтоб они надели все по рубашке, когда вымоются в бане. И как только они одели на себя рубашки, то вдруг превратились в одиннадцать лебедей и полетели, и сами не знали, куда их несла неведомая сила [Ковалев, № 28].

Или это сделала колдунья:

Эта колдунья и превратила их в черных воронов. А Господь-то не допустил, чтобы они черными воронами были. Они день-то летали по крыше черными воронами, а на утро-то превратились белыми лебедями [Судогда, № 22].

¹ Известно 11 русских вариантов согласно указателю сюжетов [СУС]. Однако ряд текстов не принадлежат к рассматриваемому сюжетному типу. Так, текст из сборника Ончукова о Настасье Прекрасной и Егибихе является вариантом сюжетного типа «Царевна и служанка» [СУС 437]. С другой стороны, ряд вариантов этой сказки находится в архивных собраниях. Так, на Пудогге [АКФ. Колл. 6. № 41] и в Заонежье [АКФ. Колл. 88. № 2] были записаны сказки данного сюжетного типа, хранящиеся в архиве Карельского научного центра РАН.

Или же это происходит потому, что их сестра нарушила запрет. В любом случае девушка, чтобы спасти своих братьев и вернуть им человеческий облик, должна несколько лет имитировать немоту:

А когда ты перелетишь с ними, то на том острове найдешь жгучую крапиву и должна эту крапиву нарвать столько, чтобы ты могла из этой крапивы босыми ногами измять ее и связать одиннадцать панцырев. И ты будешь нема три года, ни с кем не должна говорить единого слова [Ковалев, № 28].

В данном случае мы имеем запрет, который представляет собой действие (молчание), являющееся формой ритуального поведения, соотносимого с иным миром, сферой потустороннего и смертью [Мир звучащий и молчащий; Дорохова, Жуланова, Пашина; Гилярова; Толстая 1999, с. 3–16; Миненок, с. 19–20; Агапкина 1999, с. 17–50]. Очевидно, что для того, чтобы расколдовать братьев, героиня должна соблюдать предписанный магией запрет. Однако персонажи сказки считают героиню немой.

Именно в этом сюжетном типе персонаж-инвалид воспринимается как опасное для обычных людей существо, как колдунья, способная причинить вред. Иногда сказочник просто отмечает, что немота героини вызывает к ней нелюбовь:

Она днем молчит и ночью молчит. Ну, ее и стали нелюбить. Все больше да больше не любят... Тут и согласились ее сожечь [Сказки и предания Северного края, № 136].

Реже сказочник приписывает своим персонажам представление о немоте как о признаке демонологического персонажа:

Твоя жена какая-нибудь колдунья, и ты с ней будешь несчастлив и, наверное, погибнешь. Ты должен ее засадить в темницу, если только она не будет говорить с тобой [Ковалев, № 28].

В этом сюжетном типе сказки героиня не имитирует увечье, она молчит для того, чтобы подействовала магия:

...Если бы я во время своей работы промолвила хотя бы единое слово, то все бы мои труды пропали, и братья бы мои остались навеки бы несчастными дикими лебедями [Там же].

Но окружающие все равно считают героиню немой, несмотря на очевидный магический характер ее действий, который понятен и самим сказочным персонажам, поскольку именно молчание и вязание из крапивы являются для них неоспоримым доказательством колдовства девушки.

Как видно из рассмотренных текстов, немота в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда является мнимой, имитируемой. Неспособность говорить становится либо средством маскировки, способом скрыть свою истинную природу, либо формой ритуального поведения, необходимого для совершения магического действия. Как только герой или героиня достигают желаемого результата, они начинают говорить. Сказочная фантастика, используя элементы бытовых или обрядовых практик, в ряде случаев старается их изменить или усилить. В случае же с речью она практически полностью копирует ритуал, изменяя лишь контекст и форму его совершения. Запрет разговаривать актуализируется в сказке тогда, когда персонаж оказывается в ином мире, когда ему необходимо установить связь с потусторонними силами. Молчание как в жизни, так и в сказке рассматривается как форма универсального оберега и в то же время как условие успешного выполнения определенной работы. Если в случае с Незнайкой его полунемота защищает его от лишнего внимания, скрывает его истинную сущность, то в случае с возвращением братьям их истинного облика она становится именно требованием для успешного выполнения магического действия. Заметим также, что в сказках имитация немоты – всегда добровольное действие, молчание – выбор самого персонажа, в отличие от других форм инвалидности. В этом случае важна реальная утрата, которую необходимо устранить, что, собственно, и способствует развитию сюжета (Мишка Котомка ищет чудесный источник, чтобы вернуть ноги, Правда отправляется на поляну, где собираются черти, и узнает секрет целебных свойств росы, чтобы восстановить зрение, Безручка, скитаясь по лесу, находит чудесный колодец, вода из которого возвращает ей руки). В случае же с речью ситуация иная – именно невозможность говорить и является основой развития действия: молчащий герой-дурачок побеждает змея и освобождает царевну, а немая красавица изготавливает рубашки из крапивы и возвращает братьям их истинный облик. Немота здесь выступает знаком некой избранности героев, их способности к сказочному подвигу.

Список литературы

- Агапкина Т. А.* Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. С. 17–50.
- Агапкина Т. А.* Молчание // Славянские древности : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). С. 292–296. АКФ (Пудожье). Колл. 6. № 41; (Заонежье). Колл. 88. № 2.
- Амосова С. Н.* «...Ну посыпать ей глаза» : Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // Сила взгляда : Глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : РГГУ, 2014. С. 306–316.
- Анисимова А. П.* Песни и сказки Поимского района / под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза : Пенз. книж. изд-во, 1948. 228 с.
- Архив ГЦРФ. Колл. 69–14–2015; 33–3–2002; 33–14–2007.

- Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря / отв. ред. Э. В. Померанцева. Л. : Наука, 1970. 448 с.
- Гилярова Н. Н.* Звук в традиционной народной культуре. М. : Научтехлитиздат, 2004. 253 с.
- Гримм Я., Гримм В.* Сказки : Эленбергская рукопись, 1810, с комментариями. М. : Книга, 1988. 447 с.
- Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир / сост. В. Е. Добровольская. Вып. 2. М. : ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.
- Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор : Материалы и исследования. Т. 30 / отв. ред. А. Н. Розов. СПб. : Наука, 1999. С. 500–512.
- Добровольская В. Е.* Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великороссии // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия / сост. О. Г. Севан, Г. В. Судаков. Вологда : Легия, 2000. С. 137–152.
- Добровольская В. Е.* Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре : Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов ; отв. ред. С. П. Бушкевич. М. : Лабиринт, 2001. С. 95–105.
- Добровольская В. Е.* Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре : сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Смирнова, И. Н. Райкова. М. : МГПУ, 2017. С. 5–19.
- Дорохова Е. А., Жуланова Н. И., Пашина О. А.* Голос и ритуал. М. : ГИИ, 1995. 187 с.
- Иванова А. А.* Легенды о прозорливых Уржумского края // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 187–199.
- Ковалев И. Ф.* Сказки И. Ф. Ковалева / запись и коммент. Э. Гофман и С. Минц ; ред. Ю. М. Соколова. М. : Изд-во Гос. лит. музея, 1941. 358 с.
- Королькова А. Н.* Русские народные сказки : Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М. : Наука, 1969. 406 с.
- Красноженова М. В.* Сказки Красноярского края / под общ. ред. М. К. Азадовско-го и Н. П. Андреева. Л. : Худож. лит., 1937. 294 с.
- Махов А. Е.* Слепота и зрение // *Hostis antiquae* : Категории и образы средневековой христианской демонологии : опыт словаря. М. : Intrada, 2013. С. 335–340.
- Миненок Е. В.* Поверья о пении // Народное творчество. 1993. № 9. С. 19–20.
- Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. 331 с.
- Михайлова К.* О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика : К 80-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 132–156.
- Мороз А. Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Уч. зап. Рос. православ. ун-та апостола Иоанна Бого- слова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.
- Невская Л. Г.* «Слепота» и «глухота» в балто-славянской традиционной культуре и языке // Этническое и языковое самосознание / отв. ред. В. П. Нерознак. М. : Ин-т народов России, 1995. С. 106–107.
- Неклюдов С. Ю.* О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии : (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина) / отв. ред. А. К. Байбури, К. В. Чистов. Л. : Наука, 1979. С. 133–141.
- Неклюдов С. Ю.* Слепота демона и ее литературные перспективы // Сила взгляда : Глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : РГГУ, 2014. С. 125–147.

Ончуков Н. Е. Северные сказки : Архангельская и Олонецкая гт. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. 643 с.

Русские народные сказки Карельского Поморья / сост., вступ. ст. А. П. Разумовой и Г. И. Сенькиной. Петрозаводск : Карелия, 1974. 423 с.

Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнаухова ; предисл. Ю. М. Соколова. М. ; Л. : Academia, 1934. 544 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л. : Наука, 1979. 438 с.

Толстая С. М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий : Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. С. 3–16.

Толстая С. М. Глухой и слепой // Пространство слова : Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. С. 134–174.

Толстой Н. И. Русское юродство как форма святости // Очерки славянского язычества / сост. и отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2003. С. 489–493.

Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 123–126.

Фадеева Л. В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 200–217.

Фольклор Судогодского края / сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий. М. : ГРЦРФ, 1999. 336 с.

Шеваренкова Ю. М. Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 247–254.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в современном визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант ; ЦСПГИ. 2009. С. 289–331.

Ясинская М. В. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. № 2. 2013. С. 79–89.

Ясинская М. В. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. № 6. 2014. С. 47–57.

Ясинская М. В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» : тр. и материалы / отв. ред. М. Л. Ремнева. М. : МАКС Пресс, 2016. С. 594–596.

Andersen H. C. Eventyr og Historier : in 16 Bind. Bd. I. København : Gyldendalske Boghandel, 1943. 412 S.

Basile V. Il Pentamerone Del Cavalier Giovan Battista Basile. Ouero Lo Cvnto de li Cvnte, Trattenemiento de li Peccerille... Napoli : Ad istanza di A. B. Libbaro all'Insegna della Sirena, 1674. 670 p.

Grundtvig S. Gamle danske Minder I Folkemunde. København : [S. n.], 1856. 158 S.

Hilka F. Sammlung mittelateinischer Texte. V. Heidelberg : Heidelberg Winter, 1913. 112 S.

Winther M. Danske Folkeeventyr. København : [S. n.], 1823. 126 S.

References

Agapkina, T. A. (1999). Zvukovoi obraz vremeni i rituala (na materiale vesennei obryadnosti slavyan) [The Sound Image of Time and Ritual (Based on Spring Rituals of the Slavs)]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow, Indrik, pp. 17–50.

Agapkina, T. A. (2004). Molchanie [Silence]. In Tolstoy, N. I. (Ed.). *Slavyanskije drevnosti v 5 t. Vol. 3. K (Krug) – P (Perepelka)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 292–296.

AKF [Archive of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. (*Pudozh'e*). Coll. 6. № 41; (*Zaonezh'e*). Coll. 88. № 2.

Amosova, S. N. (2014). "...Nu posypat' ei glaza": Motiv nakazaniya slepotoi za rabotu v neurochnoe vremya ["...They Will Sprinkle Her Eyes": The Motif of Punishment by Blindness for Working at the Wrong Time]. In Antonov, D. I. (Ed.). *Sila vzglyada: Glaza v mifologii i ikonografii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 306–316.

Andersen, H. C. (1943). *Eventyr og Historier. In 16 Bind.*. København, Gyldendalske Boghandel. Bd. 1. 412 S.

Anisimova, A. P. (1948). *Pesni i skazki Poimskogo raiona* [Songs and Tales of Poim District] / ed. by V. M. Sidel'nikov. Penza, Penzinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 228 p.

Arkhiv GTSRF [Archive of the State Republican Centre of Russian Folklore]. Coll. 69–14–2015; 33–3–2002; 33–14–2007.

Balashov, D. M. (1970). *Skazki Terskogo berega Belogo morya* [Tales of the Tersky Coast of the White Sea] / ed. by E. V. Pomerantseva. Leningrad, Nauka. 448 p.

Barag, L. G., Berezovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V. (Eds.). (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka* [Comparative Index of Plots. East Slavic Tales]. Leningrad, Nauka. 438 p.

Basile, B. (1674). *Il Pentamerone Del Cauallier Giovan Battista Basile. Ouero Lo Cunto de li Cunte, Trattenimento de li Peccerille...* Napoli, Ad istanza di A.B. Libbaro all'Insegna della Sirena. 670 p.

Dobrovol'skaya, V. E. (1997). Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-fairy tale Prose about the Destruction of Churches]. In Dobrovol'skaya, V. E. (Ed.). *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir*: Iss. 2. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 76–88.

Dobrovol'skaya, V. E. (1999). Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-fairy tale Prose about the Destruction of Churches]. In Rozov, A. N. (Ed.). *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Vol. 30. St Petersburg, Nauka, pp. 500–512.

Dobrovol'skaya, V. E. (2000). Termin "mestnochtimyi" v fol'klornoi traditsii Severnoi Velikorossii [The Term "Locally Venerable" in the Folk Tradition of Northern Great Russia]. In Sevan, O. G., Sudakov, G. V. (Eds.). *Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tret'ego tysyacheletiya*. Volgda, Legiya, pp. 137–152.

Dobrovol'skaya, V. E. (2001). Narodnye predstavleniya o koldunakh v neskazochnoi proze [Folk Ideas about Sorcerers in Non-fairy tale Prose]. In Morozov, I. A., Bushkevich, S. P. (Eds.). *Muzhskoi sbornik*. Iss. 1. Muzhchina v traditsionnoi kul'ture: Sotsial'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoi fol'klor. Moscow, Labirint, pp. 95–105.

Dobrovol'skaya, V. E. (2017). Les vs sad v russkoi volshebnoi skazke: syuzhetnaya funktsiya lokusov [Forest vs Garden in the Russian Fairytale: The Plot Function of Loci]. In Smirnova, A. I., Raikova, I. N. (Eds.). *Semantika sada i lesa v russkoi literature i fol'klоре: sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet, pp. 5–19.

Dobrovol'skaya, V. E., Morozov, I. A., Smolitskii, V. G. (Eds.). (1999). *Fol'klor Sudogodskogo kraya* [Folklore of Sudogod Region]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. 336 p.

Dorokhova, E. A., Zhulanova, N. I., Pashina, O. A. (Eds.). (1995). *Golos i ritual* [Voice and Ritual]. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvovznaniya. 187 p.

Fadeeva, L. V. (2003). Rasskazy o razorenii svyatyni v sovremennoi ustnoi traditsii Pinezh'ya (k probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Stories about the Destruction of the Shrine in the Modern Oral Tradition of Pinezhye (on the Peculiarity of Plot and Genre)]. In Ivanova, T. G. (Ed.). *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 123–126.

Fadeeva, L. V. (2004). Rasskazy o blazhennykh i prozorlivykh v Inzenskom raione Ul'yansovskoi oblasti: Katen'ka Pyatinskaya [Stories about the Blessed and the Shrewd in Inza District, Ulyanovsk Region: Katenka Pyatinskaya]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 3. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 200–217.

Gilyarova, N. N. (Ed.). (2004). *Zvuk v traditsionnoi narodnoi kul'ture* [Sound in Traditional Folk Culture]. Moscow, Nauchtekhlitizdat. 253 p.

Grimm, Y., Grimm, W. (1988). *Skazki. Elenbergskaya rukopis', 1810, s kommentariyami* [Tales. Ehlenberg Manuscript of 1810 with Commentary]. Moscow, Kniga. 447 p.

Grundtvig, S. (1856). *Gamle danske Minder I Folkemunde*. København, S. n. 158 S.

Hilka, F. (1913). *Sammlung mittellateinischer Texte. V*. Heidelberg, Heidelberg Winter. 112 S.

Ivanova, A. A. (2004). Legendy o prozorlivykh Urzhumskogo kraja [Legends about the Seers of Urzhum Region]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 3. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 187–199.

Karnaukhova, I. V. (Ed.). (1934). *Skazki i predaniya Severnogo kraja* [Tales and Legends of the Northern Region] / preface by Yu. M. Sokolov. Moscow, Leningrad, Academia. 544 p.

Korol'kova, A. N. (1969). *Russkie narodnye skazki. Skazki rasskazany voronezhskoi skazochnitsei A. N. Korol'kovi* [Russian Folk Tales. Fairytales as Told by Voronezh Story-teller A. N. Korolkova] / ed. by E. V. Pomerantseva. Moscow, Nauka. 406 p.

Kovalev, I. F. (1941). *Skazki I. F. Kovaleva* [Tales by I. F. Kovalev] / written down and commented by E. Gofman, S. Mints, ed. by Yu. M. Sokolova. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. 358 p.

Krasnozhenova, M. V. (1937). *Skazki Krasnoyarskogo kraja* [Tales of Krasnoyarsk Region] / ed. by M. K. Azadovskii, N. P. Andreev. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 294 p.

Makhov, A. E. (2013). Slepota i zrenie [Blindness and Eyesight]. In *Hostis antiquae: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoi demonologii. Opyt slovarya*. Moscow, Intrada, pp. 335–340.

Mikhailova, K. (2004). O semantike stranstvuyushchego pevtsa-nishchego v slavyanskoj narodnoi kul'ture [On the Semantics of a Wandering Singer-beggar in Slavic Folk Culture]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)*. Moscow, Indrik, pp. 132–156.

Minenok, E. V. (1993). Pover'ya o penii [Beliefs about Singing]. In *Narodnoe tvorchestvo*. No. 9, pp. 19–20.

Moroz, A. B. (2000). Ustnaya istoriya russkoi tserkvi v sovetskii period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvei) [Oral History of the Russian Church in the Soviet Period (Folk Legends about the Destruction of Churches)]. In *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta apostola Ioanna Bogoslova*. Iss. 6, pp. 177–185.

Neklyudov, S. Yu. (1979). O krivom oborotne (k issledovaniyu mifologicheskoi semantiki fol'klornogo motiva) [On the One-Eyed Werewolf (towards the Study of the Mythological Semantics of the Folklore Motif)]. In Baiburin, A. K., Chistov, K. V. (Eds.). *Problemy slavyanskoj etnografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR D. K. Zelenina)*. Leningrad, Nauka, pp. 133–141.

Neklyudov, S. Yu. (2014). Slepota demona i ee literaturnye perspektivy [The Blindness of the Demon and its Literary Perspectives]. In Antonov, D. I. (Ed.). *Sila vzglyada: Glaza v mifologii i ikonografii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 125–147.

Nevszkaya, L. G. (1995). “Slepota” i “glukhota” v balto-slavyanskoj traditsionnoi kul'ture i yazyke [“Blindness” and “Deafness” in Baltic-Slavic Traditional Culture and Language]. In Neroznak, V. P. (Ed.). *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie*. Moscow, Institut narodov Rossii, pp. 106–107.

Onchukov, N. E. (1908). *Severnye skazki: Arkhangel'skaya i Olonetskaya gg.* [Northern Tales: Arkhangelsk and Olonets Provinces]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 643 p.

- Razumova, A. P., Sen'kina, G. I. (Eds.). (1974). *Russkie narodnye skazki Karelskogo Pomor'ya* [Russian Folk Tales of the Karelian Coast]. Petrozavodsk, Kareliya. 423 p.
- Shevarenkova, Yu. M. (2003). Znamenitye blazhennyye Diveevskoi zemli [The Famous Holy Men of Diveyevo Land]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 2. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 247–254.
- Tolstaya, S. M. (1999). Zvukovoi kod traditsionnoi narodnoi kul'tury [The Sound Code of Traditional Folk Culture]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow, Indrik, pp. 3–16.
- Tolstaya, S. M. (2008). Glukhoi i slepoi [Deaf and Blind]. In *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheshlavyanskoi perspektive*. Moscow, Indrik, pp. 134–174.
- Tolstaya, S. M. (Ed.). (1999). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan* [The World Sounding and Silent. Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik. 331 p.
- Tolstoy, N. I. (2003). Russkoe yurodstvo kak forma svyatosti [Russian Foolishness for Christ as a Form of Holiness]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Ocherki slavyanskogo yazychestva*. Moscow, Indrik, pp. 489–493.
- Winther, M. (1823). *Danske Folkeeventyr*. København, S. n. 126 S.
- Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (2009). Geroi i tuneyadtsy: ikonografiya invalidnosti v sovremennom vizual'nom diskurse [Heroes and Parasites: Disability Iconography in Modern Visual Discourse]. In Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (Eds.). *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme*. Moscow, Variant, Tsentr sotsial'noi politiki i gendernykh issledovaniy, pp. 289–331.
- Yasinskaya, M. V. (2013). “Sveta belogo ne videt’...” (tema glaz i zreniya v formulakh yuzhnoslavyanskikh proklyatii) [“Not to See the Light of Day...” (the Theme of Eyes and Eyesight in the Formulas of the South Slavic Curses)]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 79–89.
- Yasinskaya, M. V. (2014). Glaza i zrenie v yazyke i traditsionnoi narodnoi kul'ture slavyan [Eyes and Eyesight in the Language and Traditional Folk Culture of the Slavs]. In *Slavyanovedenie*. No. 6, pp. 47–57.
- Yasinskaya, M. V. (2016). Zaprety, svyazannyye so zreniem, v traditsionnoi kul'ture slavyan [Prohibitions Related to Vision in the Traditional Culture of the Slavs]. In Remneva, M. L. (Ed.). *III Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium “Slavyansknye yazyki i kul'tury v sovremennom mire”*. Trudy i materialy. Moscow, MAKS Press, pp. 594–596..

The article was submitted on 03.03.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.369

УДК 821.161.1-3Короленко+314.44+616.843.75

**ВОКРУГ «СЛЕПОГО МУЗЫКАНТА»:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕВИАНТНЫХ
ОРГАНОВ ЧУВСТВ***

Михаил Строганов

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия

**AROUND *THE BLIND MUSICIAN*:
THE ARTISTIC REPRESENTATION OF DEVIANT
SENSE ORGANS****

Mikhail Stroganov

Kosygin Russian State University,
Gorky Institute of World Literature of RAS,
Moscow, Russia

Referring to V. G. Korolenko's story *The Blind Musician* and a number of other works of Russian literature, this article considers the image of a human being with deviant sense organs and its communicative potential as a subject of literature. The article looks at the period when deviant sense organs started to be perceived as a feature of a disabled person and deviation as a disability, the reasons behind it, and how it influenced literature. Relying on these criteria, the author reconstructs the history of the depiction of people with deviant bodies in European culture between the 12th and 20th centuries. It is demonstrated that T. Shevchenko and I. Turgenev mainly focused on the social oppression of people under serfdom, and not on the problems of a person with disabilities. Such a tendency is characteristic of other works of the period. V. Korolenko's *The Blind Musician* was published during the years when the Patronage Committee

* Работа выполнена в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (РГНФ, № 16–01–00145a / РФФИ, № 16–01–00145–ОГН).

** *Citation*: Stroganov, M. (2019). Around *The Blind Musician*: The Artistic Representation of Deviant Sense Organs. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.

Цитирование: Строганов М. Вокруг «Слепого музыканта»: художественная репрезентация девиантных органов чувств // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.

for the Blind operated. The characters argue about their attitude towards the blind: patronage protects the blind from the troubles of the surrounding world, while attempts to integrate them into the world of those who can see leads to them losing their identity as blind people. While they are apparently opposed, the two positions rely on the idea that a person with deviant sense organs is not comfortable because of their state. This caused blind people themselves to protest: A. Birilev and A. Shcherbina stated that the blind do not aim to see light and do not suffer because of it: they claimed to be entitled to internal representation. I. Osorgin and M. Shishkin joined this debate. The portrayal of a person's self is valid in terms of social, gender, age, and national deviations but does not extend to deviant sense organs. A person with a deviant body agrees to be qualified as an invalid; a person with a deviant feeling or communicative ability objects to being qualified as such. Deviant sense organs, unlike a deviant body, cannot have an external representation, as the presence of such sense organs means the development of deviant forms of communication, which provokes the blind and the deaf to create texts of auto-representation.

Keywords: V. G. Korolenko; 19th-century Russian literature; disability; deviant senses; deviant communicative abilities; blind character.

На примере повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант», а также ряда других произведений русской литературы рассмотрен человек с девиантными чувствами и коммуникативными возможностями как предмет литературы. Статья отвечает на вопрос, когда девиантный орган чувства стал восприниматься как признак инвалида, девиантность – как инвалидность, с чем это сопряжено и как отразилось в литературе. С этих позиций корректно выстроена история изображения человека с девиантным телом в европейской культуре XII–XX вв. Показано, что Т. Шевченко и И. Тургенева волнует в первую очередь социальное угнетение людей при крепостном праве, а не проблема человека с ограниченными возможностями. Подобная тенденция прослеживается и во многих других произведениях этого периода. Повесть В. Короленко «Слепой музыкант» создана в годы активной деятельности Попечительства о слепых. Герои спорят об отношении к слепым: попечительство предохраняет слепого от тревожностей окружающего мира, а включение в мир зрячих, социализация предполагают его отказ от идентичности как слепого человека. При внешней противоположности обе позиции исходят из представления о том, что человек с девиантными органами чувств испытывает дискомфорт. Это вызвало протест самих слепых людей: А. Бирилев и А. Щербина утверждали, что слепой не стремится к свету и не испытывает по этому поводу страданий, и заявляли право на внутреннюю репрезентацию. Эту полемику продолжили И. Осоргин и М. Шишкин. Изображение человека в форме «я» применяется для социальных, гендерных, возрастных, национальных девиаций и не распространяется на девиантные органы чувств. Человек с девиантным телом соглашается с квалификацией себя как инвалида; человек с девиантным чувством или

коммуникативной способностью сопротивляется такой идентификации себя как инвалида. Девиантные органы чувств, в отличие от девиантного тела, не поддаются внешней репрезентации, так как их наличие предполагает развитие девиантных форм коммуникации, что побуждает слепых и глухих людей создавать тексты авторепрезентации.

Ключевые слова: В. Г. Короленко; русская литература XIX в.; инвалидность; девиантные чувства; девиантные коммуникативные возможности; слепой герой.

Восприятие человека-инвалида в культуре Европы знает три способа, которые отчасти аналогичны трем этапам изображения человека в истории словесного творчества. Дорефлекторный традиционализм – человек изображается как объект внешнего наблюдения «он»; рефлекторный традиционализм – человек изображается как субъект «я»; антитрадиционалистские тенденции индустриальной эпохи – человек изображается как свой, такой же «ты» [Аверинцев, с. 3–14; Строганов, 2007, с. 83–141]. Транспонируя историю презентации человека в словесном творчестве на историю осмысления человека-инвалида, мы видим в этой последней те же три этапа, хотя временные границы их иные. Дорефлекторный традиционализм не осознает инвалидность в ее современном значении, в силу чего люди замечают не инвалидов, а гротескное тело. Рефлекторный традиционализм замечает и выделяет людей, не владеющих общепринятыми коммуникационными возможностями и коммуникативной системой: слепой, глухой и немой. На этапе антитрадиционалистских тенденций индустриальной эпохи среди инвалидов особое место занимает человек, лишенный рассудка.

Способы осмысления человека-инвалида и этапы осмысления человека в литературе не изоморфны. В период комического изображения гротескного тела аналогично изображаются слепота и глухота (см. анекдоты о слепых и глухих). Большинство примеров изображения инвалидов относятся к моменту изживания того или иного периода изображения человека. В дорефлекторном традиционализме гротескное тело играет огромную роль в культуре, но только в момент изживания этого периода человек с таким телом изображается как человек, не сводимый к своему телу. Мифологические фигуры слепого и глухого известны с архаических времен и даже становятся предметом комического изображения и бытового осмысления (ср. поговорки «ты что, слепой/глухой?»), но только в момент изживания рефлекторного традиционализма слепой и глухой изображаются как носители иных коммуникационных возможностей. Сумасшествие издавна считалось особой формой отмеченности (не стигматизации) человека, но только в период антитрадиционалистских тенденций сумасшедший изображается как носитель иного сознания.

Современная социология называет девиантным поведением ответственный выбор поведенческих стратегий, но слово «девиация»

означает отклонение от мейнстрима под влиянием внешних причин, а не в результате свободного выбора, поэтому оно вполне применимо к инвалидности. Использование термина «девиантный» позволяет построить типологию: дорефлекторный традиционализм замечает девиантное тело, рефлекторный традиционализм актуализирует девиантное чувство или коммуникативную способность, антитрадиционалистские тенденции индустриальной эпохи открывают девиантное сознание [Строганов, 2016, с. 72–76].

Девиантные тело, органы чувств, сознание не равны современному понятию инвалидности, поскольку не всякая девиация приводит к инвалидности. Но в дорефлекторном и рефлекторном традиционализме понятие инвалидности заменяло понятие девиации, при этом человек с девиацией изображался с внешней точки зрения, как комический объект, а не как носитель внутренних переживаний. Статья отвечает на вопрос, когда девиантный орган чувства стал восприниматься как признак инвалида, девиантность – как инвалидность, с чем это сопряжено и как отразилось в литературе. С этих позиций корректно выстроена история изображения человека с девиантным телом в европейской культуре XII–XX вв. Но при построении истории изображения человека с девиантными чувствами и девиантными коммуникативными возможностями потребовалось внести определенные коррективы.

Слепота и глухота в литературе до сочинений В. Г. Короленко

Человек с девиантными чувствами редко становился героем литературных текстов. В поэме Т. Г. Шевченко «Слепая» (1842) заглавная героиня изначально была зрячей, она влюбилась в барина, тот соблазнил и вскоре бросил ее с малолетней дочерью. От горя и слез молодая женщина ослепла:

Но горе горькое терпеть
Судил Господь мне до могилы
За юность грешную мою.
Свет гаснуть стал...
<...>
И я ослепла [Шевченко, с. 134].

Здесь реализуется бытовое представление о влиянии сильных переживаний и слез на зрение (ср.: *выплакать все глаза; от слез ослепнуть*). Но что хочет сказать автор поэмы тем, что героиня ослепла? Она сидит с дочерью у ворот дома помещика, который вдруг приезжает, не узнает бывшую любовницу и прогоняет ее, а молодую девушку берет в наложницы. Однако слепая мать затем и сидела у дома помещика: забыв собственную судьбу, она считает, что устроила судьбу

дочери (сделав ее наложницей собственного отца), и уходит в паломничество. Но, вернувшись к барскому дому, она застаёт его в пожаре, а дочь Оксану – сошедшей с ума. Оксана полюбила молодого казака, и барин, узнав об этом, то ли убил, то изгнал любовника. Оксана, рассказав свои приключения матери, бросается в огонь и погибает. Шевченко трактовал сюжет инцеста как историю дворянского произвола, хотя это скорее история женского простодушия: от утраты зрения сюжет не зависит, но выявляется нравственная слепота героини.

В поэме Т. Г. Шевченко «Сліпий» (1845) жизнь казачьей семьи показана на фоне истории запорожского казачества второй половины XVIII в. (ликвидация Запорожской Сечи, закрепощение украинского крестьянства и раздача Екатериной II украинских земель фаворитам). Казак Степан попал в плен к туркам и пытался бежать, но был ослеплен и долгое время находился в неволе. Получив свободу и встретившись с родными, он не хотел оставаться с ними, но согласился на их уговоры. Поэма посвящена не слепому человеку как такому (турки могли заковать героя в кандалы, нанести иные физические увечья), а истории украинского казачества и духовной силе рода.

Главный герой повести И. С. Тургенева «Муму» (1852) Герасим глухой, но не испытывает никаких проблем в общении с окружающими:

Над Герасимом, однако, глумиться не все решались; он шуток не любил; да и ее [Татьяну, которую любил Герасим] при нем оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, как говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил ее на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой черт, леший!» – пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью. А то в другой раз, заметив, что Капитон... как-то слишком любезно раскалякался с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвел в каретный сарай да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло, слегка, но многозначительно угрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И всё это ему сходило с рук [Тургенев, с. 268–269].

Единственным существом, которое отвечало Герасиму взаимностью на его любовь, была его собака Муму. Однажды барыня, крепостным которой был Герасим, испугалась Муму и приказала избавиться от нее. Герасим топил Муму в реке и уходит из московской усадьбы барыни в родную деревню. Здесь мы вновь видим историю дворянского произвола и протест против него. И как героине Шевченко не обязательно быть слепой, так и герою Тургенева не обяза-

тельно быть глухим. Слепота героини Шевченко и глухота Герасима только подчеркивают беззащитность крепостного человека перед дворянским произволом. Шевченко и Тургенева волнует судьба людей при крепостном праве, но не судьба людей с ограниченными возможностями.

Иную картину мы видели при изображении человека с девиантным телом. Квазимодо в «Соборе Парижской Богоматери» в силу внешней уродливости исключен из человеческого сообщества, но вопреки внешней уродливости он способен на высокое чувство, какого не знают люди с обычным телом. Таков же и Вадим, заглавный герой романа М. Ю. Лермонтова, хотя его духовный мир искажен чувством мести. У В. Гюго и Лермонтова в центре внимания находится внутренний мир Квазимодо и Вадима, а религиозный фанатизм французского Средневековья и пугачевщина играют роль фона; в произведениях Шевченко и Тургенева в центре находятся социально-исторические процессы, а не внутренний мир Слепой и Герасима.

Искусство первой половины XIX в., умея изображать человека с девиантным телом, еще не умеет изображать человека с девиантными органами чувств. В новелле Г. де Мопассана «Слепой» (1882) и в рассказе И. А. Бунина «Слепой» (1924) в центре внимания находится не внутренний мир слепого человека, а отношение к слепому окружающих людей: наивно-жестокое у Мопассана и участливо-философическое у Бунина.

Те же самые процессы присутствуют при изображении немых. В повести М. С. Жуковой «Немая, или Записки отшельника» (1837) речь идет не о немой девушке, которую одна придворная дама взяла в услужение, а о дворцовом перевороте, в который вовлечены почти все герои повести, а немая просто беззаветно и безответно любит одного из участников этой интриги. Стоит отметить, что на первых этапах изображения человека с девиантными органами чувств они обычно называются не по имени, а по своей девиации: Слепая – у Шевченко, Немая – у Жуковой. Герои не персонифицированы и представлены как функция сюжета. В повести Н. Д. Хвоцинской «Два памятные дня» (1866) дочь главной героини – глухая, утратившая речь, «маленькая, безобразно горбатая девочка», ставшая такой после несчастного случая. Героиня потеряла двух младших детей, ее не любит муж, который настраивает немую дочь против матери. Женщина переживает несчастье дочери как собственное наказание: «Говорят, будто такое уродство портит характер... к тому же она знает, что я виновата в ее несчастье, не удержала ее, выронила...» И сетует: «Нема, глуха, обезображена на всю жизнь!» [Хвоцинская, с. 246, 347, 348]. Будущее дочери трагично. Но Хвоцинскую волнует судьба ее матери. Дочь – только дополнительное отягощение трудной женской судьбы.

Самый яркий пример – опера Д. Обера «Мазаньелло, или Немая из Портичи» (1828, либретто Ж. Делавиня), в которой главную партию исполняла артистка балета: главная героиня Фенелла была немой

и петь не могла, поэтому она танцевала. Разница языков обычного человека и маргинала с девиантным органом чувств уже осмыслена: в опере Обера задолго до официального признания жестового (и акционального) языка немых он был продемонстрирован в качестве реально существующей формы общения. Но главным в опере является изображение исторических событий восстания Мазаньелло (брата Фенеллы) против испанского владычества в Неаполе в 1647 г., вследствие чего представления этой оперы имели революционизирующее влияние. Соблазнение неаполитанским принцем Альфонсом немой рыбакки Фенеллы только усугубляло конфликт, но не создавало его. И вновь в названии предводитель народного восстания назван по имени, а его сестра – по функции.

Различие между репрезентацией человека с девиантным телом и репрезентацией человека с девиантными органами чувств объясняется тем, что наличие девиантных органов чувств предполагает и развитие девиантных форм коммуникации. Это более заметно у глухих людей, которые не случайно называются по традиции не просто глухими, а глухонемыми, хотя эта номинация справедливо признана в настоящее время некорректной. Глухие используют для коммуникации язык, параллельный естественному языку, и даже противопоставляют его естественному языку большинства. Глухие-«жестовики» говорят на жестовом языке и оппозиционны не только слышащим людям, но и тем глухим, которые читают по губам и стремятся влиться в доминантную культуру слышащих. У слепых людей, которые пользуются естественным языком, развиваются альтернативные (тактильные) способы коммуникации, поэтому азбуки В. Гаюи и Л. Брайля построены на тактильном способе передачи информации. Человек же с девиантным телом не имеет потребности в языке, отличном от естественного, поэтому он легче поддается репрезентации на естественном языке.

На этом фоне закономерно стремление современных слепых и глухих людей создавать тексты авторепрезентации. Известно, что «слепой больше понимает мир зрячих, чем зрячие – мир слепого. Такое понимание было бы невозможно, если бы слепой в развитии не приближался к типу нормального человека» [Выготский, с. 232]. Адаптация слепых к миру зрячих не насильственна, а естественна. Но из признания этого следует, что зрячий не может создавать тексты, адекватно описывающие мир слепого и отвечающие его потребностям, поэтому слепой делает это сам. А так как зрячий не адаптирован и не стремится адаптироваться к миру слепых, то созданный слепым текст доступен зрячему не в полной мере. Более остро развиваются отношения глухих и слышащих, так как, в отличие от слепых, пользующихся естественным языком большинства, глухие используют свой особый язык, который не знаком слышащему большинству.

Люди с полным набором органов чувств не представляют, что сказать о людях, лишенных того или иного органа чувств. И если зря-

челышащие говорят о людях, лишенных слуха или зрения, их слова не соответствуют тому, что переживают глухие или слепые люди. Поэтому глухие и слепые люди опровергают тексты о них, созданные людьми с полным набором чувств. Инвалидность человека с девиантным органом чувств принципиально отличается от инвалидности человека с девиантным телом. Человек с девиантным телом понятен обычному человеку, а человек с девиантным органом чувств недоступен для адекватного понимания.

Продуктивная ошибка В. Г. Короленко

Иначе построена повесть Короленко «Слепой музыкант» (1886–1898), где проблематизируется место слепого человека в обществе зрячих. Дядя Максим, с детских лет главный наставник героя повести, слушает его первое выступление перед публикой:

Да, он прозрел... На место слепого и неутомимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных... [Короленко, 1953–1956, т. 2, с. 214–215]¹.

Слепой человек обязан войти в мир зрячих людей, вне этого мира он будет только носителем «слепого и неутомимого эгоистического страдания». Эпитет «слепой» в данном случае оказывается метафорой отгораживания человека от общечеловеческих проблем.

Повесть «Слепой музыкант» вызвала при жизни писателя и вскоре после его смерти большую полемику, отголоски которой доходят до наших дней. Она была создана в годы, когда активно действовало созданное в 1881 г. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых. В год первой публикации повести (1886) слепой человек в России стал предметом общественного внимания: начали печатать книги по технике Л. Брайля, для привлечения общественности к признанию слепых был основан журнал «Слепец», первая переписка слепых в Европейской части России выявила их число [Хитров, 2008, с. 57, 58]. Повесть пронизана злободневной социально-политической проблематикой, которой Короленко интересовался и позднее, написав рецензию на книгу А. И. Скребницкого о западноевропейском опыте воспитания и образования слепых (1903) (с. 344–347).

В повести представлены два инвалида – «слепой музыкант» Петр Попельский и его дядя Максим: будучи гарибальдийцем, он в одном из боев с австрийскими войсками потерял ногу, а рука «была повреждена и годилась только на то, чтобы кое-как опираться на палку». Этот изувеченный боец думал о том, что жизнь – борьба и что в ней

¹ Далее ссылки на это произведение будут даваться в тексте статьи в круглых скобках с указанием страниц.

нет места для инвалидов. Ему приходило в голову, что он «навсегда выбыл уже из рядов и теперь напрасно загружает собою фурштат; ему казалось, что он рыцарь, выбитый из седла жизнью и поверженный в прах». Во время таких переживаний он и заметил племянника:

Сначала он не обращал внимания на слепого ребенка, но потом странное сходство судьбы мальчика с его собственной заинтересовало дядю Максима.

– ...Этот малый тоже инвалид. Если сложить нас обоих вместе, пожалуй, вышел бы один лядящий человечешко (с. 94–95).

Так впервые в русской литературе человек с девиантным органом чувств назван инвалидом и осознан в одном ряду с человеком с девиантным телом. Дядя Максим осмысляет природную девиацию в социальных параметрах:

...Бороться можно не только копьем и саблей. Быть может, несправедливо обиженный судьбою подымет со временем доступное ему оружие в защиту других, обездоленных жизнью (с. 103).

На этом фоне закономерна та оценка, которую дядя Максим дал первому концертному выступлению племянника. Слепой человек презревает только тогда, когда входит в мир зрячих людей; за пределами этого мира он остается носителем «слепого и неутомимого эгоистического страдания». То есть социализация слепого человека предполагает отказ его от идентичности как слепого человека, что едва ли справедливо.

Два воспитателя Петра – мать и дядя – ведут актуальную дискуссию о воспитании слепого мальчика. Мать считает, что к ее и без того обездоленному ребенку следует применять попечительство, предохраняя его от невзгод окружающего мира. Дядя настаивает на активном воспитании. На самом деле соотношение этих методов гораздо сложнее.

Ища пути преодоления слепоты, Короленко заостряет соотношение звуковых и зрительных впечатлений:

...звуки были для него главным непосредственным выражением внешнего мира; остальные впечатления служили только дополнением к впечатлениям слуха (с. 106).

Петр увлекся народной песней, но дядя Максим считал,

...что яркие образы песенного эпоса требуют непременно зрительных представлений, чтобы говорить сердцу. Он боялся, что темная голова ребенка не в состоянии будет усвоить картинного языка народной поэзии (с. 122).

Поэтому он пресекает игру Петра и матери, которая пытается подобрать звуковые соответствия определенным цветам:

Не следует будить в мальчике вопросов, на которые ты никогда, никогда не в состоянии будешь дать полного ответа. <...> Мальчику остается только свыкнуться со своей слепотой, а нам надо стремиться к тому, чтобы он забыл о свете.

Дядя Максим считает, что если что-то человеку недоступно, то об этом не следует даже напоминать ему, и встает на тот путь попечительства, против которого он выступал, когда его защищала мать. Автор корректирует эту позицию:

...заботясь об устранении внешних вызовов, Максим забывал те могучие побуждения, которые были заложены в детскую душу самую природою (с. 142).

Внешне разные, позиции дяди Максима и автора изначально сходны: оба они признают, что «в детскую душу самую природою» «заложены» побуждения к свету, но дядя Максим полагал, что их можно забыть, а автор считал их неодолимыми. Вскоре дядя Максим сам пытается объяснить Петру, «что может означать выражение „красный звон“», уступая его аргументу: «Но если у звуков есть цвета, и я их не вижу, то, значит, даже звуки недоступны мне во всей полноте». В процессе этого объяснения дядя Максим приходит к выводу, что «звуки и цвета являются символами одинаковых душевных движений» (с. 193, 195). Фразеология обличает в Короленко современника символистов (вспомним сонет А. Рембо «Гласные»).

При внешней противоположности педагогических действий дядя Максим и мать исходят из общего для их эпохи представления о том, что человек с девиантными органами чувств испытывает дискомфорт от этого. Дядя Максим:

Я стараюсь, чтобы никакие внешние вызовы не навели его на бесплодные вопросы, и если б удалось устранить эти вызовы, то мальчик не сознавал бы недостатка в своих чувствах, как и мы, обладающие всеми пятью органами, не грустим о том, что у нас нет шестого.

Мать возражает:

Мы часто грустим о невозможном... (с. 142).

Дядя Максим хочет, чтобы племянник не грустил, мать говорит, что мы все равно грустим, – по сути, оба они говорят об одном – об осознаваемой слепым своей девиантностью. Познакомившись с озлобившимся слепым звонарем, Петр решает, что все слепые злы, и начинает бояться, что и он станет таким же. Так Короленко возвра-

щается к архаическим представлениям о влиянии девиантного органа чувства или тела на психику человека:

Слепота застилает видимый мир темною завесой, которая, конечно, ложится на мозг, затрудняя и угнетая его работу, но все же из наследственных представлений и из впечатлений, получаемых другими путями, мозг творит в темноте свой собственный мир, грустный, печальный и сумрачный, но не лишенный своеобразной смутной поэзии (с. 122).

Идеологическая традиция Короленко восходит к творчеству Хвощинской («уродство портит характер»), но Короленко существенно смягчает краски в изображении инвалида.

В итоге Короленко странно сочетает смелое обращение к актуальной антропологической теме и тривиальное решение ее: человек с девиантным органом чувств осознает свою девиацию как недостаток, которая компенсируется включением в мир обычных людей. Это осознание девиации как недостатка и ущербности вызвало бурный протест самих слепых людей.

29 октября 1900 г. в Казани в заседании Пушкинского общества юрист А. В. Бирилев прочел доклад «О художественной и реальной правде в повести Короленко „Слепой музыкант“». Цель его выступления состояла в верификации «общих взглядов Короленко на слепых» на основании опыта самого докладчика, который «с самого раннего детства лишен зрения». Бирилев критиковал Короленко по двум пунктам «реальной правды»: 1) слепой не знает, что такое свет, поэтому он не стремится к свету и не страдает по этому поводу; 2) чувства и душевные способности, общие для всех людей, не изменяются у слепых, поэтому «слепые могут удовлетворять серьезным требованиям, предъявляемым ко всякому трудящемуся человеку», и за ними следует признать «права, равные с другими людьми», что ликвидирует «тяжелую драму слепоты» [Архангельский]. Как установили позднее психологи, Бирилев был совершенно прав.

Критикуя «реальную правду» повести, Бирилев сочувственно относится к «художественной правде» и формулирует основную идею повести вполне адекватно: «спасение от личных страданий – в альтруистических интересах, в общении и связи с людьми» [Там же]. Эта идея распространяется на всех людей вообще. Такая формулировка соответствует тому, что Бирилев назвал вторым пунктом критикуемой им «реальной правды»: чувство и душевные способности, общие для всех людей, «не изменяют по существу своих сил у слепых», и признание равноправия слепых с другими людьми ведет к «уничтожению тяжелой драмы слепоты».

Неизвестно, как отреагировал Короленко на этот отклик. Однако в 1916 г. слепой философ, психолог и педагог А. М. Щербина опубликовал критическую работу, в которой повторил основные тезисы Бирилева с профессиональных позиций [Щербина]. Короленко знал

работу Щербины и в письмах к А. Б. Дерману от 13 октября 1916 г. и к А. Г. Горнфельду от 10 января 1917 г. пытался отвести аргументы критика [Короленко, 1953–1956, т. 2, с. 545–546]. В частности, он писал Горнфельду о его статье «„Слепой музыкант“ и слепой критик» [Горнфельд, 1916; Горнфельд, 1922]: «Да, конечно, моя главная художественная задача была не специально психология слепого, а психология общечеловеческой тоски по недостижимому и тоски по полноте существования» [Короленко, 1936, с. 257] (см. об этом подробнее: [Золотницкая, 1986, с. 165–171]). Однако Короленко и Горнфельд спорят с выдуманным противником, так как еще Бирилев признал, что смысл повести в том, что «спасение от личных страданий – в альтруистических интересах, в общении и связи с людьми».

Короленко настаивал, что «органически существующая способность видеть (в мозгу) требует удовлетворения» [Короленко, 1936, с. 258]. Л. С. Выготский отметил ошибочность этого мнения: «Психологи давно отметили тот факт, что слепоты своей слепой вообще никак не переживает вопреки ходячему мнению, будто он постоянно чувствует себя погруженным во тьму. По прекрасному выражению А. В. Бирилева, высокообразованного слепого, слепой не видит света не так, как зрячий с завязанными глазами. Слепой так же не видит света, как зрячий не видит его своей рукой, т. е. он не ощущает и не чувствует непосредственно того, что лишен зрения. <...> Основу психики слепого составляет не „инстинктивное органическое влечение к свету“, не стремление „освободиться от мрачной завесы“, как изобразил ее В. Г. Короленко в знаменитой повести „Слепой музыкант“. Способность видеть свет для слепого имеет значение практическое и прагматическое, а не инстинктивно-органическое, т. е. слепой только косвенно, отраженно, только в социальных следствиях ощущает свой дефект. Было бы наивной ошибкой зрячего человека полагать, что мы найдем в психике слепого слепоту или ее психическую тень, проекцию, отображение; в его психике нет ничего, кроме тенденций к преодолению слепоты (стремлений к сверхкомпенсации) и попыток завоевать социальную позицию» [Выготский, с. 216–217]. Современная психология следует за Л. С. Выготским.

Повесть Короленко спровоцировала активную реакцию общества слепых. Короленко писал, что зрячие должны патронировать слепого. А в ответ на это слепой заявил о себе как о субъекте: «слепые могут удовлетворять серьезным требованиям, предъявляемым ко всякому трудящемуся человеку», в своих правах они «равны с другими людьми», только вследствие этого может быть «уничтожена тяжелая драма слепоты». В ответ на объективированное изображение в качестве «он» люди с девиантными органами чувств заявили свое право на субъективированное изображение в качестве «я». В этом состоял революционный характер полемики о повести Короленко.

Рассказ М. А. Осоргина «Слепорожденный» (1932) прямо отсылает к повести Короленко и к полемике вокруг нее [Тарасенко, с. 41–43].

Его научно-фантастическая основа типична для 1920-х гг.: возвращение зрения слепорожденному человеку. Профессор-офтальмолог, сделавший такую операцию, полагает, что слепорожденный до операции не был настоящим человеком: «Какой вы сейчас человек? А будете человеком». Но слепой возражает: «Да нет, я не уверен, что для меня это будет хорошо». Эта полемика возникает еще раз, и профессор вновь «и не понял, и не ответил» на возражения пациента, решив, что «взрослый слепой человек может быть наивнее зрячего младенца» [Осоргин, с. 230, 232]. Но слепорожденный справедливо боится, что вследствие приобретения зрения его привычный мир разрушится, а к новому миру он не привыкнет. Рассказ заканчивается, когда с глаз слепого снимают повязку. Дальнейшее Осоргину не важно: он проблематизирует слепорожденного как незавершенную, становящуюся личность, как «я». Развитие сюжета неизбежно приведет к трагическому финалу, как в научно-фантастических произведениях А. Р. Беляева 1920–1930-х гг., сюжеты которых основаны на изменении природы человека.

Получившая признание повесть М. П. Шишкина «Слепой музыкант» (1994) возвращает нас к изображению человека с девиантным органом чувств как объекта, как «он». Шишкин прекрасно знает полемику о повести Короленко. Его слепой герой говорит:

Я же знаю... вы меня боитесь. То есть думаете, что жалеете, а на самом деле боитесь. Потому что не меня жалеете, а себя. Думая обо мне, вы представляете себя в темноте, без глаз, и для вас это, разумеется, страшнее, чем умереть. Но все дело в том, что слепота – это понятие зрячих. А я живу в мире, где нет ни света, ни тьмы, а значит, ничего ужасного в этом нет [Шишкин, с. 66].

Так писали о повести Короленко Бирилев и Щербина.

Герой утверждает самостоятельность и независимость от зрячих:

Для того чтобы ориентироваться в так называемом видимом пространстве, совсем не обязательно видеть. И, уверяю, любой слепой ориентируется не хуже вас... Это ведь не главное, а так, пустяки. Намного проще, чем вы думаете [Там же, с. 67].

Герой утверждает интеллектуально-психическое превосходство слепого над зрячим:

...Ваш видимый мир, которым вы так дорожите, не больше, чем мишура, пшик. Эти цветные картинки ничего не говорят о сути вещей, только развращают вас, делают беспомощными. Вы же с закрытыми глазами даже не попадете себе ложкой в рот. Конечно, слепого легко обжудить, зато нельзя обмануть. Несложно искусственно сделать нужное выражение лица при разговоре, но невозможно сделать это с голосом.

Слова лгут, голос – никогда. То, что кажется вам важным, например, цвет, внешние формы, так называемая красота, в действительности не представляет из себя ничего особенного – голова как голова [Там же, с. 69].

К этим выводам можно прийти и непосредственно опытным путем, но каждая реплика опирается на работы Бирилева, Щербины и Выготского.

Однако по сюжету слепой герой оказывается лицом не просто страдательным и факультативным, но и инструментальным. Слепота и развитие музыкального слуха не гарантируют музыкальной одаренности, и слепой Роман не сдает вступительные экзамены в консерваторию. Рома любит Женю, но та любит друга своего отца, а этот друг отца был в свое время любовником ее покойной матери. Чувствуя вину перед умирающей женой любовника, Женя хочет спрятаться в браке со слепым музыкантом, но через день после свадьбы возвращается к любовнику и уже не стесняется близости его умирающей жены. И Шишкин не интересуется, как слепой герой пережил измену своей жены: он исполнил свою роль в повести и больше не нужен автору. Эта повесть не о слепом музыканте, и слепой герой нужен в повести не сам по себе. Поэтому название повести «Слепой музыкант» либо неудачно, либо сознательно направляет по ложному пути. Читатель ждет повести, наследующей Короленко, а получает нечто совершенно иное.

Человек с девиантными органами чувств непонятен человеку, наделенному всеми пятью органами чувств, и Шишкин не знает, что ему делать со слепым или глухим героем. Декларируя отношение к человеку с девиантными чувствами как к субъекту, он изображает его как объект. Изображение человека в форме «я» распространено в литературе [Строганов, 2007], все, что ранее воспринималось как девиация (социальные, гендерные, возрастные, национальные роли), посылито такому изображению, но человек с девиантными органами чувств (в отличие от человека с девиантным телом) не поддается ему.

Носители девиантных органов чувств не ощущают себя инвалидами и сопротивляются такому восприятию и номинации. Мы видели это при обсуждении повести Короленко, в рассказе Осоргина и повести Шишкина. То же мы находим в научной литературе, построенной на автодокументальном опыте авторов [Padden, Humphries, p. 333]. Носители девиантных органов чувств, осознавая, что их внутренний опыт не может быть изображен извне, начинают изображать самих себя, что и объясняет большое число современных автодокументальных произведений этих людей. Главным адресатом их едва ли являются «свои такие же» (слепые и глухие), которые признают людей мейнстрима не способными понять их проблемы, поскольку маргиналы-девианты создают свои тексты на языке людей мейнстрима.

Список литературы

Аверинцев С. С. Введение : Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М. : Наука, 1981. С. 3–14.

Архангельский А. Новый взгляд на повесть Короленко «Слепой музыкант» // Казанский телеграф. 1900. № 2393, 2394. Отд. оттиск // Lib.ru: Классика [электронная библиотека]. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1900_novy_vzglyad_olderfo.shtml (дата обращения: 11.06.2017).

Выготский Л. С. Слепой ребенок // Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 5. С. 86–100.

Горнфельд А. «Слепой музыкант» и слепой критик // Рус. ведом. 1916. 14 февр.

Горнфельд А. «Слепой музыкант» и слепой критик // В. Г. Короленко. Жизнь и творчество : сб. ст. / ред. А. Б. Петрищев. Пг. : Мысль, 1922. С. 144–145.

Золотницкая Р. Л. Неизвестный корреспондент В. Г. Короленко // Рус. лит. 1986. № 4. С. 165–171.

Короленко В. Г. Рец. на: Скребицкий А. И. Воспитание и образование слепых и их признание на Западе // Короленко В. Г. Полн. собр. соч. : в 9 т. Пг. : Т-во А. Ф. Маркс, 1914. Т. 9. С. 344–347.

Короленко В. Г. Избранные письма : в 3 т. М. : Худож. лит., 1936. Т. 3. 284 с.

Короленко В. Г. Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1953–1956. Т. 2. 479 с. Т. 10. 717 с.

Осоргин М. Вольный каменщик : Повесть. Рассказы. М. : Моск. рабочий, 1992. 336 с.

Строганов М. В. Историческая поэтика : учеб. пособие. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. 152 с.

Строганов М. В. Девиантное тело : Человек-инвалид в фольклоре и литературе дорефлекторного и рефлекторного традиционализма // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та технологий и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 3. С. 72–76.

Тарасенко О. С. Литературно-художественный спор о слепоте М. А. Осоргина с В. Г. Короленко // Филологические науки : Вопросы теории и практики. 2016. № 9. Ч. 2. С. 41–43.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 28 т. Сочинения : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 5. 659 с.

Хвоицкая Н. Д. Два памятные дня : повесть. 1866 г. // Отеч. зап. 1868. № 4. С. 345–396.

Хитров А. А. Благотворительная социальная и медицинская помощь слепым в России под покровительством императорской фамилии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 54–60.

Шевченко Т. Кобзар. Київ : Дніпро, 1968. 558 с.

Шишкин М. Слепой музыкант : повесть // Знамя. 1994. № 1. С. 62–79.

Щербина А. М. Слепой музыкант Короленка как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых (в свете моих собственных наблюдений). М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 51 с.

Padden C., Humphries T. Deaf People : A Different Center // The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis. 2 Ed. N. Y. ; L. : Routledge, 2006. P. 331–338.

References

Arkhangelskii, A. (1900). Novyi vzglyad na povest' Korolenko "Slepoi muzykant" [A New Look at Korolenko's Story *The Blind Musician*]. In *Kazanskii telegraf*. No. 2393, 2394. Reprint in *Lib.ru: Klassika* [e-library]. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1900_novy_vzglyad_olderfo.shtml (mode of access: 11.06.2017).

- Averintsev, S. S. (1981). Vvedenie : Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura [Introduction: Ancient Greek Poetics and World Literature]. In *Poetika drevnegrecheskoi literatury*. Moscow, Nauka, pp. 3–14.
- Gornfeld, A. (1916). “Slepoi muzykant” i slepoi kritik [*The Blind Musician and the Blind Critic*]. In *Russkie vedomosti*. February 14.
- Gornfeld, A. (1922). “Slepoi muzykant” i slepoi kritik [*The Blind Musician and the Blind Critic*]. In Petrishchev, A. B. (Ed.). *V. G. Korolenko. Zhizn' i tvorchestvo: Sbornik statei*. Petrograd, Mysl', pp. 144–145.
- Khitrov, A. A. (2008). Blagotvoritel'naya sotsial'naya i meditsinskaya pomoshch' slepym v Rossii pod pokrovitel'stvom imperatorskoi familii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Charitable Social and Medical Assistance to the Blind in Russia under the Auspices of the Imperial Family (the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*. Iss. 4. Part 1, pp. 54–60.
- Khvoshchinskaya, N. D. (1868). Dva pamyatnye dnya: Povest'. 1866 g. [Two Memorable Days: A Tale. 1866]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4, pp. 345–396.
- Korolenko, V. G. (1914). Retsenziya: Skrebitskii, A. I. Vospitaniye i obrazovanie slepykh i ikh prizrenie na Zapade (s chertezhami v tekste i 5-yu tablitsami) [Rev. of: Skrebitskii, A. I. The Upbringing and Education of the Blind and Care for Them in the West]. In Korolenko, V. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 9 t.* [Complete Works. 9 Vols.]. Petrograd, Tovarishchestvo A. F. Marks. Vol. 9, pp. 344–347.
- Korolenko, V. G. (1936). *Izbrannye pis'ma v 3 t.* [Selected Letters. 3 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. 284 p.
- Korolenko, V. G. (1953–1956). *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected Works. 10 Vols.] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 2. 479 p. Vol. 10. 717 p.
- Osorgin, M. (1992). *Vol'nyi kamenshchik: Povest'. Rasskazy* [Free Mason: A Tale. Stories]. Moscow, Moskovskii rabochii. 336 p.
- Padden, C., Humphries, T. (2006). Deaf People: A Different Center. In Davis, L. J. (Ed.). *The Disability Studies Reader*. Ed. 2. N. Y., L., Routledge, pp. 331–338.
- Shcherbina, A. M. (1916). *Slepoi muzykant Korolenka kak popytka zryachikh proniknut' v psikhologiyu slepykh (v svete moikh sobstvennykh nablyudenii)* [*The Blind Musician by Korolenko as an Attempt to Penetrate the Sighted Psychology of the Blind (in the Light of My own Observations)*]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. 51 p.
- Shevchenko, T. (1968). *Kobzar'* [Kobzar]. Kiiv, Dnipro. 558 p.
- Shishkin, M. (1994). *Slepoi muzykant: Povest'* [*The Blind Musician: A Story*]. In *Znamya*. No. 1, pp. 62–79.
- Stroganov, M. V. (2007). *Istoricheskaya poetika: Uchebnoe posobie* [Historical Poetics: Tutorial]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 152 p.
- Stroganov, M. V. (2016). Deviantnoe telo. Chelovek-invalid v fol'klоре i literature doreflektornogo i reflektornogo traditsionalizma [Deviant Body. The Disabled Person in the Folklore and Literature of Pre-reflex and Reflex Traditionalism]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2. Iskustvovedenie. Filologicheskie nauki*. No. 3, pp. 72–76.
- Tarassenko, O. S. (2016). Literaturno-khudozhestvennyi spor o slepote M. A. Osorgina s V. G. Korolenko [Literary and Artistic Debate about the Blindness of M. A. Osorgin and V. G. Korolenko]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 9. Part 2, pp. 41–43.
- Turgenev, I. S. (1963). *Polnoe sobranie sochinenii v 28 t. Sochineniya v 15 t.* [Complete Works. 28 Vols. Works. 15 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 5. 659 p.
- Vygotsky, L. S. (1916). *Slepoi rebenok* [Blind Child]. In Vygotskii, L. S. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works. 6 Vols.]. Moscow, Pedagogika. Vol. 5, pp. 86–100.
- Zolotnitskaya, R. L. (1986). Neizvestnyi korrespondent V. G. Korolenko [Unknown Correspondent V. G. Korolenko]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 165–171.

DOI 10.15826/qr.2019.1.370

УДК 821.161.1-3"1920/1930"+314.44+616.843.75+7.06

О «ЯРОСТНОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ» И ПРОЗЕ С ПРОТЕЗАМИ*

Леонид Геллер

Лозаннский университет, Швейцария

ON “VIOLENT EXPRESSIONISM” AND PROSE WITH PROSTHESES

Leonid Heller

University of Lausanne, Switzerland

Referring to Andrei Platonov's *The Foundation Pit* and *Happy Moscow*, the author considers these two works through the prism of 1920s and 1930s literature and maintains that they display features of expressionism in the way they represent corporality. The writer's words about the “wonderful and violent” world are a motivating factor in the aspects of his poetics connected with the term “violent expressionism”. First, this applies to the theme of prosthetics considered both by Platonov's contemporaries (K. Fedin, L. Leonov) and writers of later periods (B. Polevoy, V. Shalamov, A. Zinovyev). Comparative analysis helps the article's author to prove that representations of bodies with prostheses form a powerful literary topos that transforms social, political, and ideological material and is capable of symbolising the uniqueness or/and fragility of the human body and the vagueness of its borders. Analysing the correlation between prostheses and teratology, representations of disability and the tradition of deformity, realist (social realist) and expressionist concepts, the author concludes that “prose with prostheses” helps us to perceive Russian literature in a new way.

Keywords: Andrei Platonov; Russian prose of the 1920s–1930s; expressionism; prosthetic corporality; prosthetic culture; teratology; deformity in art; representation of disability.

Рассматривая повести Андрея Платонова «Котлован» и «Счастливая Москва» на фоне литературы 1920–1930-х гг., автор констатирует их близость, прежде всего в области репрезентации телесности, к программе экспресси-

* *Citation:* Heller, L. (2019). On “Violent Expressionism” and Prose with Prostheses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.

Цитирование: Heller L. On “Violent Expressionism” and Prose with Prostheses // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370 / Геллер Л. О «яростном экспрессионизме» и прозе с протезами // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.

онизма. Слова самого писателя о «прекрасном и яростном» мире мотивируют определение аспектов его поэтики, связанных с термином «яростный экспрессионизм». В первую очередь это относится к тематике протезов, к которой обращаются другие авторы – и современники Платонова (К. Федин, Л. Леонов), и писатели более поздних периодов (Б. Полевой, В. Шаламов, А. Зиновьев). Сопоставительный анализ позволяет установить, что представление тела с протезами работает как мощный литературный топос, преобразующий социальный, политический, идеологический материал, способный символизировать инаковость и/или хрупкость, нечеткость границ человеческого тела. Проанализировав отношения между протезами и тератологией, репрезентациями инвалидности и традицией уродства, реалистической (соцреалистической) и фантастико-экспрессионистской концепциями, автор констатирует, что «проза с протезами» дает возможность бросить новый взгляд на русскую литературу.

Ключевые слова: Андрей Платонов; русская проза 1920–1930-х гг.; экспрессионизм; протетическая телесность; протетическая культура; тератология; чудовищное в искусстве; репрезентации инвалидности.

Начальник видит: человек на деревяшке,
и правый рукав пустой пристегнут к мундиру.

Н. Гоголь. Повесть о капитане Копейкине. 1842

...Он давно признал, что прошло время теплого,
любимого, цельного тела человека:
каждому необходимо быть
увечным инвалидом.

А. Платонов. Мусорный ветер. 1938

Шагайте, безногие, в ногу!
Протезам – ничто расстояние.
Где видят слепые сиянье,
Туда пролагайте дорогу.

А. Зиновьев. Марш уродов (из романа «Живи»). 1989

В предлагаемой статье речь пойдет об определенном литературном топосе и о поэтической системе, с которой связано его применение. Кратко описать эти явления разного уровня, а затем обосновать их связь – такова наша задача. В центре исследования находится творчество Андрея Платонова. Мы намереваемся поместить его в ряд контекстов, современных ему и более поздних, не столько резюмируя «тему протезов» в современной русской литературе, сколько стремясь обозначить контуры ее, литературы, *протезного пространства*, один из полюсов которого занимает А. Платонов.

Начало системы координат «протезного пространства» обозначает, разумеется, Н. Гоголь с его «Повестью о капитане Копейкине». Однако в литературе XIX в. протезы являются по большей части атрибутом инвалидов различных войн. Нас же интересует век XX, до глубины проникнутый, особенно в первые десятилетия, гоголевским влиянием. После революции «протезное пространство» обозначает ось, на одном конце которой размещаются ранние советские романы, такие как «Города и годы» Константина Федина (1924) и несколько более поздняя «Соть» (1930) Леонида Леонова. Особым образом соотносится с ними творчество А. Платонова. Другой полюс занимают классики послевоенного социалистического реализма – Борис Полевой и его «Повесть о настоящем человеке» (1946), Петр Павленко и «Счастье» (1948). От Гоголя сквозь досоветское, советское, да и постсоветское время-пространство идет другая, более извилистая линия – сатирико-фантастическая, сверхреалистическая. Она иногда пересекает и линию Федина и Леонова, на ней располагается Платонов, а позже разместится и Александр Зиновьев с его удивительным пророческим романом «Живи» (1989).

Как кажется, к той же сверхреалистической линии, что и творчество Платонова, относится и творчество Варлама Шаламова. Его чрезвычайно важный для нашей темы рассказ «Протезы» (1965) требует, однако, отдельного подхода; здесь уместно лишь напомнить его содержание¹. Когда арестованных героев рассказа заставляют раздеться и сдать вещи, оказывается, что тело каждого из них увечно, у каждого есть протез, от корсета до искусственного глаза, и протезы тоже нужно сдавать. Надзиратель, собрав вещи, замечает: «Тот, значит, руку, тот ногу, тот ухо, тот спину, а этот – глаз. Все части тела соберем». Нет протеза лишь у рассказчика, и надзиратель предлагает ему сдать взамен душу. «Душу я не дам», – отвечает тот, и этими словами заканчивается рассказ о том, как идет сборка нового Франкенштейнова чудовища, искусственного, сложенного из мертвых частей тела советского человека, которому не хватает души, но который, по-видимому, сможет жить и без нее [Шаламов].

На продолжении реалистической линии «протезного пространства» могут оказаться и такие произведения времен оттепели, как фильм Григория Чухрая «Чистое небо» (1961), и такие позднесоветские вещи, как «Богояр» (1987) Юрия Нагибина и другие рассказы о Валааме. Наша подборка, разумеется, не исчерпывает материала, но, как нам кажется, позволяет кое-что упорядочить в ожидании дальнейших изысканий, буде таковые последуют.

¹ Благодарим госпожу профессора Любу Юргенсон, которая убедила нас, что настоящего разговора о протезах не может быть без упоминания о шаламовском рассказе.

* * *

Тема протезов отпочковалась от наших исследований утопии, в частности, нового тела, а точнее, тела Нового Человека. Появление в перспективе утопии Платонова представляется вполне закономерным, хотя, например, корейский исследователь Сонг Чжон Су удивлен тем, что «большинство зарубежных литературоведов при интерпретации творчества Платонова придерживаются “утопической” концепции». Он добавляет: «На наш взгляд, объект художественного мира писателя не столько основан на политическом интересе, сколько является самой жизнью, взаимосвязанным развитием человека и мира» [Сонг Чжог Су, с. 5]. Нам нравится это полемическое высказывание, оно верно ставит вопросы и об онтологии художественных объектов, и о терминах и их употреблении; для нас, однако, как, по-видимому, и для большинства зарубежных литературоведов, острые границы между политикой и жизнью, утопией и реальностью давно стерлись.

«Яростным экспрессионизмом» мы стали называть манеру письма Платонова, отсылая к его формуле о «прекрасном и яростном мире» [Геллер, 2017]. Диалектика прекрасного-яростного явно предполагает ту борьбу между идеальным, утопическим, и реальным, природным, которая ведется в мире Платонова. Вряд ли нужно особо доказывать, что Платонов – писатель предельно «физиологичный»; тело, поставленное в экстремальные условия, мучающееся и мучимое, часто увечное (в рассказе, из которого взята формула, герой становится слепым) – важнейшая слагающая его художественного мира. С этой очень своеобразной телесностью сочетаются жестокий натурализм и откровенность подробностей, перенасыщенность языка, деформирующий и в то же время поэтизирующий взгляд, драматизация конфликтов, символизация и мифологизация быта: возникает комплекс, бесспорно родственной поэтике экспрессионизма. Вопрос об экспрессионизме в литературе и искусстве 1920–1930-х гг. многократно обсуждался, поэтому не будем на нем задерживаться, тем более что мы никак не намереваемся сводить все творчество Платонова к экспрессионизму. Здесь достаточно констатировать его причастность не столько к этому движению, сколько к его поэтической программе.

В «Котловане» и в «Счастливой Москве» центральную роль играют герои, тела которых искалечены и оснащены протезами.

Заметим походя, что в просмотренных нами статьях о «Счастливой Москве» вопрос о ее «деревянной ноге» либо опускается, либо упоминается очень осторожно. Так, в статье о «семантическом поле телесности» в романе, где анализ основан на лексической статистике, к которой и нам случается прибегать, указано, что протезы входят в соматическую лексику романа и что «ножной протез Москвы Честновой в тексте книги наделен особой концептуальной значимостью» [Прокофьева, с. 26], однако это наблюдение не получает никакого развития, и в статистику слово «протез» с его синонимами не включено. Более подробно тему

увечности Москвы развивает Х. Гюнтер в важной статье о платоновской эстетике тела, где очень верно тело Москвы сопоставлено с телом героя «Мусорного ветра» [Гюнтер]; в эту эстетику, однако, протез не вписан. О безногом герое «Котлована» Жачеве пишут все комментаторы романа, его увечность упоминается, но редко толкуется иначе, чем в аллегорическом смысле, который дан самим текстом. Скажем, в очень интересном «Путеводителе по “Котловану”» Н. Дужина дает важные подробности реальной жизни инвалидов, к которым отсылает фигура Жачева, но описанием фигуры и ее инвалидности не занимается. О протезах в работах, которые нам известны, не говорится. Мы же хотим пристальнее взглянуть на предмет, описания которого заряжаются смыслами и ассоциациями, превращая его в литературный топос.

Этот предмет, *протезы*, – модная, а к тому же и очень значимая тема современной культуры. Как известно, наряду со своими обычными задачами, то есть функциональной или орнаментальной заменой утраченного или ослабленного органа чувств, части тела, протезы могут выполнять задачи менее традиционные, такие как улучшение естественного органа, выведение его наружу с целью усиления и умножения, наконец, наделение тела неизвестными дотоле органами и равно физическими, как и психическими новыми возможностями.

Древняя мечта об усовершенствованном теле в научно-технологическую эпоху получила новую силу. Еще во многом умозрительная (утопическая, научно-фантастическая) в модернизме, она стала злобой дня. Об эволюции органов вне тела, об «экзосоматической эволюции» человека ученые стали говорить с 1945 г. (термин А. Дж. Лотки [Lotka, p. 188]). Но уже в 1870-е гг. возникла теория органопроекции, которая рассматривала всю созданную человеком среду как развитие вовне его функций и органов (см. об этом: [Геллер, 2001]). Можно задаться вопросом, не получает ли органопроекция в постмодернизме облик теории тела без органов Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Так или иначе, научные, философские, художественные рассуждения о протезах распространились по всему миру. В англоязычном ареале термин *протетика* (*prosthetics*) особенно популярен и отсылает к З. Фрейду, сказавшему, что благодаря науке и технике человек стал своеобразным «Богом с протезами» (*Prothesengott*) в *Недовольстве культурой* (*Das Unbehagen in der Kultur*). Существует ряд исследований того, что получило название «протетической культуры»; в них самосознание человека определяется «не формулой “Мыслю, следовательно существую”, а устройством тела, распространяющегося вовне посредством механических и перцепционных протезов» [Lury, p. 11]: исследователи говорят о художественном *протетическом модернизме* [Armstrong, chap. 3], о *протетическом импульсе*, едва ли не главном факторе развития современного человечества и его цивилизации [The Prosthetic Impulse]. Созданные с помощью новейших технологий протезы становятся атрибутом не только улучшенного человека будущего, но и рождающегося или даже уже родившегося «человека расширенного» [Кравецкий].

С этой точки зрения можно ввести понятия «тотальных» и «виртуальных» протезов, указывающие на широкий диапазон значений – от многофункциональных машин и роботов, наделенных искусственным интеллектом и способных к автономной деятельности, до не известных еще приспособлений для неведомых будущих функций тела.

Когда мы семь-восемь лет назад делали доклад о том, как современные теории тела предвараются в учении Н. Федорова, в теории органопроекции П. Флоренского, в авангардно-пролеткультовских мечтах механизации человека, мало кто из наших слушателей-филологов в Швейцарии и Франции знал о теориях трансгуманизма. Нам они были известны по занятиям современной утопией. В наши дни и неспециалисту нельзя не заметить в Интернете событий, подобных конференции на тему «Человек и его протезы: знания и практики трансформированного тела»: ее недавно устроил серьезнейший французский Центр научных исследований в партнерстве с порталом «ИИ-Трансгуманизм». Программа конференции гласит: за исправленным телом стоит тело расширенное, за телом гибридным, вживляющим протезы внутрь себя, кроется фантазия об идеальном человеке [CNRS-ia Transhumanisme]. Научные и идейные дебаты на эту тему длятся второе столетие. В свое время Платонов о них, несомненно, знал, если не прямо из учений Федорова и Флоренского, то хотя бы из пролеткультовских дискуссий (идея человека-машины, которую тогда развивали такие деятели Пролеткульта, как Алексей Гастев, в варианте напичканного электроникой робота и сегодня входит в концепцию «расширенного человека»).

Протезам необходимо тело. В предыдущих наших работах мы пытались описать явление *современности* в дискурсивном аспекте как динамическое многомерное пространство, заданное сериями *опорных репрезентаций* [Геллер, 2009]. Образы Нового Человека и его тела составляют одну из таких серий. Модели, смешиваясь между собой, составляют парадигму модернистского Нового Тела, да, пожалуй, и тела современного, еще сильнее стремящегося к оптимизации и колонизации мира. *Эвритмическое тело* улучшается, воспринимая природно-космические ритмы и энергии путем мистического общения с миром, культовых обрядов, спортивной тренировки. Понятие *евгенического тела* не нуждается в пояснении; слово скомпрометировано, сегодня его декларативно стараются избегать, но у современной генной инженерии цели по сути те же, что прежде у евгеники. Об «электрическом человеке» говорил Дзига Вертов; *электрическое тело* совершенствуется силами техники, человек-машина пролеткультовцев – один из его вариантов. Наконец, модель *протетическая* улучшает тело при помощи медицинского (хирургического и/или фармакологического) вмешательства. По сегодняшним меркам все модели следовало бы назвать *протетическими*, ведь даже в эвритмических ритуалах присутствуют фармакологические протезы, разнообразные зелья

и наркотики. Но тогда нужно было бы придумать новый термин для сугубо медицинского протезирования. Оставим эту еще не совсем твердую почву и пойдем дальше.

* * *

Описывая названную парадигму современного тела, мы пришли к выводу, что ее антропологическую и художественную действенность обеспечивают в качестве базовых, опорных репрезентаций фантастические *образы-мифы*, в частности, образы монстров [Heller, 2006; Геллер, 2010]. Тело чудовища Франкенштейна – протетическое и электрическое, доктор Джекилл превращается в мистера Хайда благодаря фармакологическим манипуляциям и т. д. Монстры сопровождают научно-технический прогресс XIX в., символизируя его черты; они отражают и идеологические процессы (мы видели, как модель сооружения франкенштейновского нового тела своеобразно преломляется в рассказе В. Шаламова). Для более полного представления проблематики отсылаем к нашей «картографии монстров» [Геллер, 2018]. Скажем лишь, что в нее вполне естественно вписываются титаны.

Упомянуть о монстрах нам казалось необходимым, ибо с представлениями о них связана и топика протезирования увечного тела. Отсутствие или недостача органов и членов, их избыток, модификация, «инаковость тела» могут восприниматься (и долго воспринимались) как уродливые, порой даже чудовищные, монструозные, что не всегда помогало скрыть протетические устройства. Нам приходилось встречать аналогию «монстр – урод».

Жачева, одного из героев «Котлована», потерявшего половину своего тела на Империалистической войне, повествователь, персонажи и прежде всего он сам воспринимают как *урода* – «урода капитализма». Нейтральным словом *инвалид* он обозначается в тексте романа реже (всего 13 раз), чем маркированными эпитетами (18 раз, из них *урод* – десять, *увечный* – четыре, *калека* – два раза). Все эти слова работают как синонимы, но в них явно прослеживается преобладание семантики уродства.

Одна пионерка выбежала из рядов в прилегающую к кузнице ржаную ниву и там сорвала растение. Во время своего действия маленькая женщина нагнулась, обнажив родинку на опухающем теле, и с легкостью неощутимой силы исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях – Вощеве и калеке. Вощев поглядел на инвалида; у того надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана. Вощев наблюдал настроение могучего увечного, но был рад, что уроду империализма никогда не достанутся социалистические дети. Однако калека смотрел до конца пионерское шествие, и Вощев побоялся за целость и непорочность маленьких людей [Платонов, т. 2, с. 418].

По поводу этой цитаты замечу в скобках: вряд ли найдется писатель, способный с большей откровенностью и смелостью, одним жестом и звуком передать безысходную сексуальность калеки: едва ли можно найти лучшую иллюстрацию платоновского «яростного экспрессионизма».

В. Даль дает такое определение понятию «урод»: «выродок, роженный калекою, или не по образу себе подобных, природный калека, телесно искаженный» [Даль, т. 4, с. 508]. Словарь Академии наук подтверждает: «Уродство: прирожденный физический недостаток организма» [Словарь АН СССР, т. 4, с. 512]. Жачев в романе двоится, он и инвалид войны, калека, и урод, монстр. Словарь Ушакова, впрочем, дает диалектное значение слова «урод» – *урожай* [Толковый словарь Ушакова]. Если учесть, что фамилию Жачева иногда возводят к глаголу «жать» в смысле оказания давления, то тут открывается новая возможность толкования парадоксальности героя. Но оставим это для внутриплатоноведческого обихода.

Прежде чем уделить более подробное внимание протезам Жачева, подчеркнем, что «сдвинутое» словоупотребление Платонова (его «урод» не рожден уродом) Александр Зиновьев по-своему интерпретирует 60 лет спустя в романе «Живи». В нем он описывает современный «город уродов», расположенный около атомного предприятия; в результате воздействия чрезмерной радиации, химии, фармацевтики у повествователя от рождения «безобразные отростки вместо ног», его друзья рождены без рук, без глаз. Все они называются в тексте уродами, так говорят о себе и вместе поют «Марш уродов». Один из главных образов-лейтмотивов романа – протезы, о чем будет сказано дальше.

Вернемся к Жачеву. В известных воспоминаниях Ю. Нагибина о том, как сам Платонов смотрел на увечность своего героя, разорванного между капитализмом и социализмом (как и вся Россия) [Нагибин, 1994а, с. 75–76], трудно найти ключ к образу. С нашей точки зрения, интересно другое: отношение увечного тела и протезов в романе непостоянно. Жачев точно описан в начале:

...у калеки не было ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и собственным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги [Платонов, т. 2, с. 417].

Платоновское выражение «*отросток ноги*» (то же слово в обычном значении потом употребит, как мы видели, А. Зиновьев) как будто делает протез органической частью тела. Тем не менее, Жачев иногда меняет костыли и деревянный протез на тележку; он становится более подвижным, и движение умножает его мощь, позволяет ему, инвалиду, участвовать в избиении кулаков.

Есть в романе эпизоды, когда, потеряв костыли и тележку, Жачев лезет и ползет по земле; на наш взгляд, в них он уподобляется змее,

он не только урод, *морос*, но и «чудовище», *терас* в том смысле, что напоминает Пифона, мифического монстра, хтонического духа, титана, участвующего в борьбе против Олимпийских богов.

Москва Честнова, утратившая ногу в результате несчастного случая на Метрострое, сначала получает «прочные костыли», потом протез; ее «уродство» (слово «урод» в тексте появляется только один раз) нисколько не лишает ее прелести в глазах мужчин, наоборот:

Самбикин молчал близ нее, его внутренности болели, точно медленно сгнивали, и в опустевшей голове томила одна нищая мысль любви к обедневшему, безногому телу Москвы. <...> Самбикин зачастую не мог даже добраться до Честновой, настолько она была окружена вниманием, заботой и навязчивостью полнеющих на отдыхе мужчин. Уродство Москвы теперь было мало заметно – ей привезли протез из Туапсе, и она ходила без костылей, с одной тростью, на которой все, кому Москва нравилась, уже успели вырезать свои имена и даты и нарисовать символы безумных страстей [Платонов, т. 4, с. 82].

Не будем касаться эротики, которую роман связывает и с измененным телом героини, и с протезом. Отметим лишь, что Платонов как бы предчувствовал постмодернистскую эротическую эстетику увечности и протезирования – отошлем хотя бы к культовому роману Дж. Г. Балларда «Автокатастрофа» (*Crash*, 1973), не менее культовому фильму Д. Кроненберга (1996), поставленному по этому роману, или к карьере и высокохудожественным протезам безногой спортсменки, манекенщицы и актрисы Эйми Маллинз (а чтобы не совсем оторваться от русского пространства, приведу пример экспонирующей свой ножной протез Виктории Модесты, эпатажной рок-певицы русского происхождения из Латвии).

Как с завистью, но без злости констатирует герой романа «Живи» А. Зиновьева: «...на Западе не стесняются своих уродств. <...> Там уродство – своего рода капитал» [Зиновьев, с. 20]. И это объясняет высокое качество западных протезов и колясок.

Задолго до героя Зиновьева подобную разницу между западным и русским подходом к увечности, инвалидности и протезам переживает на своем опыте Федор Лепендин, один из героев романа К. Федина «Города и годы». Получив ранение, он попадает в плен с разможенными ступнями, и немецкие хирурги, проводя опыты, поэтапно отнимают ему ноги.

Если бы Лепендин был отделенным саксонской, баварской или прусской службы, его, наверное, упрочили бы на металлических протезах патента «Феникс», и отечественные ортопеды и техники научили бы его ездить на велосипеде и взбираться по лестнице. Но он был отделенным русской службы, и ему предложили обойтись как-нибудь своими средствами. <...> Он сплел себе лукошко... устал дно тряпочками и сел

на них, привязав лукошко ремешками за пояс... Вырезал из березы ключины... Вдел руки в дужки уключин, оперся ими о землю, приподнял на руках туловище и, раскачав его, пересел на добрый шаг вперед [Федин, с. 281—282].

Напомним, что у Гоголя в первой версии повести вельможа дает капитану Копейкину тот же, что у Федина, совет: «Ищите сами себе средств».

Более полувека после фединского героя инвалид войны из валаамского рассказа Ю. Нагибина будет передвигаться еще более примитивным способом, у него не будет даже лукошка:

О калек нельзя было сказать, что он «стоял» или «сидел», он именно торчал пеньком, а по бокам его обрубленного широкогрудого тела, подшитого по низу толстой темной кожей, стояли самодельные деревянные толкачи, похожие на старые угольные утюги... [Нагибин, 19946].

Не будем искать в русской и советской литературе ни избытия, ни большого разнообразия в описаниях протезов; разнообразно, однако, отношение к протезам как литературному топосу с его текстовыми (семиотическими, символическими, нарратологическими) функциями.

В романе Л. Леонова «Соть» (1930), о котором говорят, что он мог оказать влияние на автора «Котлована», тоже есть персонаж без ног. Леонов – писатель другого склада, чем Платонов, но не менее «избыточный» и не менее способный находить точные детали. Читателю книги Леонова, пытавшегося поставить «и богу соцреализма свечку, и экспрессионизму огарок», трудно понять систему протезов, на которых передвигается его герой, сугубо отрицательный персонаж. То у него «деревянные обрубки» и «деревянная ляжка», то к обрубку ноги пристегнута «деревянная ступня». Протез попадает в фокус рассказа, когда он портится, когда отказывает даже эта слабенькая опора «врага социализма»:

Слева мелко и часто ковылял на деревянных обрубках тоже молодой еще парень в кожаной куртке, с черным не без удали лицом... Василий тоскливо смеялся, сидя в дорожной пыли и теребя порвавшийся на деревянной ляжке ремешок [Леонов, с. 48].

Когда он поднялся, все увидели, что никаких особых повреждений на Ваське нет; только опять лопнул лакированный ремешок, которым была пристегнута к обрубку круглая деревянная ступня... [Там же, с. 143].

И изображение предмета, и отношение к нему героя и повествователя контрастируют с фединскими и, тем более, с платоновскими. Платонов, как кажется, ведет литературный диалог с Фединым, и Жачев во многом похож на Лепендина.

На фоне описаний разных необычных тел в прозе 1920-х – начала 1930-х гг., которую можно без особой натяжки считать экспрессионистской, от Андрея Соболя с его «Паноптиконом» до Михаила Козакова с его карликом Максом и горбуном Великановым, «проза с протезами» Федина, Леонова, Платонова, принадлежа к той же поэтической системе или соприкасаясь с ней, занимает особое место. В такой прозе увечное тело не возвышается, не сублимируется протезами, как сублимируется тело заводского рабочего путем срастания с машиной или инструментом; протезированное тело в «прозе с протезами», как на картинах Отто Дикса, сохраняя черты монструозности, уродства, являет свою близость не к богам, а к взбунтовавшимся чудовищам-титанам.

* * *

Самое подробное описание протезов и обращения с ними мы, естественно, находим в более позднем романе, целиком посвященном этой теме. Герой «Повести о настоящем человеке» и один из кумиров советской эпохи пилот Алексей Мересьев будет, как и его реальный прототип, после долгих мучительных тренировок летать на истребителе с протезами вместо ампутированных ног:

Управлять приходилось не живыми, эластичными, подвижными ногами, а кожаным приспособлением, прилаженным к голени с помощью ремней. Нужны были нечеловеческие усилия, напряжение мускулов, воли, чтобы движением голени заставлять жить тяжелые, неповоротливые протезы. <...> Курсант стоял на протезах из кожи и алюминия... [Полевой, с. 113, 133].

Весь роман работает как инверсия экспрессионистского топоса, он повествует о сублимации протезов, о том, как они оживляются, превращаются в передаточные органы для того, чтобы герой «слился со своей машиной, ощутил ее как продолжение собственного тела» [Полевой, с. 141].

В недавно опубликованной статье «Война и инвалид в русской культуре XX века», сравнивая роман Б. Полевого с народными песнями той эпохи, М. Строганов заключает, что в советском обществе и в его литературных репрезентациях инвалид предоставлен самому себе, даже такой герой, как Мересьев: успехом он обязан личным качествам, о поддержке со стороны общественных структур в романе не говорится [Строганов]. О том же говорит А. Зиновьев; имеются и многие другие литературные и документальные свидетельства. Настоящий обвинительный акт системе составлен одним из организаторов движения за права инвалидов в России; название книги Валерия Фефелова повторяет ответ русских спортивных властей на приглашения организаторов Параолимпийских игр: «В СССР инвалидов нет!» [Фефелов].

Евгений Кузнецов объясняет в «Валаамской тетради» (2004):

Уж слишком намозолили глаза «советскому народу-победителю» сотни тысяч инвалидов: безруких, безногих, неприкаянных. <...> Избавиться от них, во что бы то ни стало избавиться! Но куда их подевать? А в бывшие монастыри, на острова! [Кузнецов, с. 76].

Мы незаметно подошли к вопросам отношения общества к инвалидности в реальном мире и в ее художественных репрезентациях и тем самым перешли границу научной дисциплины, которая до сих пор мало появлялась в поле зрения литературоведов, но, подозреваем, повлияла на организацию этой дискуссии. Мы говорим, конечно, о том, что называется *disability studies* [The Disability Studies Reader; Albrecht, Ravaut, Stiker; Disability History; Gardou]. Дисциплина уже вошла в зрелый возраст, ей не меньше 30 лет, в ней выделяется *disability history*, и с недавних пор стали появляться работы из области культурных репрезентаций инвалидности, между прочим, и в восточноевропейском и русском ареалах; для примера назову работу Е. Ярской-Смирновой и П. Романова об иконографии инвалидности в советских плакатах и в кино [Iarskaia-Smirnova, Romanov]. Прямого русского соответствия термину *disability* мы не нашли. Говорят о людях с ограниченными возможностями. Упомянутая статья М. Строганова о теле инвалидов написана в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России». Однако в самой статье появляется термин «девиантное тело», и в аннотации на английском языке так и сказано: *deviant body*. Нам тут видится недоразумение. Если мы говорим о *disability*, то вряд ли можем говорить о *deviant body*. Понятие девиантности заставляет предположить, что существует не только общепринятая телесная норма, но и ее прямолинейное шествие сквозь время, которое ветвится девиациями. А значит, последние подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме. Мы говорим не с позиции левоидеологического резонанса (которым, бывает, страдают те, кто занимаются «штудиями ограниченности»), а с точки зрения чистой методологии. Вот что все в том же романе об уродках и протезах говорит о норме писатель-логик Зиновьев:

Норма сама по себе вообще реально не существует. Норма есть лишь абстракция от уродств, а уродство – лишь реальность нормы. <...> Только благодаря уродкам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей... [Зиновьев, с. 105–106].

* * *

В заключение вернемся к персонажам Платонова – Жачеву и Москве. Они позволяют поставить еще один вопрос – о соотношении

сознания, тела и протезов как заменителей тела. Как всегда, писатель избегает тривиального ответа.

Если Жачев четко осознает себя неполным человеком, но не сомневается в своей идентичности, то Москва, потеряв ногу, не знает, в чем заключается ее цельность. «– Я ведь не нога... – А кто же? – Я не нога, не грудь, не живот, не глаза, – сама не знаю кто...» [Платонов, т. 4, с. 80]. Она как бы говорит: «Я не мое тело». Она учится владеть протезом, но не считает «деревянную ногу» своей. Кто же «я»? Вопрос подчеркнут своеобразным ироническим пролепсисом – в тексте незадолго до эпизода несчастного случая с Москвой появляется описание плаката: «человек в виде буквы “Я”, сокращенный на одну ногу уличной катастрофой» [Платонов, т. 4, с. 28].

Сделаем последнее отступление. Превращая в канон гоголевский «Нос», модернизм и особенно авангард наделяют части тела автономией по отношению к целому; они, разрозненные части, могут стать, как говорит О. Буренина, «пластическим образом нового неклассического целого» [Буренина, с. 323].

Ряд художников-постмодернистов (в России это Олег Кулик, Дмитрий Пригов, Виктор Пелевин) приводят в действие некую механику отрицания связи между телом и идентичностью человека, его сущностью, которую можно перенести как в другие тела, так и в другие системы знаков. Тело человека, естественный и самый понятный из всех знак, знак принадлежности к человеческому роду, превращается в условный и произвольный. В искусстве, однако, все еще работают репрезентации целостного тела, даже когда оно выворочено во всех измерениях, как на картинах Ф. Бэкона. Продолжается прение между душой и телом и между человеком цельным и человеком делимым, *homo integer* и *homo divisus*, между концепциями тела как целого, которому подчинены все органы, и тела как агрегата автономных частей и, конечно, между концепциями души, накрепко связанной с телом, и души, обретающей тело по своему желанию.

Неясно, разрешит ли трансгуманизм этот спор, который на свой манер ведут уже герои Платонова. Не будем комментировать эпизод из «Счастливой Москвы», в котором герои разговаривают о будущем прекрасном теле, не знаящем протезов и уродства, мечтая о нем и одновременно сомневаясь:

[Самбикин] тут же понял, насколько человек еще самодельное, немощно устроенное существо – не более как смутный зародыш и проект чего-то более действительного, и сколько надо еще работать, чтобы вернуть из этого зародыша летящий, высший образ, погребенный в вашей мечте [Платонов, т. 4, с. 36].

Спор свидетельствует о том, насколько, сохраняя тесную связь со своей эпохой, А. Платонов актуален в наши протетико-профетические дни.

Список литературы

- Буренина О.* Органопозитика: анатомические аномалии в литературе и культуре 1900–1930-х годов // Тело в русской культуре / под ред. Г. Кабаковой и Ф. Конта. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 300–323.
- Геллер Л.* Органопроекция: в поисках человекомира // Pavel Florenskij – Tradition und Moderne / Hrsg. von N. Franz, M. Hagemester, F. Haney. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2001. С. 283–301.
- Геллер Л.* Оборотень : из национальных мифов // Slavic Almanac : The South African J. for Slavic, Central and Europ. Studies. Vol. 12. 2006. № 2. С. 134–146.
- Геллер Л.* О протезах и парадигме Нового Человека // Универсалии русской культуры / под ред. А. Фаустова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. С. 69–75.
- Геллер Л.* Платонов : революция, утопия, насилие // Скрытая теплота революции / под ред. Е. Яблокова. М. : Полимедиа, 2017. С. 7–24.
- Геллер Л.* Мир, в котором мы живем : О монстрах и мифах // Привидения, духи и другие существа : Метаморфозы фантастики в славянских литературах : сб. науч. тр. / сост. А. де ля Фортель. М. : ОГИ, 2018. С. 20–64.
- Гюнтер Х.* К эстетике тела у Платонова (1930-е гг.) // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества / под ред. Н. Корниенко. Вып. 5. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 76–84.
- Зиновьев А.* Живи. Lausanne : L'Age d'Homme, 1989. 199 с.
- Кравецкий А.* Расширенный человек // Однако : [интернет-блог]. 24 янв. 2013. URL: <http://www.odnako.org/blogs/rasshirenniy-chelovek/> (дата обращения: 08.09.2018).
- Кузнецов Е.* Валаамская тетрадь. СПб. : Росток, 2003. 138 с.
- Леонов Л. М.* Соть // Леонов Л. М. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1982. Т. 4. С. 7–284.
- Нагибин Ю.* Еще о Платонове // Андрей Платонов : Воспоминания современников. М. : Сов. писатель, 1994а. С. 74–78.
- Нагибин Ю.* Бунташный остров. М. : Моск. рабочий, 1994б // LibRu : Библиотека Максима Мошкова [сайт]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/NAGIBIN/bogoyar.txt> (дата обращения: 07.09.2018).
- Платонов А. П.* Собрание сочинений : в 8 т. / сост. Н. В. Корниенко : науч. ред. Н. М. Малыгина : подг. текста Н. В. Корниенко, Е. В. Антонова. М. : Время, 2008–2011.
- Полевой Б.* Повесть о настоящем человеке. М. : Аст-Астрель, 2010. 382 с.
- Прокофьева В.* Семантическое поле 'телесность': роман А. Платонова «Счастливая Москва» // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 388. С. 24–29.
- Сонг Чжон Су.* Роман «Счастливая Москва» в контексте творчества А. П. Платонова 1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2003. 228 с.
- Строганов М.* Инвалид и война в русской культуре XX века // Культура и текст. 2017. № 3. С. 84–108.
- Толковый словарь Ушакова [сайт]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 28.10.2018).
- Федин К.* Города и годы (1924) // Федин К. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1969. Т. 1. 448 с.
- Фефелов В.* В СССР инвалидов нет! Лондон : ОРИ, 1986. 164 с.
- Шаламов В.* Протезы // Варлам Шаламов [сайт]. URL: <https://shalamov.ru/library/1/26.html> (дата обращения: 06.09.2018).
- Albrecht G. L., Ravaud J.-F., Stiker H.-J.* L'émergence des disability studies : état des lieux et perspectives // Sciences sociales et santé. Vol. 19. 2001. No. 4. P. 43–73.
- Armstrong T.* Modernism, Technology, and the Body : A Cultural Study. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. 309 p.
- CNRS-ia Transhumanisme : L'humain et ses prothèses : savoirs et pratiques du corps transformé. 11 et 12 décembre 2015, Paris // Transhumanisme et Intelligence artificielle

[website]. URL: <https://iatranshumanisme.com/2016/06/05/colloque-international-lhumain-et-ses-protheses-savoirs-et-pratiques-du-corps-transforme/> (mode of access: 20.02.2018).

Disability History : Konstruktionen von Behinderung in der Geschichte. Eine Einführung / Hrsg. von E. Bösl, A. Klein, A. Waldschmidt. Bielefeld : Transcript, 2010. 124 S.

Gardou Ch. Handicap, une encyclopédie des savoirs. Toulouse : Erès, 2014. 472 p.

Heller L. Contours de l'animal, contours de la modernité // Le premier quinquennat de la prose russe du XXIe siècle / ed. H. Mélat. Paris : Inst. d'études slaves, 2006. P. 107–121.

Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Heroes and Spongers : The Iconography of Disability in Soviet Poster and Film // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. History, Policy and Everyday Life / ed. by M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. L. : Routledge, 2014. P. 67–96.

Lotka A. J. The Law of Evolution as the Maximal Principle // Human Biology. 1945. Vol. 17. P. 167–194.

Lury C. Prosthetic Culture : Photography, Memory and Identity. L. : Routledge, 1998. 248 p.

The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis. N. Y. : Routledge, 2006. 451 p.

The Prosthetic Impulse : From a Posthuman Present to a Biocultural Future / ed. by M. Smith, J. Morra. Cambridge, MA : MIT Press, 2005. 340 p.

References

Albrecht, G. L., Ravaud, J.-F., Stiker, H.-J. (2001). L'émergence des disability studies : état des lieux et perspectives. In *Sciences sociales et santé*. Vol. 19. No. 4, pp. 43–73.

Armstrong, T. (1998). *Modernism, Technology, and the Body: A Cultural Study*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 309 p.

Bösl, E., Klein, A., Waldschmidt, A. (Hrsg.). (2010). *Disability History : Konstruktionen von Behinderung in der Geschichte. Eine Einführung*. Bielefeld, Transcript. 124 S.

Burenina, O. (2005). Organopoetika: anatomicheskie anomalii v literature i kul'ture 1900–1930-kh godov [Organo-poetics: Anatomical Anomalies in the Literature and Culture of 1900s–1930s]. In Kabakova, G., Conte, F. (Eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 300–323.

CNRS-iaTranshumanisme: L'humain et ses prothèses : savoirs et pratiques du corps transformé. 11 et 12 décembre 2015, Paris. In *Transhumanisme et Intelligence artificielle* [website]. URL: <https://iatranshumanisme.com/2016/06/05/colloque-international-lhumain-et-ses-protheses-savoirs-et-pratiques-du-corps-transforme/> (mode of access: 20.02.2018).

Davis, L. J. (Ed.). (1997). *The Disability Studies Reader*. N. Y., Routledge. 451 p.

Fedin, K. (1969). Goroda i gody (1924) [Cities and Years (1924)]. In Fedin, K. *Sobranie sochinenii v 10 t*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 448 p.

Fefelov, V. (1986). *V SSSR invalidov net!* [There are no Disabled People in the USSR!]. L., OPI. 164 p.

Gardou, Ch. (2014). *Handicap, une encyclopédie des savoirs*. Toulouse, Erès. 472 p.

Günther, H. (2003). K estetike tela u Platonova (1930-e gg.) [Platonov's Body Aesthetics (1930s)]. In Kornienko, N. (Ed.). "Strana filosofov" *Andriya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. Iss. 5, pp. 76–84.

Heller, L. (2001). Organoproektsiya: v poiskakh chelovekomira [Organ Projection: Searching for an Anthropocosmos]. In Franz, N., Hagemester, M., Haney, F. (Hrsg.). *Pavel Florenskij – Tradition und Moderne*. Frankfurt a/M, Peter Lang, pp. 283–301.

Heller, L. (2006). Contours de l'animal, contours de la modernité. In Mélat, H. (Ed.). *Le premier quinquennat de la prose russe du XXIe siècle*. Paris, Institut d'études slaves, pp. 107–121.

Heller, L. (2006). Oboroten' : iz natsional'nykh mifov [The Werewolf : From National Myths]. In *Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic, Central and European Studies*. Vol. 12. No. 2, pp. 134–146.

Heller, L. (2009). O protezakh i paradigme Novogo Cheloveka [Of Prostheses and the Paradigm of the New Man]. In Faustov, A. (Ed.). *Universalii russkoi kul'tury*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 59–75.

Heller, L. (2017). Platonov : revolyutsiya, utopiya, nasilie [Platonov: Revolution, Utopia, Violence]. In Yablokov, E. (Ed.). *Skrytaya teplota revolyutsii*. Moscow, Polimedia, pp. 7–24.

Heller, L. (2018). Mir, v kotorom my zhivem. O monstrakh i mifakh [The World We Live in. Monsters and Myths]. In La Fortelle de, A. (Ed.). *Privideniya, dukhi i drugie sushchestva. Metamorfozy fantastiki v slavyanskikh literaturakh: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, pp. 20–64.

Iarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (2014). Heroes and Spongers: The Iconography of Disability in Soviet Poster and Film. In Rasell, M., Iarskaya-Smirnova, E. (Eds.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. History, Policy and Everyday Life*. L., Routledge, 67–96.

Kravetskii, A. (2013). Rasshirenniy chelovek [An Extended Human]. In *Odnako* [internet-blog]. Jan., 24. URL : <http://www.odnako.org/blogs/rasshirenniy-chelovek/> (mode of access: 08.09.2018).

Kuznetsov, E. (2003). *Valaamskaya tetrad'* [Notebook from Valaam Island]. St Petersburg, Rostok. 138 p.

Leonov, L. M. (1982). Sot' [The Sot River]. In Leonov, L. M. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 4, pp. 7–284.

Lotka, A. J. (1945). The Law of Evolution as the Maximal Principle. In *Human Biology*. Vol. 17, pp. 167–194.

Lury, C. (1998). *Prosthetic Culture: Photography, Memory and Identity*. L., Routledge. 248 p.

Nagibin, Yu. (1994a). Eshche o Platonove [Once more on Platonov]. In *Andrei Platonov: Vospominaniya sovremennikov*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 74–78.

Nagibin, Yu. (1994b). Buntashnyi ostrov [The Rebel Island]. Moscow, Moskovskii rabochii. In *LibRu: biblioteka Maksima Moshkova* [website]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/NAGIBIN/bogoyar.txt> (mode of access: 07.09.2018).

Platonov, A. P. (2008–2011). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.] / ed. by N. V. Kornienko, E. V. Antonov. Moscow, Vremya.

Polevoi, B. (2010). *Povest' o nastoyashchem cheloveke* [A Story about a Real Man]. Moscow, Ast-Astrel. 382 p.

Prokof'eva, V. (2014). Semanticheskoe pole "telesnost": roman A. Platonova "Schastlivaya Moskva" [The Semantical Field of Corporality. A. Platonov's Novel *Happy Moscow*]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 388, pp. 24–29.

Shalamov, V. (N. d.). Protezy [Prostheses]. In *Varlam Shalamov* [website]. URL: <https://shalamov.ru/library/1/26.html> (mode of access: 06.09.2018).

Smith, M., Morra, J. (Eds.). (2005). *The Prosthetic Impulse: From a Posthuman Present to a Biocultural Future*. Cambridge, MA, MIT Press. 340 p.

Song Jong Su (2003). Roman "Schastlivaya Moskva" v kontekste tvorchestva A. P. Platonova 1930-kh gg. [The Novel *Happy Moscow* in the Context of A. P. Platonov's Creative Work of the 1930s]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 228 p.

Stroganov, M. (2017). Invalid i voina v russkoi kul'ture XX veka [Wounded Warriors and War in 20th-century Russian Culture]. In *Kul'tura i tekst*. No. 3, pp. 84–108.

Tolkovyi slovar' Ushakova [Ushakov's Explanatory Dictionary] [website]. (N. d.). URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (mode of access: 28.10.2018).

Zinov'ev, A. (1989). *Zhivi* [Live!]. Lausanne, L'Age d'Homme. 199 p.

The article was submitted on 12.04.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.371

УДК 821.161.1-3Платонов+75.021.32+7.036

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ:
А. ПЛАТОНОВ И П. ФИЛОНОВ В ПОИСКАХ ДУШИ***

Юлия Подорога

Страсбургский университет,
Страсбург, Франция

**REVOLUTIONARY CORPORALITY:
PLATONOV AND FILONOV IN SEARCH OF THE SOUL**

Julia Podoroga

Strasbourg University,
Strasbourg, France

This article explores a new relationship between body and soul as exemplified by the prose of Andrey Platonov and the works (pictures and writings) of Pavel Filonov. According to the author's hypothesis, the revolutionary era provoked a shift in the harmonious union of body and soul, with the body becoming "deviant" in its apparent autonomy. This dissociation results in what is perceived as a manifestation of extreme naturalism in both authors' works. It seems that the independent life of matter in Filonov's works and the repulsive descriptions of the body in those by Platonov are signs of certain decadence, aesthetic formalism, avant-garde, or post avant-garde utopian experiment. In fact, a decomposing or suffering body (and not a body in the prime of life) appears disgusting because it is captured in its most extreme expression, but this is also why it is transient, i.e. it leads to something else – namely its metaphysical opposite, to the soul. Platonov hesitates between lack and excess in his representation of the body. The independent existence of the body results in its complete negation, and perhaps it is this particular "reduced" body that deviates from the norm the most. The excessive body cannot be thought of in complete separation from consciousness, even though consciousness and thought often appear blurred and are not put at the forefront of the narrative. Filonov analyses matter, dividing it into the smallest possible components. From the particular (bodily), the changing, the evolving, Filonov proceeds to the general

* *Citation:* Podoroga, I. (2019). Revolutionary Corporality: Platonov and Filonov in Search of the Soul. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.

Цитирование: Podoroga I. Revolutionary Corporality: Platonov and Filonov in Search of the Soul // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371 / Подорога Ю. Революционная телесность: А. Платонов и П. Филонov в поисках души // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.

(spiritual), invariable, to the “formula” of material content. The body is an object of analysis that always leads to synthesis. Thus, synthesis is the key procedure for the reunion of body and soul in the case of Filonov. The dissociation of corporality and spirituality is only a stage in the elaboration of a new relationship aimed at the creation of a new man, and the body is only a reason to talk about the soul.

Keywords: Andrey Platonov; Pavel Filonov; body as an object of art; deviant body; body and soul; Russian Revolution of 1917.

Рассматривается проблема телесности в ее соотношении с душой/сознанием в прозе Андрея Платонова и полотнах Павла Филонова. В революционную эпоху, к которой принадлежат оба автора, происходит диссоциация гармонического союза между телом и душой, и тело представляется девиантным в своей кажущейся автономности. Диссоциация выливается в то, что мы воспринимаем у обоих авторов как проявление крайнего натурализма. Кажется, что независимая жизнь материи у Филонова и отталкивающие описания тела у Платонова – это признаки некоторого декадентства, эстетизма формы, авангардистского или поставангардистского утопического экспериментирования. На самом же деле разлагающееся или страдающее, изможденное тело (а совсем не тело в расцвете сил) представляется отвратительным, поскольку оно схватывается в самом крайнем выражении собственной телесности, но именно поэтому оно транзитивно, переходно, то есть ведет к чему-то другому, а именно – к своей метафизической противоположности, к душе. Платонов колеблется между недостатком и избытком в репрезентации телесности. Независимое существование тела ведет к его полному отрицанию, и, возможно, именно такое «умаленное» тело наиболее отклоняется от нормы. Тело избыточное не может мыслиться в полном отрыве от сознания, несмотря на то что зачастую сознание и мысль оказываются как бы ступешаны, не выносятся на авансцену повествования. Филонов проводит анализ материи, дробя ее на мельчайшие составляющие. От частного (телесного), изменяющегося, эволюционирующего Филонов движется к общему (духовному), неизменному, к «формуле» материального содержания. Тело есть объект анализа, всегда приводящего к синтезу. Синтетичность Филонова и является залогом воссоединения тела и души. Диссоциация же телесности и духовности – лишь этап в переосмыслении их отношений на пути к созданию нового человека, а само тело – только повод говорить о душе.

Ключевые слова: Андрей Платонов; Павел Филонов; тело как объект искусства; девиантное тело; тело и душа; революция 1917 г.

Телесность, о которой пойдет речь, приобретает свою специфику на фоне политических и социальных потрясений, наиболее ярким воплощением которых является революция. Как же мыслится телесность в связи с революцией, какую форму она принимает, можно ли считать ее девиантной, ненормативной, когда само понятие нормы претерпевает неизбежные изменения? В таком случае девиация – уже

не отклонение от нормы, а индикатор трансформации телесности или обновления отношений между телом и душой (сознанием) в постреволюционное время. Речь скорее идет об изменении отношения к проявлениям телесного, то есть витальным отправлениям самого организма, его жизненным функциям и о возможности их подчинения идее революции как волевой трансформации зависимого от природы животного начала в человеке. Однако почти каждой революции сопутствует гражданская война, а значит, постоянная угроза уничтожения, насилие, смерть. Таким образом, одного волевого решения в отношении освобождения души от телесной зависимости (как и, наоборот, тела от души) недостаточно: само отношение к жизни и смерти не может оставаться прежним, что непосредственно затрагивает также и идею союза тела и души в постреволюционный переходный период. Тело, по-видимому, становится девиантным, когда теряет контакт с душой, когда установленное согласие «душа – тело» распадается. Можно сказать, что нормативен гармоничный союз тела и души, тело же, получающее самостоятельность, начинает жить по своим правилам, не подчиняясь более субъекту, индивидуальному сознанию, к которому его принято относить и которое оно должно выражать.

Ярко выраженный интерес к телу характерен как для Андрея Платонова, так и для Павла Филонова. Однако сравнение писателя и художника, словесного и визуального планов совсем не означает, что живописный образ отражает, как в зеркале, образ литературный, и наоборот. Совпадения тем, сюжетов, а также порой и приемов указывают на более глубинное родство, возникающее на уровне поставленной проблемы¹. Именно в проблематике телесности мы находим «материальную» точку опоры, сводящую вместе две независимые художественные реальности – образ и текст. В рамках этой проблемы пересечения могут быть многочисленными. Это, в первую очередь, сходство устремлений – поиск средств выражения, направленных на новый объект. Новая реальность требует изобретения новых понятий: и Платонов, и Филонов пытаются создать язык, понятный пролетарию и разработанный для него². Советская реальность вводит в обращение целый ряд общих понятий: коммунизм, революция, идеология, организация и т.д. Единственный способ их уяснения – это их предельное овеществление: конкретизация в языке (Платонов) и визуальное наглядное изображение (Филонов). Персонажи Платонова пытаются присвоить себе общие понятия, перевести их на доступный язык, сравнить с чем-то известным, выразить в конкретной образной риторике. Насколько Платонов стремится наделить своих

¹ Этот подход можно назвать трансмедийным, то есть таким, при котором различные медиа параллельно исследуют одну и ту же проблему или образ, используют сходные нарративные структуры и приемы. См., например: [Хамина, Зильберман].

² Исследователь творчества Платонова Х. Гюнтер говорит о «низовом повествовании», обусловленном наивностью восприятия, культивируемого писателем [Гюнтер, с. 341]. Такой «примитивизм» свойствен не только Платонову, но и Филонову.

персонажей суррогатным языком, состоящим из партийных штампов, развернутых в осязательные образы, настолько же и Филонов пытается устранить из своей «Идеологии ИЗО» всякое традиционное метафизическое измерение, связанное с творчеством и эстетикой, свести рисование к наиболее вещественной ремесленной деятельности. И в то же время его понятия-неологизмы сами по себе выглядят еще более сложными, чем традиционные: «идеология», «сделанные картины», «художник как пролетарий», «формулы» и т.д. Вследствие такого влечения к понятийному, к абстрактному обоих авторов отличается отсутствие интереса к индивидуальному, оба стремятся к изображению типов (рабочий, ударница, колхозник). Сама фигура пролетария не может пониматься иначе как тип нового человека.

Доминанта исследовательского интереса – присущая обоим амбивалентность в изображении телесного: аскетизм и провозглашение победы над плотью и повышенная концентрация на телесности и на материи – доведение ее до пределов. То, что одновременно отталкивает и интригует у обоих авторов, это, условно говоря, натурализм в изображении тела и телесности. У Платонова – его отстраненные описания различных отправлениях человеческого тела, как бы механически им справляемых (в том числе и сексуальность), ужасов, связанных с голодом (каннибализм), с эпизодами физической расправы, тем более беспощадной, поскольку она лишена аффективного участия³. У Филонова ощущение жуткого в некоторых картинах достигается за счет использования «трупных» пигментов краски, он работает с изувеченной телесностью, с материей и формами ее распада, предлагает новое изображение человека (через иконографию голов, обнажающих структуру черепа). Однако натурализм обоих авторов – не эстетическая позиция, а сознательный выбор, мотивированный антропологически и даже онтологически. Он напрямую связан с поисками целостности, нового согласия между телом и душой, в рамках которого идеал телесного аскетизма уживается с некоторой формой телесной избыточности.

Платонов и «безучастная» телесность

Герои Платонова живут во времени, заданном революцией как фундаментальным событием – началом новой эпохи, повлекшим за собой насилие с вытекающими отсюда голодом, нищенствованием, миграцией между городом и деревней. Однако само представле-

³ Ср., например: «В повествовании постоянно отмечаются телесные функции человека, причём описания выглядят подчеркнуто натуралистичными. Упоминание о пище переходит в тему человеческих нечистот, отходов, уборных и канализационных труб. Соединение людей часто описывается как совокупление» [Дмитровская, с. 145]. Или: «Яркий пример изображения изнуренного голодом тела находим в рассказе «Родина электричества» (позднее вошедшем в «Технический роман»), в котором дается шокирующее по своему натурализму описание засохшего голого тела старухи» [Пюнтер, с. 128].

ние о революции у Платонова не связано с историческим событием⁴, а развивается в специфическую идею, устанавливающую «революционное время» как вид безвременья, подвешенного времени – времени сохранения революционности и ее достижений ради грядущего коммунизма. Герои терпят телесные лишения в состоянии постоянного осознания исключительности той эпохи, в какую они живут и действуют, и во имя нового идеала телесности, ею порожденного.

У раннего Платонова «революционная» телесность противопоставляется телесности «буржуазной». На смену философии буржуазии приходит философия пролетариата. Обе различно представляют себе духовно-телесное единство: тело (Платонов употребляет слово «пол») – это душа буржуазии, сознание – душа пролетариата. Задача пролетариата – окончательно победить буржуазию, «подавить в своей крови древние горячие голоса страсти, освободить себя и родить в себе новую душу – пламенную победившую мысль» [Платонов, т. 8, с. 12]. Здесь присутствует и мысль об освобождении, неотделимая от революционного сознания, но под избавлением здесь подразумевается некоторый аскетический идеал. Если буржуазное тело живет половым влечением, не стараясь его преодолеть, и ничем не ограниченная сексуальность – его удел, то тело пролетариата должно быть всецело подчинено его воле, его сознание стремится освободиться от тела. Таким образом, стратегия насильственного умаления тела должна привести к обнажению души. Точнее, душа или сознание обнаруживают себя только в противопоставлении телу⁵. Чистая мысль предполагает, таким образом, телесное существование, сведенное к минимуму. Это ярко представлено в более поздних произведениях Платонова:

Он [Дванов] с беспокойством присмотрелся к Гопнеру, пожилому и сухожильному человеку, почти целиком съеденному сорокалетней работой. <...> Когда Гопнер раздевался в бане, он, наверное, походил на мальчика, но на самом деле Гопнер был стоек, силен и терпелив, как редкий. Долгая работа жадно съедала и съела *тело Гопнера – осталось то, что и в могиле долго лежит: кость да волос; жизнь его, утрачивая всякие вождения, подсушенная утюгом труда, сжалась в одно сосредоточенное сознание, которое засветило глаза Гопнера позднею страстью голого ума* (здесь и далее курсив в текстах мой. – Ю. П.) [Платонов, т. 3, с. 178].

В данном пассаже тело живет исключительно настоящим. Оно стоически претерпевает все изменения, подвержено риску, может в любой момент погибнуть, исчезнуть, оно живет на грани, готовое

⁴ По выражению Леонида Геллера, у Платонова «революция – не конкретное, замкнутое во времени историческое событие, но состояние мира – его динамика во времени, в природе, в космосе, в истории» [Геллер, с. 8].

⁵ Сходная мысль выражена у М. Дмитривской: «Поиск настоящей души ведется по линии отталкивания от всепроникающей телесности, в которой нет ничего карнавального: она мрачна и отмечена печатью безысходности» [Дмитриевская, с. 145].

отдаться без остатка идее революции. Тело, сведенное на нет, должно непременно обнажить душу, представить ее в своей незащищенности, тем самым открыть «голый ум», бестелесное сознание. Гопнер отрицает хлеб как излишек, несовместимый с революцией:

...будет хлеб и имущество – никакого человека не появится! Какая же тебе свобода, когда у каждого хлеб в пузе киснет, а ты за ним своим сердцем следишь! *Мысль любит легкость и горе...* [Платонов, т. 3, с. 175].

Предельное сведение на нет тела – это смерть. Именно в момент наступающей смерти желание осознавать наиболее остро. Сознание более ничем не отягощено, абсолютно свободно, но всего лишь на миг. Но именно этот миг герои Платонова переживают как вечность:

У Афонина три пули защемились сердцем, но он лежал живым и сознающим. Он видел синий воздух и тонкий поток пуль в нем. За каждой пулей он мог следить отдельно – с *такой остротой и бдительностью он* подразумевал совершающееся. «Ведь я умираю – мои все умерли давно!» – подумал Афонин и *пожелал отрезать себе голову от разрушенного пулями сердца – для дальнейшего сознания* [Там же, т. 2, с. 227].

Все пространство повествования в этом отрывке захвачено нарастающим по своей силе сознанием. Голова нужна Афонину только как орган осознания, а не как часть живого тела. При этом поражает безучастность умирающего тела, оно как бы не чувствует, что умирает. Тела у Платонова не способны переживать собственные страдания ни в момент умирания, ни в связи с голоданием, слабостью или болезнью. Отсюда ощущение жути от тел, похожих на живые «автоматы» [Подорога, с. 279].

Однако умаление тела не всегда приводит к прозрачности и одухотворенности мысли. Если зачастую главные персонажи Платонова способны переносить голод и лишения во имя высокой идеи, то народные массы описываются в основном как абсолютно обездоленные, так как у них не осталось ничего, кроме стремления к выживанию, как в описании народа джан:

Как назывался этот народ, ты не помнишь?
 – Он не назывался, – ответил Чагатаев. – Но сам себе он дал маленькое имя.
 – Какое его имя?
 – Джан. Это означает душу или милую жизнь. У народа ничего не было, кроме души и милой жизни, которую ему дали женщины-матери, потому что они его родили.
 Секретарь нахмурился и сделался опечаленным.
 – Значит, все его имущество – одно сердце в груди, и то когда оно бьется...
 – Одно сердце, – согласился Чагатаев, – *одна только жизнь; за краем тела ничего ему не принадлежит. Но и жизнь была не его, ему она только казалась* [Платонов, т. 4, с. 131].

Душа здесь не равнозначна сознанию, она скорее является синонимом жизни/телесности. Хотя в последней строчке, чтобы указать на самое отчаянное положение этого народа, Чаготаев называет его существование «кажущейся» жизнью – выживанием. Этот постоянно скитающийся, опустившийся народ, пытающийся лишь прокормиться, не вынес бы и малейшего усилия осознания:

Но какое сновидение питало сознание всего этого бредущего народа, если он мог терпеть свою судьбу? Истиной он жить не мог, он бы умер сразу от печали, если бы знал истину про себя. *Однако люди живут от рождения, а не от ума и истины, и пока бьется их сердце*, оно срабатывает и раздробляет их отчаяние и само разрушается, теряя в терпении и работе свое вещество [Там же, т. 4, с. 169].

По сути, перед нами ситуация, противоположная описанной выше, где наступающая смерть пробуждает и обостряет сознание: народ джан выживает из последних сил, и для этого ему необходимо только поддержание элементарных телесных процессов⁶. В его положении сознание несет смерть.

Но проблема не только в теле. Истощение тела и тоска, томление души – бинарная оппозиция, организующая платоновский нарратив. Как тело, так и душа должны пройти через эти состояния, чтобы сделать возможным коммунистическое будущее. Обсуждая тему насыщения и голода у Платонова, Х. Гюнтер подчеркивает на примере повести «Джан», что минимум питания должен обеспечить встречу между телом и душой, ведущей к обретению гармонии [Гюнтер]:

Но тоска их может превратиться в радость, если каждый получит щипаный кусочек птичьего мяса. Это послужит не для сытости, а для соединения с общей жизнью и друг с другом, оно смажет своим салом скрипящие, сохнувшие кости их скелета, оно даст им чувство действительности, и они вспомнят свое существование. Здесь еда служит сразу для питания души и для того, чтобы опустевшие смиренные глаза снова заблестели и увидели рассеянный свет солнца на земле [Платонов, т. 4, с. 188–189].

Нужда, голод индивидуализируют тело, отделяют его от существования в коллективе, необходимого для воплощения коммунистического идеала. Но народ джан может еще оправиться от своего телесного забытья, вернуться к утраченному сознанию. Стоит ему только освободиться от давящей зависимости от собственного тела, обеспечить себе необходимый минимум пропитания, как общность жизни будет восстановлена. Душевная тоска сойдет на нет, как только телесные силы немного окрепнут.

⁶ Борис Гаспаров относит интерес Платонова к такого рода натуралистическому описанию телесности к традиции физиологического очерка XIX в., приводя в параллель творчество Федора Решетникова, см.: [Гаспаров, с. 190–191].

Мы сталкиваемся у Платонова с осмыслением и такой ситуации, при которой телесная жизнь развивается независимо по отношению к душе или сознанию – но в этот раз не по причине голода, а в связи с угрозой неминуемой смерти на фоне Гражданской войны:

Они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость – *жалость потерять свое тело*. Из детства они вышли в войну, не пережив ни любви, ни наслаждения мыслью, ни созерцания того неимоверного мира, где они находились. <...> Поэтому красноармейцы не имели в душе цепей, которые приковывали бы их внимание к своей личности. Поэтому они жили *полной общей жизнью с природой и историей*, – и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъеме всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности [Платонов, т. 2, с. 186].

В отличие от народа джан, красноармейцы причастны к общей жизни, общему телу истории и природы, но только потому, что им не известно ничто другое. Их жизненный опыт сводится к опыту войны и подчинен ходу истории. Их тело не осознает самое себя, оно природно, естественно, это *предсознательное* тело. Оно свободно своей пустотой и поэтому ощущает себя предельно легким даже в момент смерти.

На основании этих примеров можно сформулировать следующие сдвиги телесного по отношению к духовному. В случае Гопнера речь идет об изможденном от голода, практически исчезнувшем теле, преодолевшем самое себя во имя души. Афонин переживает подобное состояние, но не самовольно, а в момент насильственной смерти (момент смерти как преодоления телесности, а не подчинения ей). Народ джан скитается и ищет себе пропитание, живет исключительно телесной жизнью, ощущая постоянный недостаток этой ущербной телесности, не способной жить, но только выживать. Красноармейцы не делают различия между жизнью и смертью, между природой и культурой, между телом и сознанием. Они живут, сливаясь с природой, их душа не несет бремя сознания, а тело – бремя лишений. Однако в первом случае мы встречаем «постсознательные», насильственно индивидуализированные, разобщенные тела, тогда как во втором речь идет о предсознательных общих коллективных телах.

Таким образом, наличие души, сознания совсем не является для Платонова условием существования тела. В его романах можно встретить по крайней мере три разных функции телесности: 1) обнажающей сознание (в том теле, которое мы называем революционным); 2) доминирующей и подавляющей сознание; 3) существующей независимо от сознания. Первая телесность позитивна в своем устремлении: чем больше она затронута, тем явнее проступает сознание. Ее ненормативность, девиантность заключается в подчеркнутой бесчувственности: то, что мы называем телесным страданием, не ощущается как таковое, то есть не есть недостаток телесности, а, совсем наоборот, ее переизбыток (аскетическое тело Гопнера избыточно в своем

мученичестве, а тело Афонина – в своем умирании). В некоторых случаях, правда, Платонов допускает дефицит телесности, как в примере с повестью «Джан» или с красноармейцами из «Сокровенного человека». В момент пароксизма, когда голод до предела истощает человека, доступ к душе, к сознанию оказывается вдруг полностью отрезан. Происходит как бы двойная ампутация – как телесного, так и духовного. Такая телесность, не отсылающая к духовному, существует не в форме избытка, а в форме абсолютного недостатка.

«Головы» Филонова: от материального – к духовному

Искажение телесного образа с целью получения доступа к душе позволяет сблизить литературный проект Платонова с живописной доктриной Филонова, с его аналитическим интуитивным видением. Уже в ранний дореволюционный период такие картины Филонова, как «Мужчина и женщина» (1912–1913) или «Пир королей» (1913), вызывают недоумение критиков. Один из первых обзоров живописных полотен Филонова появляется по случаю «Выставки картин внепартийного Общества художников» в Петербурге в 1913 г. Видимо, как раз по поводу «Пира королей» в нем сказано: «У Филонова – трюк хирургический, ободрана кожа с красно-синих фигур, дан противный рисунок из анатомического атласа» [Б. А., с. 7]. Вероятно, в отношении той же картины известный критик Александр Ростиславов отмечает патологически болезненный характер «как бы политых свежей кровью» полотен Филонова (цит. по: [Филонов. Художник. Исследователь. Учитель, с. 32]). Его декорации к трагедии «Владимир Маяковский» описываются другими критиками примерно в тех же словах: уродливые фигуры, похожие на зародышей, «обезьяньего лица женщины», «дикого вида мужчины», а сама композиция напоминает лубочные изображения «геенны огненной» [Там же, с. 34]. В его живописи, таким образом, усматривают лишь футуристический прием, экспериментирование с формой в духе европейского авангарда и течений неопримитивизма. И в то же время другие комментаторы видят в картине символический смысл – апокалиптическое настроение, сопутствующее образам физического распада и смерти, и приписывают их влиянию немецкого экспрессионизма⁷. Действительно, в ранних

⁷ «В поисках творческого направления, к которому можно было бы отнести Филонова, всякий, кто хотя бы в какой-то мере знает расстановку сил в художественной культуре начала XX века, обращает свой взор к экспрессионизму (хотя кубизм и футуризм тоже достойны в этом плане некоторого внимания). И здесь мы вновь сталкиваемся с уже знакомой ситуацией: близость и отдаленность, сходство и противоположность. Многие тематические общности – город (Филонов и немецкие экспрессионисты), человек и город (Филонов – Мейднер – Гросс), библейские мотивы (Филонов – Нольде), человекоподобные звери (Филонов – Марк), человеческая жестокость (Филонов – Бекман), тяготение к неомифологизму (Филонов – Кокошка), общая обостренность мировосприятия – все эти и, наверное, другие черты свидетельствуют об известной близости, о том, что Филонов и экспрессионисты имеют некую общую историко-культурную почву» [Сарабянов, с. 385].

картинах Филонова в образах смерти уже присутствует идея перерождения, никак не связанная с революционным переломом в мировоззрении. По крайней мере, так можно объяснить тот факт, что сам Филонов задним числом включит эту картину в цикл, придуманный им гораздо позже, уже после революции, под названием «МирОвый расцвет», который принято связывать с его представлением о революции как глобальном мировом явлении.

Конечно, можно согласиться, что тема физического уродства, изображение калек свойственны как реалистической, так и европейской экспрессионистской живописи. Кроме того, уродство буржуазного, безусловно, дань советской пропаганде. Но и филоновские пролетарий, рабочий или крестьянин не отличаются красотой⁸. Достаточно взглянуть на дореволюционные работы «Те, кому нечего терять» (1911–1912), «Коровницы» (1914), «Перерождение человека» (1914–1915), «Ломовые» (1915) или на пореволюционные, такие как «Люди в городе» (ок. 1920), «Кабак» (1924), «На рынке» (1923–1924) и более поздние «Колхозник» (1931) и «Рабочий в кепке» (ок. 1930). Заметим, что эстетизм изображения напрочь изгнан из риторики Филонова. Задача Филонова, как, собственно, и Платонова – не шокировать или эпатировать читателя. Через лишенное кожи, разъятое, расчлененное тело Филонов хочет добиться изображения жизни в ее органической и духовной целостности. То, что кажется физическим уродством, является на самом деле эволюционирующей формой человека, которая еще не знает, чем она станет, и поэтому стремится вобрать в себя весь мир во всех его проявлениях.

В этой связи любопытно замечание М. Матюшина:

Мир стал населен не распыленным человечеством, а великим *общим телом* Бога. Жизнь этого тела пошла по новым законам внутреннего склада. Не для показа стали творить, а велением духа, *для путей нового тела* [Матюшин, с. 232–233].

Картина предельно насыщена и осязаема, из нее как бы изливается материя. Собственно, согласно Матюшину, она сама есть тело, поскольку живет и развивается по законам органической материи. Эта жизнь должна быть «общая» для всех. Новый человек, пролетарий, это совершенный человек, и потому должен быть наделен самими характерными типическими чертами. У Филонова ведется поиск общего тела и человека как типа. С этим связан его интерес к головам, как, собственно говоря, и разработка концепции формул. Здесь его живописная теория снова соприкасается с некоторыми идеями Платонова. Достаточно вспомнить цитату из повести «Джан» о воскресении народа через еду – о возвращении его к «общей» жизни.

⁸ О «необыкновенном уродстве» картин Филонова как основной причине его неприятия на Западе говорит и Джон Боулт, см.: [Bowlт, p. 283].

Амбивалентность в отношении к телесности и даже противоречивость исходных принципов свойственны и Филонову: несомненный аскетизм, вытеснение телесного (художник должен довольствоваться только самым малым, не спать и не есть, а только упорно работать, вырисовывая каждый атом), с одной стороны, и в то же время стремление к целостности, к слиянию с миром через избыточную телесность, бьющую через край физическую, материальную жизненность. Как же сочетаются у Филонова абстрактность образов, их «идейность» (аскетизм в работе – одна из таких идей) и даже большевистская идеологичность (если судить по названиям его картин в постреволюционный период⁹) с натуралистическим способом представления?

Рассмотрим сначала картину 1923 г. под названием «Живая голова». Согласно каталогу «Выставки петроградских художников всех направлений 1919–1923», ее первоначальное название – «Голова в бытии процесса становления». Само выражение уже звучит парадоксально: голова находится одновременно в *бытии* – то есть не изменяется, подчинена определенным законам – и в *процессе* становления, эволюции. Но можно избежать парадокса, предположив, что для Филонова процессуальность, становление и есть само бытие. Иными словами, бытие заключается в становлении. Исследователи отмечают, что речь идет как бы о эволюции в обратном направлении – головы эволюционируют в сторону их «полного разложения: структурного, физиологического, вплоть до достижения первозданного клеточного состояния, своего рода биокультуры для зарождения новых растительных и животных организмов» [Мислер, с. 43]. Нам же кажется, что совсем не обязательно, всматриваясь в пустые глазницы и черепа, задаваться вопросом о направлении эволюции в сторону разложения или последовательного усложнения. Филонов пытается через микроскопический анализ тканей тела, анализируя каждый мускул и каждую клетку, достичь высшего синтеза, построенного не на схематической репрезентации тела, а на его дотошном физическом расчленении. Голова подвергается физическому разложению ради обнажения «вместилища мысли» [Там же]. То, чем, условно говоря, «кишит» голова, это не только микроорганизмы и бактерии, но и мысли. «Живая голова» 1923 г. еще довольно абстрактна по сравнению, к примеру, с «Головой», написанной в 1930-е гг., которая своей реалистичностью производит достаточно неприятное впечатление. Голова сине-красной трупной тональности обнажает кости черепа, в особенности глазницы и носовую впадину, на шее проступают все мышцы и сухожилия, как будто бы в задачи Филонова входило изобразить анатомическое экорше

⁹ Следует заметить, что все анализируемые нами работы принадлежат второму периоду творчества Филонова после революции (1919–1929/30), в то время как у Платонова мы опирались в основном на тексты первого периода. См. о периодизации творчества Филонова: [Махов].

человеческого бюста¹⁰. Таким образом, мы имеем дело с убеждением, которое мы встречаем и у Платонова, что мысль и идея могут быть представлены осязаемо, материально, на каком-то клеточном или даже нейронном уровне.

Несмотря на нарастание абстрактных элементов в живописи Филонова – тенденция, наиболее полно реализованная в цикле «формул», – представление человека у него практически всегда фигуративно. Помимо серии реалистических «красивых» портретов в голландском духе (речь идет в основном о семейных портретах), ориентированных не на типическое, а на индивидуальное, «голова», а также жанровые сцены (человек и виды его деятельности, среда обитания и окружение) преследуют цель изображения типического, то есть сущности, общей идеи изображаемого явления. Для этого необходимо найти новое живописное решение, новую форму, предполагающую сдвиг по отношению к фигуративному реалистическому изображению. По выражению Филонова, художник должен действовать «изобретенной формой» (письмо Вере Шолпо) [Филонов. Художник. Исследователь. Учитель, с. 197]. Собственно говоря, задача художника – изображение не феноменов (вещей и явлений окружающего нас мира так, как их воспринимает «глаз видящий»), а их *понятий*, то есть того, как интеллект их постигает и представляет («глаз знающий»). Уродливость, неприглядность «изобретенной формы» – это, таким образом, результат сдвига, практикуемого художником в отношении реалистического канона видящего глаза. Как утверждает сам Филонов:

Всякий видит под известным углом зрения, с одной стороны и до известной степени, либо спину, либо лицо объекта, всегда часть того, на что смотрит, дальше этого не берет самый зоркий видящий глаз, но знающий глаз исследователя, изобретателя – мастера аналитического искусства – стремится к <абсолютному, наибольшему, полнейшему> исчерпывающему видению, поскольку это возможно для человека; он смотрит своим анализом и мозгом и им видит там, где вообще не берет глаз художника. Так, например, можно, видя только ствол, ветви, листья и цветы, допустим, яблони, в то же время знать или, анализируя, стремиться узнать, как берут и поглощают усики корней соки почвы, как эти соки бегут по клеточкам древесины вверх, как они распределяются в постоянной реакции на свет и тепло, перерабатываются и превращаются в атомистическую структуру ствола и ветвей, в зеленые листья, в белые с красным цветы, в зелено-желто-розовые яблоки и в грубую кору дерева. Именно это должно интересовать мастера <в первую очередь>, а не <видовая, известная, видимая> внешность яблони (цит. по: [Филонов. Художник. Исследователь. Учитель, с. 161]).

¹⁰ Можно даже выделить тему «жуткого» в творчестве Филонова, связанную с презентацией «смертной плоти», а также «расчлененной и/или усеченной телесности». См.: [Злыднева, с. 172].

И в дополнение к этой цитате, акцентирующей биологическое измерение жизни, вот как в одной из рукописей без точной датировки и без названия (написанной не ранее 1923 г.) он формулирует ее интеллектуальное и видовое значение:

Так как творчество, т. е. сделанность, что бы ни изображалось на картине, прежде всего есть отображение через материал и фиксация через материал борьбы за становление высшим интеллектуальным видом человека и борьба за существование этого психологического вида, этому же равна и действующая сила искусства на зрителя, то есть она и делает высшее, и зовет стать высшим (цит. по: [Там же, с. 99–100]).

Представление распада и тления, отталкивающий характер изображения человеческих фигур – побочный продукт высшего устремления: от сложности, комплексности формы, материальной насыщенности – к простоте ее выражения, к единству живописной формулы¹¹.

Собственно, Филонов пытается совершить парадоксальный прыжок из материального в идеальное. Только так можно понять кажущееся невозможным сочетание между чистой установкой на интеллект и использованием натуралистической разлагающейся формы. С одной стороны, Филонов настаивает на чисто интеллектуальном значении своей живописи:

...живопись есть определенный и точный язык, которым действует интеллект и которым он высказывает то, что речь как таковая высказать не в силах, и этот язык действует и в начале, и в конце действия только на интеллект (цит. по: [Там же, с. 98]).

С другой стороны, согласно идее множественности предикатов, живопись должна отражать все стороны жизни человека, не только «явление мышления с его процессами в голове этого человека», но и то, «как бьет кровь в его шею через щитовидную железу», а также его классовую принадлежность, борьбу за социальную справедливость и т. д.:

Основа моего искусства, то есть то, что я преимущественно наблюдаю, изучаю и выявляю в своих работах, это изучение человека, его интеллектуальных, классовых и биодинамических данных, свойств и процессов мышления и жизни, происходящих в нем (цит. по: [Там же, с. 102]).

¹¹ От частного (телесного), изменяющегося, эволюционирующего Филонов движется к общему (духовному), неизменному, к формуле материального содержания. Тело есть объект анализа, всегда приводящего к синтезу. Синтетичность Филонова и является залогом воссоединения тела и души [Йоффе, с. 525–526].

Филонов осмысляет не просто замкнутый человеческий организм или микрокосм, но и вписанность человека в мир, макрокосм. Новый перерожденный человек представлен на картине «Человек в мире» (1925), которая сочетает абстракцию формул (использование кристаллической структуры) и относительную реалистичность голов.

Голова является также отправной точкой картины «Формула империализма», написанной в том же 1925 г. Судя по названию, речь могла идти об изобличающей пропагандистской картине, где голова предстает как некий собирательный образ империалиста. Но такой образ не может интересовать Филонова, его привлекает более обширный феномен – сама *идея* империализма, которую он стремится выразить в так называемой формуле. При этом формула значительнее преходящей и изжившей себя формы человека-империалиста. Иначе говоря, формула империализма подразумевает у Филонова дальнейшую эволюцию и не может не вести к преобразованию в новой форме – например, к форме пролетария.

Если сравнить проект Филонова с художественной стратегией Платонова, то в их творчестве наблюдается диссоциация телесного и душевного, которая объясняется принадлежностью обоих проектов революционному времени. Переходный характер эпохи, радикальность разрыва с общепринятыми нормами представления, но также и вторжение новых правил, новой нормы – нормы насилия открывают поле для литературных и художественных экспериментов. Однако для авторов ценностью обладает не сам по себе разрушительный момент, но следующий за ним конструктивный период, то есть воссоздание нарушенного единства между телом и духом путем изобретения новой формы телесности. Доведение телесности и материальности до своего предела, до разложения, при котором они превращаются в свою противоположность – мысль, осознание – исходный вектор движения обоих авторов.

Список литературы

- Б. А. Выставка картин «Союза молодежи» в Петербурге // Огонек. 1913. № 48. С. 7.
- Гаспаров Б. Платонов и Решетников // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 176–192.
- Геллер Л. Платонов: революция, утопия, насилие // Поэтика Андрея Платонова : Скрытая теплота революции / под ред. Е. Яблокова. М. : Полимедиа, 2017. С. 7–24.
- Гюнтер Х. По обе стороны от утопии : Контексты творчества А. Платонова. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 208 с.
- Дмитровская М. Философский контекст романа А. Платонова «Счастливая Москва» (Платон, Аристотель, О. Шпенглер) // Russian Literature. Vol. 46. 1999. № 2. С. 139–160.
- Иоффе И. Избранное : в 2 ч. М. : Говорящая книга, 2010. 655 с. Ч. 1. Синтетическая история искусств : Введение в историю художественного мышления.
- Злыднева Н. В. Страшное в живописи: случай Павла Филонова : Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М. : Индрик, 2013. 360 с.
- Матюшин М. В. Творчество Павла Филонова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977. Л. : Наука, 1979. С. 232–235.

- Махов Н. М.* Павел Филонов и его натурфилософия. М. : Лендант, 2015. 194 с.
- Мислер Н.* Разлагающийся образ: пять ступеней в творчестве Филонова // Павел Филонов : Очевидец незримого. СПб. : Palace Ed., 2006. С. 33–48.
- Платонов А. А.* Чевенгур // Платонов А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Время, 2011. Т. 3. С. 9–410.
- Платонов А. А.* Джан // Платонов А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Время, 2011. Т. 4. С. 111–234.
- Платонов А. А.* Достоевский // Платонов А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Время, 2011. Т. 8. С. 12–13.
- Платонов А. А.* Сокровенный человек // Платонов А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Время, 2011. Т. 2. С. 161–235.
- Подорога В. А.* Мимесис : Материалы по аналитической антропологии литературы : в 2 т. М. : Культурная революция, 2011. Т. 2. Ч. 1. 605 с.
- Сарабьянов Д. В.* Павел Филонов среди современников и предшественников // Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М. : Искусствознание, 1998. С. 381–388.
- Филонов.* Художник. Исследователь. Учитель : в 2 т. М. : Агей Томеш, 2006. Т. 2. 367 с.
- Хаминова А. А., Зильберман Н. Н.* Теория интермедальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 389. С. 38–45.
- Filonov : Catalogue de l'exposition. Paris : Centre Georges Pompidou, 1990. 241 p.
- Bowl J. E.* Pavel Filonov: His Painting and His Theory // *The Russian Rev.* Vol. 34. 1975. Jul. No. 3. P. 282–292.

References

- B. A. (1913). Vystavka kartin "Soyuza molodezhi" v Peterburge [Exhibition of Paintings of the Union of Youth in St Petersburg]. In *Ogonek*. Vol. 48, p. 7.
- Bowl, J. E. (1975). Pavel Filonov: His Painting and His Theory. In *The Russian Review*. Vol. 34. July. No. 3, pp. 282–292.
- Dmitrovskaya, M. (1999). Filosofskii kontekst romana A. Platonova "Shastlivaya Moskva" (Platon, Aristotel', O. Spengler) [Philosophical Context of A. Platonov's Novel *Happy Moscow* (Plato, Aristotle, O. Spengler)]. In *Russian Literature*. Vol. 46. No. 2, pp. 139–160.
- Filonov. Catalogue de l'exposition.* (1990). Paris, Centre Georges Pompidou. 241 p.
- Filonov. Khudozhnik. Issledovatel'. Uchitel' v 2 t.* [Filonov. Artist. Researcher. Teacher. 2 Vols.]. (2006). Moscow, Agei Tomesh. Vol. 2. 367 p.
- Gasparov, B. (2014). Platonov i Reshetnikov [Platonov and Reshetnikov]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 176–192.
- Günther, H. (2011). *Po obe storony ot utopii. Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia. A. Platonov : Contexts of Creation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.
- Heller, L. (2017). Platonov: revolyutsiya, utopiya, nasilie [Platonov: Revolution, Utopia, Violence]. In Yablokov, E. (Ed.). *Poetika Andreyana Platonova. Skrytaya teplota revolyutsii*. Moscow, Polimedia, pp. 7–24.
- Ioffe, I. (2010). *Izbrannoe v 2 ch. Ch. 1. Sinteticheskaya istoriya iskusstv. Vvedenie v istoriyu khudozhestvennogo myshleniya* [Selected Writings. 2 Parts. Part 1. A Synthetic History of Art]. Moscow, Govoryashchaya kniga. 655 p.
- Khaminova, A. A., Zil'berman, N. N. (2014). Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoi gumanitarnoi nauki [The Theory of Intermediality in the Context of the Contemporary Humanities]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 389, pp. 38–45.
- Makhov, N. (2015). *Pavel Filonov i ego naturfilosofiya* [Pavel Filonov and His Natural Philosophy]. Moscow, Lendant. 194 p.
- Matyushin, M. V. (1979). *Tvorchestvo Pavla Filonova* [Pavel Filonov's Creative Work]. In *Ezhгодnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977* [Annals of the Manuscript Department of Pushkin House for the Year 1977]. Leningrad, Nauka, pp. 232–235.

Misler, N. (2006). Razlagayushchiysya obraz: pyat' stupenei v tvorchestve Filonova [Decaying Image: Five Steps in Filonov's Creative Work]. In *Pavel Filonov. Ochevidets nezrimogo*. St Petersburg, Palace Editions, pp. 33–48.

Platonov, A. A. (2011). Chevengur [Chevengur]. In Platonov, A. A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Vremya. Vol. 3, pp. 9–410.

Platonov, A. A. (2011). Dostoevskii [Dostoyevsky]. In Platonov, A. A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Vremya. Vol. 8, pp. 12–13.

Platonov, A. A. (2011). Dzhan [Jan]. In Platonov, A. A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Vremya. Vol. 4, pp. 111–234.

Platonov, A. A. (2011). Sokrovennyi chelovek [The Secret Person]. In Platonov, A. A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Vremya. Vol. 2, pp. 161–235.

Podoroga, V. A. (2011). *Mimesis. Materialy po analiticheskoi antropologii literatury v 2 t.* [Mimesis. Materials for the Analytical Anthropology of Literature. 2 Vols.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. Vol. 2. Part 1. 605 p.

Sarab'yanov, D. V. (1998). Pavel Filonov sredi sovremennikov i predshestvennikov [Pavel Filonov among his Contemporaries and Predecessors] In Sarab'yanov, D. V. *Russkaya zhivopis'. Probuzhdenie pamyati*. Moscow, Iskusstvoznaniye, pp. 381–388.

Zlydneva, N. V. (2013). *Strashnoe v zhivopisi: sluchai Pavla Filonova. Vizual'nyi narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya* [The Horrible in Painting: The Case of Pavel Filonov. The Visual Narrative: An Essay of Mythopoetical Reading]. Moscow, Indrik. 360 p.

The article was submitted on 12.12.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.372

УДК 821.161.1-3Зальцман+7.036+82-344

**ТЕЛЕСНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АНОМАЛИИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО РАСПАДА
(РОМАН ПАВЛА ЗАЛЬЦМАНА «ЩЕНКИ»)***

Петр Казарновский

Женевский университет,
Женева, Швейцария

**PHYSICAL AND SPATIAL ANOMALIES
AS A REFLECTION OF TOTAL DECAY
(PAVEL SALZMAN'S PUPPIES)**

Petr Kazarnovsky

University of Geneva,
Geneva, Switzerland

This article examines *Puppies*, a novel by Pavel Salzman. It took the writer fifty years to complete and encompasses the lifetime impressions of an artist and poet who was closely related to the avant-garde and had diverse interests in literature and the arts. This allowed the writer to create an unprecedented work about the Civil War, which engulfed a vast area of Russia at the time. The characters include two puppies, probably the most important plot components of the novel, which are forced to wander and undergo numerous ordeals: they become unwitting victims of an owl-man and an “iron boy”. These two characters, either combining various attributes of animal nature or radically altering their physical constitution, turn out to be capable of overcoming the border between life and death. Hence, they serve as “conductors” towards nonexistence for the simple-minded characters that reach for them. This turns Saltzman’s phantasmagorical work into a sinister fresco depicting all living things as doomed to a violent death or starvation. When working on his novel, Saltzman pays attention at multiple levels to various corporal distortions, including motor abilities and properties. In this regard, verbs and their derivatives require close analysis as their presence in the book seems

* Citation: Kazarnovsky, P. (2019). Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman’s *Puppies*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Цитирование: Kazarnovsky P. Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman’s *Puppies*) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372 / Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки») // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

overwhelming, thus emphasising the deformations to which life is subjected. The main message of the novel is the perplexity and terror caused by what is happening: devastation and hunger lead to everyone being eaten by everyone else.

Keywords: Pavel Saltzman; Russian avant-garde; 20th-century Russian literature; Civil War; phantasmagoria; Leningrad artists of the 1930s; Pavel Filonov.

Рассмотрен роман Павла Зальцмана «Щенки». Писавшийся на протяжении 50 лет, он вобрал в себя жизненные впечатления художника, поэта, прозаика, имевшего близкое соприкосновение с представителями авангарда, широкий круг интересов в сфере литературы и искусства. Все это позволило автору создать беспрецедентное произведение о Гражданской войне, разворачивающееся на необычайно широком пространстве тогдашней России. Обреченные на вынужденные странствия, герои, среди которых едва ли не важнейшая сюжетобразующая роль выпадает на двух щенков, становятся ввергнутыми во многие страдания: они становятся невольными жертвами человека-совы и «железного мальчика». Последние персонажи – то объединяющие разные модусы животности, то в корне изменившие телесную природу – оказываются способными преодолевать преграды между жизнью и смертью, отчего служат проводниками в небытие тянувшихся к ним простоватых героев. Это превращает фантазмагорическое произведение Зальцмана в зловещую фреску об обреченности всех уровней живых существ смерти – насильственной, голодной. Прорабатывая текст своего романа на многих уровнях, Зальцман проявляет внимание ко всякого рода искажениям телесности, в том числе двигательных способностей и свойств. Особого анализа в связи с этим требуют глаголы и их производные, присутствие которых в книге кажется подавляющим и ярко подчеркивает деформации, коим подвергается жизнь. Основной пафос романа – недоумение, ужас перед происходящим: разруха и голод приводят к поеданию всех всеми.

Ключевые слова: Павел Зальцман; русский авангард; русская литература XX в.; Гражданская война; фантазмагория; художники Ленинграда 1930-х гг.; Павел Филонов.

Изгнанные из туловищ души зверей
бросились в него [пустое «нет»] и населили
своим законом его степи. Построили
в сердце звериные города.

Велимир Хлебников. Утес из будущего

Создававшийся на протяжении 50 лет (1932–1982) роман Павла Зальцмана «Щенки» вобрал в себя жизненные впечатления художника (ученика П. Н. Филонова, входившего в объединение «Мастера аналитического искусства»), поэта, прозаика, имевшего близкое соприкосновение с представителями авангарда (наряду с названным

Филоновым, также и с Д. Хармсом, Т. Глебовой, В. Стерлиговым) и отразил широкий круг интересов Зальцмана в сфере литературы и искусства. Все это позволило автору создать беспрецедентное произведение о Гражданской войне, разворачивающееся на необычайно широком пространстве тогдашней России – от Запада до Востока, с центром в Ленинграде – «городе на реке».

Фабула романа обусловлена мотивом дороги. Два брата-щенка, разлучившись уже в самом начале повествования, пускаются в путь в поисках полюбившихся им девушек и, попадая в удаленные друг от друга пространства и преодолевая расстояния неожиданным или даже необъяснимым образом, оказываются свидетелями и невольными участниками самых разных событий – убийств, грабежей, кровавых расправ, интриг, неясных замыслов и их осуществлений, творимых людьми и человекоподобными существами.

Разумеется, вряд ли удастся в полной мере охватить произведение во всех его аспектах – стилистических, композиционных, образных, идейных, да это и не входит в задачу статьи. Тем не менее, названных и прочих аспектов книги я коснусь, так как сама ее специфика такова, что вынуждает не брать к рассмотрению аспект за аспектом, а охватывать их сразу, одновременно, почти невзирая на их разнесенность по пространственным и временным координатам. Будучи учеником Павла Филонова, слышавшего отрывки из начатого при нем романа, о чем мастер отозвался в своем дневнике, Зальцман усвоил от мэтра и его учения основу его метода: «деланность» вещи означает возведенность в абсолют как высшую степень напряженности. Как справедливо заметил И. Кукуй, именно в литературе Зальцман оказался более последовательным филоновцем, чем в изобразительном искусстве, где он часто сдержан и строг; исследователь определяет манеру автора «детально проработанной экспрессивностью», «энергетика его литературы гораздо ближе к тому, что сам Филонов понимал под подлинно аналитическим искусством» [Кукуй].

Следует вспомнить некоторые положения филоновского учения – они будут задействованы в анализе романа Зальцмана. Едва ли не важнейшей представляется установка на развитие формы картины: художник утверждает необходимость создания вещи как выявления ее «связи с творящейся в ней эволюцией, т. е. ежесекундным претворением в новое, функциями и становлением этого процесса» [Филонов, с. 80]; все – существо, предмет, понятие – по мысли художника, «пребывает в процессе эволюции как в вечно активной силе, несомненно пронизывающей насквозь и выходящей через все его видимые и предполагаемые частицы, окружающие его» [Там же, с. 81]. Нам важно, что смерть выступает у Филонова созидательной силой, и такие явления, как выветривание камня, гниение и любая форма разрушения, отрицаются самой идеей эволюции; помимо танатоборческой установки авангардиста, здесь ярко выразилось пристальное внимание к непрерывной изменчивости, текучести.

П. Зальцман. Автопортрет. 1929

P. Saltzman. Self-portrait. 1929

Филонов противопоставляет канону как неорганическому сочетанию объектов законченность, прежде, чем ее достичь, объект должен пройти через многочисленные метаморфозы – как внешние, корежащие видимые черты, так и внутренние, ведущие к изменению всей природы существа. Если Филонов ставил перед собой задачу осознать логику развития объекта, его эмбриологию [Сергеев, с. 110], то Зальцман, кажется, уже имеет дело с завершенным процессом, когда возобладали силы необратимой деградации, но хитрая природа приспособления толкает отдельные особи на мутации, аномалии, отражающиеся почти исключительно в телесном...

Вряд ли мы можем наблюдать морфогенез романа Зальцмана так же, как можем делать это с картиной Филонова. К живописному письму Филонова морфологически близко вербальное письмо Зальцмана, балансирующее на грани разноуровневых сдвигов, зауми, иррационального, абсурда, – отчасти чтобы избежать прямой повествовательности, – и потому пользующееся частыми отступлениями. Взгляд автора норовит не столько отвлечься от объекта, сколько проникнуть под внешние покровы и ткани: кривящееся, корчащееся тело словно чреват порождением из себя другого – вплоть до изменения видового образа.

Общим местом стало констатирование сосуществования на картинах Филонова антропоморфных животных и звероподобных людей. Нечто подобное есть и в романе «Щенки». Вот очень яркий эпизод из второй части книги. Пир, устроенный совой, – на него, кстати, приглашен один из щенков, желающий вступить в банду под предводительством птицы, – полон невиданных яств (голод и сопровождающая его еда – постоянный мотив Зальцмана) и собирает странных гостей; их в темноте неясно различает щенок, и вот какая фантазматическая картина разворачивается:

Гости проходят мимо, выделяясь на меркнущих окнах. Их опережают низкорослые слуги. На столе вырастают темные кучи еды. <...> Половину съедает один из гостей. Щенок кончает остальное. Свернутые свиные шкурки мелких кусков гость оставляет на скатерти. Другие едят, отделив ножами, шлёрбая губами, свежую зернистую икру. <...> ...ловят длинными пальцами. <...> По столу прыгают крохотные корнишоны, пушенные

ударом двух пальцев. Их ловят ртами на лету. На зубах хрустят салатные листья, сметана с укусом каплет на скатерть. Листки красной капусты прочищают глотку, мелко нарезанные зеленые куски оболочки фаршированного перца ее сжигают. Доедают обрывки красной семги или срывают толстую кожу с балыка. Одни сосут кусочки жира твердой охотничьей колбасы, другие на корки хлеба накладывают кружки кровяной. <...> Языки слизывают подливку с бахромы шампиньонов или высасывают, чмокая, красные клешни раков, рты втягивают их со свистом. Гости раскрывают створки пахучих мидий, роняя на скатерть рис; закрыв глаза, глотают желтые комочки и с бульканьем запивают, откинувшись на высоких стульях. <...> Сова поднимает рюмку, стуча и звеня ею по клюву. Она кричит в темноте. <...> Гости кончают еду с сильным шумом. Некоторые ложатся, растянув лапы, положив морды на блюда, не имея сил поднять голову, другие вытягиваются животами по столу за остатками мяса, роняют кости телячьих отбивных на пол; слуги под столом грызутся из-за них. Соприкасаясь шкурами, подбирают со скатерти куски, покусывая друг друга в губы и в нос, иногда ворча и хрипло дыша от натуги [Зальцман, 2012, с. 61–65]¹.

Пугающий гротеск! Но кто участвует в этом непотребном пиршестве, которое происходит в доме совы, расположенном где-то между сопками? Звери? Но они и говорят, и худо-бедно умеют пользоваться столовыми приборами... Тогда откуда у них шерсть, лапы, морды, хвосты, и почему они, наконец, пожаловали к сове? Невозможно не вспомнить филоновский «Пир королей», написанный за 20 лет до начала работы над романом. Кажется, Зальцман создает своего рода литературную транскрипцию живописного шедевра своего учителя, будто с поправкой в периодизации его живописной манеры на тотальное молекулярное расслоение всей фигуративности (как на картине 1923 г. «Без названия»): сумрак, царящий в помещении, мешает щенку ясно увидеть присутствующих; только отдельные, выхваченные из общего хаоса жесты, порожденные атавистическими органами, свидетельствуют о собрании монстров, утративших видовую идентификацию, став сразу всеми; из их разговоров смутно представляется, что они выпали из обычного течения времени, и многие упомянутые ими события разворачиваются в книге много позже.

¹ Далее цитаты из романа П. Зальцмана будут приводиться в тексте статьи по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках. Поразительно сходство приведенного фрагмента со стихотворением В. Хлебникова «Три обеда» (1921, впервые опубликовано в 1931), первоначальным и значительно более развернутым вариантом позднейшего «Алые горы алого мяса...»: наряду с яркой, сочащейся, смачной, почти эротической образностью в представлении яств, в стихотворении фигурирует щенок как участник незаконного пиршества. Стихотворение было написано в страшный голод и соседствует с другими, посвященными этой же теме: «С полосатой морщинистой кожей / Толстый щенок / С большими ушами / Стал на стул / И зарычал от гнева и презренья, / Когда ему дали / Черного хлеба».

Очевидна общность стилистики романа Зальцмана с филоновским аналитическим методом: все совершающееся в романе нельзя воспринимать во времени его развертывания; каждый эпизод, помимо того что он увиден вплотную, без дистанции, совершается одновременно, синхронно со всеми другими, так что все действие может и даже должно напоминать хаос – так Зальцман представил антропологический сдвиг, происходивший на его глазах в 1910–1930-е гг.

Активное перемещение наблюдается и на микроуровне – когда организм оказывается подвержен воздействию сил, способных его перекраивать. Вот процесс, происходящий в маленьком совенке, подобранном героями:

Когти расслабляются, разъединенные кости, смещенные связки, хрупкие прослойки жира, раздавленные или смятые, – все притягивает горячую кровь; отработка, не находящая выхода, медленно уносимые частицы скапливаются и оволакивают воспаленное место. Мясо вокруг пронизано ими. Все вспухло. Под взъерошенными перьями, под черными сгустками набито желтых отеков – песок мешает двинуть широко раскрытым крылом (с. 27).

Покоренное тело ищет нового способа жизни, приспособливается к новым условиям измененной физиологии, то есть изнутри. Вот описание процессов в теле избитого, находящегося в бреду щенка:

Кости, разъятые, сбиты вниз из ямок круглыми выступами с растянутыми связками, окружены подушками. В пустотах ужасная жидкость. Пространства между сдвинутыми частями заполнены разросшейся желтой тканью. Два острых конца расщеплены, и костные лучики вонзились далеко в расступившуюся, лишенную красной крови полосу мяса, насквозь пронизанного белыми подтеками. «Не сдвигать все это, никак не сдвигать». Только он двинулся – все сместилось, сухожилия вывернулись, натянулись на круглые выступы костей. Кровь проступила в щели до кожи, в разрывы кожи, шкура содрогнулась изнутри, и он кричит от боли (с. 117).

Прорабатывая текст своего романа на многих уровнях, Зальцман проявляет внимание ко всякого рода искажениям телесности, в том числе двигательных способностей и свойств. Особого анализа в связи с этим требуют глаголы и их производные, присутствие которых в книге ярко подчеркивает деформации, коим подвергается жизнь.

Обреченные на вынужденные странствия, герои, среди которых важнейшая сюжетобразующая роль выпадает на двух щенков, становятся ввергнутыми во многие страдания: они становятся невольными жертвами человека-совы и «железного мальчика». Последние персонажи – то объединяющие разные модусы животности, то в корне изменившие телесную природу – оказываются способными преодолевать преграды между жизнью и смертью, отчего служат

проводниками в небытие тянущихся к ним простоватых героев. Это превращает фантазмагорическое произведение Зальцмана в зловещую фреску об обреченности всех уровней живых существ смерти – насильственной, голодной.

«Собачья» сюжетная линия (точнее, завязка для этой линии) вполне могла быть подсказана Зальцману его любимым Гофманом, в известной книге которого «Фантазии в манере Калло» есть новелла «Известия о последних судьбах собаки Берганцы», построенная на продолжительном диалоге автора и названного пса (Зальцман тоже прибегает к форме диалога в своем романе). Объясняя свою возможность мыслить и членораздельно говорить, собака не только сообщает, что она жертва волшебницы Камачи, превратившей бедного юношу в животное посредством магии, «силою которой одна вещь начинает походить на другую». История гофмановской собаки берет начало в «назидательной новелле» Сервантеса «Обманная свадьба»; преодолев немалое расстояние и сто с лишним лет, главный герой оказывается в немецком произведении. Такая подвижность и «бессмертность», неподвластность времени характерны и для заглавных героев «Щенков». Невидимое присутствие колдуньи Камачи Монтильской из названного произведения Сервантеса можно предполагать и в «Щенках», так как, помимо прочего, она умела доставлять людей из отдаленных стран: перемещение героев из одной точки в другую становится у Зальцмана сюжетообразующим фактором. Кроме того, пес у Гофмана рассказывает о несостоявшемся обратном обряде превращения, устроенном ему во время его странствий, когда семь старух-ведьм приняли его за некоего Монтиеля (в русском переводе новеллы Сервантеса – Монтель) и, желая придать ему иной образ, намазали его волшебным снадобьем. Эта сцена, сопровождаемая различного рода наблюдениями и сентенциями, составляет небольшую, но весьма колоритную часть новеллы: весь обряд проходит под визгливое пение старух, тогда как черный кот – видимо, заправила на этом маленьком шабаше – извивается, чихает, фыркает, вызывая желание Берганцы его растерзать, а огромных размеров жаба помешивает варево в кипящем котле и в итоге в него бросается, произведя всплеском жидкости

...тысячу отвратительных образов, которые, беспрестанно изменяясь и пугая воображение, то высказывали, то опять исчезали. Здесь появлялись странные, отвратительные животные с лицами, напоминавшими человеческие; появлялись и люди в ужасно искаженном образе, как бы в борьбе с животным видом; они разбегались, и сбегались, и боролись между собою, пожирая друг друга [Гофман, с. 72] (курсив мой. – П. К.).

В выделенной части цитаты можно усмотреть «подсказку» той модели, которая разворачивается на страницах романа – с той разницей, что у Зальцмана нет такой явно романтической фантастики в духе Средневековья; зато здесь присутствуют пугающие образы полудеяй-полузверей (как в сцене обеда у совы, читая которую, кстати,

неминуемо вспоминаешь, конечно, «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина») и говорится о борьбе двух начал – человеческого и животного, о взаимном пожирании. Примечательно, что в этой сцене новеллы Гофмана появляется и сова – на ней прилетает еще одна старуха, видимо, старшая из ведьм, мать Монтиеля; семь же старух, встречая ее, поют песнь с призывным рефреном: «Совья мать! Совья мать!» [Гофман, с. 73]. Намазанный упомянутым снадобьем, пес испытывал странное раздвоение, которое описывает следующими словами:

Я чувствовал себя так, словно мне надо было выйти из собственного тела, когда я ясно видел себя как другого лежавшего Берганца, и этот другой был я же сам, а тот Берганца, который видел другого под руками ведьм, был тоже я сам... [Там же, с. 74].

Помимо того, что подобное раздвоение, в чем-то схожую утрату самоидентификации испытывают некоторые герои «Щенков», само удвоение героев-собак у Зальцмана можно возвести (как бы метафизически) к этим ощущениям мудрого пса из новеллы немецкого романтика. Кроме того, мать Монтьеля у Сервантеса, по словам принявшей роды Камачи, рождает двух собачонок; перед смертью колдунья признается роженице, что это она заколдовала ее детей, но к ним

...вернется их истинный облик, когда они меньше всего будут этого ожидать, но это может случиться никак не раньше наступления следующих обстоятельств:

Вернется к ним их настоящий облик,
 Когда они увидят гордецов,
 С высот своих свергаемых поспешно,
 И горемык, из праха вознесенных
 Рукою, властной это совершить [Сервантес, с. 66].

По сути, это предсказание содержит известную формулу «кто был ничем, тот станет всем» и обратное ей значение. Возможно, и зальцмановские щенки продолжают свое странствие в бессознательном поиске вочеловечения, которое должно бы их застать в пореволюционной обстановке, но этого не происходит. В «Дневниках» Зальцмана упоминаются «Назидательные новеллы» как одна из любимых книг писателя, а Сервантес наряду со Свифтом – как вызывающий «вечно сильное почтение», «участие», «полную и единственную покорность и внимание, которое... внушал только Филонов» [Зальцман, 2017, с. 148, 302]. Итак, можно предположить, что, воспользовавшись сюжетом Сервантеса – Гофмана, Зальцман переносит их собак из Испании – Германии XVII–XIX вв. в советскую Россию 1910–1930-х, чтобы показать, что положение в мире людей от первых десятилетий XVII в. в Испании через 10-е гг. XIX в. до времени действия «Щенков» суще-

П. Зальцман. Новый порядок. 1968

P. Saltzman. New Order. 1968

ственно не изменилось. Потому и ждать избавления собак от их природы и возвращения в мир человеческий не приходится. Пожалуй, это одно из объяснений принципиальной невозможности закончить роман или, по крайней мере, завершить линию щенков.

Вынесенное в заглавие романа нейтральное слово «щенки» все больше означает не только и даже не столько детенышей собаки, сколько человеческих существ, в том числе детей: нейтральность слова все больше приобретает негативную окраску. Так же постепенно в персонажах-животных проявляется человеческое, а в персонажах-людях животные начала подавляют человеческие, как те же метаморфозы происходят на полотнах Филонова. Примечательно, что в последних главах в репликах городских хулиганов упоминаются «недопески» – судя по всему, малолетние проститутки (в другом месте они называются «шевелюшки»).

Заглавные герои, щенки, остаются в своей шкуре, однако способны испытывать вполне человеческие чувства, понимать речь, даже вступать в диалог; так, в начале «городских частей» второй щенок упраскивает очередь, чтоб его пропустили на пароход ехать к Лидочке. Но толпа, состоящая из возвращающихся с рынка баб с мешками, воспринимает говорящую собаку как совершенно естественную ситуацию. Еще до того сова соблазняет первого щенка сытой жизнью, тот входит в банду и, участвуя в нападении на зайца и его убийстве,

сам становится жертвой людей, бьющих его граблями; с переломанными костями (прежде приводилась эта цитата) щенок плывет по реке, то впадая в забытие, то оживая.

Превратности тела в романе поддерживаются мотивом зрения; телесность требует того, чтобы быть увиденной. Только аномалия не склонна выказывать себя: таков железный мальчик. Он представитель не полностью изменившейся природы, он неуязвим для обычных опасностей, так как, сохраняя строение и организм, невидимо обшит железом. Его новое бытие определяется покровом, новой кожей – модифицированной, возможно, и оттого, сколько ему выпало претерпеть: голод, издевательства, в том числе над родными, а затем, видимо, их гибель. Во всех эпизодах его присутствии сопровождается характерными звуками: «ржавым писком», «железным звоном» – при попадании пули, при соприкосновении с металлическими предметами; он мучим ржавчиной (из-под сползшей рубашки виден ржавый подтек) и принимает от странного незнакомого старика напильник, которым счищает ее (с. 14, 17, 144, 161); уже в городе, будучи беспризорником, попрошайкой и вором, он хранит каждую промасленную бумажку, чтобы хоть как-то бороться с постоянной сыростью. Там он показывает ловкий фокус:

...медленно поднимает вилку над столом, показывает ее и, как будто раздумывая, долго держит в занесенном виде. Потом с большой быстротой он сует под нее левую руку и одновременно ударяет вниз вилкой. Раздаются сильный звон и скрежетанье, как будто вилка попала по железу. Одновременно с этим беспризорник выхватывает руку и опять вздергивает вилку. Затем с прежней медленностью он протягивает вилку к свету. <...> ...все ее зубцы сильно погнулись. Тогда беспризорник подвигает к тому месту стола, где он ударял, коптилку. Но на мягких досках стола нет ни малейшего следа (с. 256).

В одно из последних своих появлений в романе, пробравшись в богатый дом своего приятеля ради грабежа, он натывается на человека-сову Балабана, пришедшего насиловать хозяйку, и, не увиденный из-за яркого света, а только услышанный им, он вызывает его шутку: «Извините, извините – почему вы так звените?» Не исключено, что, помимо гротескной реализации эпитета «железный», поддержанного популярными строками из «Баллады о гвоздях» Н. Тихонова 1922 г. («Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей»), Зальцман воспользовался легендой о железном человеке, изобретенном Альбертом Великим². Железный мальчик как порождение страшного пореволюционного времени своим присутствием способен отклонить стрелку компаса, указывающую нужный, верный маршрут, – привести к девиации (одно из первых значений этого

² Сказка братьев Grimm «Железный Генрих», повесть Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек».

слова – «отклонение магнитной стрелки компаса от линии магнитного меридиана вследствие влияния близко расположенных намагниченных тел» [Современный словарь иностранных слов, с. 181]).

Кажется, тенденция к аномалиям затронула не только живых, но и мертвых персонажей романа. Во второй части неожиданно появляется медведь (в мифологии его образ символизирует воскресение, обряд инициации; здесь он и вовсе кажется таким вышедшим из-за гроба шатуном); увиденный щенком при выходе из воды, он предстает одиноким книжечем, изучающим тайные письма при свете гнилушек и потерявшим всякий интерес к проносающейся мимо дичи. Из его тягучего монолога смутно становится понятно, что он мертв («Далеко, в реке, я был один. И увидел, как меня убили» (с. 107); «Меня подменило время. Неудачника смерть уничтожает, вырастает из мяса совладелец опытной мысли. <...> Мне остаются мысли» (с. 74). Это не мешает ему пробраться в богатый дом, где он становится свидетелем странной сцены, за которой он безучастно следит из темноты, а потом оказывается невольным виновником пожара; цель его визита в человеческое жилье – украсть свечей для чтения книг, которые приносит ему река, но его появление здесь приводит к эскалации смертей – дяди и Тани. Медведю, как и прочим животным, открыто далекое зрение, он способен видеть, что произойдет за поворотом реки.

Утрата зрения – важнейший мотив романа. Многие сцены происходят в темноте, что оказывается на руку сове, а потом Балабану, тогда как других заставляет двигаться на ощупь. Слепоту усугубляет страх, в одном из эпизодов названный «незрячим» и сопряженный с отчуждаемой от субъекта тактильностью («неведомые руки») (с. 141). И присутствие среди персонажей слепого старика является знаковым (правда, ему же дано понимать разговоры животных). Все происходит в ситуации тотальной слепоты, и каждое движение порождено слепым незнанием логики собственной вписанности в общую картину, оттого сюжет блуждания ощущается так остро: тут и блуждания в самом себе, когда запутавшийся герой самоотчуждается, раздваивается, уходит от себя.

Другим модусом зрения отмечен еще один персонаж – перевозчик, который нигде в романе фактически не осуществляет переправы в буквальном смысле. Скорее он выступает проводником инфернальных энергий: ни в ком из персонажей нет такой болезненной тяги к узурпации, такой враждебной зависти к любому обладателю. Он, как многие, охвачен голодом-похотью, но его коварные действия из тени, его манипулирование заставляют подозревать в нем если не *самого*³ сову, то *его* тайного агента. Замыслив завладеть имуществом своего хозяина Балабана посредством пожара на хуторе и столкновения солдат с голодран-

³ Вопреки законам грамматики, я вынужден употреблять, когда речь идет о персонаже Зальцмана сове-человеке, мужской род, что влечет неминуемое недоумение читающего. Делаю так, следуя логике авторского стиля, и ради облегчения чтения выделяю все такие ненормативные употребления курсивом.

цами, грабящими в округе подводы с товаром, перевозчик, с вожделем наблюдая за купанием молодой невестки хозяина Дону, думает:

Добуду чистое тело. Обращу к себе, запятнаю своим клеймом.

Новорожденная душа, где ты?

Я удержусь на земле долго, проживу, разбив лицо, разойдись, впиваясь в души, мне тесно, тесно в этом теле. <...> Все – мне, чтоб разлиться по всем, сохранить себя от смерти и тиснуть пальцы на все.

Так стану же я растревлять каждодневно голодную собаку злобой. Увеличатся кости в сотни, голод вырастит расстояния... Я проникну наильно в мысли и стану всюду. <...>

Тогда я не умру, не оставлю земли за собой, овладев, наложу свою руку и останусь хранить. Скорей, скорей вырву из ненавистных рук. Ее увели от меня в чужое лицо, в бессознательное счастье. <...> Освободить от чужой власти, чтоб предать моей (с. 128).

Этот внутренний монолог перевозчика, как представляется, едва ли не идейный центр романа или один из таких центров: зависть ведет к мстительности, непомерному желанию обладать, стать всем, вплоть до бессмертия. Этот взвинченный, неправильный синтаксис приводит к полисемии, а на уровне образности демонстрирует ненасытность произносящего эти слова⁴.

Сова на глазах читателей претерпевает ряд естественных и фантастических метаморфоз (сперва соенок, подвергшийся опасности стать чучелом, а затем – подчеркнуто двойственная природа: как птица – главарь банды, умеющий собрать вокруг себя каких-то изгнанников из животного царства; как человек – одиночка, проникающий в тайные замыслы случайных встречных и подчиняющий их своим целям). В любом обличье – птичьем ли, человеческом ли – *он* плохо видит при дневном свете, при электрическом освещении. Будучи совой, *он* похищает у людей, среди которых и железный мальчик, курицу; затем после аварии на железной дороге уносит чемодан; пытается унести полуживого зайца, израненного *им* и первым щенком; наконец,

⁴ Скорее всего, мы здесь, как и во многих других местах романа, имеем дело с амфиболией и анаколуфом – намеренно допущенными неясностью, даже двусмысленностью высказывания и несогласованностью его членов, предпринимаемыми автором для предельного расширения смысла фразы. У Зальцмана эти фигуры подчеркивают психологическую основу ситуации (по словарю Квятковского); вообще следует заметить, что стиль романа изобилует солецизмами. М. Л. Гаспаров, рассматривая произведение Б. Лившица «Люди в пейзаже» как словесную имитацию живописных кубистических сдвигов, указывает на поэтику анаколуфа (сам поэт видел в своем эксперименте вытеснение «живописным ритмом последних намеков на голосоведение»). Некоторые наблюдения ученого применимы и к роману «Щенки»; так, например, присутствие зауми в романе на уровне слова и словосочетания способствует «узнаванию», «запоминанию», соответственно, отдельных слов и композиционного целого. Сейчас более детально рассмотрение общей установки на зримость восприятия двух таких разных произведений, как «Люди в пейзаже» и «Щенки», слишком уело бы нас от темы, хотя оно и может оказаться весьма продуктивным, тем более что говорит об изменении способа смотрения.

как мы помним, собирает гостей на страшный пир. Принимая человеческое обличье, вернее, внедряясь в тела подвернувшихся людей, замышляет разные злодейства – бандитский налет на хутор Балана⁵, насилие. Летая по ночам, человек-сова, движимый сладострастным желанием вырастить себе на потребу объект похоти, «по ночам таскает девушек», удовлетворяя «страсть к бесконечной жизни» (с. 180). Сова имеет странное пристрастие к рыбе и вспоминает разные рыбные блюда, местечко Рыбница, Шукин рынок⁶, вообще тяготеет к ландшафтам, где есть реки. Такая «ихтиофилия» заставляет подозревать зловещий символический намек на Христа (вспомним кстати, что и в «Пире королей» на столе стоит блюдо с рыбой, истыканной ножом). И уж не от любви ли к девушкам вочеловечивается сова? Именно Лидочке почти в начале повествования *он* является в человеческом облике (с. 55): может, сова выступает оборотнем божественного лебедя в ситуации соития с Ледой (имя «Лида» созвучно с «Леда», а сова противоположен лебедю, как ночь – дню)?

Показательно, что, когда в упомянутой встрече с железным мальчиком сова появляется в личине старика буряты (с. 37) и дарит странно звучащему существу напильник, *он* допускает неосторожность:

...Они подошли к разбитым мосткам через овраг, и старик, не заметивши его, ступил в пустоту. Но ему удалось повернуться в воздухе, и он вернулся на берег (с. 162).

Даже в человеческом обличье сова продолжает вести себя как птица. Поразительна сцена, в которой Балабан насилует хозяйку дома, куда он проник, запугав несмышленного и запутавшегося сына этой женщины:

Прежде всего он [Аркашка] видит что-то большое и темное вверху и тут же две растопыренные бело-розовые свисающие ноги. <...> Туловище Анны Михайловны прикрыто нависшей над нею и насевшей ей на спину и в то же время поддерживающей ее сверху и снизу фигурой, но тут Аркашка просто не может ни выговорить, ни понять. По сути дела,

⁵ Олег Юрьев высказал осторожное предположение, что «Балабан» – производное от «Балан», как сам сова – переселенец в плоть «рыбницкого богача» [Юрьев]. К этому справедливому замечанию следует добавить, что, по В. Далю, «балабан» – вид большого сокола, применяемого для травли зайцев (выбор героем такого имени говорит о его невероятных амбициях); «балабанить» – промышлять воровством; «балабандá» – праздничный, шатун, шлендра (это может быть применено к медведю); «балабанить» (*суц.*) – допотопная окаменелость, а также животное из разряда слизней (наряду с социальным аспектом, здесь можно установить аналогию с интерпретацией картин П. Филонова, существующей с давних пор, согласно которой многие его произведения в своем воссоздании роста отчетливо напоминают кристаллические структуры).

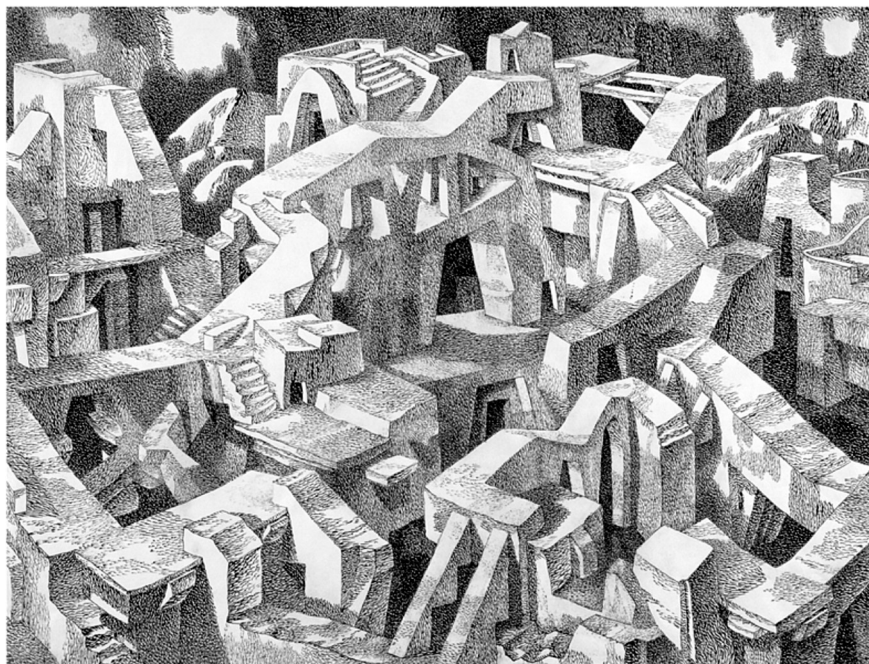
⁶ Оба топонима выбраны исключительно по реально биографическим соображениям автора: Рыбница – место, где прошло детство П. Зальцмана с 1920 по 1925 г.; Шукин рынок, ныне не существующий, располагался в Санкт-Петербурге – Ленинграде у Апраксина двора.

это и понятно – Аркашке только двенадцать лет, ему кажется, что господин Балабан черт его знает зачем залез на спинку дивана... <...> «Но ведь это чепуха, вздор, – не так легко соображаются подобные вещи. – На самом деле этот штымп – это какая-то птица, а не человек. Это сова». Тем более что она по временам подрагивает и вскидывается крыльями, ударяя ими в потолок, причем от этих бессистемных ударов осыпается штукатурка и летят мелкие полосатые перышки. Руками Анна Михайловна хватается за что попало сзади, то есть за этого, за него, боясь, видимо, упасть с непривычки (с. 281–283).

Во сне господина Балабана – а весь роман соткан из переплетенной ужасающей реальности и угадывающих, предвосхищающих эту реальность снов, в чем-то схожих с молитвами, которых также немало, – итак, во сне господина Балабана представлен глубоко символический образ всего того, что до сих пор происходило в произведении: двигаясь по нагромождению пересекающихся и не пересекающихся плоскостей в полной темноте, группы людей оказываются влекомы даже не собственной волей и не побуждениями своих коллективов, а логикой пространства и темноты, и в итоге вовлекаются, втискиваются в какие-то новые объемы, так что смыкаются все друг за другом в какую-то трубу, как выясняется – сужающуюся конусообразно куда-то книзу, что приводит к страшной пирамиде, вершина которой направлена вниз и которая состоит из множества человеческих (?) существ, сверху давящих тех, кто внизу; в итоге эта пирамида, стенки которой прозрачны, представляет собой слабо шевелящееся целое, обреченное смять самое себя – до полной потери обликов и очертаний, но одному из тех, кто в самом низу, приходится в голову выстрелить из автомата, – они все вооружены автоматами, – и тогда все это нагромождение рушится, и все они летят вперед и вниз по образовавшейся дыре, бреши в стеклянной стене... На этом сон прерывается внешним шумом. Сновидец, господин Балабан, человек-сова, оборотень, просыпается и, несмотря на пристальный интерес в момент столкновения с получаемым ответом на подлинный смысл всего с ним и со всеми происходящего, выталкивается в действительность, которая заставляет забыть этот сон.

А в нем дан «словесный портрет» пространственных нагромождений с доминантой в виде стеклянной трубы, подобной тому страшному существу, испражняющемуся человеческими телами, – его мы помним по правой части триптиха И. Босха «Сады земных наслаждений»: там явно демонической природы чудовище пожирает и через задний проход исторгает на землю (и глубже) безвольных людей.

Основное действие в романе – насилие, осуществляемое во всех сферах животного мира. Здесь Зальцманом представлена ужасающая картина происходящего в стране, также напоминающая видения Бос-

П. Зальцман. Иное (Чужой город). 1970

P. Saltzman. The Different (Alien City). 1970

ха: все нравственные нормы искажены, извращены, перевернуты, как в дьявольском зеркале.

На смену традиционному противостоянию здесь поставлен другой сюжет – физиологический процесс, в который втянуто большое количество участников ради возможного порождения нового существа, отмеченного сигнатурами (то есть знаками постороннего вмешательства в его заверченный вид). Не исключена страшноватая пародийность такого подхода автора, но нам сейчас важнее, что это хищнически-симбиотическая операция, приводящая к возникновению гибрида, аномалии. Как тут не вспомнить высказывание М. Матюшина из его ранней работы о Филонове: «...зверю, наверно, человек кажется совсем не таким, как нам. Зверь, нарисовавший человека, очень бы удивил нас. <...> ...Зверь стоит на грани нового понимания мира» [Матюшин, с. 232].

В романе представлено несколько картин мира: он увиден глазами зайца, верблюдов, медведя, наконец, совы. Их способность участвовать в непрямом диалоге с окружающим и происходящим, видеть сны, молиться – свидетельства не столько их антропоморфности, сколько подвижности всей органической природы у Зальцмана: зыбкая, неустойчивая, неуравновешенная и изменчивая, природа торжествует в своем неморальном творчестве, делая человека

смешным и жалким в его притязаниях на первенство в иерархиях⁷. Сова, при перевоплощении в человека не утратившая способность к левитации, возвышается над обычными людьми и оказывается могущественнее их. Тематически роман фиксирует различные модусы обладания в ситуации тотальной релятивности – от платонического (щенки) до хищнического (перевозчик) и пермутативного, инверсионного (сова). И степени вочеловечения в полярных модусах (первом и третьем из названных) противоположны: щенкам достаточно своей шкуры, сове же нужны другие, новые оболочки.

Уместно рассматривать концепт «девиация» как «бездорожье», «отклонение от маршрута»: «путь, дорога» по-латыни – *via*, *devia* означает «одинок»; *deviat* – «отклоняться». Все три семы очевидно присутствуют в романе. Первая лежит на поверхности: путь, проделываемый героями, представляет собой блуждания впотьмах, вслепую – иногда в буквальном смысле. Вторая – одиночество, которое так и не удается избыть никому из ищущих: ни щенки, ни другие искатели не находят девушек, находящихся поблизости, что на эмоциональном и экзистенциальном уровнях усугубляет ощущение оставленности; кроме того, желая преодолеть одиночество, некоторые персонажи идут по пути самоидентификации, приводящему их к самоуничтожению. Третья сема, глубинная и самая интересная, связана с отклонениями от прямого пути, от нормы. Все три смысла тесно переплетены и образуют внутреннюю иерархию, довольно сложную, может быть, намеренно неясную, нечеткую и вместе с тем не отменяющую однородного континуума мира. Сочетание неясности, непроявленности с непрерывностью – одна из художественных доминант романа.

В этой разноприродной, гетерогенной толчее само время запуталось, свихнулось, разлетевшись в калейдоскопе обрывков, шумов. Если у О. Мандельштама зафиксирован факт распада, перелома «позвонков двух столетий», то Зальцман говорит о раздроблении времени на почти никак не связанные друг с другом фрагменты: любой временной интервал может развернуться в не обязательно предписанный ему линейным ходом момент. Атомарность, ячеистость, когда

⁷ В этом отношении Зальцман продолжает традицию карнавализации, как ее понимал М. М. Бахтин при прочтении Ф. М. Достоевского. Находясь в непрерывном движении – не столько внешнем, сколько внутреннем или «эволюционном», почти все герои «Щенков» подхвачены осознанной или не осознанной ими силой, которая влечет их к каким-то превращениям (следует, пожалуй, оговориться: всякое сознательное стремление героев-людей в романе приближает их к гибели, тогда как девианты невероятно приспособляемы к быстро меняющимся условиям, отчего и торопят эти изменения, чреватые гибелью для «нормальных» персонажей). Кажется, в такой атмосфере не может быть речи о разрешении, о традиционном финале, которого в романе и нет: «...ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [Бахтин, с. 380]; только если мыслитель находит в этом методе великого писателя определенную оптимистическую ноту, то у Зальцмана как раз эта раскрытость будущему ничего хорошего не сулит.

каждая клетка, каждая грань готовы отсоединиться от целого – лейт-мотив всего произведения на разных его уровнях, от фразеологии до целых сюжетных линий, который следует принципам филоновской школы. Можно даже интерпретировать «подвижную лестницу» романа как метафору эволюционного процесса, сошедшего с оси⁸.

Смешивая человеческие и животные черты и тем самым гротескно следуя традиции мастеров Ренессанса от Леонардо и Дюрера до Босха и Арчимбольдо, Зальцман подчеркивает абсурд мироздания, в правильность которого так поспешно уверовал человек. В этом смешении и совмещении нет забавы над «причудами природы». Здесь экспрессивная, даже экспрессионистическая весть о взбунтовавшейся и ставшей врагом природе, о мутировавшем, отказавшемся от «подобия» человеке... «Зальцмановский герой... не может осознать действительность присутствия мира потусторонних сил» [Зусманович] или не хочет и подвергается опасности трансформации, становится жертвой изменяющих все сил. Тяготение к архаике, мифологизму, поддерживаемые любовью к немецкому романтизму – прежде всего к Гофману с его исключительным чутьем к метаморфозам и двойничеству, очень характерно для Зальцмана.

Основной пафос романа – недоумение, ужас перед происходящим (многое из происходящего в романе «реально до жути» – выражение Б. Григорьева): разруха, голод приводят к поеданию всех всеми. Закономерно также видеть в ряде эпизодов почти явные отсылы, скажем,

⁸ Сближение романа Зальцмана с творчеством О. Мандельштама рубежа 1920–1930-х гг. не только ассоциативно напрашивается, но и может быть, пусть несколько гадательно, подтверждено знакомством обоих авторов с Б. С. Кузиным. Не исключено, что стихотворение «Ламарк», вдохновленное рассказами биолога, чтением трудов французского ученого, расширенно осмыслено в романе, работа над которым начата в один год с публикацией стихотворения. Напомню, что в стихотворении, помимо образа лестницы, по которой осуществляется подъем или спуск живых существ, упомянут Протей – бог, отмеченный способностью к бесконечным перевоплощениям; также важен в стихотворении мотив зрения, его утраты – в романе этот мотив (постепенной утраты или внезапного его обретения) также имеет очень важное значение, о чем уже говорилось; но следует добавить в качестве наблюдения: зрение и выбор точки его выступают чуть ли не главными катализаторами действия и индикаторами движения в романе, причем на самых разных внутритекстовых и содержательных уровнях.

Неожиданно сближаются «Щенки» и с «Египетской маркой» (в теме самоидентификации героя); или в сложной метафоре своей прозы Мандельштам словно предвосхищает гротеск метаморфозы: «Не катастрофа, но обезьяна ее, подлое превращение, когда на плечах у человека вырастает собачья голова» [Мандельштам, с. 70]. Добавлю, что отзвуков Мандельштама в романе Зальцмана гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд; вот характерный пример возможной аллюзии: в «Сумерках свободы» «земля плывет» – в «Щенках» «земля течет из-под ног» (с. 106).

При этом следует помнить, что самой непрерывной стихией в романе предстает водная, реки: они – Уда, Днестр, Нева и ее притоки – не только перетекают одна в другую, но и образуют своего рода уровни – сверху вниз. По ним плывут то один из щенков, то раненый заяц, выпавший из клюва совы; в реке дети топят кошку, в реку срываются участники драки за имущество пассажиров разбившегося поезда; через реку разрушен мост, что преграждает движение поезду; и в городе есть мост, у которого в наличии только первые пролеты, а дальше – зияние...

к стихотворениям Н. Заболоцкого (например, «Птицы», «Лодейников») или Н. Олейникова («Таракан»), не говоря уже о таких созвучиях, как записи Д. Хармса из «Синей тетради» (1936): «Я видел однажды, как подрались муха и клоп. Это было так страшно, что я выбежал на улицу и убежал чорт знает куда». В текст вкраплены также стихотворные фрагменты (в основном частушечно-песенного склада), заумные элементы, часто встречаются авторские написания слов, неологизмы – все это не только сближает как роман, так и в целом творчество Зальцмана с левым авангардным искусством, в частности хлебниковско-филоновским, обэриутским, но и обнаруживает индивидуальность автора: реалистическая основа в руках художника остраниается под воздействием того или иного материала. Роман выходит фантазмагоричным, гротескным, абсурдистским и вместе с тем трагически-лиричным, в чем сказывается индивидуальный авторский стиль, на разных уровнях передающий безостановочную изменчивость стихии взбаламученной жизни.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского : Проблемы поэтики Достоевского. Киев : Next, 1994. 512 с.

Гофман Э. Т. А. Известие о последних судьбах собаки Берганцы // Гофман Э. Т. А. Песочный человек : повести. М. : Текст, 1992. С. 65–114.

Зальцман П. Я. Щенки : Проза 1930–50-х годов. М. : Водолей, 2012. 432 с.

Зальцман П. Я. Осколки разбитого вдребезги : Дневники и воспоминания 1925–1955. М. : Водолей, 2017. 448 с.

Зусманович Н. Павел Зальцман: от Пу Сун Лиана к Даниилу Хармсу – персонажи и образы // Интерпретация и авангард : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. Лощилова. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. С. 114–128. URL: <http://pavelSaltzman.org/bibliography/critics/natalia-zusmanovich/> (дата обращения: 26.08.2018).

Кужуй И. Целесообразность ада : О книге Павла Зальцмана «Щенки» / ведущий Д. Волчек // Радио «Свобода» : [сайт]. 2012. 15 авг. URL: <https://www.svoboda.org/a/24678335.html> (дата обращения: 25.08.2018).

Мандельштам О. Египетская марка // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. М. : Худ. лит., 1990. Т. 2. С. 59–87.

Матюшин М. Творчество Павла Филонова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. / публ. Е. Ф. Ковтуна. Л. : Наука, 1979. С. 232–235.

Сервантес М. де. Новелла о беседе собак // Сервантес М. де. Собр. соч. : в 5 т. М. : Правда, 1961. Т. 4. С. 21–91.

Сергеев К. В. «Биологическое пространство» эстетического объекта : Павел Филонов и «биология развития» // Культура и пространство : Славянский мир. М. : Логос, 2004. С. 111–127.

Современный словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1993. 740 с.

Филонов П. Н. Теория аналитического искусства : Канон и закон // Филонов : Художник. Исследователь. Учитель. Живопись. Графика : в 2 т. / под ред. Д. Боулта, Н. Мислер, А. Сарабьянова. М. : Агей Томеш ; Гос. Рус. музей ; Гос. Третьяк. галерея, 2006. Т. 1. С. 78–83.

Юрьев О. Одноклассники: почти повесть о последнем поколении русского модернизма (Всеволод Петров и Павел Зальцман) // Новый мир : [сайт]. 2013. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_6/Content/Publication6_879/Default.aspx (дата обращения: 26.08.2018).

References

- Bakhtin, M. M. (1994). *Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Art. Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Kiev, Next. 512 p.
- Cervantes, M. de. (1961). Novella o besede sobak [The Dialogue of the Dogs]. In Cervantes, M. de. *Sobranie sochinenii v 5 t.* Moscow, Pravda. Vol. 4, pp. 21–91.
- Filonov, P. N. (2006). Teoriya analiticheskogo iskusstva. Kanon i zakon [A History of Analytical Art. The Canon and the Law]. In Filonov, P. N. *Khudozhnik. Issledovatel'. Uchitel'. Zhivopis'. Grafika v 2 t.* / ed. by D. Boul't, N. Misler, A. Sarab'yanov. Moscow, Agei Tomesh, Gosudarstvennyi Russkii muzei, Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya gale-reya. Vol. 1, pp. 78–83.
- Hoffmann, E. T. A. (1992). *Izvestie o poslednikh sud'bakh sobaki Bergantsy* [A Report on the Latest Adventures of the Dog Berganza]. In Hoffmann, E. T. A. *Pesochnyi chelovek. Povesti.* Moscow, Tekst, pp. 65–114.
- Kukui, I. (2012). Tselesoobraznost' ada. O knige Pavla Zal'tsmana "Shchenki" [The Expediency of Hell. On Pavel Saltzman's *Puppies*] / hosted by D. Volchek. In *Radio "Liberty"*. August 15. URL: <https://www.svoboda.org/a/24678335.html> (mode of access: 25.08.2018).
- Mandelstam, O. (1990). Egipetskaya marka [Egyptian Stamp]. In Mandelstam, O. *Sochineniya v 2 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, pp. 59–87.
- Matyushin, M. (1979). Tvorchestvo Pavla Filonova [Works by Pavel Filonov]. In Kovtun, E. F. (Ed.). *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977.* Leningrad, Nauka, pp. 232–235.
- Saltzman, P. Ya. (2012). *Shchenki. Proza 1930–50-kh godov* [Puppies. Prose, 1930s–1950s]. Moscow, Vodolei. 432 p.
- Saltzman, P. Ya. (2017). *Oskolki razbitogo vdrebezgi. Dnevniki i vospominaniya 1925–1955* [Pieces of the Smashed. Diaries and Memoirs 1925–1955]. Moscow, Vodolei. 448 p.
- Sergeev, K. V. (2004). "Biologicheskoe prostranstvo" esteticheskogo ob"ekta: Pavel Filonov i "biologiya razvitiya" [The "Biological Space" of an Aesthetic Object: Pavel Filonov and the "Biology of Development"]. In *Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskii mir.* Moscow, Logos, pp. 111–127.
- Sovremenniy slovar' inostrannykh slov* [Contemporary Dictionary of Foreign Words]. (1993). Moscow, Russkii yazyk. 740 p.
- Yur'ev, O. (2013). Odnoklassniki: pochtii povest' o poslednem pokolenii russkogo modernizma (Vsevolod Petrov i Pavel Zal'tsman) [Classmates: An Almost Story of the Last Generation of the Russian Modernism (Vsevolod Petrov and Pavel Saltzman)]. In *Novyyi mir*. No. 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2013_6/Content/Publication6_879/Default.aspx (mode of access: 26.08.2018).
- Zusmanovich, N. (2008). Pavel Zal'tsman: ot Pu Sun Lina k Daniilu Kharmsu – personazhi i obrazy [Pavel Saltzman: From Pu Songling to Daniil Kharms – Characters and Images]. In Loshchilov, I. (Ed.). *Interpretatsiya i avangard: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 114–128. URL: <http://pavelSaltzman.org/bibliography/critics/natalia-zusmanovich> (mode of access: 26.08.2018).

The article was submitted on 07.04.2018

DOI 10.15826/qr.2019.1.373

УДК 141.2+141.3+82-312.1+17.021.2

**БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА
И ТЕЛЕСНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ АНАРХО-БИОКОСМИСТОВ***

Ольга Буренина-Петрова

Цюрихский университет,
Цюрих, Швейцария

**THE IMMORTALITY OF MAN AND BODILY
TRANSFORMATIONS IN THE CREATIVE WORK
OF ANARCHO-BIOCOSMISTS**

Olga Burenina-Petrova

Zurich University,
Zurich, Switzerland

In the early 20th century, the concepts of “historical anarchism” provided by W. Godwin, P.-J. Proudhon, M. Bakunin, and P. Kropotkin were replaced by a variety of post-classical utopian anarchist projects. Among all the heterogeneous and diverse forms of anarchist doctrine, the most unusual was the movement of anarchists and biocosmists (involving A. Svyatogor, A. Yaroslavsky, P. Ivanitsky, I. Yakovlev, G. Butorin, etc). On the one hand, they postulated the idea of liberation from statehood both on the Earth and on other planets, the total conquest of cosmos, and the establishment of interplanetary communications (“interplanetarism”). On the other, they preached overcoming the localism of human life and the expansion of the “principle of personality” before the recognition and implementation of individual immortality (“immortalism”). Denying Fedorov’s philosophy of cosmism (called the “doctrine of fathers” by Svyatogor), which was mainly based on the idea of “resurrection”, biocosmists proposed to solve the problem of biological immortality by means of bodily metamorphoses and deviations, first of all “bestialism” and anabiosis. This representation of bodily deviations was directed, from the point of view of biocosmism, at preserving life and acquiring biological, rather than symbolic,

* *Citation:* Burenina-Petrova, O. (2019). The Immortality of Man and Bodily Transformations in the Creative Work of Anarcho-biocosmists. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 222–240. DOI 10.15826/qr.2019.1.373.

** *Цитирование:* Burenina-Petrova O. The Immortality of Man and Bodily Transformations in the Creative Work of Anarcho-biocosmists // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 222–240. DOI 10.15826/qr.2019.1.373 / Буренина-Петрова О. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархобиокоσμистов // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 222–240. DOI 10.15826/qr.2019.1.373.

immortality, giving the person the maximum freedom and the maximum individual rights. This was reflected not only in manifestos, but also in poetry and in science fiction, partially published in 1918 in the *Anarkhiya* newspaper, and then in 1921 and 1922 in *Biocosmism*, the Moscow journal *Biokosmist*, the Petrograd journal *Bessmertnye* (1922), and some other publications. Thus, the article focuses on the representation of bodily deviations (“bestialism”, “anabiosis”, and other forms of the new body norm) as a “modus of immortality” and “biological infinity”, echoing the motif of abandoning the fixed localisation of man in space and time and the idea of establishing a new epoch of nomadism in the “biocosmic community” in the artistic and philosophical practices of anarchists and biocosmists.

Keywords: philosophy of anarchism; biocosmism; Russian avant-garde literature; A. Svyatogor; A. Yaroslavsky; P. Ivanitsky.

В начале XX в. на смену концепций «исторического анархизма» У. Годвина, П.-Ж. Прудона, М. Бакунина, П. Кропоткина приходят самые разнообразные постклассические анархо-утопические проекты. Среди неоднородных разветвленных форм анархистского учения наиболее неординарным было движение анархистов-биокосмистов А. Святогора, А. Ярославского, П. Иваницкого, И. Яковлева, Г. Буторина и др., с одной стороны, постулировавших идеи освобождения от государственности не только на земле, но и на других планетах, тотального освоения космоса, установления межпланетных сообщений («интерпланетаризма»), а, с другой, проповедовавших преодоление «локализма» жизни, расширение «принципа личности» до признания и реализации индивидуального бессмертия («иммортализма»). Отрицая в целом философию космизма Н. Федорова (именуемую Святогором «доктриной отцов»), основывавшуюся главным образом на идее «воскрешения», биокосмисты предлагали решить проблему биологического бессмертия человека посредством ряда телесных метаморфоз и отклонений, в первую очередь «бестиализма» и анабиоза. Репрезентация телесных отклонений, направленных, с точки зрения биокосмизма, на сохранение жизни и обретение не символического, а биологического бессмертия, дающего человеку максимальную свободу и максимальные права личности, находила отражение не только в манифестах, но и в поэзии, научно-фантастических произведениях анархистов-биокосмистов, частично публиковавшихся в 1918 г. на страницах газеты «Анархия», а затем в 1921 и 1922 гг. в сборниках «Биокосмизм», московском журнале «Биокосмист», петроградском журнале «Бессмертие», а также в некоторых других изданиях. Репрезентации телесных девиаций («бестиализм», анабиоз и другие формы новой телесной нормы) как «модуса бессмертия» и «биологической бесконечности», перекликающиеся в художественно-философской практике анархистов-биокосмистов с мотивом отказа от фиксированной локализации человека в пространстве и времени, идеей учреждения в «биокосмическом сообществе» новой эпохи кочевничества, и являются предметом данной статьи.

Ключевые слова: философия анархизма; биокосмизм; литература русского авангарда; А. Святогор; А. Ярославский; П. Иваницкий.

Мы утверждали все наоборот...

Н. Минаев. Нам пели музы... (сб. «Прохлада». 1926)

«Фабрика бессмертия» Александра Святогора и Павла Иваницкого

В 1917 г. командир одного из отрядов анархистской Черной гвардии, друг и соратник легендарного анархиста и актера-трагика Мамонта Дальского Александр Святогор¹, выпустил книгу «Петух революции»². Эту книгу и изданный тремя годами раньше сборник «Стихеты о вертикали» (1914) Святогор назвал «вулкан-книгами», а постулируемые им в форме коротких манифестов поэтические и философские принципы – «вулканизмом». Характеристики утверждаемого Святогором «вулканизма» вписывались в общий эстетический пафос анархо-футуризма 1917–1918 гг.³ В *предисловии-манифесте* «Да здравствует вулканизм!» Святогор подверг критике все художественные направления, не исключая и футуризм:

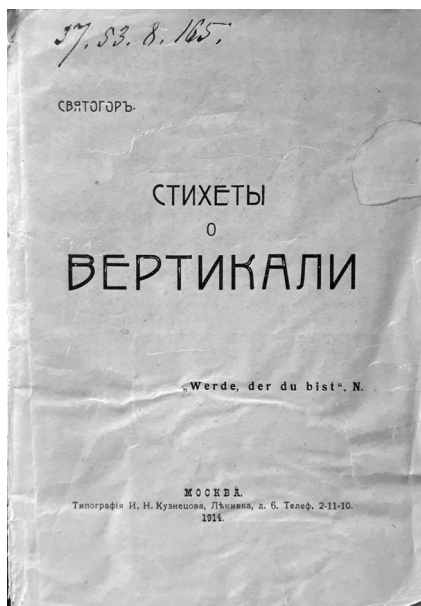
Нам не дают ни солнца, ни свободы творчества. Нам не дают расти. Нас хотят впрячь в прилизанность и напомаженность формы, в противное парикмахерство стиха. Они посягают на наше вдохновение, экстаз, любовь. Чиновники, Романовы и Держиморды от литературы – они гонители и распинатели вулканного искусства. Этот литературный бюрократизм должен быть сломлен [Святогор, 1917, с. 3].

Алексей Ган отозвался о книге Святогора в опубликованной на страницах газеты «Анархия» восторженной рецензии: «Святогор – поэт, о котором ничего не следует писать. Он сам говорит о себе» [Ган, с. 4]. Гана привлекает у Святогора не столько синтез анархизма и художественной практики авангарда, сколько преодоление ортодоксального анархизма радикальными формами искусства и победа ортодоксально-

¹ Настоящее имя Александра Святогора – Александр Федорович Агиенко. Его первые литературные публикации появляются в сборнике «Взмахи» (1909) (см.: [Взмахи]).

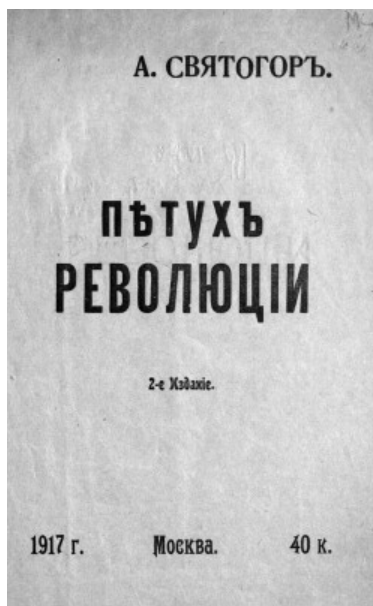
² На титульном листе указано, что это второе издание книги. Вполне вероятно, что под первым изданием Святогор имел в виду свои рукописные тексты. Первое издание в каталогах библиотек не значится. За предоставление книг и сборников анархистов-биокосмистов выражаю глубокую благодарность сотрудникам Российской национальной библиотеки.

³ В 1918 г. Святогор вместе с Алексеем Ганом, Казимиром Малевичем, Ольгой Розановой, Надеждой Удальцовой, Александром Родченко и некоторыми другими художниками-футуристами объявил себя анархобунтарем и выступил на страницах газеты «Анархия» с рядом анархо-футуристических заявлений. О художниках-анархобунтарях см. подробно: [Burenina-Petrova, p. 226–255]. Вполне вероятно, что определение «вулканизм» – отсылка к стихотворению А. Крученых «Взорваль» и его же одноименному сборнику, вышедшему двумя изданиями в 1913 г.

А. Святогор. Стихеты по вертикали.
1914. Титульный лист

A. Svyatogor. Vertical verses.
1914. Title page

А. Святогор. Петух революции.
1917. Обложка

A. Svyatogor. The Rooster
of the revolution. 1917. Cover

го искусства девиантными формами анархистского учения. Перекроить «рельеф земли» и создать «новое небо» можно только при условии абсолютной свободы человека от любых форм власти, самой крайней из которых в историческом анархизме признавалась государственная власть, а в позднем, сверх того, уже и Божественная. Все классические и позднеклассические анархистские построения вращались вокруг антроподицеи – оправдания человека и его творчества. Главный же вопрос анархизма – как можно стать свободным от любого рода власти в отсутствие онтологической гарантии свободы – трансформируется в биокосмическом анархизме в поиски обретения телесного бессмертия в отсутствие онтологической гарантии бессмертия.

Называя Святогора «новым вулканическим товарищем», Ган тем самым в некоторой степени лишает его авторского права на создание этого понятия, отдавая первенство рассуждениям Федорова о том, что объединившееся человечество, научившись управлять стихийными бедствиями, например, землетрясениями и вулканическими явлениями, сможет победить голод, болезни и, наконец, саму смерть. При этом Ган отмежевывает Святогора, себя и своих соратников по анархо-футуризму от футуристов. Вулканизм – это отрицание и отторжение футуризма еще и потому, что футуристы выступают за «погашение памяти прошлого». [Lachmann, p. XX]. Не случайно гнев Маринетти был направлен против тех локусов памяти, на кото-

рых строился проект воскрешения Федорова, то есть против музеев и кладбищ. Проект вулканизма, как и анархо-футуризма в целом, был направлен, как и у Федорова, на воскрешение культурной памяти, однако с той принципиальной поправкой, что идея воскрешения памяти прошлого подменялась в теории вулканизма идеей бессмертия памяти и ее носителей, то есть бессмертия всего человечества.

Святогор характеризует «вулкан-культуру» как транскосмический феномен, при котором реализуются тотальное освоение космоса, преодоление «локализма» человеческой жизни и индивидуальное бессмертие. Образ петуха отсылает к мифу о предсмертном обращении Сократа к Критону с просьбой принести петуха в жертву Асклепию⁴.

В упомянутом выше сборнике «Стихеты о вертикали» Святогор обращается к образу вертикальной линии как поэтическому воплощению иммортализма:

Мир. Открывается и углубляется Ньютоном и Евой через яблоко незначительное, сгнивающее, но ведущее к уловлению космической закономерности и созидающее новый мировоззгляд. И подвергается хуле и клевете от тех же Ньютона и Евы и через то же яблоко, ибо в есть от древа познания (так у автора. – О. Б.-П.) видится грех, а в падении ничего, кроме падения вниз. Но мир волит по вертикали вверх; падает только ньютоновское яблоко, всякое ж крепится вверх, уповая приход очищения от тлена (так у автора. – О. Б.-П.) в новом рождении, в оборотстве.

Мы входим в эту эру превращения элементов, мы накануне измерений и оборотства [Святогор, 1914, с. 3].

Значение вертикали в плане пространственного символизма – движение вверх. В противоположность горизонтальной линии вертикаль выступает в качестве знака связи профанного мира со сферой трансцендентного. Вертикальная ось – это символ воскрешения, которое, по словам Федорова, «есть превращение вселенной из хаоса, к которому она идет, в космос», медиум между современным человеком и духом предков [Федоров, с. 231]. Не случайно Святогор упоминает оборотство, под которым он имеет в виду не только отсылку к нищезанскому сверхчеловеку (эпиграф «*Werde, der du bist*» – цитата из «Ессе Номо» Нишце), радикализирующему волю к свободе от власти и витальные аффекты бытия, и не только символическое «вечное возвращение».

⁴ Бог врачевания греческой мифологии Асклепий, став великим целителем, обрел способность воскрешать людей с помощью крови из правой половины тела Горгоны, которую получил в дар от Афины (в другой мифологической трактовке Асклепий совершал воскрешение с помощью целебной травы, случайно обнаруженной им во время путешествия к критскому царю Миносу). Петуха неизменно приносили Асклепию в жертву в благодарность за выздоровление, поскольку в мифологии эта птица нередко представляет собой зооморфную трансформацию вечно возрождающегося небесного светила.

В способности обращаться в другое существо заключены, по Святогору, необходимые для человека будущего витальные силы, которые смогли бы наделить его быстрой регенерацией, сверхзвуковой скоростью и высокой живучестью. Уже в этом раннем сборнике присутствует образ петуха, предвещающего восход солнца и победу над смертью:

Я глашатай на суку.
Ваше ухо тяжело, –
Но пою «Кукареку»
На уснувшее село [Святогор, 1914, с. 6].

Идея оборотства у Святогора близка ряду воззрений о телесности Э. Гуссерля периода «Идей» (1913). По Гуссерлю, существует два вида тела – воспринимающее, то есть как область интересубъективного понимания, не требующего предикативного мышления, и физическое, то есть то, которое, будучи по своему свойству способным быть центром ориентирования, совмещает в себе материю и форму. С одной стороны, тело – это объект среди других объектов, а с другой стороны – объект субъекта. Снимая разницу между «я» и «другим», субъектно-объектное тело оказывается магическим телом, способным на оборотство. Позже Святогор напишет, что витальные силы человека должны уподобиться эгоцентрической «радости играющего зверя»:

Жажда личного бессмертия – это звериная, пышущая жаром любовь к себе. Это зубы и когти, чтобы защищаться, чтобы противостоять смерти. Это отвага безрассудная и хитрая. Это оборотство, чтобы обрести свободу. Это зоркость благородного хищника. Это быстрота птицы, переходящая в быстроту космического мотора. Вот почему мы провозглашаем звериность, бестиализм.

Нужно ощутить в себе зверя, взыграть и возликовать. Нужно учиться абсолютному нюху у пса, инстинкту – у насекомых, хозяйственному добродушию – у медведя, гедонизму – у ящерицы, победе над темными силами – у петуха [Святогор, 1922, с. 1–2].

Петух – лейтмотив многих текстов Святогора. Однако наряду с петухом он перечисляет и других животных, которым следует уподобиться человеку:

Не менее велик интуитивный мудрец Пес:
...Что Бергсон? у него слепые глаза –
Не философ, а просто ерундит.
Я говорю: учитесь у Пса,
Вот первейший великий интуит.
Только ему развязан мешок
Незримо кругом наследивших тайн.
Берите у Пса бесплатный урок,
Став на четвереньки, изрыгайте лай.

Или заплеванный, униженный и оскорбленный лик свиньи:

Разве Свинья супоросная
 Не величайшее чудо?
 Нежно выма ее и розово,
 Как утреннего неба сосуд... [Святогор, 1921, № 5–6, с. 7].

Игра как «радость играющего зверя» – одна из форм проявления свободы, она не может быть редуцирована рамками человеческой культуры и цивилизации, поскольку древнее их и всегда присутствовала в животном мире. Уподобляясь животному, человек играющий высвобождается из-под гнета всех форм принуждения. Таким образом, игра для Святогора – свободное от биологических, этических, социальных и политических норм состояние, снимающее с мира любое насилие, одним из проявлений которого он считает серьезность. Обретая игровую природу, человек должен улыбаться:

Биокосмическое лицо улыбчиво, весело, на нем абсолютный смех. Смеющийся играет. Хорошее дело легко, как игра, и улыбчиво. Великое дело требует великого игрока. Мы провозглашаем веселость и радость как принцип. Да здравствуют улыбка и смех. Мы утверждаем игру как избыток силы, как внутреннюю свободу [Святогор, 1922, № 2, с. 1–2].

Над проектом общества бессмертных размышлял в этот же период и Владимир Бехтерев. В 1918 г. в журнале «Вестник знания» ученый опубликовал труд о бессмертии человеческой личности как научной проблеме, затрагивая главным образом вопрос о социальном бессмертии «общечеловеческой личности», «общемировой энергии, служащей началом и материального, и духовного мира», о рассеивании общемировой энергии в космосе [Бехтерев, с. 7]. И все же Бехтерев утверждает не бессмертие как таковое, а рассуждает о бесконечном процессе трансляции мировой энергии, то есть

...о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во Вселенной. <...> Эта мировая энергия обуславливает движение всего во Вселенной, ибо во всем познаваемом пространстве нет ничего без движения, и мы не знаем вообще ни одного явления в природе, ни одного процесса, который не сопровождался бы движением [Там же, с. 7–8].

Для Бехтерева все видимые и невидимые явления мира – производные одной мировой энергии. Мозг человека понимается им и как резервуар мировой энергии, и как посредник между мирозданием

и человеком. По закону сохранения энергии, мозговая энергия никуда не исчезает и поэтому обладает бессмертием⁵.

Святогора проблема мировой энергии не интересовала. Отстаивая идею «имманентного тела», находящегося всегда в структуре вертикали, то есть перманентно присутствующего в мире, первоначально он выстраивает свои рассуждения в русле идей Федорова. В концепции Федорова, «имманентное воскрешение» произойдет тогда, когда человечество перестанет сводить воскресение Христа исключительно к трансцендентному истолкованию, то есть без активного участия всех людей⁶. Признавая трансцендентное воскресение, Федоров считал, что «имманентное воскрешение» тела наступит на земле до трансцендентного. И все же Святогор в большей степени полемизирует с философией общего дела Федорова («лопнувшей по всем швам» «доктриной отцов» [Святогор, 1922, с. 13]), чем соглашается с ней, поскольку эта философия основывалась, с его точки зрения, на идее «воскрешения», а не на возможности имманентного сохранения. Святогор считает, что имманентное сохранение может существовать в форме телесного бессмертия. Биокосмизм – это наука, работающая над созданием фабрики телесного бессмертия:

Мы утверждаем, что теперь же в повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия.

Пора устранить необходимость или равновесие натуральной смерти. <...> И... наша задача – воскрешение мертвых. Наша забота – о бессмертии личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Воскрешение мертвых – это восстановление в той же полноте ушедших в гроба [Святогор, 1921, № 5–6, с. 6].

Под «воскрешением» Святогор имеет в виду не федоровское собиране прошлого по частям и не возвращение предков, а тотальную свободу человека от власти смерти, выход его из категории смертных. Каждый должен получить право на охранную грамоту своей жизни (позже названную Александром Ярославским «мандатом бессмер-

⁵ Любопытно, что, выдвигая в своей антропологической концепции на первый план мозг и мозговую энергию человека, Бехтерев считает именно голову его основным органом. Не без влияния антропологии бессмертия Бехтерева Александр Беляев в романе «Голова профессора Доуэля» (1925) описал историю парижского профессора-хирурга Керна, который проводит эксперименты по оживлению голов погибших людей. При этом успеху в своих исследованиях он как раз обязан оживленной голове своего научного руководителя профессора Доуэля. Отделенная от тела и работающая на Керна голова профессора Доуэля, подобно «мозговой силе» в теории Бехтерева, связывает между собой микро- и макромир и, сверх того, оказываясь в центре внимания, переключает на себя интерес всех героев и таким образом символически увеличивается до размеров всего универсума. Разумеется, на замысел романа Беляева могли оказать влияние эксперименты по оживлению Сергея Брюхоненко, а также Алексея Кулябко. Сам писатель, однако, отрицал влияние опытов Брюхоненко на сюжет своего романа. См.: [Беляев, 1939, с. 23–25].

⁶ О разграничении понятий «имманентного воскрешения» и «трансцендентного воскресения» в философии общего дела Федорова см.: [Зеньковский, с. 140–145].

тия»). Таким образом, классический и позднеклассический анархизм дополняются Святогором девиантной формой анархистского учения – утверждением абсолютной свободы человека в условиях признания ее биологического бессмертия при участии «комитетов бессмертия» (см. также: [Святогор, 1921, № 3–4, с. 13–16]).

В своих построениях об обретении не символического, а биологического бессмертия, дающего личности максимальную свободу и максимальные права, Святогор ориентировался на практику современной ему науки, в частности, на геронтологические исследования Ильи Мечникова. Однако, в отличие от Мечникова, для которого вопрос о продлении жизни ставился исключительно как биологическая проблема отдельного человека, Святогор считает, что бессмертие обеспечивается изменениями в организации человеческого общества, которое на основе коллективного договора должно стать научно-технически сверхразвитым обществом вселенского единства и в централизованном порядке превратить отдельные эксперименты в нечто вроде государственной программы. Очевидно, что Святогор был хорошо знаком и с экспериментами Порфирия Бахметьева, которому удалось вызвать анабиоз у летучих мышей и показать использование этого феномена для продления жизни. Его опыты показывали, что выход из состояния анабиоза возможен, если тканевые жидкости переохлаждаются, однако продолжают оставаться в жидком состоянии.

Репрезентации телесных девиаций (телесные метаморфозы, «звериность», «бестиализм» и другие формы новой телесной нормы) как «модуса бессмертия» и биологической бесконечности взаимодействуют в художественно-философской практике Святогора с мотивом отказа от фиксированной локализации человека в пространстве и времени, идеей учреждения в биокосмическом сообществе новой эпохи кочевничества. Став космическими кочевниками, считает Святогор, люди будущего не будут тяготиться властью общества, поскольку благодаря ей они обретут «иммортализм» и сделаются «интерпланетарными».

На первый взгляд, мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, Святогор постулирует идею освобождения от государственности не только на земле, но и на других планетах, тотальное освоение космоса, установление межпланетных сообщений («интерпланетаризм»), а, с другой стороны, проповедует преодоление локализма человеческой жизни, расширение «принципа личности» до признания и реализации индивидуального бессмертия и на этом основании считает, что «общество бессмертных» нуждается в государственности. Человек свободен, и в то же время его свобода, как и его тело, ему всецело не принадлежат. Безусловно, прав Борис Гройс, указавший в предисловии к антологии «Русский космизм» на параллели между введенным Мишелем Фуко понятием «биовласти» и стратегиями русских космистов [Гройс, 7]. Действительно, для Святогора «негативная» власть уступает место новым

технологиям властвования, внешне нацеленным уже не на страх смерти, а на защиту жизни. То, что позже Фуко определит как «анатомо-политику», базирующуюся на контроле жизни человеческого тела, увеличении его возможностей и производительности при помощи дисциплинарных технологий, и «биополитику», регулирующую жизнь населения в целом, ее качество и продолжительность. Для Святогора превращение жизни в объект государственной политики – это лишь средство достижения телесного бессмертия. Согласно Фуко, такие явления, как омоложение и стремление к вечному телу, это крайние формы проявления биовласти.

На управление омоложением жизнью должен оказывать влияние новый язык. Его трактовка обрела в работе Святогора «Три штиля» размах вселенского «омоложения слов». Святогор, ранее критиковавший футуристов за обесценивание ими культурной памяти, порицает футуризм за то, что тот «слишком архаичен, чересчур классичен, реакционен» [Святогор, 1922, с. 23] и, следовательно, не способен быть эстетическим проводником анархо-биокосмизма, не в состоянии создать язык «иммортализма», то есть универсальный язык будущего общества бессмертных интерпланетарных людей:

...Мы беременны новыми словами. Так, мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы междометий на Марсе и на других планетах. Мы думаем, что из биокосмических междометий (в широком смысле) родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу... Разве мы, подобно футуристам, можем ограничиться только неопределенным наклонением? Мы слишком определены и актуальны, и нам слишком мало даже четверки наклонений. Десятки и сотни наклонений! Нам необходимо наклонение космоса и наклонение бессмертия! [Святогор, Иваницкий, с. 7].

В биокосмизме Святогора присутствует полемика с футурологией Александра Богданова. За год до публикации «Тектологии борьбы со старостью» Богданов написал рассказ «Праздник бессмертия» (1912), где показал будущее людей, открывших чудодейственный препарат, способный обновлять ткани организма и поддерживать состояние молодости. Однако химик Фриде, погруженный в поиски смысла жизни, приходит к выводу о том, что необходимо вернуться к смерти как естественному итогу жизни. Лишенный цели и смысла вечный праздник не нужен прожившему более тысячи лет ученому, и в итоге он сжигает себя на костре. Для Святогора регулирование качества и продолжительности жизни должно дополняться регулированием мыслительной деятельности.

Над вопросами иммортализма работал и близкий Святогору поэт, публицист и философ Павел Иваницкий. В 1918 г. под псевдонимом NN он выпустил книгу «О пролетарской этике», основной пафос которой заключался в том, что победа революции невозможна без победы человечества над смертью. Новая мораль

и нравственность должны базироваться на том, чтобы отстаивать индивидуальность каждой личности, сохранив ее бессмертие. Принципы этики нового человека – это

...принцип жизненности, развившийся из инстинкта личного самосохранения, и принцип сознательности как выражение жизненности, ее высшее проявление [NN, с. 25].

Три года спустя Иваницкий, не раскрывая своего авторства, написал авторецензию на книгу, хотя из контекста становилось понятно, что NN – псевдоним его самого. В сравнении со Святогором, Иваницкий в большей степени ориентируется в своих высказываниях на идею «воскрешения прежде живших» Федорова и одновременно постулирует бессмертие «живущих» [Иваницкий, 1921, № 5–6, с. 8]⁷. Одновременно Иваницкий, останавливаясь на примере Маяковского, критикует футуризм, но не столько за то, что «идеолог отживающей культуры» выдавливает память прошлого, сколько за то, что он обесценивает память. Несколько перефразировав строки из поэмы Маяковского «150 000 000» (1919) («а на случай смерти, не пропал чтоб труп, маслобойни и салотопки стоят» [Там же, С. 8]), он показывает, что тело лишено у Маяковского витального содержания и поэтому приравнено к вещи⁸. Напротив, феномен смерти, подчеркивая самоценность личности, должен давать выход за пределы ее анонимного существования и одновременно, отрицая статус бытия, нуждается в вытеснении и замене бессмертием⁹.

В 1920-е гг. Иваницкий работал в Центральном институте труда вместе с Валерианом Муравьевым, признававшим витальный порыв человека и мощь его творческой активности первичными в эволюции материального мира, однако считавшим человеческий разум главным средством преодоления стихийного хаотического потока времени. Регуляция природы с помощью разума, с точки зрения Муравьева, «есть восстание против смерти» [Муравьев, с. 120]. Подобно Муравьеву, Иваницкий трактует в этот период культурный процесс как борьбу за жизнь против стихийных сил природы, полагая, что, научившись с помощью разума регулировать слепые силы природы, человек сможет наконец достичь реального бессмертия и что

⁷ Этот же текст был напечатан и в упомянутом выше сборнике 1921 г. Святогора и Иваницкого «Биокосмизм» № 1 [Святогор, Иваницкий].

⁸ Подобное понимание тела-вещи было характерно для философии Макса Шелера, проводившего различие между переживаемым и переживающим телом-плотью (Leib) и телом-вещью (Körper).

⁹ Несмотря на приверженность Маяковского движению анархизма в революционный период [Burenina-Petrova, p. 225–255], в 1920-е гг. его интерес к анархизму ослабевает, а идеи биокосмизма пародируются им в поэме «Про это» (1923), когда речь идет о воскрешении самого поэта и Лили Брик, а также в пьесе «Клоп» (1928), одним из центральных эпизодов которой является воскрешение Присыпкина.

...с точки зрения биокосмизма можно дать ответ на запросы текущего момента, и притом, быть может, указывающий единственно возможный выход из положения – выход в космос. Только тряхнуть космос – и мы страхнем с себя бедствия засухи и голода¹⁰ [Иваницкий, 1922, с. 5–6].

Кроме концепции «овладения временем» Муравьева, Иваницкий упоминает современные достижения науки в области омоложения (исследования Эйгена Штейнаха по физиологической регенерации) и оживления («метод артериального нагнетания крови» Федора Андреева, проводившего в 1907–1911 гг. эксперименты по восстановлению жизни животных), поскольку «материальная основа человека (атомы его организма) принципиально не исчезает, и, следовательно, есть надежда на ее восстановление» [Иваницкий, 1921, № 5–6, с. 8]¹¹.

О «биологической бесконечности» в работах Александра Ярославского, Ивана Яковлева и Георгия Буторина

В 1922 г. вокруг петроградского журнала «Бессмертие» под руководством Александра Ярославского, некоторое время входившего в группу биокосмистов Святогора, складывается северное направление анархо-биокосмистов. В своем раннем сборнике «Звездный манифест» (1918) Ярославский прославляет кладбища как топос вокрешения культурной памяти:

Я должен петь о счастье и восторге,
Чтоб даже тот, кто сердцем изнемог,
Узнал хоть раз, что в человеческом морге
Растут цветы по колеям дорог [Ярославский, 1918, с. 3].

Позже в романе-утопии Ярославского «Аргонавты Вселенной» (1926) топос «кладбища бессмертных» будет трактоваться парадоксальным образом как место отдыха от вечной жизни и одновременно как место передышки от культуры и цивилизации:

Луна служит нам лишь складочным пунктом космической гавани – временным кладбищем для тех из нас (мы ведь давно победили старость и смерть), кто захочет отдохнуть ненадолго от жизни, устав от бессмер-

¹⁰ Позже он выпустил на эту тему небольшую книгу [Иваницкий, 1925].

¹¹ Не исключено, что Иваницкий был знаком и с опытами по бессмертию клетки Сергея Метальникова, послужившими основой для опубликованной им в 1924 г. книги «Проблема бессмертия и омоложения в современной биологии» (1924). Изучая феномен старения организма, Метальников пришел к выводу, что старость природой не запрограммирована, а является случайностью или ошибкой. В силах человека избежать их. Метальников некоторое время тесно сотрудничал с Алексеем Кулябко. Между прочим, в 1923 г. Кулябко продемонстрировал приехавшему в Томск А. Луначарскому опыт оживления головы собаки. В 1910-е гг. Кулябко проводил эксперименты по оживлению сердца.

тия, чтобы снова воскреснуть в грядущем; ты можешь видеть их, – усыпленных по их же желанию, – в гигантских сотах за прозрачными стенами перед тобой [Ярославский, 1926, с. 165].

Луна трактуется не только как топос бессмертия, но и как место, побуждающее к рефлексии над смертью и бессмертием. Периодическое включение смерти в контекст бессмертной жизни человечества позволяет людям сохранять идентичность. Каждому, обладающему бессмертием, следует время от времени посещать данный топос, пространство которого предоставляет ему необходимую для саморефлексии атмосферу.

Уже в раннем сборнике «Кровь и радость» (1919), посвященном руководителю анархистско-партизанского движения Восточной Сибири Нестору Каландаришвили, Ярославский рассуждает о распространении интерпланетаризма, необходимого для установления межпланетных сообщений и одновременно для возможности локализации саморефлексии:

Братья с далеких планет,
Граждане Звездной Республики!
Вы ведь не скажете «Нет»,
Вы ведь земли не разлюбите,
Ненависть вам не нужна, –
Вы не враги умоляющих,
Скоро увидит Луна
Братьев, к земле подлетающих [Ярославский, 1919а, с. 8].

Его отношение к культурной памяти противостоит футуристическому:

Каждый плевок разрушает вселенную!
Только не стоит плевать... [Ярославский, 1919б, с. 16].

В 1920-е гг. Ярославский пишет о том, что границы теории иммортализма должны быть расширены, поскольку интересы всей живой природы выше интересов одного лишь человечества. Он убежден, что идеологическим инструментом биокосмиста должен стать не антропо-, а биоцентризм, благодаря которому установится тождество между всеми членами биологического сообщества. При этом человек должен многому научиться у животных, поскольку экстремальная дихотомия между желанием жить и выжить и ведущими к жесткой конкуренции социальными интересами присутствует исключительно в мире человека и неведома животному миру. Расширение свободы не только для людей, но и для любых живых существ заключается в том, что, будучи противопоставленным феномену человека, каждый живой организм обретает право на признание своего биологического бессмертия и, тем самым, может соучаствовать в организации космоса:

Восходит новая заря –
Предтечею бестиализма.
В одном тугом клубке смешать
И взлет души, и тел звериность [Ярославский, 1922а, с. 14].

В 1923 г. в Боровичах вышел сборник ученика Ярославского Ивана Яковлева «Брызги бестиализма», в котором обозначилось отдельное направление биокосмизма – антитаксидермизм. Это направление, которому сочувствовал и сам А. Ярославский, противопоставило себя идее технологии музейного хранения Федорова. По Федорову, все когда-либо жившие люди должны восстать из мертвых в качестве произведений искусства и быть помещенными на хранение в музей¹². С дающей гарантию вечной жизни и превращающей государство и общество в музей живых экспонатов идеей музеефикации полемизирует Иван Яковлев:

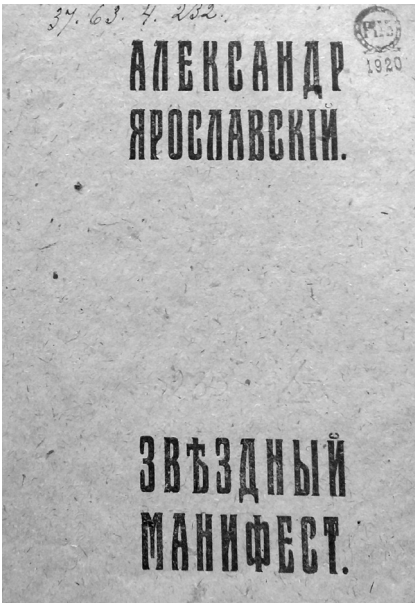
Антитаксидермисты (противочучельщики) представляют собой любопытное явление, ракетно взорвавшееся сквозь мешанину быта у Пите-ра под носом в Боровичах.

Один из наиболее талантливых антитаксидермистов поэт Иван Яковлев первый проходит солнечный этап космического максимализма [Яковлев, с. 2].

Философия Федорова подобна таксидермии, поскольку лишенный в ней творческого порыва человек уподобляется не способному на созидательный бунт чучелу. «Поверхность» человека в федоровской философии словно натягивается на некую основу, а внутри полости – бессмысленный наполнитель. Федоровский музейный человек – не столько музейный экспонат, сколько охотничий трофей общества бессмертных. Чучело – пример того, как из мертвого тела может быть создано произведение искусства: «Умерший червь воспет – воспеть зоогеничность» [Яковлев, с. 9]. По Яковлеву, искусство должно не реинкарнировать, а сохранять живые формы.

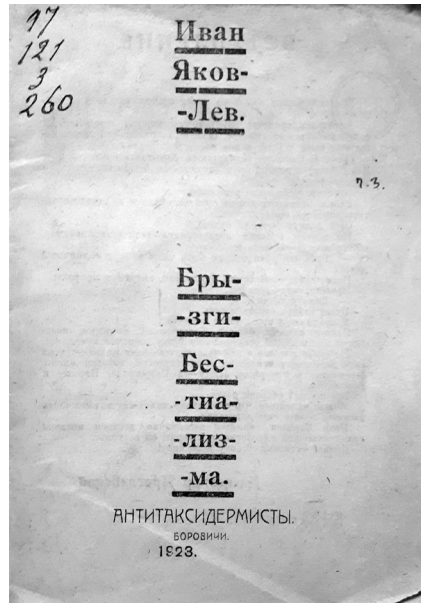
Пожалуй, наиболее близкий Ярославскому вариант биокосмизма был сформулирован Георгием Буториным в небольшой брошюре «Пуповина человечества», к которой Ярославский также написал предисловие, охарактеризовав современную ему европейскую культуру как культуру смерти [Буторин, с. 2]. Избрав для своего небольшого труда форму диалога между сыном и отцом, Буторин пишет, что бессмертие должно быть завоевано благодаря стихии жизни, выходу

¹² «Всякий человек носит в себе музей... ибо хранение – закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший до него... музей есть собрание всего отжившего, но именно поэтому-то он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных. <...> Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее» [Федоров, 1982, с. 576].

А. Ярославский. Звездный манифест.
1918. Титульный лист

A. Yaroslavsky. Star manifest.
1918. Title page

И. Яковлев. Брызги бестиализма.
1923. Титульный лист

I. Yakovlev. Splashes of Bestialism.
1923. Title page

в космическое пространство, отрицанию времени, союзу с природой и, наконец, достижениям науки, которая научила «организмы с помощью зубов наживать свою смерть», а теперь трудится над тем, «чтобы с помощью ножа осуществить бессмертие» [Буторин, с. 14].

В 1922 г. Ярославский опубликовал «Поэму анабиоза», описав в ней футурологическую ситуацию достижения бессмертия путем криоконсервации клеток тела:

Дружеская рука анабиоза
Великолепна в гуманитарной роли!
Из сердца человечества занозы
Вынимаются легко и без боли [Ярославский, 19226, с. 2].

В основе биокосмической эстетики анабиоза заложено принципиальное позднеанархистское отношение к власти, навязывающей человеку образ смерти как события, являющегося более важным, чем совокупность всех событий бытия. Состояние анабиоза в представлении Ярославского устраняет устоявшееся на протяжении истории человечества бессознательное стремление человека к смерти. Анабиоз принципиально изменяет стратегию поведения личности по отношению к смерти, которая перестает осмысляться как событие, а следовательно, характеризоваться как инструмент власти.

Биокосмическая идеология развенчивает образ смерти как неизбежности. Бессмертие выступает для анархобиокосмистов как ключевая точка смыслопорождения, конденсатор смысла; оно индивидуализует личность, утверждает ее бытийный статус, наделяет подлинностью и самоценностью. Биокосмизм не приемлет рациональности смерти, противопоставляя ей разумность бесконечного сопротивления. Смерть – это не открытие смысла бытия, а экзистенциальный тупик, негация события, бытия и смысла. Тем самым, разные формы телесных метаморфоз, позволяющих ускользнуть от смерти, не только снимают в представлении биокосмистов ужас небытия, но и признаются исходными пунктами творческой активности человека.

Список литературы

- Беляев А.* О моих работах // *Дет. лит.* 1939. № 5. С. 23–25.
- Бехтерев В. Бессмертие с точки зрения науки // *Вестник знания.* 1918. Вып. 2. С. 2–19.
- Буторин Г.* Пуповина человечества : (По пути эволюции вселенной) / предисл. А. Ярославского. М. : Супрадины, 1922. 14 с.
- Взмахи :* Орган молодых. Вып. 1. М. : Тип. С. А. Кинеловского, 1909. 35 с.
- Ган А.* Библиография. Петух революции. А. Святогор. 2-е изд. М., 1917 г. 40 коп. // *Анархия.* 1918. № 20. 17 марта. С. 4.
- Гройс Б.* Русский космизм : антология. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 335 с.
- Гюнтер Х.* Философия памяти Н. Федорова // *Философия космизма и русская культура : материалы междунар. науч. конф. «Космизм и русская литература : К 100-летию со дня смерти Николая Федорова», 23–25 октября 2003 г. / ред.-сост. К. Ичин.* Белград : Изд-во филол. ф-та в Белграде, 2004. С. 165–175.
- Зеньковский В. В.* История русской философии : в 2 т. 2-е изд. Париж : YMCA-Press, 1989. Т. 2. 477 с.
- Иваницкий П.* Библиография : (NN. О пролетарской этике. Изд-во В. Ц. И. К. Стр. 45. Москва) // *Универсал : Орган Всероссийской секции анархистов-универсалистов.* 1921. № 5–6 (нояб.-дек.). С. 8.
- Иваницкий П.* Об искусственном вызывании дождя : (Заметка) // *Биокосмист.* 1922. № 2. Апр. С. 5–6.
- Иваницкий П.* Искусственное вызывание дождя и управление погодой посредством регуляции атмосферного и земного электричества : материалы. М. : Новая деревня, 1925. 72 с.
- Муравьев В.* Овладение временем как основная задача организации труда. М. : Изд. авт., 1924. 127 с.
- Святогор А.* Стихеты о вертикали. М. : Тип. И. Н. Кузнецова, 1914. 32 с.
- Святогор А.* Петух Революции. М. : [Б. и.], 1917. 16 с.
- Святогор А.* Современная поэзия и биокосмизм // *Универсал : Орган Всерос. секции анархистов-универсалистов.* 1921. № 3–4 (апр.-май). С. 13–15.
- Святогор А.* Бессмертье комитета : (Из кн. «Ушаты бессмертия»). Программная) // *Универсал : Орган Всерос. секции анархистов-универсалистов.* 1921. № 3–4 (апр.-май). С. 15–16.
- Святогор А.* Биокосмическая поэтика // *Универсал : орган Всерос. секции анархистов-универсалистов.* 1921. № 5–6 (нояб.-дек.). С. 6–8.

Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм : [материалы]. № 1. Биокосмическая поэтика (Александр Святогор). Пролетарская этика (Павел Иваницкий). М. : Креаторий биокосмистов, 1921. С. 3–11.

Святогор А. Радость играющего зверя // Биокосмист. 1922. № 2. Апр. С. 1–2.

Святогор А. Два (Биокосмизм, материалы № 2). М. : Креаторий биокосмистов, 1922. 30 с.

ММ. О пролетарской этике : (Пролетарское творчество с точки зрения реалистической философии). М. : Изд-во ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918. 45 с.

Федоров Н. Музей, его смысл и назначение / под ред. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1982. 711 с.

Федоров Н. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Прогресс, 1995. Т. 2. 544 с.

Яковлев И. Брызги бестиализма : стихи / предисл. А. Ярославского. Боровичи : Антитаксидермисты, 1923. 32 с.

Ярославский А. Звездный манифест : стихотворения. Владивосток : [Б. и.], 1918. 15 с.

Ярославский А. Кровь и радость. Иркутск : Изд. культ.-просвет. отдела при отряде Каландаришвили, 1919а. 16 с.

Ярославский А. Грядущий потоп : поэма. Владивосток : Тип. «Коммерческая», 1919б. 20 с.

Ярославский А. Святая бестиаль : стихи. Петроград : Комитет поэзии биокосмистов-иммортилистов (Северная группа), 1922а. 15 с.

Ярославский А. Поэма анабиоза. Петроград : Комитет поэзии биокосмистов-иммортилистов (Северная группа), 1922б. 14 с.

Ярославский А. Аргонавты Вселенной : роман-утопия. М. ; Л : Биокосмисты, 1926. 173 с.

Burenina-Petrova O. Anarchism and the Russian Artistic Avant-Garde // Russian Dada 1914–1924 / ed. by M. Tupitsyn. Cambridge : The MIT Press, 2018. P. 226–255.

Lachmann R. Kultursemiotisches Projekt // Memoria : Vergessen und Erinnern / Hrsg. von A. Haverkamp, R. Lachmann, unter Mitwirkung von R. Herzog. München : Wilhelm Fink, 1993. S. 17–27.

References

Bekhterev, V. (1918). Bessmertie s tochki zreniya nauki [Immortality from the Scientific Point of View]. In *Vestnik znaniya*. Iss. 2, pp. 2–19.

Belyaev, A. (1939). O moikh rabotakh [About My Works]. In *Detskaya literatura*. No. 5, pp. 23–25.

Burenina-Petrova, O. (2018). Anarchism and the Russian Artistic Avant-garde. In Tupitsyn, M. (Ed.). *Russian Dada 1914–1924*. Cambridge, The MIT Press, pp. 226–255.

Butorin, G. (1922). *Pupovina chelovechestva: (Po puti evolyutsii vselennoi)* [The Umbilical Cord of Mankind. On the Path of Evolution of the Universe] / preface by A. Yaroslavskii. Moscow, Supradiny. 14 p.

Fedorov, N. (1982). *Muzei, ego smysl i naznachenie* [The Museum, Its Meaning and Mission] / ed. by A. V. Gulyg. Moscow, Mysl'. 711 p.

Fedorov, N. (1995). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works. 4 Vols.]. Moscow, Progress. Vol. 2. 544 p.

Gan, A. (1918). Bibliografiya. Petukh revolyutsii. A. Svyatogor. 2-e izd. Moscow, 1917 g. 40 kop. [Bibliography. The Rooster of the Revolution. A. Svyatogor. 2 Ed. Moscow, 1917. 40 kopecks]. In *Anarkhiya*. No. 20. 17 March, p. 4.

Groys, B. (2015). *Russkii kosmizm. Antologiya* [Russian Cosmism. Anthology]. Moscow, Ad Marginem Press. 335 p.

Günther, H. (2004). *Filosofiya pamyati N. Fedorova* [The Philosophy of Memory of N. Fedorov]. In Ichin, K. (Ed.). *Filosofiya kosmizma i russkaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kosmizm i russkaya literatura. K 100-letiyu so dnya smerti Nikolaya Fedorova", 23–25 oktyabrya 2003 g.* Belgrad, Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, pp. 165–175.

Ivanitskii, P. (1921). Bibliografiya: (NN. O proletarskoi etike. Izdatel'stvo V. Ts. I. K. Str. 45. Moscow) [Bibliography. NN. On Proletarian Ethics. V.Ts.I.K. Publishing House. Building 45, Moscow] In *Universal. Organ Vserossiiskoi sekti anarkhistov-universalistov*. No. 5–6 (November–December), p. 8.

Ivanitskii, P. (1922). Ob iskusstvennom vyzhivani dozhdy : (Zametka) [On the Artificial Induction of Rain (Note)]. In *Biokosmist*. No. 2. April, pp. 5–6.

Ivanitskii, P. (1925). *Iskusstvennoe vyzhivanie dozhdy i upravlenie pogodoi posredstvom regulyatsii atmosfernogo i zemnogo elektrichestva: materialy* [Artificial Induction of Rain and Weather Control through Regulation of Atmospheric and Terrestrial Electricity: Materials]. Moscow, Novaya derevnya, 72 p.

Lachmann, R. (1993). Kultursemiotisches Projekt. In Haverkamp, A., Lachmann, R., Herzog, R. (Hrsg.). *Memoria : Vergessen und Erinnern*. München, Wilhelm Fink, pp. 17–27.

Murav'ev, V. (1924). *Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [The Mastery of Time as the Main Task of Labour Organisation]. Moscow, Author's Edition. 127 p.

NN. (1918). *O proletarskoi etike: (Proletarskoe tvorchestvo s tochki zreniya realisticheskoi filosofii)* [Proletarian Ethics. Proletarian Creativity from the Point of View of Realist Philosophy]. Moscow, Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazatskikh deputatov. 45 p.

Svyatogor A. (1921). Bessmert'ya komitety: (Iz knigi "Ushaty bessmertiya". Programmnaya) [Committees of Immortality: (From the Book *Buckets of Immortality*. Programme)]. In *Universal. Organ Vserossiiskoi sekti anarkhistov-universalistov*. No. 3–4 (April–May), pp. 15–16.

Svyatogor A. (1921). Biokosmicheskaya poetika [Biocosmic Poetics]. In *Universal. Organ Vserossiiskoi sekti anarkhistov-universalistov*. No. 5–6 (November–December), pp. 6–8.

Svyatogor A. (1921). Sovremennaya poeziya i biokosmizm [Modern Poetry and Biocosmism]. In *Universal. Organ Vseros. sekti anarkhistov-universalistov*. No. 3–4 (April–May), pp. 13–15.

Svyatogor, A. (1914). *Stikhety o vertikali* [Vertical Verses]. Moscow, Tipografiya I. N. Kuznetsova, 32 p.

Svyatogor, A. (1917). *Petukh Revolyutsii* [The Rooster of the Revolution]. Moscow, S. n. 16 p.

Svyatogor, A. (1922a). Radost' igrayushchego zverya [The Joy of a Playing Beast]. In *Biokosmist*. No. 2. April, pp. 1–2.

Svyatogor, A. (1922b). *Dva (Biokosmizm, materialy № 2)* [Two (Biocosmism, Papers No. 2)]. Moscow, Kreatorii biokosmistov. 30 p.

Svyatogor, A., Ivanitskii, P. (1921). *Biokosmizm: [materialy]. № 1. Biokosmicheskaya poetika (Aleksandr Svyatogor). Proletarskaya etika (Pavel Ivanitskii)* [Biocosmism. [Materials]. No. 1. Biocosmic Poetics (Aleksandr Svyatogor). Proletarian Ethics (Pavel Ivanitskii)]. Moscow, Kreatorii biokosmistov, pp. 3–11.

Vzmakhi: Organ molodykh [Waving: The Organ of the Young.]. (1909). Iss. 1. Moscow, Tipografiya S. A. Kinelovskogo. 35 p.

Yakovlev, I. (1923). *Bryzgi bestializma: stikhi* [Splashes of Bestialism. Poems] / Preface by A. Yaroslavsky. Borovichi, Antitaksidermisty. 32 p.

Yaroslavsky, A. (1918). *Zvezdnyi manifest: stikhotvoreniya* [Star Manifesto. Poems]. Vladivostok, S. n. 15 p.

Yaroslavsky, A. (1919a). *Krov' i radost'* [Blood and Joy]. Irkutsk, Izdanie kul'turno-prosvetitel'skogo otdela pri otryade Kalendarishvili. 16 p.

Yaroslavsky, A. (1919b). *Gryadushchii potop: poema* [The Flood is Coming. Poem]. Vladivostok, Tipografiya "Kommercheskaya". 20 p.

Yaroslavsky, A. (1922a). *Svyataya bestial': stikhi* [Holy Bestiality. Poems]. Petrograd, Komitet poezii biokosmistov-immortalistov (Severnaya gruppa). 15 p.

Yaroslavsky, A. (1922b). *Poema anabioza* [The Poem of Anabiosis]. Petrograd, Komitet poezii Biokosmistov-Immortalistov (Severnaya gruppa). 14 p.

Yaroslavsky, A. (1926). *Argonavty Vselennoi: roman-utopiya* [Argonauts of the Universe. A Utopia]. Moscow, Leningrad, Biokosmisty. 173 p.

Zen'kovsky, V. V. (1989). *Istoriya russkoi filosofii v 2 t.* [The History of Russian Philosophy. 2 Vols.]. 2 Ed. Paris, YMCA-Press. Vol. 2. 477 p.

The article was submitted on 01.03.2018

Conceptus
et conceptio

А. С. Хомяков. 1840–1850-е
A. S. Khomyakov. 1840–1850s

И. В. Киреевский. 1840–1850-е
I. V. Kireyevsky. 1840–1850s

Conceptus
et conceptio

DOI 10.15826/qr.2019.1.374
УДК 141.7:82-43+94(100)"1852"+316.422

**ДИАЛОГ И. В. КИРЕЕВСКОГО И А. С. ХОМЯКОВА
О ХАРАКТЕРЕ РУССКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ***

Наталья Володина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

**DIALOGUE BETWEEN A. S. KHOMYAKOV
AND I. V. KIREEVSKY ON THE CHARACTER
OF RUSSIAN AND EUROPEAN ENLIGHTENMENT**

Natalya Volodina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

This article focuses on the dialogue between A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky on the Russian and European Enlightenment. Comparative analysis of Kireevsky's *On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment* (1852) and Khomyakov's *On I. V. Kireevsky's Article "On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment"* (1852) illustrates their understanding of an issue which motivated their further creative and intellectual communication. This not only helps us to see the unity of Slavophile opinion but also each authors' individual attitude towards the matter at hand. According to them, the Russian and European Enlightenment differed in their origin and content. Both philosophers see the Enlightenment as a universal category which not only characterises intellectual activity connected with education and the peculiarity of scholarly knowledge, but also the moral, spiritual, and aesthetic values of society, people's behaviour, and everyday life. While the two philosophers generally agree on the understanding of the issue, some of their conclusions are different. Thus, Khomyakov holds a more

* *Citation*: Volodina, N. (2019). Dialogue between A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky on the Character of Russian and European Enlightenment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 243–254. DOI 10.15826/qr.2019.1.374.

Цитирование: Volodina N. Dialogue between A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky on the Character of Russian and European Enlightenment // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 243–254. DOI 10.15826/qr.2019.1.374 / Володина Т. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 243–254. DOI 10.15826/qr.2019.1.374.

sympathetic position on the European question: he gives a detailed account of those achievements of European culture which became the common heritage of mankind and is more critical of the medieval period of Russian history, referring to historical facts. Kireevsky makes more general statements and is selective when it comes to illustrating his arguments with examples from European and Russian history. Ultimately, both philosophers recognise the advantages of the Russian Enlightenment, whose nature they both characterise as integrated, reasonable, and inspired by faith, unlike the bifurcated nature and deliberativeness of the European Enlightenment. Both Kireevsky and Khomyakov aim to avoid contrasting Russia and Europe, concluding that their inner connections are historically grounded and enrich both Russian and European cultures.

Keywords: Russian Enlightenment; European Enlightenment; mentality; rationality and reasonableness; right-mindedness and integrity; mutual influence.

Рассматривается диалог философов-публицистов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского о русском и европейском просвещении. Соотнесение работ Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852) и Хомякова «По поводу статьи И. В. Киреевского “О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России”» (1852) раскрывает понимание ими проблемы, ставшей поводом для их творческого и интеллектуального общения. Это позволяет увидеть не только единство «славянофильских мнений», но и индивидуальный взгляд авторов на обсуждаемое явление. Русское и европейское просвещение, по их размышлениям, отличаются и в своих истоках, и своим содержанием. Просвещение в понимании обоих философов является универсальной категорией, которая характеризует не только собственно интеллектуальную деятельность, связанную с образованием человека, спецификой научного знания, но также нравственные, духовные, эстетические ценности общества и поведение и быт людей. Совпадая в целом по сути понимания проблемы, философы расходятся в ряде частных выводов. Позиция Хомякова по европейскому вопросу оказывается более сочувственной, он подробно говорит о достижениях европейской культуры, которые стали общим достоянием человечества, и более критично оценивает период жизни Древней Руси, ссылаясь на конкретные исторические факты. Киреевский в большей мере стремится к обобщениям, избирательно привлекая материал русской и европейской истории. В итоге оба автора признают преимущество русского просвещения, обладающего внутренней цельностью и разумностью, одухотворенного верой, в отличие от «раздвоенности» и рассудочности европейского просвещения. В то же время и Киреевский, и Хомяков стремятся уйти от жесткого противопоставления России и Европы и приходят к выводу о том, что их внутренние связи исторически закономерны и обогащают как русскую, так и европейскую культуру.

Ключевые слова: русское просвещение; европейское просвещение; ментальность; рационализм и рассудочность; разумность и цельность; взаимовлияние.

Проблема русско-европейских связей – одна из констант отечественной истории и культуры, меняющая свое содержание от эпохи к эпохе, но неизменная в своих главных составляющих. Это система бинарных оппозиций, построенных на со- и противопоставлении ряда понятий и явлений: типа ментальности русского и европейского человека, специфики религиозных верований, уклада жизни и др. Принципиальное отличие элементов этих оппозиционных пар не исключает их сложных внутренних связей и зависимости друг от друга. Концепт «русский европеец» явился контаминацией двух изначально противоположных понятий. Разделяя базовые европейские ценности, признавая достижения европейской культуры, русский европеец, в отличие от последовательных западников, не идеализировал Запад. Двойственное отношение к нему позволяет увидеть определенную общность между русским европеизмом 1830–1850-х гг. и другим явлением общественной мысли того же периода – славянофильством.

Славянофилы, стремясь к самоопределению отечественной культуры, неизбежно соотносили ее с западной. Факт обращения к европейской истории и культуре, стремление понять их глубинные онтологические основания – свидетельство того, что славянофилы осознавали их ценность и значение для собственной страны. «Подлинный европеизм, – как пишет В. К. Кантор, – рождается из преодоления националистической закрытости каждой данной культуры» [Кантор, с. 10]. Близкую оценку славянофильства дает Б. Ф. Егоров: «И уже совершенно был чужд Хомяков (да и другие славянофилы) националистического высокомерия по отношению к другим народам» [Егоров, с. 115].

Осмысление этой цивилизационной проблемы нашло свое воплощение в славянофильской критике и религиозно-философской публицистике, прежде всего в работах А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Они не создали законченных философских или социально-политических систем, однако в своих суждениях о русской и европейской культуре руководствовались вполне сложившимися собственными метафизическими идеями и представлениями. Эти идеи часто рождались в их диалоге друг с другом. Традиционным предметом научных исследований стала полемика славянофилов и западников. Однако не менее важно рассмотреть «коммуникативные отношения», существовавшие внутри самого славянофильства, ибо при близкой в целом системе взглядов А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др. отнюдь не дублировали друг друга в собственных устных и печатных выступлениях.

Поводом для одного из таких внутренних диалогов стала статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», помещенная в первом томе «Московского сборника» (1852). Вскоре после ее появления А. С. Хомяков развернуто высказался о ней, указав на предмет своих рассуждений уже названием: «По поводу статьи И. В. Киреевского "О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России"». Анализ

работ Киреевского и Хомякова в их соотнесенности друг с другом способствует пониманию проблемы взаимоотношений европейского и русского просвещения сквозь призму диалога двух высокообразованных, оригинально мыслящих людей.

Философско-публицистический диалог Хомякова и Киреевского был органической частью их дружеского общения (см.: [Рябий, 2007, с. 40–50]). И хотя устный «речевой жанр» (М. М. Бахтин) отличается от письменного, их взаимосвязь очевидна. Первым опытом такого обмена мнениями стала работа А. С. Хомякова «О старом и новом» (1839, опубл. в 1861) и статья И. В. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову» (1839, опубл. в 1861). Обе они предназначались не для печати, а для прочтения на одном из вечеров в московском доме Киреевского и задолго до публикации разошлись в списках. В 1852 г. возникла обратная ситуация: поводом для обсуждения близких тому и другому проблем стала статья Киреевского, на которую откликнулся Хомяков. Публикация Киреевского вызвала разногласия, в том числе критические отклики даже у его единомышленников (см.: [Киреевский, 1984, с. 357; Киреевский, 1979, с. 418–419]).

В. Н. Греков в своем фундаментальном комментарии к изданному им «Московскому сборнику» и, в частности, к статье Хомякова отмечает, что тот «написал полемический ответ “По поводу статьи И. В. Киреевского в ‘Московском сборнике’”» [Греков, с. 868]. Стиль полемики действительно характерен для многих работ Хомякова. Не случайно современники единодушно отмечали его «дискуссионный талант» [Тарасов, с. 5]. Однако ответ Хомякова Киреевскому скорее представляет собой диалог с автором обсуждаемой статьи, предполагающий равенство сторон, в данном случае не столько оппонентов, сколько собеседников. Хомяков воспринимает работу Киреевского как повод для изложения собственных мыслей на ту же тему. Его глубокое убеждение состоит в том, что «общение слова, мысли и чувства есть не только дело великой важности, но едва ли не лучшее достояние человека на земле» [Хомяков, 2014, с. 286]¹. Излагая свое видение проблемы, Хомяков явно рассчитывает на понимание адресата и интеллектуально-духовное единение с ним.

Значение вопроса, рассматриваемого Киреевским, – о характере европейского просвещения и его отношении к русскому, – с точки зрения Хомякова, определяется тем, что от содержания этого вопроса зависит «не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, и направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений» (с. 286). Просвещение в понимании того и другого философа не ограничивается собственно интеллектуальной деятельностью, связанной с образованием человека, развитием научного знания, но имеет также духовно-нравственную составляющую. Согласно ло-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание будут приводиться в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

гике авторов статей, оно определяет содержание и характер исторического процесса, религиозные верования, науку (прежде всего философию), искусство, а также поведение и быт людей. В связи с этим аргументация русских философов построена на со- и противопоставлении специфики образованности, типа мышления русского и европейского человека и понимания ими христианства, на сопоставлении характера общественной и частной жизни и т. д.

Хомяков концептуально передает основные идеи статьи Киреевского или непосредственно цитирует их. В большинстве случаев он соглашается с этими идеями («прекрасно изложил г. Киреевский», «это несомненно так», «г. Киреевский прав в том смысле» и т. п.), поясняет, развивает, оценивает их, высказывает собственные соображения по поводу тех же вопросов, защищает Киреевского от уже прозвучавших обвинений, но иногда и полемизирует с ним. В понимании главной проблемы – отличий русского и европейского просвещения – Хомяков и Киреевский, несомненно, совпадают. Главный вывод статьи Киреевского буквально воспроизводится Хомяковым:

Раздвоение и рассудочность суть последнее выражение западноевропейского мира, цельность и разумность – выражение древнерусской образованности (с. 286–287).

Применительно к Западной Европе временные границы четко не обозначены; применительно к русскому просвещению речь идет о Древней Руси. Основой просвещения, с их точки зрения, является умственная жизнь людей, характер мышления русского и европейского человека. В трактовке Киреевского и Хомякова «склад ума» не столько природное качество, сколько исторически и социально детерминированное. По сути, речь идет о ментальной категории, включающей в себя «совокупность представлений, понятий, мыслительных структур, способ восприятия мира...» [Гуревич, 2007, с. 365], а также «эмоции, привычки, приемы сознания» [Большакова, 2004, с. 251]. Сравнивая западноевропейский и русский мир, Хомяков и Киреевский обращаются к истокам европейского и русского просвещения – к истории Византии, Древней Греции и Рима, ибо именно эти истоки, с их точки зрения, определяют современную ситуацию. Западная Европа в своей образованности, своем историческом, общественном, нравственном развитии, как считают оба философа, опирается на традиции Древнего Рима. Киреевский отмечает, что главная специфика «умственного характера» Рима должна была отразиться и в умственной особенности Запада.

Но если мы захотим эту господствующую особенность римского образования выразить одной общей формулой, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался в том

именно, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутренней сущностью вещей [Киреевский, 2014, с. 21]².

«Это неоспоримо», – подтверждает Хомяков, приходя к заключению, что такой тип мышления характерен и для современного западного человека (с. 290). Особенно отчетливо, как полагают авторы обеих статей, этот склад ума проявился в философии. Определяя специфику европейской науки, оба русских мыслителя говорят о ее «рассудочном» характере. Наиболее развернуто Хомяков рассуждает на эту тему в написанной позднее статье «О современных явлениях в области философии» (1860).

Как поясняет Н. Бердяев, «Хомяков глубоко понял невозможность дальнейшего развития философии по рационалистическому, рассудочному, отвлеченному пути, так как путь этот приводит к абсолютному ничто, превращает мир в тень тени» [Бердяев, с. 63]. Неприятие Хомяковым и славянофилами в целом безусловного авторитета рационализма во многом объясняет характер их собственного философского мышления. А. Ф. Лосев пишет: «Русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [Лосев, с. 213].

Хомяков и Киреевский рассматривают влияние европейского просвещения, квинтэссенцией которого является философия, на разные сферы западного мира. Говоря об общественной жизни, авторы статей показывают, что рационализм, являясь универсальным свойством европейской ментальности, обнаруживает себя в доминирующей роли права, юридического закона, тоже унаследованных современной Западной Европой из Древнего Рима. Господство «юридической стихии», считает Хомяков, привело к тому, что в итоге удалось

...внутреннюю жизнь подвести под законы правомерности гражданской... составляя, если можно так выразиться, какую-то таблицу счетоводства между Богом и его творением (с. 293).

Это, с точки зрения Хомякова, одно из самых опасных следствий устройства западного мира, ибо в результате происходит «регламентация» не только института государства, общественной жизни, но в каком-то смысле и внутренней жизни человека, утрачивающей тот главный смысл, который привнесло в нее христианство.

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

Оба мыслителя воспринимают христианство как неотъемлемую составляющую европейского просвещения. Однако для них принципиально важным является вопрос, как именно было воспринято, истолковано христианство западной церковью, и, соответственно, как оно сказалось на характере мировосприятия европейского человека. Задача западных богословов состояла в том, чтобы «не только связать понятия богословские в разумную систему, но и подложить под них рассудочно-метафизическое основание» (с. 294), – вновь цитирует Хомяков Киреевского. Такое вторжение в религию аналитического начала приводит, полагают авторы, к нарушению цельности христианства и пагубно сказывается на духовно-нравственной жизни человека. Причем это распространяется и на католичество, и на протестантство. Как пишет Хомяков,

...если в самом религиозном начале Запада, т. е. в слиянии односторонне понятого христианства с одностороннею образованностью, скрывался неизбежный рационализм (а в том нет никакого сомнения)... он должен по необходимости подрезать и сокрушить все живое и безусловное, всю, так сказать, органическую растительность души и оставить около себя только безотрадную пустыню (с. 289).

Хомякову и Киреевскому свойственно эстетическое видение рассматриваемой ими проблемы, отражающееся на характере стиля их статей, ничуть не противоречащее строгой научной логике.

Хомяков сближается с Киреевским и в оценке русского просвещения, признавая его преимущества перед западным. Он не раз повторяет главный тезис статьи Киреевского:

С одной стороны, *рассудочность и раздвоенность*, с другой – разумность и цельность (с. 297).

Говоря об особенностях русского просвещения, философы также рассматривают его истоки. Если для Западной Европы определяющей оказалась традиция Древнего Рима, то для Руси – традиция Византии, прежде всего ее духовной христианской культуры. Позднее эту идею будет развивать К. Н. Леонтьев: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными простыми началами...» («Византизм и славянство», 1874) [Леонтьев, с. 61]. Именно Древняя Русь, приходят к выводу мыслители, восприняла цельность и полноту христианства, что проявилось в особой доминирующей роли веры. Сопоставляя в этом плане западное и русское просвещение, они уточняют, что для католичества и протестантизма вера не имеет определяющего значения, ибо, как пишет Киреевский, она оказалась подчинена здесь «логическим выводам рассудка» (с. 24), и потому просвещение Западной Европы стало равно ее умственному развитию.

Скептицизм авторов статей, связанный с их уверенностью в безусловном авторитете для Запада рационального, рассудочного принципа, проникающего во все сферы жизни, отнюдь не исключает важной роли мыслительного начала и знания. Однако Хомяков определяет эту роль не через категорию рассудка («рассудок в человеке зреет гораздо легче, чем разум»), а через понятия разума и сознания (по Хомякову – высшей ступени разума). Философы вполне допускают сосуществование духовного и аналитического начал во внутреннем мире человека при условии, что разум не подменяет веру, не вытесняет ее, но дополняет и гармонизирует. Хомяков поясняет:

Односторонняя вера в логическое знание мертвит истинный разум и ведет к самоосуждению логического рассудка, как мы видели из всей истории западного просвещения; но отсутствие или неопределенность логического знания в развитии историческом отнимают у жизни и убеждения их разумную последовательность и крепость (с. 330).

Органическое единство мысли и чувства, веры и разума, согласно Хомякову, это главное условие цельности просвещения и его влияния на образ жизни и поведение человека. Не случайно он говорит о «вере разумной» как об отличительном свойстве сознания человека, сформированного христианством (в контексте статьи – православием) (с. 314).

Оба философа, сближаясь в понимании главных особенностей европейского и русского просвещения, расходятся в ряде конкретных выводов. Это не принципиальные расхождения, ибо возражения Хомякова носят по преимуществу уточняющий характер. Хомяков постоянно ссылается на многочисленные исторические факты, выстраивает их в определенный ряд, систему, обосновывая свои теоретические идеи. Киреевский в большей мере стремится к обобщениям и заключениям, избирательно привлекая материал русской и европейской истории. «Его задача, – поясняет Хомяков, – состояла в рассмотрении общего строя целой умственной истории Запада...», как и Руси (с. 289). Позиция Хомякова по отношению к Европе оказывается более конструктивной, чем Киреевского (если иметь в виду именно славянофильский период творчества последнего). Он значительно чаще отмечает заслуги европейского мира, европейской культуры, периодически прибегая к обобщенным характеристикам. Как пишет Б. Ф. Егоров, «он был пронзительно европейского склада мыслителем» [Егоров, 2007, с. 47]. Приведем одно из характерных суждений Хомякова:

Это мы можем сказать, отдавая вполне справедливую дань удивления его (европейского мира. – *Н. В.*) великим явлениям историческим, и художественным, и научным, будь это Гильдебрант и Готфрид, или Лютер и Густав Адольф, или творец Сикстинской Мадонны, или строитель Кёльнского собора, или Кант, или Гегель, довершители рассудочной философии (с. 296).

Киреевскому свойственно характерное для славянофильской теории в целом противопоставление, которое Б. Ф. Егоров определяет как противопоставление «*реальной* Западной Европы, где недостатки выдвигались на первый план, и *идеальной* России» [Егоров, 2003, с. 113]. В этом смысле позиция Хомякова отличается от общей славянофильской историко-философской концепции. Он полемизирует с одним из главных выводов статьи Киреевского:

Особенность... Древней Руси заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней – во всем объеме ее общественного и частного быта (с. 297).

Хомяков возражает главным образом против заключительной части этого утверждения, ибо ему противоречат, как полагает философ, исторические факты, известные из летописей и других документальных источников. В изложении Хомякова русская история выглядит более объективно, чем в статье Киреевского, словно не учитывающего тех противоречий, национальных катастроф, того несовершенства русской жизни, которое можно наблюдать, как показывает Хомяков, и в допетровской Руси.

Органическое единство мысли и чувства, веры и разума, составляющее смысл православия, являлось для Древней Руси, по Хомякову, скорее идеалом, чем реальностью, и в этом смысле «полнота и цельность» христианства здесь тоже не были достигнуты. Сам характер общественной жизни Древней Руси был достаточно далек от одухотворения ее нравственными идеалами христианства. Он пишет:

Святая православная вера не довольно еще глубоко и повсеместно проникла в нашу старую Русь, чтобы избавить ее от кровавых распрей и болезненных потрясений (с. 325).

Кроме того, автор приходит к заключению (и в этом он совпадает с Киреевским), что значительная часть русской земли «была христианскою более по наружному обряду, чем по разумному сознанию» (с. 314), хотя это другого рода обрядность, чем на Западе:

Таким образом, снимая жесткую оппозицию между западным и русским просвещением, – обрядовая формальность (так же, как на Западе юридическая или рациональная формальность), увеличиваясь мало-помалу с XVI века, произвела односторонность (с. 207).

Эта глубинная онтологическая причина – недостаточное осознание русским народом самой сущности христианства – согласно логике автора статьи, не могла не сказаться на мировосприятии и поведении русских людей, для которых тоже свойственно «глубокое раздвоение в душевном настроении, в быте и в характере образованности» (с. 309).

Очевидно, мысль об опасности преобладания внешней обрядности над внутренней жизнью человека и церкви – одна из тех постоянно актуализирующихся идей, которая оказывается близка ряду религиозных мыслителей разных эпох и конфессий. Приведем одно из провокационных суждений протоиерея А. Шмемана:

Нет ничего хуже профессиональной религиозности! <...> «Церковность» – это в наши дни алиби безответственности: христианской, нравственной, жизненной. Словно «церковность» освобождает от заботы о чем бы то ни было другом, главное – о сущности христианства, о его учении, призыве, откровении [Шмеман, с. 74].

Сопоставляя и противопоставляя характер русского и европейского просвещения, показывая их существенные отличия, Хомяков приходит к заключению, что односторонность свойственна не только Европе, но и Руси. В то же время он видит принципиальное отличие самого характера двойственности русской жизни по сравнению с европейской. Он считает, что это «раздвоение» не было «основано на коренной неправде и вражде и узаконено самим миром духовным, как на Западе: оно существовало как факт, а не как сознанное начало» (с. 311). Полемизируя с Киреевским по ряду вопросов, Хомяков соглашается с его главной идеей:

Закон цельности, который он признает, остается неприкосновенным, несмотря на разрозненность, нестройность и беспорядочность исторических стихий, на которые действовало просветительное начало, по милости Божией данное старой Руси (с. 322).

Это начало Хомяков, как и Киреевский, видит в духовно-просветительской роли монастырей, в личности и поведении конкретных людей, таких как Владимир Мономах или Сергей Радонежский, в творчестве духовных писателей, от которых, как пишет Хомяков, «осталось нам так много назидательных преданий и так много слов поучения и утешения» (с. 324). Конечно, такого рода факты не определяли характер массового сознания, но влияли на его формирование, давали русскому миру тот идеал гармоничного соединения веры и разума, внутренней цельности, которые определяли вектор развития просвещения Древней Руси. Хомяков не переносит эти достоинства на современную Россию, но верит в возможность сохранения либо возрождения этой духовной традиции:

Велик и благороден подвиг всякого человека на земле: подвиг русского исполнен надежды. Не жалеть о лучшем прошедшем, не скорбеть о некогда бывшей вере должны мы, как западный человек; но, помня с отрадою о живой вере наших предков, надеяться, что она озарит и проникнет еще полнее наших потомков (с. 332–333).

Возвращаясь к вопросу о соотношении европейского и русского просвещения, Хомяков, как и Киреевский, приходит к выводу, что

при всем различии их взаимовлияние исторически неизбежно и обогащает как русскую, так и европейскую культуру. При этом оба философа высказывают мысль (одну из постоянных идей русской историософии, культуры, литературы, пр.) о необходимости критического, творческого усвоения западного просвещения, о привнесении в него духовного начала и ценностей, которые, как пишет Хомяков, «нам истари завещаны православием наших предков» (с. 333).

Принципиально важная для Хомякова, как и для Киреевского, идея цельности просвещения Древней Руси оборачивается в конечном итоге множеством потенциальных смыслов, актуализация которых неизбежно несет в себе обновление в перспективе «большого времени», но и напоминает о своей архетипической сущности, возвращая к своим истокам.

Список литературы

Бердяев Н. А. С. Хомяков как философ // Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж : YMCA-Press, 1989. С. 60–67.

Большакова А. И. Менталитет // Западное литературоведение XX века. М. : Ingrad, 2004. С. 250–251.

Греков В. Н. «Московский сборник» И. С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 837–910.

Гуревич П. С. Ментальность // Психологический словарь. М. : Олма, 2007. С. 365–366.

Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. М. : Языки славян. культуры, 2003. 367 с.

Егоров Б. Ф. А. С. Хомяков – русский европеец // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2007. Т. 1. С. 27–30.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М. : РОССПЭН, 2001. 697 с.
Киреевский И. В. Критика и эстетика / вступ. ст., прим. и коммент. Ю. В. Манна. М. : Искусство, 1979. 439 с.

Киреевский И. В. Избранные статьи / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Котельникова. М. : Современник, 1984. 371 с.

Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М. : Дар, 2005. 491 с.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 524 с.

Рябий М. Алексей Степанович Хомяков в кругу Киреевских – Елагиных // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2007. Т. 1. С. 40–50.

Солодкая Е. А. Русское западничество славянофила А. С. Хомякова: дискурсивный парадокс национальной традиции // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2007. Т. 1. С. 35–39.

Тарасов Б. Н. А. С. Хомяков как личность и как мыслитель // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2007. Т. 1. С. 7–16.

Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. : в 2 т. М. : Университет. тип., 1861. С. 195–260.

Хомяков А. С. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М. : Рус. путь, 2007. 718 с.

References

- Berdyayev, N. A. (1989). A. S. Khomyakov kak filosof [A. S. Khomyakov as a Philosopher]. In Berdyayev, N. A. *Tipy religioznoi mysli v Rossii*. Paris, YMCA-Press, pp. 60–67.
- Bol'shakova, A. I. (2004). Mentalitet [Mentality]. In *Zapadnoe literaturovedenie XX veka*. Moscow, Inrada, pp. 250–251.
- Egorov, B. F. (2003). *Ot Khomyakova do Lotmana* [From Khomyakov to Lotman]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 367 p.
- Egorov, B. F. (2007). A. S. Khomyakov – russkii evropeets [A. S. Khomyakov – a Russian European]. In *A. S. Khomyakov – myslitel', poet, publitsist v 2 t.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, pp. 27–30.
- Grekov, V. N. (2014). “Moskovskii sbornik” I. S. Aksakova v kontekste russkoi kul'tury [Moskovskiy Sbornik by I. S. Aksakov in the Context of Russian Culture]. In Grekov, V. N. (Ed.). *Moskovskii sbornik*. Moscow, Nauka, pp. 837–910.
- Gurevich, P. S. (2007). Mental'nost' [Mentality]. In *Psikhologicheskii slovar'*. Moscow, Olma, pp. 365–366.
- Kantor, V. K. (2001). *Russkii evropeets kak yavlenie kul'tury* [A Russian European as a Phenomenon of Culture]. Moscow, ROSSPEN. 697 p.
- Khomyakov, A. S. (1861). Po povodu stat'i I. V. Kireevskogo “O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii” [On I. V. Kireevsky's *On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment*]. In Khomyakov, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 2 t.* Moscow, Universitetskaya tipografiya, pp. 195–260.
- Khomyakov, A. S. (2014). Neskol'ko slov po povodu stat'i g. Kireevskogo, pomeshchennoi v 1-m tome “Moskovskogo sbornika” (“O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii”) [A Few Words on Mr. Kireevsky's Article Found in the First Volume of *Moskovskiy Sbornik (On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment)*]. In Grekov, V. N. (Ed.). *Moskovskii sbornik*. Moscow, Nauka, pp. 285–334.
- Kireevsky, I. V. (1979). *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics] / ed. by Yu. V. Mann. Moscow, Iskusstvo. 439 p.
- Kireevsky, I. V. (1984). *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] / ed. by V. A. Kotel'nikov. Moscow, Sovremennik. 371 p.
- Kireevsky, I. V. (2014). O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [On the Character of European Enlightenment and Its Relation to Russian Enlightenment]. In Grekov, V. N. (Ed.). *Moskovskii sbornik*. Moscow, Nauka, pp. 285–334.
- Leont'ev, K. N. (2005). *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantinism and Slavdom]. Moscow, Dar. 491 p.
- Losev, A. F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 524 p.
- Ryabii, M. (2007). Aleksei Stepanovich Khomyakov v krugu Kireevskikh – Elaginykh [Alexey S. Khomyakov in the Kireevsky – Elagin Circle]. In *A. S. Khomyakov – myslitel', poet, publitsist v 2 t.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, pp. 40–50.
- Schmemmann, A., Archiprb. (2007). *Dnevnik 1973–1983* [Diaries. 1973–1983]. Moscow, Russkii put'. 718 p.
- Solodkaya, E. A. (2007). Russkoe zapadnichestvo slavyanofila A. S. Khomyakova: diskursivnyi paradoks natsional'noi traditsii [The Russian Westernism of the Slavophile A. S. Khomyakov. Discursive Paradox of the National Tradition]. In *A. S. Khomyakov – myslitel', poet, publitsist v 2 t.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, pp. 35–39.
- Tarasov, B. N. (2007). Khomyakov kak lichnost' i kak myslitel' [Khomyakov as a Person and as a Thinker]. In *A. S. Khomyakov – myslitel', poet, publitsist v 2 t.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1, pp. 7–16.

«РАЗГОВОР ПО ДУШАМ» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Вадим Дементьев

Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия

*HEART-TO-HEART TALK IN THE SYSTEM OF VALUES OF RUSSIAN SPEECH COMMUNICATION***

Vadim Dementyev

Saratov State University,
Saratov, Russia

This article considers *heart-to-heart talk* (Rus. *разговор по душам*), a genre of harmonious communication belonging to the informal sphere of immediate oral spontaneous communication mostly aimed at establishing or strengthening interpersonal intimacy, moral support, and the exchange of important personal information. The author provides linguo-communicative (speech genre), linguocultural, linguo-cognitive (value), and linguo-statistical (corpus) analysis of the genre, which is regarded as a genre of communication and speech with no equivalents in other cultures, a scenario and value of Russian speech communication and Russian culture as a whole. Analysis of the genre reveals its significant complexity and inconsistency, including value inconsistency: *heart-to-heart talk* can be “simple” – and beyond someone’s capacity to understand; with an “simple” interlocutor – and a highly educated specialist; with “one’s own” – and with a stranger; it can be short – and long; relaxed, “light” – and tense, “hard”; it can be pleasant, “partial”, and include elements of flattery – and harsh criticism; it can lead to reconciliation – and to a quarrel; it can be calm – and include elements of a dispute (*razgovor po dusham* between men) or hysterics (between women); usually a *heart-to-heart talk* cannot take place “on demand”. *Razgovor po dusham*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту 34.8128.2017/8.9.

** Citation: Dementyev, V. (2019). *Heart-to-heart Talk in the System of Values of Russian Speech Communication*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375.

Цитирование: Dementyev V. *Heart-to-heart Talk in the System of Values of Russian Speech Communication* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375 / Дементьев В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375.

is regarded positively when conducted (successfully) by psychologists with mentally ill or unstable people. In the majority of cases, the evaluative characteristics of the *razgovor po dusham* reflected in the examples are positive and highly positive; at the same time, there are negative characteristics. The article takes into account studies of cultural concepts in the Russian national and linguistic worldview (“душа” *soul*, “правда” *truth*, “дружба” *friendship*, “искренность” *sincerity*, “тоска” *longing*, etc.) and complements the picture with a number of important concepts, associated with the communicative-pragmatic and genre-role nature of the phenomenon, and with the peculiarities of paradigmatics and syntagmatics in the contexts of modern Russian speech.

Keywords: *razgovor po dusham*; heart-to-heart talk; Russian communication; speech genre; communicative value; *Integrum* text corpus.

Статья посвящена речевому жанру «разговор по душам» – жанру гармоничного общения, принадлежащему неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Дается лингвокоммуникативный (речежанровый), лингвкультурологический, лингвокогнитивный (ценностный) и лингвостатистический (корпусный) анализ жанра, понимаемого соответственно как безэквивалентный коммуникативный/речевой жанр, сценарий и ценность русской речевой коммуникации и русской культуры в целом. Обнаруживаются его значительная сложность и противоречивость, в том числе ценностная: разговор по душам может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской разговор) или истерики (женский); обычно разговор не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается разговор по душам, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик разговора по душам, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время встречаются и отрицательные. Материал, будучи соотносительным с исследованиями культурных концептов русской национально-языковой картины мира (*душа*, *правда*, *дружба*, *искренность*, *тоска* и т. п.), дополняет ее рядом представлений, связанных с коммуникативно-прагматической и жанрово-ролевой природой данного явления, с особенностями парадигматики и синтагматики в контекстах из современной русской речи.

Ключевые слова: разговор по душам; русская коммуникация; речевой жанр; коммуникативная ценность; *Integrum*.

Речевой жанр *разговор по душам* (РпД) (другие названия – *дружеский разговор*, *дружеская беседа*, «*экзистенциальный разговор “о самом главном”*» (А. Д. Шмелев) имеет исключительное значение для русского коммуникативного пространства, а также для системы основных ценностей русской культуры. Определяем РпД как жанр гармоничного общения, принадлежащего неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Высокая степень изученности базовых ценностей русской культуры [Базовые ценности россиян; Гладкова; Карасик; Лебедева; Лингвистика и аксиология; Тарасов; Бульгина, Шмелев], подробное описание ряда фатических (праздноречевых) и смежных речевых жанров [Байкулова; Дьякова, Стернин; Ланских; Панченко; Седов] заставляют пристальнее всмотреться в феномен РпД, признавая его яркое отображение в русской литературе XIX и XX в.

Речежанровый метод основывается на базовых положениях речеведения (коллоквиалистики, конверсационного анализа, дискурса-анализа), которые опираются на понятие речевого жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении порождения и интерпретации речи, и предполагает анализ материала по следующим важнейшим параметрам: ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления ее начала и конца, форма передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации.

Лингвокультурологический и тесно связанный с ним лингвокогнитивный (ценностный) методы основываются на базовых положениях когнитивной генристики – направления, которое исходит из того, что структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть коммуникативные концепты, имеющие четкое композиционно-тематическостилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры. Их упорядочивание осуществляется по стандартной схеме «действие/ акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр».

Анализ материала производится по следующим параметрам: оценочная, безэквивалентная лексика, именующая жанры речи и их компоненты, и оценочные шкалы, лежащие в основе оценок разных типов; метафоры и метафорические модели, лежащие в основе формирования переносных значений слов; тексты, в том числе художественные, имеющие ценностное содержание; общая внешнекультурная и внутрикультурная парадигма (включая языковую политику,

моменты глобализации или, наоборот, изоляции); основные коммуникативные сферы, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров – сферы устной и письменной речи, публицистики/СМИ (Интернета) и т. д.

Лингвостатистический (корпусный) метод основывается на базовых положениях корпусной генристики, предполагающей изучение речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики. Жанроведческие задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем. На первый план выходит проблема «ключевых слов» и «ключевых фраз», или текстовых маркеров РЖ, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. В нашем исследовании в этой роли выступает выражение *по душам*.

Интенциональный анализ РпД как фатического речевого жанра

РпД является *фатическим жанром* в том смысле, что в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи. Однако возникают сложности с определением его места в типологии фатических речевых жанров (далее – ФРЖ), отношений с другими фатическими жанрами. Типология ФРЖ строится нами на основе двух критериев: это качество межличностных отношений (на рисунке – горизонтальная шкала А. Р. Балаяна от диссонанса до унисона) и степень косвенности (вертикальная шкала от нулевой косвенности к максимальной) (рис. 1). Выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ:

1. Праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а сохраняются, степень косвенности – приблизительно $\frac{1}{2}$ (точка О).

2. ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры (отрезок ОА).

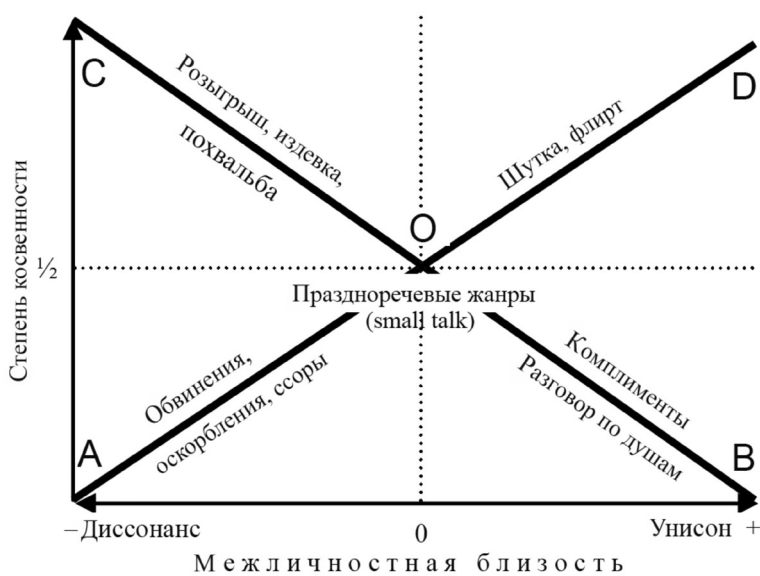
3. ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные признания, комплименты, исповеди/проповеди и т. п. (отрезок ОВ).

4. ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности иронии, издевка, розыгрыш, похвальба.

5. ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: шутка, флирт (отрезок ОD) (подробнее см.: [Дементьев, 1999; Дементьев, 2010, с. 209–235]).

На первый взгляд, место РпД в типологии ФРЖ может быть определено как «точка О»: жанры без изменения межличностных отно-

шений, с умеренной косвенностью. В то же время русский РпД настолько отличается от других ФРЖ, находящихся в точке О (*разговор на общие темы / болтовня, светский разговор, "small talk"*), что определение «праздноречевой» по отношению к нему (в некоторых работах, например, [Арутюнова], это синоним термина «фатический») оказывается совершенно неверным. Часто глубокое, сущностно важное для участников РпД содержание также принципиально противостоит общим представлениям о фатическом общении, идущим от Б.Малиновского [Malinowski]. Русский РпД именно не праздный разговор, а «разговор о главном» – о жизненных позициях и ценностях¹.

Можно сказать, что разговор по душам – это разговор о душе:

– Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют?.. Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймают минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

¹ Ср. рассуждения Н. А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла... умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев, с. 176].

Сказанное нельзя, конечно, понимать таким образом, будто настоящий РпД означает непременно глубокий порождаемый смысл – важнее, чтобы самими собеседниками разговор понимался как «разговор о самом главном». В этом отношении нет принципиальной разницы между обменом сложнейшими, тончайшими смыслами (как в общении персонажей Достоевского) и суррогатами жанра типа *Ты меня уважаешь?* Спектр тем в РпД может быть значителен – от самых мелких вещей до самых высоких идей, жизненных позиций, но сами собеседники безошибочно отличают главное от мелочей. Все это заставляет нас поместить РпД в типологии ФРЖ скорее на отрезке ОВ: межличностные отношения улучшаются, степень косвенности более низкая, чем в праздноречевых жанрах, хотя ненулевая.

Лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ РпД

Ценностный аспект РЖ близок к понятию *коммуникативного сценария*, который, по А. Вежбицкой, и организуется ценностями соответствующей культуры [Вежбицкая, 2002].

Коммуникативная ценность – это обусловленная важнейшими принципами национальной культуры коммуникативная категория, которая регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе (в системах языковой оценки, аспектах лексической номинации, нормах конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочной текстовой деятельности) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (в аспектах оценочной культурно-языковой картины мира) (подробнее см.: [Дементьев, 2013]).

Коммуникативная ценность существуют в любой национальной культуре, но, полагаем, именно в русской культуре их значение, по сравнению с другими культурными ценностями, особенно велико. Русская культура в высокой степени коммуникативна. Обращает на себя внимание очень большая ценность коммуникации в целом, *общения* – больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры [Зализняк, Левонтина, Шмелев, с. 246, 280–281].

С ценностной точки зрения жанр РпД представляет собой коммуникативную проекцию трех ключевых ценностно-ориентированных (телеологических, по С. Г. Воркачеву) концептов русской культуры – концептов *дружба, правда, душа* – и во многом определяет русский коммуникативный идеал – основополагающие правила коммуникации на данном языке в рамках данной культуры, которые разделяются всеми говорящими на данном языке (см.: [Стернин]).

Все три концепта широко рассмотрены в философии, психологии, культурологии и лингвокультурологии с опорой на концептологию

ческую методику анализа или без нее [Антология концептов; Вежбицкая, 1999; Воркачев; Ильин; Степанов; Хизова; Чалдини, Кенрик, Нейберг; Шмелев]. Эти концепты иногда рассматривались и с точки зрения их речежанровой составляющей (она реализуется в разных сферах речи, в своих фатической и информативной составляющих), а именно РпД. Доказывает это полная или частичная эквивалентность или взаимозаменяемость в наименованиях данного коммуникативного феномена всех трех ключевых лексем: *разговор по душам* = *по душам*; ≈ *сказать по правде*; *разговор по душам* ≈ *дружеской беседе*; ≈ *сказать по дружбе, по-дружески* и т. д.

Коммуникативная составляющая русского концепта *дружба* очень существенна [Урысон, с. 297–299]. Представление о том, как должны общаться *друзья*, в русской речевой культуре уникально и в целом может быть сведено к утверждению, что *друзья* должны общаться *по душам* (одновременно речежанровая и нравственная составляющие представления об общении) и *по правде* (информационно-логическая и нравственная составляющие).

Исследования концепта *душа* показали, что он относится к ярко выраженным ценностно-ориентированным концептам и к концептам, имеющим значительную коммуникативную составляющую, то есть к коммуникативным. При этом в литературе детально рассмотрен только первый аспект (вместе с вопросом о его глубоком национальном своеобразии) [Апресян; Степанов, с. 738; Маслова; Шмелев, с. 303, 306].

Коммуникативная составляющая *правды* и – в меньшей степени – *души* рассматривается А. Вежбицкой. Рассуждения о русских неуниверсальных коммуникативных ценностях, в частности *правде* и *душе*, приводят ее к утверждению *разговора по душам* в качестве русского коммуникативного идеала (хотя исследовательница и не пользуется данными терминами): именно концепт «открытия души» представляет кульминацию общения в русской культуре. А. Вежбицкая показывает, что русская *правда*, так сказать, более коммуникативна, чем, например, английская *truth*: ее нужно искать и нужно обсуждать, поскольку она формируется в обсуждении, «открытии душ» [Вежбицкая, 2002, с. 25].

В русской литературе XIX и XX в. находим много контекстов с выражением *по душам*, а также прилагательными *душевный*, *задушевный*, характеризующими разговор. Собственно выражение *по душам* в этом значении является достаточно новым: оно впервые фиксируется только в конце XIX в., например в произведениях А. П. Чехова (в конце XIX в. еще живо было старое дореформенное значение *по душам* (вероятно, *по ду́шам*)).

В то же время прилагательные *душевный* и *задушевный* применительно к разговору (по сути, в том же значении, что более позднее *по душам*) встречаются значительно раньше: например, выражение *открыть душу* использовано Пушкиным в письме Онегина Татьяне. Таким образом, есть все основания утверждать, что к началу форми-

рования русского литературного языка существовал и был достаточно распространенным явлением и обсуждаемый тип коммуникации *разговор по душам / (за)душевный разговор*, и обсуждаемый коммуникативный аспект концепта *душа*: *Чего хочу? с какой целью / Открою душу вам свою?* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин); *От разговора вдвоем, горячего, задушевного, мы обе бежали* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова); *Каждый день слышу про вас и все собираюсь к вам потолковать, как говорится, по душам* (А. П. Чехов. Моя жизнь).

Таким образом, исследование коммуникативной составляющей концептов русской культуры *дружба, правда, душа* сближается с установлением речежанровых доминант РпД.

Данный жанр в значительной степени национально специфичен (неуниверсален, «непереводим»)². В русской культуре концепт «открытия души» представляет кульминацию общения. В других национально-речевых культурах такое представление может отсутствовать. Ряд особенностей РпД может быть выявлен через сопоставление: РпД обнаруживает общие черты с некоторыми ФЖ, присущими другим культурам, но ни с одним не совпадает полностью. Так, в отличие от представления о «хорошей» гармонизирующей речи в некоторых других национально-речевых культурах (романо-германских, японской), в русском РпД не просто мало ценится искусность речи – излишняя правильность, риторическая выстроенность и изошренность здесь даже вредны. В этом отношении можно усмотреть у РпД черты польского речевого жанра *kawał*, представляющего собой «тип «конспиративной шутки»». Жанр *kawał* ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения. Подразумевается здесь следующее: «я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [Вежбицкая, Годдард, с. 150]. Действительно, мы видим некоторое сходство польского и русского жанров в их пренебрежении такими качествами, как искусность и утонченность. Однако, в отличие от польского *kawał*, в РпД не обязательно есть место для юмора.

В исследованиях, посвященных концепту *истина*, иногда отмечается, что истина для людей непостижима и что «в каком-то смысле истину знает только Бог» (ср.: [Булыгина, Шмелев, с. 481]). Это качество сближает русское представление о хорошей речи с японским, где о главном нельзя сказать, о нем можно только молчать. В момент сильного эмоционального переживания, будь то смерть родителей, или успех сына на вступительном экзамене, или просто прекрасное зрелище, самое правильное – ничего не говорить [Saville-Troike, p. 167]. Однако если в японской речевой культуре о главном лучше молчать, то в русской речевой культуре о главном говорят, но говорят трудно и негладко (ср. речь Пьера Безухова в «Войне и мире»

² Личный опыт общения автора с довольно большим количеством русских женщин, вышедших замуж за иностранцев (счастливо), показывает, что одной из главных вещей, которых им недостает в новой жизни, является именно РпД!

и Константина Левина в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, князя Мышкина в «Идиоте» Ф. М. Достоевского).

Следует добавить, что человек не может сам планировать и сознательно осуществлять этот процесс: «открытие души» есть чудо и, как любое чудо, возможно только при наличии «санкции свыше». Если все повороты в общении находятся под контролем собеседников, имеет место не РпД, а что-то иное (возможно, *светская беседа*). При этом сама по себе негладкая речь, естественно, не означает ни кооперативности, ни искренности. Естественно, этому «чуду» в корне противоречит любая предопределенность, как в примере из «Анны Карениной» Толстого заданный заранее набор тем: *Теперь они были наедине, и Анна не знала, о чем говорить. Она сидела у окна, глядя на Долли и перебирая в памяти все те казавшиеся неистощимыми запасы душевных разговоров, и не находила ничего. Ей казалось в эту минуту, что все уже было сказано.*

В русской культуре самое большое разочарование, самая большая неудовлетворенность от общения возникают у человека, когда не происходит ожидаемого «открытия души». Это явление исключительно ярко отображено в классической русской литературе.

Показательно существование в русском языке оценочных лексем, которые обозначают качества человека, делающие его не способным участвовать в РпД, и самого такого человека – прежде всего лексемы *обыватель*, как известно, непереводимой адекватно на другие языки: *Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти* (А. П. Чехов. Ионыч).

Не может участвовать в РпД также человек *закрытый* или *застигнутый на все пуговицы* (сами эти метафоры противопоставлены идее *открытия души*). Однако в русской культуре сознательная *закрытость*, по-видимому, не воспринимается однозначно негативно, а кроме того, как настоящая и окончательная (вспомним пушкинского Онегина, Андрея Болконского и еще более поразительную метаморфозу, произошедшую с Карениным у Л. Н. Толстого). По-настоящему не способен *открыть душу* все же только *обыватель* – это название коммуникативного неумения основано на *н р а в с т в е н н о й* оценке.

Возвращаясь к РпД как русскому коммуникативному идеалу, отметим, что интенциональная структура, тематика и стилистика РпД охватывает, как это в целом характерно для коммуникативного идеала, все виды, формы и жанры фатической и нефатической коммуникации. Общаться *по душам* так же понятно, естественно и исполнено глубокого смысла для русского человека, как говорить *правду*, жить

по правде и по совести, гулять на воле – и тосковать, маяться оттого, что такова судьба, что не в ладу с совестью или от отсутствия воли, простора, раздолья или приволья.

По-видимому, отсюда проистекают такие типологические свойства русской фатики, отличающие ее от других национально-речевых культур, как отмеченное выше подозрительное отношение к излишней правильности, формальной изошренности фатической речи, а также *фатическая центробежность* как фактор существования и трансформации личностно нейтрального фатического общения (продолжительное и гладкое общение в рамках «жанров точки О» на графике, представляющем типологию ФРЖ, скорее неестественно и трудно для носителя русской речевой культуры: более естественно «соскальзывание» в жанры правой или левой части графика, подробнее см.: [Дементьев, 2010, с. 228, 312]). По-видимому, не случайно, что, например, поэтика Пушкина, во многом основанная на интонациях доверительного «разговора по душам» автора с читателем, оказалась в высшей степени востребована в России и практически не востребована на Западе.

В современной русской речевой культуре РпД занимает особое место среди жанров гармонического фатического общения. Стоящая за данным жанром система ценностей, норм и приоритетов является определяющей для общей системы представлений о хорошей фатической речи, однако данная система представлений двойственна и с определенного времени (приблизительно с XVIII–XIX вв.) значительно осложняется существованием р а з н ы х ориентиров в общении: ориентируется не только на нормы РпД, но и на нормы совершенно другого, заимствованного из западных культур (прежде всего французской) жанра фатического общения *светская беседа* (далее – СБ) [Лотман, с. 124, 335].

Различия жанров РпД и СБ очевидны. Первый принципиально противостоит понятию власти и вообще социального неравенства, тогда как второй был заимствован из западной культуры как одно из средств противопоставить высшее общество черни. Очевидное различие состоит и в том, что в свете было не принято высказывать свои идеи и взгляды. Нарушение этого негласного требования приводит к конфликтам, которые широко отображены в русской литературе («Горе от ума» А. С. Грибоедова). Согласно типологии ФРЖ, СБ относится в полной мере (и в этом тоже состоит отличие от РпД) к «жанрам точки О».

По душам в современной русской речи (лингвостатистический анализ)

Для изучения коммуникативных ценностей в силу таких базовых характеристик публицистической речи, как ее мобильность, отражение новых тенденций в общественной жизни (в том числе формирование новых ценностей/идеалов), эффективно обращение к прессе.

Стилевой доминантой публицистической речи является постоянное балансирование между экспрессией и стандартом, чьи динамика и конкретное соотношение определяют «публицистический облик эпохи»³.

Система *Integrum* выдала 29 965 контекстов с *по душам*.

В результате анализа РпД обнаружилась значительная ценностная неоднозначность и противоречивость: РпД может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми.

Анализ многочисленных примеров в прессе убеждает, что концепт *по душам* относится к числу *простых непреходящих ценностей*, таких как любовь и дружба: *Мы в Москве уже давно озверели, в этом беге, суете не останавливаемся, не говорим по душам* (Аргументы и факты. 17.07.2002).

Идея простоты представляется достаточно важной, она часто фиксируется в речи: *Я понимал, что ничего не могу да и не хочу, наверное, уже изменить, но так хотелось **просто** встретиться, поговорить по душам* (Комсомольская правда. 16.08.2000).

В то же время «простота» вовсе не отрицает ума: *И вряд ли этому стоит удивляться: наверное, чем более жесткой, сложной и наполненной стрессами становится наша жизнь, тем больше мы начинаем ценить совершенно особую атмосферу разговора по душам: **умного, честного, заставляющего под другим углом взглянуть на окружающий мир и самих себя*** (Парламентская газета. 27.02.2004).

Во многих контекстах подчеркивается: РпД – разговор «о главном»: *Теперь пришло время разговора с Сережей по душам – **о самом главном в его жизни*** (Твой курс (приложение к газете «Аргументы и факты»). 16.11.2005).

При этом темы РпД могут быть практически любыми – от самых высоких до самых низких, бытовых: *И если отец старался по душам **на любые темы** с сыном говорить, разъяснял, что хотел бы им гордиться, – это всегда действовало только на пользу* (Краснокамская звезда. 16.12.2003).

³ На втором этапе исследования нами анализировались контексты, в которые вступает выражение *по душам* с точки зрения их коммуникативно-ценностных характеристик, взятые из публикаций в современной (после 1991 г.) русской прессе (из российских и русскоязычных зарубежных изданий), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы *Integrum* (6 328 источников за период с 1992 по 2009 г.). О системе *Integrum* см.: [Integrum: точные методы и гуманитарные науки].

Единственное существенное требование к темам – чтобы это было то, что по-настоящему важно для собеседников, волнует их. Это означает, что РпД скорее эмоциональный: *Гости, оказавшиеся в этот вечер в Центре «Семья», попали на теплый семейный праздник, где за чашкой чая можно поговорить по душам, **поплакать и посмеяться***. Отдохнули по-семейному (Самарская газета. 18.12.2002).

Но при этом складывается впечатление, что в РпД можно скорее *поплакать(ся)*, чем посмеяться (и мужчинам, и женщинам): *Попили чаю, поговорили по душам, **поплакали** немного, наконец заснули* (Красный Север (Вологда). 18.03.2003).

В результате РпД нередко получается тяжелый: – *Разговор по душам получился **тяжелый**? – Я все сказал. У меня с главным тренером всегда были натянутые отношения на протяжении всех этих лет* (Вечерние ведомости (Екатеринбург). 12.10.2001).

Но и «легкий» РпД – нередкое явление: *Легкий разговор по душам получается не сразу. Надо сделать так, чтобы чужая жизнь стала твоей* (Новые известия (Москва). 29.06.2004).

Следствием названных доминант РпД становится противоречивость его общей коммуникативной окраски. Так, будучи изначально жанром гармонического, кооперативного персонального общения, РпД не обязательно исключает все элементы конфликта, более того – может вполне естественно сближаться даже с жанрами такого выражено конфликтного типа общения, как *спор, ссора, истерика*: *Бывало, как только я чем-то делилась, у нее начиналась паника: “Ты еще слишком мала для этого!” И **разговор по душам превращался в ссору*** (По материнской линии. Натали (Украина, Киев). 15.05.2007).

РпД – важная часть русского национального характера: *Впрочем, есть одно качество, которое **между нами, русскими**, можно считать действительно общенациональным, – это культура общения, в частности, способность поговорить по душам со всяким встречным-поперечным, почувствовать кровную близость с человеком, вовсе тебе не знакомым* (Тайна народного. Версты (Москва). 25.02.1999; *Американцы никак не могут понять, что это такое – **загадочная русская душа**, что такое разговор по душам* (Американская горизонталь. Вёрсты. 24.01.2002); *Немцы терпеть не могут всевозможных разговоров по душам о смысле жизни, **которыми так грешат русские*** (Час (Латвия)). 08.03.2002).

Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и отрицательные. Так, РпД может не приниматься по следующим причинам: (1) следствием такого общения может быть нежелательное сближение; (2) такое общение может быть неэстетично (*сопливый* РпД). Как нам представляется, в целом (1) и (2) – это «ненастоящее» отрицание РпД, поскольку не отрицаются ни РпД как таковой, ни его необходимость, ни удовольствие от него. В таких случаях часто ищут какой-то другой выход, например, ведут РпД с не-

знакомыми, в приятной обстановке и т. д.: *Польза от него (легкого вина. – В. Д.) очевидна: в теплой компании такое угощение придется как нельзя кстати – пьяным не будешь, а разговор по душам завязывается сам собой* (Городские вести (Волгоград). 16.04.2005).

Этого нельзя сказать про следующие ситуации: (3) отрицается естественность или нравственность РпД вообще (например, высказывается мнение, что РпД непременно пьяный): *Кстати, есть целая категория мачо-мэнов, которым просто не хватает общения по душам, и они готовы на все ради того, чтобы ты выслушивала их **сопливо-алкогольные откровения** и расспрашивала о нелегкой жизни* (Хулиган. 15.03.2002); *В магазине спорили, сплетничали, плевались семечками, ругали своих и чужих мужиков – в общем, разговаривали по душам* (Москва. 2007. №10).

Можно добавить к этому еще две «новые» причины: (4) РпД отрицают за его бесполезность – не понимая, что РпД имеет ценность сам по себе, и (5) за то, что РпД противоречит неким новым жизненным ориентирам – присущим людям «современным», «деловым», «прагматичным», «индивидуалистичным», ориентированным на западные ценности: ***Жутковатое действо под названием «разговор по душам».** <...> А уж разговор-то незнамо какой незнамо о чем вести – самое привычное для нас дело. Это зарубежных наших партнеров от таких разговоров трясти начинает, нам же – хоть бы что. Для нас даже особое наслаждение, если беседа к тому же пришла, с чего началась, – вот уж отрада русскому сердцу, никаких обязательств!* (Дружба народов. 2009. №2).

Нередко встречаются контексты, когда просто РпД оказывается недостаточно для удовлетворительного разрешения ситуации: *В случае возникновения споров с недвижимостью разговора «по душам» будет **недостаточно**, лучше переговорить с профессионалом* (Янтарный караван (Калининград). 13.03.2002).

РпД может использоваться сознательно как средство воздействия, убеждения при общении с начальниками, чиновниками и т. д.: *К примеру, в Оренбургской области после разговора по душам с налоговиками 88 % приглашенных повысили зарплату своим сотрудникам* (Бизнес. 17.10.2006).

Наконец, положительно оцениваются профессионалы (психологи), которые **умеют** проводить РпД: *Ну а значение психологического сопровождения в современных пансионатах даже сложно переоценить, именно психологи снимают напряжение пациентов, **говорят по душам, улаживают конфликты*** (Аргументы и факты. 07.12.2005).

Парадигматика по душам

РпД противопоставлен коммуникативному поведению, исключаящему понимание, прежде всего агрессивному: *И если вижу несправедливость, то не ругаюсь и не кричу, а стараюсь решить про-*

блему спокойно – поговорить по душам (Комсомольская правда. 22.11.1999).

А хорошо для РпД то, что этому пониманию способствует искренний, открытый, откровенный, честный, вдумчивый, доброжелательный разговор (часто эти определения идут вместе): *А ждет читатель честного и открытого разговора по душам, рассказов о том светлом, по-хорошему интересном, что, как ни странно, еще встречается в нашей жизни* (Российская газета. 15.11.1996); *Летом можно спокойно и вдумчиво посидеть у костра, отходя от суеты, и не спеша поговорить по душам с теми, кого, казалось бы, знаете, видя каждый день, просыпаясь и засыпая в одном доме... и, между прочим, забываете по-роу спросить о самом главном...* (Миасский рабочий. 25.08.2008).

РпД противопоставлен казенной фальши: *Поэтому разговор о Петербурге сегодня – это совсем не казенное мероприятие, а разговор по душам* (Невское время. 27.05.2000); как и фальши светской: *Как писали в одной статье – «не очень привлекает нас эта светская болтовня», нам необходим разговор по душам, что невозможно в условиях телевидения* (Санкт-Петербургский курьер. 28.03.2003).

Синтагматика по душам

Согласно данным *Integrum*, с по душам сочетаются: *поговорить* – 13 178 контекстов; *разговор* – 8 766; *говорить* – 1 723; *беседа* – 1 385; *беседовать* – 764; *общение* – 404; *общаться* – 283; *потолковать* – 169 (и *толковать* – 30); *разговориться* – 162; *разговаривать* – 113; *диалог* – 84; *(по)болтать* – 48; *переговорить* – 36 (иногда это ирония); кроме того, зафиксированы единичные употребления: *трепаться* (скорее ирония); *покалякать* (ирония); *бухтеть*; *договориться* и др.

Прагматическая синтагматика

РпД может сделать другом/подругой: *Люба, после разговора по душам ставшая мне практически подругой, взялась присматривать за ним и гулять вовремя* (Твой курс (приложение к газете «Аргументы и факты»). 03.08.2005).

Результатом РпД может быть понимание: *Главное, чего можно добиться «разговором по душам», – услышать друг друга. Если практиковать «разговор по душам», вы сможете понимать друг друга с полуслова* (Комсомольская правда. 24.11.2005); ответ на вопрос: *Сейчас вы можете со всеми разговаривать по душам, вы получите ответы на все интересующие вас вопросы* (Вечерняя Москва. 05.09.2002).

В РпД естественно дать и получить совет: *Ведь каждому из нас, будь то представитель сильной или слабой половины, нужен человек, с которым было бы комфортно, а главное – с кем можно поговорить по душам о своих планах и получить хороший совет* (Волгоградская правда. 05.08.1999); моральную поддержку: *А когда мне вводили ле-*

карства, ребята всегда сидели со мной в процедурке, следя за капельницей и болтая по душам (Я молодой (приложение к газете «Аргументы и факты»). 27.09.2000).

Метафоры по душам

Можно выделить ряд типов трансформации семантики концепта *по душам*, обусловленных как собственно лексической семантикой выражения *по душам* и лексемы *душа*, так и иллокутивно-интенциональной семантикой речевого жанра *разговор по душам*. Степень трансформации в том или ином контексте обусловлена удаленностью значения от исходного (см. определение РпД выше).

Как показывает материал *Integrum, по душам* выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах дисгармоничного общения – агрессивного, конфликтного, а также официального (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и манипулятивного: *Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин беседовал с девушкой по душам, и сумели «расколоть»* (Молодой коммунары (Тула). 12.07.2006).

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько важнейших смысловых компонентов «по душам», на базе которых данное выражение развивает метафорические значения:

- РпД – разговор о важном (даже главном): говорящий открыто, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя информацией (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и под.): *«Показания» снимал Веркетис – мастер «разговоров по душам»* (Вечерняя Москва. 21.06.2007).

- С другой стороны, РпД – это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его вникать, услышать себя (ср. *Давай выйдем?*): *Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам* (Караван историй. 02.2006).

- «По душам» обычно говорят «со своими», отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»: *Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее»* (Завтра. 20.11.2001).

- РпД приятен – отсюда при помощи *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие – *еда, кофе, сигарета, спиртное*: *Никита Михалков решил пообедать по душам* (Коммерсантъ. 10.10.2005).

- РпД – общение фатическое, отсюда метафорическое использование *по душам* применительно к ситуации, когда в рабочее время служащие разговаривают вместо того, чтобы заниматься делом: *Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня* (Комсомольская правда. 21.02.2006).

• Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка ухаживания или флирта: *Но если честно, «Пропаганду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы* (Афиша. 11.08.2000).

Появление метафор в именах РЖ вообще является очень значимым, ибо служит показателем переакцентуации (по Бахтину) либо вторичного РЖ [Балашова, 2014].

* * *

Использование контекстно-статистического метода и содержательный анализ контекстов в современной прессе позволяют сделать целый ряд дополнений и уточнений к набору речежанровых характеристик РпД, выявленных ранее (и на другом материале), а также выявить некоторые закономерности в современной очень быстро меняющейся коммуникативной реальности, где, несмотря на перемены, сохраняются многие традиционные ориентиры, к важнейшим из которых, безусловно, относятся коммуникативные ценности. Так, в результате анализа современного речевого материала обнаруживается значительная противоречивость РпД, в том числе нравственно-этическая оценочная амбивалентность, во многом соответствующая противоречивости, присущей данному концепту в предшествующие исторические эпохи. Частотность и разнообразие контекстов, прежде всего коммуникативных, подтверждают идею, что РпД занимает важное место в русской коммуникативной компетенции, а тот факт, что в большинстве контекстов выражение *по душам* наделяется ярко-оценочным содержанием, позволяет говорить о РпД как о коммуникативной ценности.

Список литературы

Антология концептов / под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. Т. 1–. Волгоград : Парадигма, 2005–.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. № 1. С. 37–67.

Артюнова Н. Д. Жанры общения // *Человеческий фактор в языке : Коммуникация, модальность, дейксис*. М. : Наука, 1992. С. 52–56.

Базовые ценности россиян : Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курмангалеева. М. : Дом интеллект. книги, 2003. 448 с.

Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов : [Б. и.], 2015. 42 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с.

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон, 1998. С. 173–193.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки рус. культуры, 1997. 576 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки славян. культуры, 1999. 791 с.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). 2002. С. 6–34.

Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–156.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.

Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славян. культур, 2010. 304 с.

Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопр. языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с.

Дьякова Л. Н., Стернин И. А. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи. Саратов : Наука, 2005. Вып. 4. С. 273–280.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славян. культуры, 2005. 544 с.

Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009. 576 с.

Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Полит. лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.

Ланских А. В. Разговор по душам в коммуникативно-прагматическом аспекте // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV : сб. материалов междунар. науч. конф., 15 апреля – 15 мая 2014 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 35–41.

Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI в. // Психол. журн. Т. 21. 2000. № 3. С. 73–87.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М. : Тезаурус, 2011. 352 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство – СПб., 1994. 558 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 183 с.

Панченко Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения // Жанры речи. Саратов : Наука, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 261–269.

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / под ред. В. В. Дементьева и С. Н. Цейтлин. М. : Языки славян. культур, 2016. 440 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры : Опыт исследования. М. : Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 53–54.

Тарасов Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопр. психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–18.

Урысон Е. В. Словарная статья «Друг 1, Товарищ 1, Приятель» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славян. культуры; Вен. славист. альм., 2004. С. 297–299.

Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар : [Б. и.], 2005. 12 с.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других : Влияние. Убеждение. Самооценка. Дружба. Любовь. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 336 с.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М. : Языки славян. культуры, 2002. 224 с. Integrum: точные методы и гуманитарные науки / ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. 430 с.

Malinowski B. Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth : Penguin Books, 1972. P. 146–152.

Saville-Troike M. The Ethnography of Communication. 2 Ed. Oxford : Basil Blackwell, 1989. 315 p.

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of the Person according to Language: An Attempt at Holistic Description]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 37–67.

Arutyunova, N. D. (1992). *Zhanry obshcheniya* [Genres of Communication]. In *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis*. Moscow, Nauka, pp. 52–56.

Baikulova, A. N. (2015). *Ustnoe neofitsial'noe obshchenie i ego raznovidnosti* [Oral Informal Communication and Its Varieties]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Saratov, S. n. 42 p.

Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [The Russian Metaphorical System in Its Development: 11th–21st Centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Znak. 632 p.

Berdyayev, N. A. (1998). *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical Truth and Intellectual Truth]. Berdyayev, N. A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii*. Moscow, Kanon, pp. 173–193.

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic Conceptualisation of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 576 p.

Cialdini, R., Kenrick, D., Neuberg, S. (2002). *Sotsial'naya psikhologiya. Poimi sebya, chtoby ponyat' drugikh. Vliyanie. Ubezhdenie. Samoootsenka. Druzhiba. Lyubov'* [Social Psychology. Understand Yourself to Understand Others. Influence. Conviction. Self-evaluation. Friendship. Love]. St Petersburg, Praim-Evroznak. 336 p.

Demytyev, V. V. (1999). *Faticheskije rechevye zhanry* [Phatic Speech Genres]. In *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. No. 1, pp. 37–55.

Demytyev, V. V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak. 600 p.

Demytyev, V. V. (2013). *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture. The Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Kom. 338 p.

D'yakova, L. N., Sternin, I. A. (2005). *Zhanr razgovora po dusham i russkaya avtorskaya pesnya* [The *razgovor po dusham* Genre and Russian Authorial Songs]. In *Zhanry rechi*. Iss. 4. Saratov, Nauka, pp. 273–280.

Gladkova, A. N. (2010). *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian Cultural Semantics. Emotions, Values, Life Attitudes]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 304 p.

Il'in, E. P. (2009). *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii* [Psychology of Communication and Interpersonal Relationships]. St Petersburg, Piter. 576 p.

Karasik, V. I. (2012). Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennosti [Linguosemiotic Modelling of Values]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (39), pp. 43–50.

Karasik, V. I., Sternin, I. A. (Eds.). (2005–). *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1–. Volgograd, Paradigma.

Khizova, M. A. (2005). *Kontsept “druzhiba” v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh* [The Concept of “Friendship” in Russian and English Linguocultures]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk Krasnodar, S. n. 12 p.

Lanskikh, A. V. (2014). Razgovor po dusham v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte [*Razgovor po dusham* in the Communicative and Pragmatic Aspects]. In *Russkii yazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiya – IV: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15 aprelya – 15 maya 2014 g.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 35–41.

Lebedeva, N. M. (2000). Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI v. [The Basic Values of Russians at the Turn of the 21st Century.]. In *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 21. No. 3, pp. 73–87.

Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya [Linguistics and Axiology. Ethnosemiometry of Value Meanings: Joint Monograph]. (2011). Moscow, Tezaurus. 352 p.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St Petersburg, Iskusstvo – SPb. 558 p.

Malinowski, B. (1972). Phatic Communion. In *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, Penguin Books, pp. 146–152.

Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and Cultural Studies]. Moscow, Akademiya. 183 p.

Nikiporets-Takigava, G. (2006). *Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki* [Integrum: Rigorous Methods and the Humanities]. Moscow, Letnii sad. 430 p.

Panchenko, N. N. (2011). Ispoved' kak zhanr doveritel'nogo obshcheniya [Confession as a Genre of Confidential Communication]. In *Zhanry rechi*. Iss. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'. Saratov, Nauka, pp. 261–269.

Ryabov, A. V., Kurmangaleev, E. Sh. (Eds.). (2003). *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic Values of Russians. Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. 448 p.

Saville-Troike, M. (1989). *The Ethnography of Communication*. 2 Ed. Oxford, Basil Blackwell. 315 p.

Sedov, K. F. (2016). *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics] / ed. by V. V. Demytyev, S. N. Tseitlin. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 440 p.

Shmelev, A. D. (2002). *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian Linguistic Model of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 224 p.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture: Attempt at Research]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p.

Sternin, I. A. (2003). Eksperimental'noe izuchenie kategorii russkii kommunikativnyi ideal [Experimental Study of the Category of the Russian Communicative Ideal]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 53–54.

Tarasov, E. F. (2012). Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskikh tsennosti [The Problem of Analysis of the Content of Universal Values]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 1 (15), pp. 8–18.

Uryson, E. V. (2004). Slovarnaya stat'ya “Drug 1, Tovarishch 1, Priyatel” [Dictionary Entry “Drug 1, Tovarishch 1, Priyatel”]. In Apresyan, Yu. D. (Ed.). *Novyi ob'yasnitel'nyi*

slovar' sinonimov russkogo yazyka. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh, pp. 297–299.

Vorkachev, S. G. (2003). *Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov "lyubov'" i "schast'e" (russko-angliiskie paralleli)* [Comparative Ethnosemantics of Teleonomic Concepts "Lyubov'" and "Schastye" (Russian-English Parallels)]. Volgograd, Peremena. 164 p.

Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 791 p.

Wierzbicka, A. (2002). Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke [Russian Cultural Scripts and Their Reflection in Language]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (4), pp. 6–34.

Wierzbicka, A., Goddard, K. (2002). Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. In *Zhanry rechi*. Iss. 3. Saratov, Kolledzh, pp. 118–156.

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 544 p.

The article was submitted on 22.09.2018

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2019.1.376

УДК 2-337+271.2+2-86

**СОЗДАНИЕ «ПРЕНИЙ С ГРЕКАМИ О ВЕРЕ»
АРСЕНИЕМ СУХАНОВЫМ В 1650 г.***

Андрей Богданов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**THE CREATION OF ARSENY SUKHANOV'S
THE DEBATE ON FAITH WITH THE GREEKS IN 1650**

Andrey Bogdanov

Institute of Russian History of RAS,
Moscow, Russia

One of the most important journalistic texts of 17th-century Russia, *The Debate on Faith with the Greeks* was written prior to the Old Believer schism by Arseny Sukhanov, a publicist and archaeographer. *The Debate* laid the foundations for further disputes about the authority of the Greek patriarchates of the Eastern Orthodox Church over Russian Orthodoxy. The analysis of an autograph found by the author in the Russian State Archive of Ancient Acts helps clarify the history of *The Debate*. The author uses paleographic, filigranological, and textological methods to help prove the primary nature of the autograph with regards to the other manuscript versions of *The Debate*. This leads the author to reconsider the order of the extant editions and their proximity to the original. The author reconstructs three stages of Sukhanov's work on the text. The first version was written in the autumn of 1650 during his trip to Wallachia. First, Arseny wrote about his investigation of the offence committed by Greek clergy against the dignity of the tsar when they burnt books of the Moscow Print Yard as heretical. The investigation led to a dispute concerning the origins and orthodoxy of Greek and Russian rituals. The discussion was taken to a third level when the Greeks failed to provide historical arguments. When working on the second and third versions of *The Debate*, Sukhanov focused on the independence of the Russian

* *Citation*: Bogdanov, A. (2019). The Creation of Arseny Sukhanov's *The Debate on Faith with the Greeks* in 1650. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1, p. 277–293. DOI 10.15826/qr.2019.1.376.

Цитирование: Bogdanov A. The Creation of Arseny Sukhanov's *The Debate on Faith with the Greeks* in 1650 // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 277–293. DOI 10.15826/qr.2019.1.376 / Богданов А. Создание «Прений с греками о вере» Арсением Сухановым в 1650 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 277–293. DOI 10.15826/qr.2019.1.376.

Orthodox Church from the authority of the Greek patriarchs. This resulted in his report for the Ambassadorial Prikaz being turned into a document substantiating the role of Moscow as the centre of the Orthodox world. Sukhanov was aware of the importance of his work and started spreading it upon his return to Moscow on 8 December 1650. However, the ideological struggle which engulfed Russian society during the reforms of Nikon long preceded this.

Keywords: Russian Orthodox schism; Greek Orthodoxy; Slavic Orthodoxy; Arseny Sukhanov; Patriarch Nikon.

Один из самых важных публицистических памятников России XVII в. «Прения с греками о вере» был написан публицистом, церковным деятелем и археографом Арсением Сухановым до начала раскола. «Прения» стали основой последующих споров об авторитете греческих патриархов Восточной православной церкви по отношению к русскому православию. Исследование автографа, обнаруженного автором в РГАДА, отвечает на вопрос, как создавались «Прения». В статье используются палеографические, филигранологические, текстологические и источниковедческие методы анализа, что позволяет доказать первичность найденного автографа по отношению к другим рукописям «Прений». Это привело к пересмотру схемы редакций памятника и представлений об их близости к оригиналу. Восстановлены три этапа работы Суханова над текстом. Первая редакция была написана осенью 1650 г. во время поездки Арсения в Валахию. Сначала Арсений рассказал о проведенном им расследовании оскорбления греческим духовенством царской чести путем сожжения книг Московского печатного двора как еретических. Следствие вызвало спор о происхождении и ортодоксальности греческих и русских обрядов. Недостаток у греков исторических аргументов вывел дискуссию на третий, мировоззренческий уровень. Вопрос о независимости Русской православной церкви от авторитета греческих патриархов Суханов развивал в работе над второй и третьей редакциями «Прений». В результате его отчет в Посольский приказ превратился в обоснование места Москвы как центра православного мира. Сознывая значение своего произведения, Арсений стал распространять его сразу после приезда в Москву 8 декабря 1650 г. Идеинная борьба, охватившая все русское общество во время реформ Никона, началась до их начала.

Ключевые слова: раскол Русской православной церкви; греческое православие; славянское православие; Арсений Суханов; Никон.

Рукописная традиция «Прений», распространявшихся в конце XVII – XIX в. в среде староверов, довольно богата. С. А. Белокуров указал 21 список [Белокуров, 1891; Белокуров, 1894], мне удалось добавить еще 16 [Богданов, 1989, с. 175]. К XVII в. из них относятся семь; в них имеется два варианта дополнений, сделанных около 1658 г. на Соловках и в 1665 г. в Москве [РГБ. Ф. 247. № 518. Л. 2–33 об.; ГИМ (Собр. Уварова). № 181]. От XVIII в. дошло 17 списков «Прений». Три

из них основательно обработаны и дополнены, и еще семь отражают производные редакции [Белокуров, 1891, 1894; РГБ. Ф. 247. № 446. Л. 265–296; РГБ. Ф. 178. № 9030. Л. 167 об.–234; № 10383. Л. 93–94, 111–114; № 858. Л. 250–272; Ф. 199. № 100. Л. 3 об.–42; № 161. Л. 1–2; Ф. 218 (Поступления 1971 г.). № 145.15; Ф. 445. № 26. Л. 487–603]. 11 списков были сделаны в XIX в. [Белокуров, 1891; РГБ. Ф. 209. № 475. Л. 206–237 об.; № 36. Л. 1–29 об.; Ф. 579. № 102. Л. 1–39; РГБ. Ф. 178. № 6391. Л. 235 об.–241 об.; № 4249. Л. 132–139; Ф. 199. № 458. Л. 418–423].

Творческий подход переписчиков, часто вносивших в текст собственные мысли и материалы, сыграл с «Прениями» злую шутку. Немало солидных исследователей, таких как Е. Болховитинов, Филарет Гумилевский, И. Сахаров, В. Огнев, митрополит Макарий, Н. Субботин, Н. Ивановский, Н. Костомаров, П. Владимиров и др., считали сочинение подделкой. Указанные в тексте имя автора и даты весны-лета 1650 г. убеждали Е. Е. Голубинского, Н. Ф. Каптерева, С. А. Венгерова и др. (обзор историографии XIX в. см.: [Белокуров, 1891, с 1–64]). Но точку в споре поставила только находка С. А. Белокуровым авторизованного Сухановым Архивного списка 1650 г. (далее – Арх.).

Арх. был подан Арсением в Посольский приказ в составе статейного списка о поездке в Валахию [Белокуров, 1883]. Суханов вернулся в Москву 8 декабря 1650 г. и на следующий день дал в Посольском приказе ответ о поездке [Белокуров, 1891, с. 236]. К этому времени его письменный отчет еще не был составлен. Однако быстрота, с которой Арсений подал необходимые документы (24 февраля он выехал в Палестину), говорит нам, что к моменту явки в приказ у автора были сделаны как минимум предварительные записи [Белокуров, 1883, с. 4, 62]. Поданные в приказ «Прения» были переписаны приказными почерками на столбцах как часть отчета. Список не датирован, но определенно относится к концу 1650 – началу 1651 г. Суханов не мог отправиться в новую поездку, не отчитавшись о предыдущей.

Бумага Арх. сильно пострадала, и часть текста, особенно в конце списка, была утрачена. Публикуя рукопись, Белокуров восполнил пробелы по списку Московской духовной академии XVIII в., который, как он считал, «верен почти везде с буквальной точностью подлиннику» [Там же, с. 5]. Х. М. Лопарев, воспользовавшись при подготовке публикации теми же двумя списками, высказал мнение, что в Арх. встречаются ошибки и опiski, которые не были замечены Арсением и исправляются списком МДА [Проскинитарий]. Однако затем Белокуров отнес МДА к группе наименее исправных списков [Белокуров, 1891, с. СХХХII; 1894, с. XXII, XXVII]. Работая над новым изданием, он обнаружил группу списков, не содержащих смысловых разночтений с Арх., и выделил редакции текста с дополнениями староверов. Рукописи без позднейших дополнений были объединены в три группы на основе общих разночтений с Арх. Один из списков, Ведерниковский (далее – В), оказался вне этих групп и был сочтен подходящим для восстановления утраченных частей авторского

текста, несмотря на то, что В относится к концу XVIII – началу XIX в. Издав Арх. с реконструкцией по В и разночтениями по 17 спискам, Белокуров восстановил историю текста «Прений» начиная с момента их подачи в Посольский приказ [Белокуров, 1894, с. XIII–LXIV, 25–101].

Моя находка помогает раскрыть ход работы Суханова над сочинением до его подачи в приказ и уточнить дальнейшую историю текста. Прекрасно сохранившийся автограф «Прений» хранится в Рукописном отделе МГАМИД [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 659. Л. 348–360] (далее – список МГАМИД). Автограф помещен в конце Хронографа второй русской редакции, полным, без дополнительных статей [Попов, с. 131–204]. Сходный хронограф с правкой Суханова имеется в РНБ [ОР РНБ. F.XVII.17]. Хронограф писан скорописными книжными почерками, несколько страниц – хорошим полууставным почерком. Арсений руководил группой переписчиков и проверял их работу, в завершение которой написал оглавление на бумаге, тождественной одной из разновидностей бумаги Хронографа, и вставил на чистых местах и на полях заголовки, намеренно пропущенные переписчиками для исполнения их киноварью и местами недописанные. Суханов правил и дополнял рукопись сажевыми чернилами светло-серого оттенка, больше в ней не встречающимися и отличными от чернил, которыми написаны «Прения». Другими чернилами (светло-коричневого цвета) Арсений переписал в рукописи несколько листов (Л. 129а, 130 об., 130а). Бумага рукописи датируется 40-ми – началом 50-х гг. XVII в. [Лихачев, № 366; Каманин, № 939–947; Гераклитов, № 141, 174–175, 275, 1240; Tromonin's Watermarks Album, № 1335–1336]. Мы знаем, что 1649–1650 и 1651–1655 гг. Суханов провел в отъезде, в Валахии, Палестине и на Афоне. Логично предположить, что перепиской Хронографа он руководил между 1642 и 1649 гг., когда жил в Троице в должности строителя Богоявленского монастыря [Белокуров, 1891, с. 158–164].

Текст приплетенных в конце Хронографа «Прений» написан на другой бумаге [Гераклитов, № 716, 718–723], почерком, идентичным автографам Суханова в статейном списке 1651 г. Это беловик, аккуратно написанный темно-коричневыми чернилами (далее – Ч-1). Ими автор исправил ошибки, допущенные им при переписке текста, и сделал небольшую смысловую правку. Ч-1 на л. 350 слова «в аглинских немцах» заменены на «в Веницыи». На л. 354 из фразы «и патриарх и митрополиты сказали: „Добро!“ – Послали по епископа» исключены слова «сказали: Добро!». На л. 355 вставлены слова «и теми крестились» и зачеркнуто «что». На л. 355 об. к словам «и вы так крестились» добавлено: «и благословляли». На л. 357 над строкой вставлена, а затем зачеркнута фраза: «И великий князь Владимира крестился в Корсуни». Так Суханов перебелил, выверил и доработал текст, который рассматривался им как окончательный. Но затем он вернулся к сочинению, внося беглым почерком и светло-коричневыми чернилами (далее – Ч-2) поправки и дополнения.

Сравнение показало, что текст МГАМИД первичен по отношению к Арх. Правка, произведенная в МГАМИД, перенесена в Арх. В Арх. отсутствуют слова, зачеркнутые Арсением при исправлении МГАМИД: «...русской дьякон Иона Маленькой» (зачеркнуто Ч-2, л. 349, здесь и далее ср.: [Белокуров, 1894, с. 29]); «тот Дамаскин» (Ч-2, л. 349 об., с. 34); «образ» (Ч-2, л. 350, с. 34); «телу касаемся» (Ч-2, л. 350 об., с. 35); «сказали: Добро!» (Ч-1, л. 354, с. 59); «патриархи» (Ч-1, л. 355, с. 61); «и мы как прияли» (Ч-2, л. 556, с. 90). Вторичность Арх. видна при вычеркивании в МГАМИД слов «И старец» в начале фраз: 26 раз они были вычеркнуты Ч-2, и каждый раз отсутствуют в Арх., но в 15 случаях они оставлены в МГАМИД и читаются в Арх. Сделанные в МГАМИД при правке и редактировании вставки переходят в основной (писанный писцами) текст Арх. Но изменения, внесенные рукой Суханова в текст Арх., не отразились в списке МГАМИД. В последнем отсутствуют слова, вписанные в Арх. над строкой: «греком» (с. 28, л. 348 об.); «Арсению» (с. 33, л. 349 об.); «а мы також» (с. 38, л. 351); «и он де патриарху» (с. 55, л. 352 об.); «так ни благославяете, ни креститесь» (с. 64, л. 355 об.); «к нам», «чисто» (с. 93–94, л. 358); «быти» (с. 97, л. 359). Кроме того, Арх. изобилует писцовыми ошибками, отсутствующими в МГАМИД: «знаменания» (с. 33) вместо «знамения» (л. 349 об.); «Иосиф» (с. 40) вместо «Иоасаф» (л. 351); и мн. др. Часть их исправлена рукой Суханова: в словах «вы то прияли» вставлено «то» (с. 36, срв. л. 349 об.); в словах «святого апостола Андрея» вставлено пропущенное писцом слово «апостола», как в МГАМИД (с. 37, л. 351); «приходячих» исправлено на «приходящих» (с. 41, л. 352) и т. п. Исправленные варианты, как правило, приводятся в соответствие с МГАМИД.

Из того, что МГАМИД первичен и, более того, протографичен по отношению к Арх., не следует, что Арх. скопирован писцами с отредактированного Сухановым списка МГАМИД. Прежде всего Арх. полнее. На л. 352 МГАМИД почерком правки (Ч-2) вписано: «зде писать патриархов вопрос мая в 8 день». В соответствующем месте Арх. читается большой текст о дискуссии в Тирговиштах 8 и 9 мая (с. 43–53). Правда, нельзя утверждать, что этот текст не мог быть вставлен в Арх. после написания списка: он писан с нового столбца новым почерком, и следующий за ним текст написан другим почерком и с нового столбца [РГАДА (Греческие дела). Св. 7157 г. № 8. Л. 45–53]. На л. 356 об. МГАМИД была приписана Ч-2, а затем зачеркнута вставка с неточно переданной евангельской цитатой, которая в Арх. поправлена, а ее толкование значительно расширено (с. 85–87). Приписка в МГАМИД отражает лишь замысел полемического оборота, а в Арх. читается готовая статья с развернутой аргументацией. Аналогично на л. 360 МГАМИД Сухановым был сделан значок вставки, под которым на нижнем поле новыми чернилами (Ч-3) записана мысль, что греки были источником веры прежде, когда христианство было единым, но затем папа пал, а греческие патриархии пришли в ничтожество. В тексте Арх. эта идея развернута в тезис, что греческая церковь благоденствовала только при едином

царе, «а ныне вместо того царя на Москве государь царь благочестивой, во всей Подсолычной един царь благочестивой, и царство христианское у нас Бог прославил», «и государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве» (с. 86–87).

Очевидно, что между списками МГАМИД и Арх. имелся еще один список, в котором были учтены и развиты поправки, внесенные Сухановым в МГАМИД. Назовем этот промежуточный список Х. Наличие списка Х доказывается и другим путем. Те поправки в Арх., которые служили исправлению писцовых ошибок, отражаются в поздних списках в том случае, когда правильное чтение есть и в МГАМИД. Когда же исправлению подвергается чтение МГАМИД, то текст в группе списков по [Белокуров, 1894] Ун1, С1 и С2, ИП2, Ув1, Б3 и Н (назовем их первой группой), как правило, не отражает поправку. Если последнее правило указывает, что первая группа списков происходит не от Арх., то разночтения, составляющие исключение из этого правила, позволяют предполагать существование производного от Х списка Y, протографичного первой группе, так как в этом случае первоначальные чтения Арх. представляют собой ошибки, сделанные при переписке Арх. с Х, совпадающие с МГАМИД, но отличные от первой группы. Наконец, разночтения, фиксирующие отраженные списками первой группы первоначальные (ошибочные) чтения Арх., отличные от МГАМИД и исправленного списка Арх., прямо показывают наличие между МГАМИД и Арх. списка Х.

Происхождение списков первой группы от Y подтверждается значительным количеством имеющихся в них одинаковых разночтений с МГАМИД и Арх. Анализ разночтений показывает, что не только списки первой группы, но и остальные позднейшие списки (В, Т, А, Г, Б1 и выявленные мною) отразили чтения автографа МГАМИД; последние имеют также значительное число общих с первой группой разночтений с Арх. Это позволяет утверждать, что рукописная традиция «Прений» восходит к списку Y, ведущему происхождение от МГАМИД, но не через Арх., поданный Сухановым в Посольский приказ, а через список Х, который Арсений основательно доработал по сравнению с МГАМИД и с которого он сделал писцовую копию Арх. Отсюда следует вывод, что Суханов сам занимался распространением сочинения, сделав как минимум две копии с Х (Арх. и Y). То есть автор уже на стадии окончательной доработки текста предназначал его не только для Посольского приказа.

Список МГАМИД был написан на собственной бумаге Суханова. На идентичной по водяному знаку и интервалам между понтюзо бумаге им были написаны челобитная от 6 мая 1649 г., поданная перед отъездом автора на Восток с Паисием [РГАДА. Ф. 52 (1649 г.). № 22. Л. 1], отписка из поездки от февраля 1650 г. (не ранее 11-го) в Посольский приказ [Там же. Л. 76] и перевод с греческого языка «Пророчения над гробом Константина Великого», поданный в приказ в составе всего отчета 9 декабря 1650 г. [Там же. № 8. Л. 35–36]. Эта бумага была изго-

товлена на одной проволочной (филигранной) сетке, отпечатки которой идентифицируются не менее точно, чем отпечатки пальцев [Богданов, 1999]. Поэтому предположение о периодической закупке ее Арсением невероятно. У автора имелся запас этой бумаги, который он расходовал бережно: менее значительные документы написаны им на бумаге худшего качества [РГАДА. Ф. 52 (1649 г.). № 8, 22]. Этот запас он взял в поездку. Три названных документа созданы разными чернилами, но перевод с «Пророчения» – основными чернилами списка МГАМИД (Ч-1) и идентичным написанием, что свидетельствует об одновременном создании беловиков обоих произведений (до настоящего времени этот перевод «Пророчения» не был датирован). Впоследствии у Арсения такой бумаги не было. Логично предположить, что МГАМИД и «Пророчение» были перебелены им до прибытия в Москву 8 декабря 1650 г.

Первый вариант «Прений» соответствует политическому отчету Арсения в приказ, изложенному в письмах и Статейном списке. Он начинается с сообщения, полученного Сухановым 30 марта 1650 г. от игумена сербского монастыря недалеко от Ясс, о преследованиях афонскими старцами сербского монаха за то, что он «держал книги московския у себя и крестился крестным знамением по московску». Эти книги московской печати и одна «сербская письменная» были сожжены как еретические. Тут же Арсений отметил застарелую вражду, разделявшую греческую и сербскую церкви, в основе которой лежали «гордость» и властолюбие греков (л. 348 об.–349).

Затем в описании разговоров Арсения с патриархом Паисием и др., состоявшихся 24 апреля в греческом патриаршем монастыре в Тырговиште, автор доказывает, что опальный афонский монах крестился по московским традициям правильно, и именно греки не соблюдают «правил святых апостол». По словам автора, иерусалимский патриарх Паисий не смог привести должные аргументы, причем Паисий Лигарид, валашский поп Макарий и «студент Федор русин» поддержали Арсения (л. 352).

Ведя расследование, Суханов излагал новые уличающие греков материалы. 11 мая некий «даскол Григорий русин, что живет у митрополита Стефана торговищскаго», сообщил, что епископ архидский Даниил в разговоре с митрополитом Стефаном обещал расправиться с Арсением, подобно тому, как

...во Афонской горе в руском монастыре старец так крестился по московским книгам; и старцы де святогорския собралися все и ево, поставя пред собою, испытали. И он де говорил: как он крестится, так писано в московских печатных книгах; а мы де, сербы и болгары, с Москвою чтем одне книги. И старцы де святогорския того старца предали турку, и турок де держав его в темнице многое время; и как де он турка освободился, и мы де его заклиали, что впредь ему так не креститься и прочих не учить. А книги де московския присудил я сожечь на огне; и те де книги, у того старца взем, пожгли (л. 352 об.).

Сообщения сербского игумена и даскола Григория напоминают изветы, с которых в XVII в. обычно начинались обыскные дела по политическим преступлениям, переданные в форме, как они суммировались в статейном списке по такому делу [Богданов, 1999, с. 239–240, 250]. Вслед за изветной частью Суханов сообщает о расследовании сожжения московских книг. Так, «патриархов поп Иоасаф» спрашивал у епископа Даниила: «книги московския он ли присудил сожечь в Афонской горе?» При свидетелях Иоасаф получил утвердительный ответ. «Того ж дни» Иоасаф сообщил об этом деле патриарху, причем «прилучившийся» тут старец Амфилохий «патриарху сказывал, что при нем жгли государевы книги во Афонской горе» (л. 352 об.).

2 июня утром состоялся разговор Суханова с патриархом. Тот осудил сожжение книг, сказав, что «напрасно де таким врагом государь царь и милостиню дает; прямо де мы тое своей ради гордости и царство свое погубили. За што де было книги жечь?» Следовало лишь вымарать в них еретические места (л. 353). Затем Арсений перед патриархом расспросил старца Амфилохия, который поведал об издевательствах над афонским монахом и сожжении московских книг. «И то де греки, – заключил он, – зделали от ненависти, что тот старец от многих почитаем, а сербин он, а не грек» (л. 353 об.). Собравшаяся монастырская братия вместе с патриархом осудила поступок «святогорских старцев».

На другой день, 3 июня, по требованию Суханова перед патриархом и собором был проведен расспрос епископа Даниила: «за што оне государевы книги пожгли? Какую в них ересь сыскали?» Даниил утверждал, что сожжена была лишь одна сербская рукописная книга, «тому 130 лет как писанная», а «московских печатных книг не жгли». Он был поставлен «с очей на очи» с Амфилохием, который повторил прежние показания, «а епископ сказал: того он не ведает» (л. 354). После очной ставки Суханов предъявил Паисию и собору отпечатанную в Венеции греческую «грамматику», содержащую «головную римскую ересь» об исхождении Святого Духа, заявив, что лучше бы грекам свои «книги сожигать, а государевы было вам книги не за что жечь».

Следствие по делу об оскорблении государевой чести завершилось речью Суханова, в которой он формулирует обвинение, раскрывающее его мнение о взаимоотношениях православных церквей. Арсений пишет:

У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земли ереси никакой нету. А у печати сидят, книги правят избранныя люди, к безпрестани над тем сидят; а над теми людьми надзирают по государеву указу митрополит, и архимарит, и протопопы, кому государь укажет, и о всяком деле докладывают государя и патриарха. То вы зделали не гораздо, что нарутались над его государевыми книгами. Хотя бы его царского имени устыдились, что в них писано: те книги печатаны его царским изволением (л. 354 об.).

В ходе изложения дела Суханов кратко излагал аргументы сторон по существу разногласий в вопросах ритуала. Согласно «Прениям», спор возник из-за того, что греки считали еретическим сложение перстов при крестном знамении, употреблявшееся гонимым афонским старцем в соответствии с практикой славянской православной церкви. Полемика сводилась вначале к определению источников, подтверждающих древность каждого способа перстосложения: Арсений привел свидетельства «древних книг» и трудов Максима Грека; Паисий смог опереться лишь на свидетельство некоего «иподъякона Дамаскина студита», который скончался «тому лет с 70» (л. 349–349 об.). «Не сыскав» оправдания в более ранних текстах, греки напрасно пытались прибегнуть к символическому толкованию крестного знамения (л. 349 об.–350 об.). Неудачей закончилась и их попытка доказать, что в Польше православные крестятся «по нашему, по греческу» (л. 351–351 об.). Но греки заявили о первенстве своего ритуала в целом: раз Русь приняла крещение от греков, значит, греческие традиции являются образцовыми (л. 350 об.).

Первая редакция «Прений» свидетельствует, что Арсений был вынужден принять спор по вопросу об отношениях греческой и русской церквей. В процессе сыска о сожжении книг греки неоднократно заявляли, что они есть «источник вере». Сначала Суханов не понял постановку вопроса, согласившись: «вы учинились христиане прежде нас, а мы после», «вы прежд нас крестились», но потребовал письменного свидетельства древности греческого перстосложения (л. 350 об.). На новое утверждение оппонентов, что они свой ритуал «так изначала прияли», автор отреагировал по существу. Он утверждал, что русская церковь не хуже греческой, поскольку Русь приняла крещение от апостола Андрея, как греки – «от апостол» (со ссылкой на блаженного Феодорита), «и також у нас Богу угодивших много, что и у вас было». Вместе с тем греки «изначала прияли» веру с искажениями, а Русь – «по святых отец преданию», что подтверждается, помимо перстосложения, «обливательным» крещением у греков (л. 351). Когда греки в третий раз пояснили, что, по их мнению, Русь приняла веру от греков, Суханов коротко ответил, что «мы веру прияли от Бога, а не от вас»; в четвертый раз – «мы крещение изначала прияли от апостола Андрея, а не от вас» (л. 351 об.).

Судя по тексту «Прений», патриарх Паисий и его приближенные считали вопрос об «источнике веры» основным в определении отношений с Русской церковью. Они утверждали, что греки «крещение прияли от Христа, и от апостол, и от Якова, брата Божия». Это, по словам Суханова, противоречило истине: в Иерусалиме и близ него жили и живут «жиды и арапы», «а еросалимския старцы все арапы»; к греческой церкви относится лишь территория Греции и Македонии севернее Константинополя, «подле Белаго моря, и около Солуня, и Афон-горы». Эти области крестились от апостола Андрея, как и Русь (л. 352).

После завершения сыска 3 июня Арсений занял более активную позицию в вопросе об «источнике веры». В этой части рукописи внесено немало смысловых исправлений еще во время перебеливания Сухановым в первой редакции по списку МГАМИД (Ч-1), и здесь сделана наибольшая правка при смысловом редактировании (Ч-2). Текст почти целиком состоит из обширных монологов автора, прерываемых краткими вопросами и замечаниями греков, дающих Суханову возможность развертывать его аргументацию.

Текст начинается с заявления митрополита Власия, что поскольку «о крестном знамении ни евангелист, ни апостол никто не писал, как персты складать», «то все добро», креститься ли, как греки, тремя пальцами или по-московски двумя, «но только нам мнится, что наше лучше, что мы старее» (л. 355). Признавая, что греки «старее», Арсений отвечает:

...старая одежда требует укрепления... и паки нова будет и крепка. А у вас и много есть розвалилось – предания апостольския и святых отец, сиречь творите не по древнему преданию – а починить, сиречь исправить, не хотите.

Примерами тому служат обычаи перстосложения и «обливательно-го» крещения, которые у греков изменены по сравнению со старинными (запечатленными на иконах и в предании). «Мы же, – заключает Суханов, – старое предание держим» (л. 355–355 об.).

Специальный разговор о крещении зашел 6 июня. Защищая свою позицию, греки обещали, что будут «писать ко всем четырем патриархам; и согласяся, будут о том писать к Москве к государю и патриарху». Это был сильный аргумент. Зная, что все восточные патриархи поддерживают Паисия, Суханов выступил с обоснованием самостоятельности Русской церкви. Царь и патриарх московский послушают вселенских патриархов, утверждал он,

...будет добро станут патриархи писать. <...> а естли не добро, – ино на Москве и четырех патриархов не послушают, знают у нас древнее предание святых апостол и святых отец и без четырех патриархов.

Отвечая на возражение, что «невозможно не послушать четырех патриархов, как отпишут о чом», Арсений пошел дальше. Он спрашивал:

Для чего невозможно? Папа был и головной у четырех патриархов, да се ныне не слушают его... Могут на Москве и четырех патриархов откинуть, якоже и папу, естли оне не православны будут. Могут на Москве и без четырех патриархов закон Божий знать (л. 356–356 об.).

Декларируя в полемике с греками самостоятельность Русской церкви в вопросах вероучения и ритуала, Суханов в заключении к первой редакции перешел к обличению церкви греческой. Он опро-

вергал утверждение, что Русь приняла крещение от греков, и доказывал, что греческое духовенство отступило от «апостольского правила» в римскую ересь. Он пишет:

И по сему знатно, что мы крещение от апостол приняли, а не от вас, греков. <...> Греки закоснели есте, живучи меж бусорман, и за стыд свой или гордости ради... не токмо крестное знамение по древнему преданию потеряли, но и самое крещение... И вы мало не соединочилися есте с римляны. Да вы же и лета от Рожества Христова потеряли (л. 357–357 об.).

Главная причина впадения греков в ересь в том, что они не имеют своего книгопечатания и «наук»: книги им печатают «в Венеции и во Англии», и там же они учатся «еллинскому писанию».

И дасколы у вас все от тех наук приходят к вам. И, там они будучи, якоже в коростовом стаде и здравая скотина окоростовеет... А вы их во всем слушаете, потому что у вас своих наук нету еллинскому языку и книги от них принимаете (л. 358).

Яркий монолог завершался фразой, вызвавшей, по оценке Суханова, замешательство среди греческих иерархов: «Прочее же реку – что у вас не было доброго, то все к Москве перешло!»

Классическая диалоговая форма, идущая в схоластике от Платона, была использована Арсением без ложной скромности. Греки настоятельно просили разъяснить им смысл последних слов, что Арсений и сделал. По его словам, греческое благочестие было основано на двух «началах», которые теперь отъялись. «Первое начало, – говорит автор, – был у вас царь благочестивый, а ныне нету, и в то место воздвиг господь бог на Москве царя благочестиваго», который «ревнует первому благочестивому царю Костянтину Великому, церковь христову чисто снабдевает и от всяких ересей защищает» (л. 258). Второе начало заключалось в константинопольском патриархе, втором «по римском епископе, сиречь папе». Это «начало» вторично по отношению к первому и зависимо от него. Арсений считает, что после отпадения папы от православия константинопольские патриархи не могут заменить его собой в силу своей скудости:

...и ныне не токмо якоже римскому епископу ему величатися, но невозможно ему и против епископа московскаго величатися. И в то место у нас ныне на Москве патриарх вместо костянтинпольского, не токмо якож второй по римском величается, но якож и первый епископ римский, сиречь якож и папа благочестивый, церковною утварию украшается.

Если греческие патриархи оскудели, то российская церковь процветает благодаря стараниям «царя благочестивого». Она превзошла «второй Рим» роскошью храмов, избытием монастырей и иноков, которых у греков «ныне токмо след знать», многочисленностью

приходов и православной паствы, в то время как в Константинополе «христианы многия побосурманилися». Следствием политики российских самодержцев стало сосредоточение в Москве христианских реликвий, прежде принадлежавших грекам: «и ныне у вас нету, а у нас стало много», говорит Суханов; «да и наша земли многих Бог прославил угодников своих, мощи их нетленны лежат и чудеса творят; и риза спасителя нашего Бога Христа у нас же» (л. 358 об.).

Арсений опирался также на «Повесть о белом клобуке», текст которой привел в «Прениях» (л. 359–359 об.). Патриарх всея Руси «и клобук белый первого папы Силивестра римскаго на себе носит ныне, его же по апостольскому явлению благочестивый царь Константин великий зделал отцу своему папе Селивестру вместо царского венца» (л. 358 об.). Идейной основой повести служит теория о Москве – новом Риме, «яко христианския царства приидут в конец и снидутся во едино царство руское православия ради». Следствием же процветания православного царства в России будет то, что когда от Рима и Цареграда «слава и честь православия... благодать святаго духа отъимется в пленение агарянское», тогда «и вся святія предана будут от бога велицей Рустей земли... и патриаршеский великий чин от царствующаго сего града [Константинополя] тако же дан будет Рустей земли... и будут первии последнии, и последнии (то есть русские во времена патриарха Филофея.– А. Б.) первии» (л. 359 об.). Завершается первая редакция патетическим обращением к грекам, усиливающим «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона:

Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, яко се ныне Господне слово евангельское збылося на вас: были вы первии, а ныне стали последни; а мы были последнии, а ныне перви! (л. 360).

Как видим, сочинение в основной своей части было написано в виде дополнения к политическому отчету Суханова в Посольский приказ и содержало изложение результатов проведенного автором сыска о сожжении греками книг московской печати. Результаты эти были оформлены в соответствии со знаниями автора о форме следственного производства по политическим преступлениям. Параллельно Арсений сообщал сведения о взаимоотношениях славянских и греческих церковнослужителей, подчеркивая тяготение первых к Москве. Вместе с тем, поскольку дело касалось вопросов религиозного ритуала, Суханов уже в первой части «Прений» кратко изложил аргументы сторон по спорным проблемам, выступив защитником традиций славянской церкви. Он продолжил сочинение изложением принципиальной позиции во взаимоотношениях греческой и московской церкви, которую он считает центром православного мира, исходя из теории о превращении Московского царства в «Новый Рим». Именно в связи с укреплением мощи Российского государства

автор рассматривал новое положение московской патриархии – не как младшей по отношению к греческим патриархиям, а в качестве главы вселенской православной церкви. В условиях противостояния греков попыткам оспорить присвоенное ими достоинство «источника веры» Суханов должен был провести границу между «национальными» церквями. Точно обозначив территорию собственно «греков», он уже в первой части «Прений» выделил славянские церкви, подчеркнув тяготение последних к Москве, в частности, в вопросах ритуала, и отделил от греков евреев и арабов в Палестине.

Обращает на себя внимание то, что Суханов оказался хорошо подготовлен к спору с греками именно по тем вопросам, которые были ему предложены. Это нельзя объяснить позднейшей обработкой текста, поданного почти сразу по приезде в Москву. Логично предположить, что рассматриваемые в первой редакции «Прений» вопросы уже стояли перед Арсением до его отъезда в Молдавию с патриархом Паисием 10 июня 1649 г., самое позднее – во время его краткого визита с отчетом в Москву 26 января 1650 г. Другими словами, если проблемы, поднятые Сухановым, волновали русское общество в конце 1640-х гг.

О том, что описанные в «Прениях» события не выдуманы Сухановым, свидетельствует правка, произведенная им в первой редакции: помимо исправления ошибок, она направлена на уточнение описания событий. В первой части (сыске) из списка присутствовавших на трапезе 24 апреля 1650 г. вычеркнут «русской дьякон Иона Маленкой» (л. 349), уточнено место издания принесенной на эту трапезу «книги Ивана Златаустаго в десть греческой» – «в Вениции» вместо «в английских немцах» (л. 350). При описании греческого способа крещения отмечено, что греки не только обливаются, но «и покропляются, а не погружаются в купели» (л. 351). В рассказе о сыске 3 июня Суханов постарался стусевать впечатление от давления, которое он оказывал на греческих иерархов: вместо «и патриарх и митрополит сказали: Добро! – Послали по епископа» написано просто: «И патриарх и митрополит послали по епископа». Ниже уточнено, что Амфилохий не просто знал о сожжении книг, но был свидетелем этого (л. 354). Рассказ о событиях после завершения сыска 3 июня подвергся более серьезным исправлениям. Была поправлена речь патриарха Паисия и митрополита Власия о перстосложении, вложенная теперь в уста одного Власия. Полемически заострен ответ Арсения: вместо «справить не хотите, гордостью надувсья» написано «справить не хотите; гордостью надувсья ходите и называется всем источник веры» (л. 355). Прибавлено, что греки в древности не только «крестились», но «и благословляли» по-московски (л. 355 об.). При описании полемики 6 июня отмечено, что против Суханова выступал не один «черный поп патриархов Иосаф», но «и прочие греки» (л. 356). Дальше пояснено, что неверно крещеного грека, если не захочет правильно креститься, в России «в церковь не пустят». Таким образом, если Арсений и допускал относительно второй части своего сочинения

некоторые изменения смысла, то имел в виду лишь «улучшение» своей позиции в имевшей место полемике.

Вывод, который следует из анализа правки первой редакции, заключается в том, что она подтверждает достоверность описанных в сочинении событий. Вторая (промежуточная) редакция сочинения была выполнена спустя некоторое время после написания беловика. На это указывают ошибочные относительно контекста исправления Ч-2, часть из которых была зачеркнута автором после того, как он более внимательно вчитался в текст. Зачастую исправления были непоследовательными, к тому же немало ошибок и описок были оставлены без изменения. По-видимому, первая редакция «Прений» была написана еще в Молдавии, вторая – через некоторое время, но до отъезда в опасную миссию в Чигирин, и там же появилась третья, окончательная авторская редакция сочинения.

Поданная в Посольский приказ и пущенная по рукам третья, окончательная авторская редакция «Прений» многократно подвергалась изучению. Но и относительно нее я получил важные новые данные. Работа с автографом помогла определить списки, позволяющие восстановить образовавшиеся в Арх. лакуны. Список В, признанный Белокуровым наиболее близким к Арх., слабее, чем списки первой группы, отражает текст авторского списка третьей редакции (Х), протографичного как Арх., так и всей рукописной традиции «Прений» (через список У). Ряд чтений, реконструированных Белокуровым по В, оказывается ошибочным по отношению к МГАМИД и спискам первой группы. Одновременно В имеет множество чтений, неверных как по отношению к первой группе списков, так и к Арх. Сравнение со списками С1, С2, и ИП2, которые, как я предположил, наиболее близки к протографу пространной редакции среди списков традиции (исключая Арх.), еще более увеличивает число особых чтений В. Таким образом, список В не подходит для восстановления лакун Арх. и реконструкции Х. Реконструкцию следует проводить на основе Арх. с помощью списков С1, С2 и ИП2, проверяя их соответствие остальным спискам первой группы и рукописной традиции в целом с тем, чтобы не только заполнить лакуны, но и исправить ошибочные чтения Арх. по сравнению с Х.

Значение этого вывода подтверждается следующим примером. В тексте о полемике 8 и 9 мая, появившемся в третьей редакции сочинения, речь заходит о «науке» греков. Этот текст начинается с заявления Суханова об отказе вести спор о хронологии как лично с Паисием, так и с дидасками. С ними Арсений отказался говорить на том основании, что они

...люди науки высокой, говорить с ними не уметь о правде, понеже такова наука: тшатся оне не истину сыскать, но только бы перетягать и многословием своим истинну замаять, – на то оне тшатся, и наука их такова иезуитская (с. 46).

Если в тексте по списку В обличение Суханова относится к личностям предлагаемых Паисием дидаскалов (один из которых – Паисий Лигарид – не вызывал ранее нареканий автора), то списки С1, С2 и ИП2 правильно относят слова Арсения к «науке» греков, учившихся в латинских коллегиях. Этой науке русский ученый и отказывает в благочестии:

...дасколы оне zde, а не во Еросалиме. А с теми я говорить для того не хочу, понеже в латынской науке много лукавства бывает, а истинну лукавством сыскать не мочно (с. 46).

Полагаю, что реконструкция текста окончательной авторской редакции «Прений» должна уточнить немало вопросов, связанных с религиозными по форме спорами накануне раскола Русской церкви.

Третья редакция насыщена аргументами обеих спорящих сторон. Сделанные во вторую редакцию вставки не просто дополнили текст, но и разрушили первоначальную фабулу: в частности, материалы сыска о сожжении московских книг оказались разрозненными. В короткий срок до приезда Суханова в Москву посольский отчет с полемическими включениями был превращен в публицистическое произведение чрезвычайной убедительной силы. «Прения» предназначались автором уже не только (и не столько) для Посольского приказа, но для широкого распространения. Отсюда следует вывод, что за время отсутствия автора в столице споры о путях усовершенствования церковных обрядов перешли в схватку сторонников разных курсов.

Этот качественный сдвиг легко увидеть, если отказаться от мысли, будто источником раскола стал конфликт Никона с другими «ревнителями благочестия», самые ярые из которых, такие как протопоп Аввакум, стали первыми жертвами преследований. Уже 9 февраля 1651 г. старший товарищ и единомышленник Арсения патриарх Иосиф плакал в царском дворце, не в силах остановить введение греческого раздельноречного пения, а протестующих против нарушения русского чина попов волокли «в роспрос» и заставляли «виниться» [Богданов, 2015, с. 397–398]. Так «ревнители», среди коих Никон пока не стал главным, утвердили первую победу греческого чина над русским. И первым сторел в сруб не «ревнитель», а епископ Павел Коломенский, не претендовавший ни на что, кроме сохранения традиций. Письменное участие Суханова в споре против принятой царем греческой позиции не осталось незамеченным. При отпуске Арсения из Москвы 24 февраля 1651 г. думный дьяк Михаил Волошенинов от имени государя указал, чтобы в будущее время «он, старец Арсений Суханов, будучи в греческих странах, помня час смертный, писал бы в правду, без прикладу», не беспокоя царя и бояр своим мнением. Правительство все решило. А Суханов уже пустил «Прения с греками о вере» по волнам истории.

Список литературы

Белокуров С. А. Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере» / с предисл., прим. и прил. Сергея Белокурова // Христианские чтения. 1883. № 1–12 и отд. оттиск.

Белокуров С. А. Арсений Суханов: в 2 ч. М. : Синод. тип., 1891, 1894. 991 с.

Богданов А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории : сб. ст. 1989 г. М. : Наука, 1989. С. 175–205.

Богданов А. П. Основы филиграноведения: история, теория, практика. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 335 с.

Богданов А. П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М. : Академ. проект, 2015. 421 с.

Герасимов А. А. Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М. : Акад. наук СССР, 1963. 378 с.

ГИМ. Собр. Уварова. № 181.

Каманин І., Вітвицька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII століт (1566–1651). Київ : Ред.-изд. комиссия АН УССР, 1923. 260 с.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1899. 1088 с.

ОР РНБ. F.XVII.17.

Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. 551 с.

Проскинитарий Арсения Суханова / под ред. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб. : Тип В. Киршбаума, 1889. 454 с.

РГАДА. Греческие дела. Св. 7157 (1649/50) г. № 8; Ф. 52. 1649 г. № 22; Ф. 181. Оп. 1. № 659.

РГБ. Осн. собр. № 4249; Ф. 178. № 858; № 6391; № 9030; № 10383; Ф. 199. № 100; № 161; № 458; Ф. 209. № 36; № 475; Ф. 218 (Поступления 1971 г.). № 145.15; Ф. 247. № 446; Ф. 445. № 26; Ф. 579. № 102.

Tromonin's Watermarks Album: A Facsimile of the Moscow 1844 ed. // Monumenta. Vol. 11. Hilversum: The Paper Publ. Society, 1965. 250 p.

References

Belokurov, S. A. (1883). Startsa Arseniya Sukhanova "Stateinyi spisok" i "Preniya s grekami o vere" [Monk Arseny Sukhanov's Investigation List and The Debate about Faith with the Greeks] / with a Preface, Notes and Applications by Sergei Belokurov. In *Khristianskie chteniya*. No. 1–12 and offprint.

Belokurov, S. A. (1891, 1894). *Arsenii Sukhanov v 2 ch.* [Arseny Sukhanov. 2 Parts]. Moscow, Synodal'naya tipografiya. 991 p.

Bogdanov, A. P. (1989). *Avtograf "Preonii grekami o vere" Arseniya Sukhanova* [Autograph of The Debate about Faith with the Greeks by Arseny Sukhanov]. In *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sbornik statei 1989 g.* Moscow, Nauka, pp. 175–205.

Bogdanov, A. P. (1999). *Osnovy filigranovedeniya: istoriya, teoriya, praktika* [Foundations of Filigranology: History, Theory, Practice]. Moscow: Editorial URSS. 335 p.

Bogdanov, A. P. (2015). *Russkie patriarkhi ot Iova do Iosifa* [Russian Patriarchs from Iov to Iosif]. Moscow, Akademicheskii proekt. 421 p.

Geraskitov, A. A. (1963). *Filigrani XVII veka na bumage rukopisnykh i pechatnykh dokumentov russkogo proiskhozhdeniya* [17th-century Filigrees on the Paper of Handwritten and Printed Documents of Russian Origin]. Moscow, Akademiya nauk SSSR. 378 p.

ГИМ [State Historical Museum]. Sbranie Uvarova. № 181.

Ivanovskii, N. I. (Ed.). *Proskinitarii Arseniya Sukhanova* [Pilgrimages by Arseny Sukhanov]. (1889). In *Pravoslavnyi palestinskii sbornik*. Vol. 7. Iss. 3 (21). St Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. 454 p.

Kamanin, I., Vitvits'ka, O. (1923). *Vodyani znaki na paperi ukrains'kikh dokumentiv XVI i XVII stolit (1566–1651)* [Watermarks on the Paper of 16th- and 17th-century Ukrainian Documents]. Kii'v, Redaktsionno-izdatel'skaya komissiia Akademii nauk Ukrainskoi SSR. 260 p.

Likhachev, N. P. (1899). *Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov* [The Paleographic Significance of Paper Watermarks]. Part 1–3. St Petersburg, Tipografiia "V. S. Balashov i Co.". 1088 p.

OR RNB [Manuscript Sections of the National Library of Russia]. F.XVII.17.

Popov, A. (1869). *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii* [Selected Collection of Slavic and Russian Essays and Articles, Included in the Chronographs of the Russian Edition]. Moscow, Tipografiia A. I. Mamontova i Co. 551 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Grecheskie dela. Svrtok 7157 (1649/50) g. № 8; Stock 52. 1649 g. № 22; Stock 181. List 1. № 659.

RGB [Russian State Library]. Osnovnoe sobranie. № 4249; Stock 178. № 858; № 6391; № 9030; № 10383; Stock 199. № 100; № 161; № 458; Stock 209. № 36; № 475; Stock 218. Postupleniya 1971. № 145.15; Stock 247. № 446; Stock 445. № 26; Stock 579. № 102.

Tromonin's Watermarks Album A Facsimile of the Moscow 1844 ed. (1965). In *Monumenta*. Vol. 11. Hilversum, The Paper Publ. Society. 250 p.

The article was submitted on 12.04.2018

**«КАМЕННОЕ СЛОВО» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ:
ОБРАЗНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
«СЛОВА, СТИХИ – КАМНИ, МЕТАЛЛЫ»***

**Наталья Фатеева
Зоя Петрова**

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

**THE “STONE WORD” IN RUSSIAN POETRY:
THE FIGURATIVE PARALLEL
“WORDS, POEMS – STONES, METALS”****

**Natalya Fateeva
Zoya Petrova**

Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, Russia

This article studies a fragment of the figurative worldview of Russian poetry, i. e. comparative tropes which are characterised by the interaction of semantic fields “Words, poems” and “Stones, metals”. The article aims to illustrate the ongoing lexicographic project *Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of 19th and 20th Centuries Russian Literature* and its significance for a systematic description of comparative tropes in terms of their evolution over two centuries. The research is based on the works of about 300 Russian poets, which are the source of the fourth issue of *Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of 19th and 20th Centuries Russian Literature* – “Stones, metals”. Additionally, the authors use materials of the Poetic Sub-corpus of the Russian National Corpus. The figurative parallel considered in the article has not been studied previously as part

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-012-00009 «Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв.»

** Citation: Fateeva, N., Petrova, Z. (2019). The “Stone Word” in Russian Poetry: The Figurative Parallel “Words, Poems – Stones, Metals”. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 294–311. DOI 10.15826/qr.2019.1.377.

Цитирование: Fateeva N., Petrova Z. The “Stone Word” in Russian Poetry: The Figurative Parallel “Words, Poems – Stones, Metals” // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 294–311. DOI 10.15826/qr.2019.1.377 / Фатеева Н., Петрова З. «Каменное слово» в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи – камни, металлы» // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 294–311. DOI 10.15826/qr.2019.1.377.

of linguo-poetic analysis, which makes this research innovative. The study relies on methods of corpus poetics and the basic concepts of the theory of semantic fields. The authors describe the structure of the figurative field “Stones, metals”, revealing the semantic relationships between its elements. A figurative field is defined as a hierarchised set of images of comparison used in comparative tropes and united by a common semantic invariant. The concept of a figurative field is based on the notion of a linguistic semantic field as a set of lexical units concentrated around a general meaning and reflecting a certain conceptual field of the language. The figurative field “Stones, metals” chosen for analysis is divided into the following semantic classes whose elements are connected by genus-species relations: 1. Jewels and semi-precious stones; 2. Precious metals; 3. Metals and alloys; 4. Stones; 5. Metal working and stone working; 6. Deposits; 7. Metal corrosion. The main entities compared with *stones* and *metals* are *words* and *poems*. Along with these dominant concepts, the authors consider related notions: *name, phrase, speech, mumbling, swearing, curse, prayer, rumour*, and terms related to poetry: *sonnet, elegy, rhyme, rhythm, iamb, choree, caesura, line, stanza*, etc. The authors provide a classification of formal types of comparative tropes realising the interaction of the semantic categories in question. They conclude that comparative tropes of Russian poetry form a system evolving in time.

Keywords: figurative worldview; semantic field; metaphor; simile; linguistic phenomena; corpus poetics; Russian poetry.

Представлено описание фрагмента образной картины мира русской поэзии – компаративные тропы, которые характеризуются взаимодействием семантических полей «Слова, стихи» и «Камни, металлы». Авторы ставят цель привлечь внимание к лексикографическому проекту «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» и его значению для системного описания компаративных тропов на протяжении двух веков. Источниками стали произведения не менее 300 русских поэтов, на основе творчества которых составлен четвертый выпуск «Материалов...» «Камни, металлы». Также привлекался Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка. Рассматриваемая образная параллель ранее не становилась предметом лингвопоэтического анализа, что обуславливает новизну исследования. Работа выполнена с использованием методологии корпусной лингвистики, а также основных понятий теории семантического поля. Рассмотрена структура образного поля «Камни, металлы», а также семантические отношения, связывающие его элементы: родовидовые, синонимические и др. Образное поле определяется как иерархически упорядоченное, объединенное общим смысловым инвариантом множество образов сравнения компаративных тропов. Понятие образного поля основано на представлении о языковом семантическом поле как совокупности лексических единиц, сконцентрированных вокруг общего значения и отражающих определенную понятийную сферу языка. Выбранное образное поле «Камни, металлы» подразделяется на следующие семантические классы, элементы которых связаны родовидовыми отношениями: «Драгоценные и полудрагоценные камни», «Драгоценные

металлы», «Металлы и сплавы», «Камни», «Обработка металлов и камней», «Месторождения», «Коррозия металла». В качестве основных сущностей, уподобляемых камням и металлам, выступают *слова и стихи*. Наряду с этими доминирующими понятиями рассмотрены связанные с ними наименования *имя, фраза, речь/речи, бормотания, брань, ругательство, мольба, молва*, а также стиховедческие термины *сонет, элегия, рифма, ритм, ямб, хорей, цезура, строка, строфа* и др. Приведена классификация формальных разновидностей компаративных тропов, в которых реализуется взаимодействие рассматриваемых семантических категорий. Проведенное исследование доказывает, что компаративные тропы русской поэзии образуют развивающуюся во времени систему.

Ключевые слова: образная картина мира; семантическое поле; метафора; сравнение; языковые явления; корпусная поэтика; русская поэзия.

Мысль о связи компаративных тропов с языковой картиной мира, с системой семантических полей давно высказывалась исследователями, и имеются описания определенных классов (в разной терминологии – полей, моделей, парадигм) тропов [Кожевникова; Павлович; Баранов и др.], однако полного целостного описания системы тропов художественной литературы, в особенности в эволюционном аспекте, на сегодняшний день не существует. Продолжающийся большой лексикографический проект «Материалы к словарю метафор русской литературы XIX–XX вв.» направлен на решение этой задачи. Семантические группы тропов в этом словаре объединяются на основе двух ведущих принципов – идеографического и диахронического (см. введение к первому выпуску «Материалов...»: [Кожевникова, Петрова, 2010, с. 13–19]). Цель словаря – представить систему компаративных тропов русской литературы в ее связи с поэтической картиной мира (в широком понимании) и эволюцию этой системы на протяжении двух веков. В настоящее время вышли пять выпусков словаря: «Птицы» (2000), «Звери, насекомые, рыбы, змеи» (2010), «Растения» (2015), «Камни, металлы», «Ткани, изделия из тканей» (2017). Данная статья решает проблему целостного описания фрагмента системы компаративных тропов в ее развитии на основе четвертого выпуска вышеуказанного словаря [Кожевникова, Петрова, 2017, с. 140–158] с добавлением материалов Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. В ней рассматриваются компаративные тропы русской поэзии XIX–XX вв., в основе которых лежит уподобление языковых сущностей камням и металлам¹.

Камни и металлы как материальные объекты и как объекты духовной культуры давно привлекали внимание исследователей. Образу камня в минералогической науке и культуре был посвящен проект

¹ Сами же языковые сущности как предметы сравнения анализируются в книге Н. А. Фатеевой [Фатеева, с. 14–15].

Института мировой культуры МГУ: камень исследовался как элемент картины мира в аспекте связи гуманитарных и естественных наук [Живой камень]. Образам металлов в науке и поэзии посвящена работа [Филиппов, Грузман]. Специально анализируются названия металлов и камней с точки зрения их происхождения и функционирования в тексте [Макеева; Максимова; Николашвили и др.]. Особый интерес представляют интерпретации названий камней и металлов в функции образов сравнения компаративных тропов² [Яценко, Казарин; Кондратьева; Таран].

Рассматриваемая нами образная параллель никогда ранее не становилась предметом лингвопоэтического анализа, тем более на столь обширном материале. Описание выбранного фрагмента системы тропов предполагает выявление структуры образного поля «Камни, металлы» и семантических отношений, связывающих его элементы (родо-видовые, синонимические и др.).

Образное поле определяется как иерархически упорядоченное, объединенное общим смысловым инвариантом множество образов сравнения компаративных тропов. Понятие образного поля, таким образом, основано на понятии семантического поля, которое определяется как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, с. 103].

Предметом нашего анализа являются образы сравнения, относящиеся к объединенному семантическому полю «Камни, металлы», выделенному как единое целое на основании множества общих признаков: и камни, и металлы представляют собой полезные ископаемые, которые подвергаются дальнейшей обработке, могут быть драгоценными, при этом имеют и ряд общих физических свойств – твердость, блеск и др. Рассматриваемое поле, соответственно, делится на два основных крупных семантических класса – «Камни» и «Металлы»³. В классе «Камни» выделяются подклассы обозначений драгоценных и полудрагоценных камней (*жемчуг, алмаз, бриллиант, изумруд, яхонт, янтарь, рубин, сапфир, опал, хрусталь* и т. д.) и подкласс обозначений обычных камней (для этого подкласса мы сохраняем родовое название «Камни»: *камень, гранит, булыжник*). В классе «Металлы» выделяется подкласс обозначений драгоценных металлов (*золото, серебро*) и подкласс обозначений недрагоценных металлов и их сплавов под родовым названием «Металлы, сплавы» (*железо,*

² Основные составляющие компаративного тропа – предмет сравнения (то, что сравнивается), образ сравнения (то, с чем сравнивается) и основание сравнения.

³ Подразделения семантического поля на более мелкие лексические подмножества получают различные наименования в научной литературе: лексико-семантические группы (см.: [Шмелев, с. 186; Новиков, с. 151] и др.), микрополя (см., например: [Новиков, с. 99; Денисов, с. 122]). Е. В. Падучева при семантической классификации лексики пользуется такими терминами, как тематические и семантические классы [Падучева, с. 42–43]. Мы будем использовать наиболее нейтральное, по нашему мнению, понятие «семантические классы и подклассы».

свинец, медь, олово, чугун, жесть и т. д.). Опорными словами тропов становятся также словообразовательные дериваты отмеченных лексем – прилагательные (*каменный, жемчужный, алмазный, золотой, серебряный* и т. д.), глаголы (*окаменеть*), существительные (*камешек, железка, жемчужина*). Все они включаются в те же подклассы, что и мотивирующие лексемы.

Кроме родо-видовых наименований и их дериватов, в рассматриваемое поле включаются класс названий процессов обработки металлов и камней (*плавка, ковка, литье, закалка, чеканка, шлифовка, огранка, тесание*), их глагольные корреляты, а также класс обозначений, связанных с коррозией металла (*ржавеет, ржавчина, нержавеющий*). Выделяется также немногочисленный класс слов и словосочетаний, связанный семантическим инвариантом «Месторождение» (*порода, залежь, золотая жила*).

Рассматриваемое поле содержит ряд пересечений с другими полями: «Деньги, монеты» (*золотая монета, золотой эталон, медная мелочь*), «Изделия из металлов и камней» (*бусы, бисер, золотой бубенец*), «Коллющие, режущие предметы, оружие» (*оружие, клинок, кинжал, лезвие, нож, гвоздь, шило, серп*) и др.

В ходе анализа установлено, что основополагающие понятия поэтического творчества – стих и слово – представляются в поэтической картине мира следующими классами образных употреблений, материал в которых упорядочен по времени, что позволяет проследить их эволюцию, пополнение их классов новыми элементами:

1. «Драгоценные камни». Первыми по времени в качестве опорных слов тропов, характеризующих стихи и слова, начинают употребляться лексемы *жемчуг, алмаз*, которые проходят через весь исследуемый период.

Стихи как предмет сравнения характеризуются следующими образными употреблениями:

– **жемчуг**: *В прохладе сладостной фонтанов / И стен, обрызганных кругом, / Поэт, бывало, тешил ханов / Стихов гремячим жемчугом* (А. Пушкин, 1828); *Масальский прозой и стихами / Пред ним, как жемчугом, блистал* (А. Апухтин, 1856–1857); *Кто же выступит с гимном похвал / Перед тем, кто, поднявшись над нами, / Полстолетия Русь осыпал / Драгоценных стихов жемчугами?* (А. Фет, 1883); *Глубоким выхвачен он горем / Из недр души заповедных, / Как жемчуг, выброшенный морем / Под грохот бури, – этот стих!* (А. Майков, 1889); *Рогатых хозяев жизни / Хрипом ночных ветров / Приказано златоризней / Одеть в жемчуга стихов* (Н. Клюев, 1921–1922); *Теперь же должен ловчий слов / Идти на грубый лов монет / И сыпать жемчуга стихов / В надменный крик столбцов газет* (М. Щербаков, 1921–1935)⁴;

⁴ Этот образ может быть выражен окказионализмом: «...обо мне воспоминанье, / Как о ловце поэзожемчугов» (Северянин, 1920-е гг.).

– **алмаз**: Стихи блестящи, как **алмазы** (А. Апухтин, 1856–1857); Тихо я в темные кудри влетаю / Тайных стихов драгоценный **алмаз** (А. Блок, 1909); Так стихи – граненые **алмазы** – / Освещает изнутри поэт (Амари (М. Цетлин), 1912); **Алмазы, яхонты, рубины** / Стихов ему рассыпать лень (Н. Гумилев, 1920), Стихов **алмазы, дружбы бисер** (Н. Клюев, 1932–1933).

Слова как предмет сравнения получают следующие образные употребления:

– **жемчуг**: На мысли, дышащие силой, / Как **жемчуг**, низжуются слова (М. Лермонтов, 1840); Я собираю слова, / Как изумруд и **жемчуг** (Ф. Сологуб, 1920); Успение леса поведает тот, / Кто слово, как **жемчуг**, со дна достает (Н. Клюев, 1929–1934); Как **жемчуг**, русские слова / Лежат в сиянье оболочек... (К. Некрасова); Открылись тайники воспоминаний, / И **жемчуга** словесные, легки, / У невских берегов шуришат в тумане (М. Вега, 1968–1979);

– **алмаз**: В устах носил **алмаз** живого слова (Ф. Глинка, 1840–1850-е гг.); Рыдай и пой затейливо и звонко! **Алмазы** слов бросай через плетень! (Жаров 1926); И там, где сверкают **алмазы**, / метафор его филигрань, – / там ваши манерные фразы / кошмарней, чем грязная брань (Ю. Мориц, 1995).

Позже появляются их дериваты (**алмазный, жемчужный, жемчужина**):

– **алмазный**: Слова любви всегда бессвязны, / Они дрожат, они **алмазны**, / Как в час предутренний – звезда (К. Бальмонт, 1895); В мире слов разнообразных, / Что блестят, горят и жгут, – / Золотых, стальных, **алмазных**, – / Нет священной слова «Труд!» (В. Брюсов, 1919); Как воды гор, твой голос горд и чист. / **Алмазный** стих наполнен райским медом (В. Набоков, 1920);

– **жемчужный**: ...На улицах твоих / сквозь пышный тюль, вуаль и блонды / поэт кует **жемчужный** стих, / лоя улыбку Джококонды (Т. Вечорка, 1915);

– **жемчужина**: Властно замкну я в **жемчужины** слова / Смутные шорохи дум (И. Коневской, 1895); Когда ж еще, лучиста и тиха, / В нее звезда вечерняя упала – / То ракушкой душа ее всосала, / Обволокла **жемчужиной** стиха (Л. Алексеева, 1959).

Реже стихи и слова характеризуются обозначениями других драгоценных и полудрагоценных камней (и их дериватами), которые появляются в поэтическом языке в конце XIX в.:

– **сапфир**: А вы, исканья бога, аметисты? / И вы, **сапфиры** вдумчивых стихов? / Сверкал из вас в былом огонь лучистый, / Но вы теперь – лишь груз холодных слов! (В. Брюсов, 1892–1894); Пускай из злата и **сапфира** / Пребудут вещице слова! (И. Северянин, 1917);

– **сапфирный**: Затем мы с ним смотрели самоцветы, / янтарные, **сапфирные** слова (В. Набоков, 1923);

– **яхонт, рубин**: Алмазы, **яхонты, рубины** / Стихов ему рассыпать лень (Н. Гумилев, 1920);

– **хрусталь:** Опять, как в письме, повторяю я то же, / звучащее в сердце моем, / что в гибких стихах, в переливной их дрожи / я вижу **хрусталь с серебром** (Черубина де Габриак, 1925);

– **хрустальный:** Тебе одной **хрустальный** стих отдам, / В суровой тишине гранимый (Д. Андреев, 1931–1937); *Задумалась глубоко – / О счастье тишины, о раненых сердцах, / О грусти пламенной в стихах **хрустальных*** Блока (Е. Недельская, 1940);

– **янтарный:** Прочти ли сам Пушкин свой стих **янтарный**... (И. Северянин, 1929);

– **изумрудный:** Твой строгий стих чеканно-изумрудный (О. Скопиченко, 1932);

– **смарагд:** Наморщив брови, он рылся в тюбах, / Он, как **смарагды**, ронял слова (Г. Шенгели, 1943).

Компаративный смысл в этой группе тропов основан на дифференциальных признаках ‘красота формы’, ‘прозрачность’, ‘блеск’.

Эти ассоциации способствуют созданию образных контекстов, в которых работа поэта со словом уподобляется созданию украшений: *На мысли, дышащие силой, / Как **жемчуг**, нижутся слова* (М. Лермонтов, 1840); *Как жемчуга, на звездный луч нанизаны, / Слова твои круглятся, нищий Крёз* (Вяч. Иванов, 1914–1945); *Слово к слову она ниже **бисером*** (Л. Мей, 1857–1858).

2. «Драгоценные металлы». Данный класс преимущественно представлен опорными словами тропов *золотой* и *золото* (с преобладанием первого над вторым). Стихи как предмет сравнения характеризуются в них следующими образными употреблениями:

– **золотой:** *И муза пылкая дарит / Меня стихами **золотыми*** (Н. Языков, 1823); *Светлый стих свой, драгоценный, / **Золотой**, кует Гафиз* (А. Фет, 1859); *Мы с Мэри твердим наизусть / **Золотыми** стихами* (А. Блок, 1908); *Пусть не ты **золотыми** стихами / Обессмертил томленья мои* (А. Ахматова, 1913); *Отчизна с нежностью старинной / Смягчает скорбь мою: / Я в **золотых** стихах величье / Халдеи воспою* (Б. Лившиц, 1935–1937); *Я рожден для того, чтобы старый поэт / Обо мне говорил **золотыми** стихами* (Д. Кедрин, 1939); *Мы ждем! Где стих ваш **золотой?*** (К. Липскеров, 1948); *Ах, как звонко вы ковали / **Золотые** пустяки! Ах, как звонко распевали / **Золоченые** стихи!* (Д. Самойлов, 1974);

– **золото (злато):** *Я здесь, в Москве, где так красиво / И так любезно расцвели вы / Для вдохновенного труда, – / И расцвели хвалою и славой – / Где стих ваш ясен, как хрусталь; / Как **злато**, светел; тверд, как сталь; / Звучит и блещет величаво* (Н. Языков, 1844).

Слово как предмет сравнения сочетается с метафорическим прилагательным *золотой*: *Но в **золотое** слово влита, я знаю, медь* (В. Брюсов, 1917); *И хмельной, непослушною песней / **Золотые** слетали слова!* (П. Васильев, 1926); *Вдруг с высоты на дно души / Упало слово **золотое**...* (М. Зенкевич, 1949).

В приведенных контекстах уподобление происходит по признакам ценности, красоты, блеска. Признак ценности специально акцен-

тируется в контекстах: *Певец Онегина один Вас прославлять достоин, Ольга, / Его стихи блестят, как **злато**, как рубин, / Мои ж – как мишура и фольга* (А. Дельвиг, 1827–1831) – так противопоставляется истинная и поддельная ценность стихов. Ср.: *Заплачу я за счастье / **Золотом** стихов по всем вексельям!* (М. Зенкевич, 1922) – золото приобретает денежное измерение. К дифференциальным признакам золота может присоединяться и признак звучания в сочетании **золотой бубенец**: *О, взыщи мою душу, Творец, / Дай мне стих – **золотой бубенец*** (Н. Клюев, 1916); *И стихи заплетутся в нарядные ленты, / Зазвелят, как набор **золотых бубенцов*** (К. Большаков, 1915). Признак звучания характерен и для контекстов с образным инвариантом «стихи – серебро», ср.: *И пусть стихов **серебряные** струны / Продолжат свой тоскующий напев* (Н. Рубцов, 1967). Образные смыслы драгоценных камней и драгоценных металлов могут объединяться: *Мой стих **серебряно-брильянтовый** / Живителен, как кислород* (И. Северянин, 1912).

3. Класс «Металлы и сплавы» представлен лексемами *железный, чугун, сталь, булат, свинец, свинцовый, медь, олово*. С каждым металлом в образных конструкциях связаны свои ассоциации. Железо ассоциируется с твердостью и с тем, что из него изготавливаются оружие, режущие, колющие предметы. Отмеченные ассоциации в нашем материале в применении к стихам впервые встретились у Лермонтова в словосочетании *железный стих*: *О, как мне хочется смутить веселость их / И дерзко бросить им в глаза **железный** стих, / Облитый горечью и злостью!*.. (1840). Это словосочетание встречается и у других поэтов: *Поэты наши... Злобой и тоской / **Железные** стихи их нам звенели* (А. Григорьев, 1847); *Ты хищника стихом **железным** заклеил / И стыд его увековечил* (В. Бенедиктов, 1852); *Вдохнувши страсть в свой стих **железный**, / Вонзавший в сердце сотню жал, / Он Евридику звал из будни, / Елены призрак оживлял* (С. Соловьев, 1925), причем в стихотворение В. Хлебникова «На родине красивой смерти – Машуке...» (1921), посвященное Лермонтову, включена цитата: *И умер навсегда / **Железный** стих, облитый горечью и злостью*.

Подобные словоупотребления сближаются с уподоблениями стихов холодному оружию, режущим и колющим предметам – *оружие, нож, кинжал* и т. п.:

– **гвоздь**: *Во всех приказных, бравших взятки / (Подогревая в сердце злость), / Во всех, кто грубы, грязны, гадки, / Мой стих вопьется, словно **гвоздь*** (Д. Минаев, 1865); *Стих написан, отточен и всажен, / словно **гвоздь**, пробивающий кисть* (А. Еременко, 1997);

– **нож**: *Не помогает ни на грош / Ни поэтическое рвенье, / Ни стих отточенный, как **нож*** (В. Гофман, 1901);

– **кинжал**: *Твой стих пронзил мне сердце, как **кинжал*** (И. Голенищев-Кутузов, 1919);

– **клинок**: *И каждый стих его – клинок, / Огнем свободы закаленный* (Вс. Рождественский, 1925–1976); *Я голосую за свободы клок, / за долгий путь из вымершего леса, / за этот стих, простой, как без эфеса, / куда хочу направленный клинок* (А. Еременко, 1989);

– **оружье**: *Я затем оттачиваю стих, / Чтоб всегда располагать оружием* (П. Васильев, 1932) (в последнем примере в предикате *оттачиваю* совмещены два значения – переносное и прямое).

Слова как предмет сравнения также характеризуются образами сравнения *железный*, *железо* и уподобляются твердым, острым предметам:

– **железный**: *Из слова железного он [стих] образован* (В. Бенедиктов, 1840); *Но спокойно звенит / За окном, / То погаснув, то вспыхнув / Снова, / Железное слово: / «Рре-эс-пу-у-ублика!»* (С. Есенин, 1917);

– **железо**: *Если жидкое твердыню / Продолбит своим упорством, / Как железо слова Торы / Не пронзит сердце из плоти?* (А. Лозина-Лозинский 1912);

– **меч**: *Я – весь / Я – только Бог. / Слова мои – мечи. / Я только Бог* (Ф. Сологуб, 1904);

– **гвоздь**: *Все слова уже – как гвозди: / столько в стены эти вбито / слов, торчащих вкривь и вкось...* (Г. Семенов, 1964).

Эти же семантические признаки актуализируются и в образах сравнения *сталь* и *булат*, которые характеризуют стихи и слова:

– **сталь**: *Стих ваш ясен, как хрусталь; / Как золото, светел; тверд, как сталь; / Звучит и блещет величаво* (Н. Языков, 1844); *Что сильней рабочего напора! / Слово едкое, как сталь остро!* (Э. Багрицкий, 1924); *Летит / живей еще / туннелем вдаль / слов / нержавеющей / литая сталь!* (С. Кирсанов, 1938);

– **булат**: «Стих» [заглавие]. *Из слова железного он [стих] образован, / Серебряной рифмы насечкой скреплен, / В груди, как в горниле, проплавлен, прокован / И в кладезе дум, как булат, закален* (В. Бенедиктов, 1840).

Слова также сравниваются с *жестью*: *Слова, как жесть, краснеют от нагрева* (А. Прокофьев, 1931); *Он говорит ей – милой, дорогой – / Слова сухие, как обрезки жести, / Такие, за которые другой / Им был бы, кажется, убит на месте* (К. Симонов, 1938–1941).

Чугун и *свинец* как образы сравнения мотивируют ассоциации с тяжестью и другие, часто негативные ассоциации, характеризуя рассматриваемые предметы сравнения.

Слова:

– **свинцовый**: *Серьезных лиц густая волосатость / И двухпудовые, свинцовые слова* (Саша Черный, 1909);

– **свинец**: *И слова упали, / Жестокие, мертвые, как свинец* (Д. Андреев, 1934–1938);

– **чугунный**: *Упал на площадь виноградный стих. / <...> Мы закуем его в тяжелые напевы, / В старинные чугунные слова* (К. Вагинов, 1923);

Стихи:

– **свинцовый**: Мне греметь тяжелыми стихами / Под конвоем озлобленных туч. / <...> Мне ж сверкающие крики комсомольца / Перелить в **свинцовые** стихи (М. Светлов, 1921);

– **чугунный**: Мой стих с любезным реверансом / В благополучный дом не вхож: / **Чугунных** строф не спеть романсом, / Жене не подарить, как брошь (Д. Андреев, 1955).

Негативные коннотации наиболее ярко проявляют себя в деривате **свинчатка**: И слово в губах, как **свинчатка** в кулак (В. Шершеневич, 1919).

Признак тяжести при образной характеристике стиха в XX в. гиперболизируется за счет терминов ядерной физики **сверхтяжелые** (металлы), **трансурановые** (элементы), **плутоний**:

Нержавеющий и незыблемый стих ищю.

<...>

За расчерченную, исследованную сферой,

За последнею спондеической крутизной

Сверхтяжелые, трансурановые размеры

В мраке медленно поднимаются предо мной.

Опрокидывающий правила, как **плутоний**...

<...>

Ступенями нагромождаемый сверхпэон! (Д. Андреев, 1951).

Образы сравнения **медь** и **олово** в соотнесении со стихами как предметом сравнения ассоциируются в первую очередь со звучанием предметов, изготовленных из этих металлов:

– **медь**: Пятьдесят лебедей пронесли / С юга веинные крики в полестье, / И мы слышали, дети земли, / Как звучала их песнь с поднебесья. / Майков **медь** этих звуков для нас / Отчеканил стихом-чародем (А. Фет, 1888); В твоём стихе озолоченном / Звонит Вергилиева **медь** (С. Соловьев, 1905); И Бог предрек: «Ты будешь знаменит, / Твой каждый стих рублем себя окупит, / На мраморе он **медью** прозвонит» (М. Тарловский, 1928); Я слушал стиха соловьиною **медь**, / Хотелось уметь этой **медью** греметь (И. Елагин, 1982–1986);

– **олово**: Звякни, стих, подобно **олову**! / Заори, как печенег! (Н. Агнивцев, 1915–1921).

Небольшая группа образных словоупотреблений связана с уподоблением стихов и слов металлическим деньгам, при этом актуализируются различные смыслы – ‘ценность’, ‘блеск’, ‘звон’, ‘придание чеканной формы’.

Стихи: Стих каждый в повести твоей / Звучит и блещет, как **червонец** (А. Пушкин, 1826); Стих, как **монету**, чекань / Строго, отчетливо, честно (Н. Некрасов, 1877); Для поколенья, не для населенья, / Как золото, минуты собирай / И полновесный **рубль** стихотворенья / На гривенники ты не разменяй (М. Светлов, 1957).

Слова: *И как медная мелочь, слова* (П. Антокольский, 1920–1930-е гг.); *Родоначальник, судья в долгих спорах аула родного, / Как золотую монету, роняет лишь нехотя слово* (Вс. Рождественский, 1941–1956).

4. Класс «Камни». Названия камней становятся образами сравнения компаративных тропов не столько с предметом сравнения *стихи*, сколько с обозначением «строительного материала» стиха – словами. Приведем пример уподобления слов строительному материалу:

кирпичи: ...и давайте / без завистей / и без фамилий / класть / в коммунову стройку / слова-кирпичи (В. Маяковский, 1926);

бут: Завершается труд, / раскрывается вся панорама: / Из невиданных руд / для постройки извлек я металл, / Плиты слова, как бут, / обгранил для желанного храма, / Из отесанных груд / многотонный устой создавал (Д. Андреев, 1950–1956).

Ассоциации, лежащие в основе уподобления стихов и слов камням, в некоторых случаях связаны не только с тяжестью, твердостью, но и с нанесением ущерба. Соответствующие метафоры и сравнения содержат в качестве образов сравнения лексему *камень* и ее дериваты *каменный*, *камешек*, а также слова, обозначающие видовые понятия *булыжник*, *гранит* и т. п.:

– **каменный:** *И молитвенно славит нетленное / Тяжкозвучный каменный стих* (А. Баркова, 1921); *И упало каменное слово / На мою еще живую грудь* (А. Ахматова, 1939);

– **камень:** *Проклятая, домучь! / Любимая, кидай слова, как камни!* (В. Шершеневич, 1923); *Как этот камень, слово жестко* (Н. Рыленков, 1937); *Пусть судьба разобьет этот режущий стих – / Черный камень ночей городских* (Д. Андреев, 1951); ...для них он [Иуда] брат еще сейчас, / убитый, как и все, словами, / на сердце падшими как камень: / «Один из вас меня предаст...» (О. Тарутин);

– **камешек:** *А девчонки у машин, / Вея желтые пески, / Словно камешки роняют / Проголосные стихи...* (Кс. Некрасова); *И слово, смешанное с сором, / Блеск обретает колдовской, / Вдруг вспыхивая перед взором, / Как мокрый камешек морской* (Д. Самойлов, 1975);

– **булыжник:** *Он так же мостил / всероссийскую тину / булыжником слов – / не цветочной пылью* (Н. Асеев, 1936–1939);

– **гранит:** *Он думал, что слово – хрусталь и фарфор, / А слово-то было гранит* (Н. Матвеева, 1965);

– **гранитная порода:** [Данте] подобен породе / Гранитной, с вкраплениями кварца, слюды. / И магма метафор, и шахта сюжета (А. Кушнер, 1981).

В других контекстах актуализируются иные свойства камней, например возможность высечения огня из камня: *Брал человек / Холодный мертвый камень, / По искре высекал / Из камня пламень, / Твоя судьба / Не менее сурова – / Вот так же высекать / Огонь из слова*

(Н. Рубцов, 1962); или камень как материал для архитектуры⁵:
*О, – в камне стиха, даже если ты канула, / Утопленница, даже если –
 в пыли, / Ты бьешься, как билась княжна Тараканова, / Когда февралем
 залило равелин* (Б. Пастернак, 1915).

5. Класс «Обработка металлов и камней». Довольно большая группа контекстов несет в себе уподобление процесса работы поэта над стихотворным текстом различным процессам обработки металлов и камней. У металлов это закалка, ковка, плавка, литье, чеканка. Существуют контексты, в которых представлены сразу несколько процессов обработки металла:

Из слова железного он образован,
 Серебряной рифмы насечкой скреплен,
 В груди, как в горниле, **проплавлен, прокован**
 И в кладезе дум, как булат, **закален**,
 И мерный, и звучный из сердца он вынут
 И с громом в мир Божий, как молния, кинут (В. Бенедиктов, 1840);

Слов зыбучесть и текучесть вылей в жгучесть, в силе мучась,
Куй им огненную участь – испытуем, не жалея.
 Мук и пыток прав избыток, звука слиток **плавь**, созвучась,
 Как напиток, как струи ток, слово лей, слово лей.
 Слова сгусток, сжатый в жгуты, вынь у огненного спрута
 И, как золото – Бенвенуто, стих **чекань**, стих **чекань**.
 Год работы иль минута – вот он, вот он, пресловутый,
 Гнутый, мятый многократно, явит **сплав** славы грань (В. Меркурьева, 1917).

В поэтическом языке в применении к стихам используются производящие единицы, номинирующие процессы обработки металла, и соответствующие дериваты.

«Ковка»:

– **ковать**: *Влетели на чердак высокой; / Там Кропов в тишине глубокой / С бумагой, склянкой и пером / Сидел в раздумьи за столом / На стуле ветхом и треногом / И площадным, раздутым слогом / На наши смертные грехи / Ковал и прозу, и стихи* (А. Пушкин, 1815); *Благословлял я желчь, полынь и омег, / Всю горечь дней моих, / Когда я в тяжелой, в горестной истоме / Ковал свой горький стих* (Амари, 1912);

– **отковать**: *Любовью к милой дышит / Откованный в горниле сердца стих* (В. Бенедиктов, 1837);

– **выковать**: *Уходи от этих ласковых животных [женщин], / Ты, что должен **выковать** озаренный стих* (В. Гофман, 1903–1904);

– **вковать**: *Я б из себя все впечатленья / Хотел по-вашему понять, / Певучей рифмой их связать / И в стих **вковать** их отраженья* (М. Волошин, 1904).

⁵ С этой точки зрения показательно название книги О. Мандельштама «Камень», в ней поэт уподобляет себя творцу, который строит свое мироздание, только использует свой строительный материал – слово.

«Чеканка»:

– **отчеканить**: *Кудри отбросив назад, / В песне искусственно пламенной / В каждой гостинице он рад / Бросить свой стих отчеканенный* (Д. Минаев, 1865);

– **чеканить**: *И, как золото – Бенвенуто, стих чекань, стих чекань* (В. Меркурьева, 1917).

«Литье»:

– **литой**: *Сон или смертный грех – / Быть как шелк, как пух, как мех, / И, не слыша стиха литого, / Процветать себе без морщин на лбу* (М. Цветаева, 1916); *Слова молитв своих, тяжелых и литых, / Слагал угрюмый Баратынский* (Амари, 1942).

«Плавка»:

– **сплав**: *Тебе пою звенящие стихи я – / Сердца пламенного сплав* (И. Садофьев, 1919); *Что ему почет и слава, / Место в мире и молва / В миг, когда дыханьем сплава / В слово сплочены слова?* (Б. Пастернак, 1936);

– **переплавить**: *Приветствую тебя, старинный крепкий стих, / Не мною созданный, но мною расцвеченный, / Весь переплавленный огнем души влюбленной* (К. Бальмонт, 1923);

– **переплавка**: *Уж я ценю душевный свой уют, / Поэмы не бросаю в переплавки...* (И. Сельвинский, 1966);

– **расплавить**: *Слова, как жемчуг, краснеют от нагрева. / Расплавлю их, чтобы увидел я, / И в темноте – насколько толще левой / Десница опаленная твоя* (А. Прокофьев, 1931).

Компаративные тропы создаются и словами, обозначающими процессы обработки камней – тесание, огранку:

– **тесать**: *Кто же мозгу воздаст за труд, / Что тесал он стихи-каменья?* (Н. Клюев, 1916–1918);

– **гранить**: *Но чужому слову отдан / Стих, гранимый с юных лет, / И за горстку денег продан / В переводчики поэт* (Г. Шенгели, 1950).

Кроме пяти описанных выше классов тропов, можно выделить еще два небольших класса образных употреблений с опорными словами поля «Камни, металлы»:

6. Класс «Месторождения». Он включает образы сравнения *залежь*, *жила* при предмете сравнения «слова»:

– **златоносная жила**: *Броди средь будней унылых, / Пока не отыщешь в глуби / Слов златоносные жилы* (И. Эренбург, 1919);

– **залежь**: *...любое разукрасят жилище / Эти книги премудрости вечной самой. / А какие в них ритмы! / А какая в них залежь / Слов ядреных и точных русского языка!* (И. Северянин, 1928).

7. Класс «Коррозия металла», включающий лексемы *ржаветь*, *ржавчина* (*ржа*), *нержавеющий* при характеристике предметов сравнения «слова» и «стихи»:

– **ржаветь**: *слов ржавеет сталь, / чернеет баса медь* (В. Маяковский, 1925);

– **ржа, ржавчина**: *Мое молчанье – не мое: / Слова земные отупели, / И ржа покрыла лезвие* (З. Гиппиус 1927); *Стих может заболеть /*

И ржавчиной покрыться, / Иль потемнеть, как медь / Времен Аустерлицца (Н. Тихонов, 1937–1940);

– *нержавеющий: слов / нержавеющих / литая сталь* (С. Кирсанов, 1938); *Нержавеющий / и незыблемый / стих ищущу* (Д. Андреев, 1951).

Итак, мы рассмотрели компаративные тропы русской литературы, предметами сравнения которых являются языковые явления, наиболее часто привлекающие внимание поэтов, – стих и слово, а образы сравнения относятся к семантическому полю «Камни, металлы». Кроме этих двух элементов, семантическое поле «Языковые явления» включает и другие единицы, на которые распространяется сравнение с камнями и металлами.

Первое доминирующее понятие – «стихи» – вовлекает в орбиту семантических преобразований различные стиховедческие термины: *сонет, элегия, рифма, ритм, ямб, хорей, цезура, строка, строфа* и др. Среди их образных соответствий мы находим традиционные, например:

– *рифма – серебро (сребро): Да огнем Анакреона / Блещет рифм моих серебро!* (В. Бенедиктов, 1838); *На развалинах строк, созвучий / Каркнет ворон – мое перо, / И польется из трубной тучи / Живоносных рифм серебро!* (Н. Клюев, 1921);

– *ямб – булат: Ямб... / Сверкая, как острый булат, / Он змеей изворотливой вьется!* (П. Якубович, 1885);

– *хорей – золотой: Но лишь хорей золотые / Взнуздали жизнь, – она мертва!* (Н. Крандиевская, 1919);

– *сонет – брильянт: Музы, в сонете-брильянте / Странную тайну отметьте* (Н. Гумилев, 1910);

– *строфа – сталь: Сны цветные ребенка задорного / Молот жизни в сталь строк претворил* (В. Брюсов, 1922).

Кроме того, встречаются индивидуально-авторские образы, например, генитивная метафора *железки строк* с дериватом-существительным: *В курганах книг, / похоронивших стих, / железки строк случайно обнаруживая, / вы с уважением ощупывайте их, / как старое, но грозное оружие* (В. Маяковский, 1929–1930), которая затем повторяется у Глазкова: *И только строк железки / Внушительны и вески, / Как те метеориты! / Как все метеориты!* (Глазков, 1970).

Наряду со вторым доминирующим понятием – «слово» – образные параллели образуют и названия языковых единиц, таких как *имя, фраза*, а также наименования сущностей, относящихся к области речи: *речь/речи, бормотания, брань, ругательство, мольба, молва* и др. Они демонстрируют те же направления семантического переноса. Например, имя уподобляется драгоценным камням:

– *хрустальный: Ты разбила хрустальное имя «Юрий» / Дымом орудий на тысячу осколков* (К. Большаков, 1914–1915);

– *рой жемчужин: Серебристое имя Марии / Окариной звучит под горой, / Серебристое имя Марии, / Как жемчужин летающий рой* (И. Северянин, 1923);

– **жемчуг**: Эти святцы-поэмы вслух слагала родня, / словно **жемчуг** семейный завещав в имена (А. Вознесенский, 1979).

Имя уподобляется драгоценным металлам:

– **золотой, златой**: **Золотое** имя Истры / Кто тебе, родная, дал! (С. Соловьев, 1905); Я только странно повторяю / Их **золотые** имена (А. Блок, 1908); Мечтателей луна / Всплывает надо мной. / Забывшись, повторяю / Канцоны сладкие, **златые** имена (Г. Иванов, 1913–1914);

– **серебро**: Где имя девушки одной, / Как **серебро** звучащее (И. Сельвинский, 1945).

Языковые единицы образно характеризуются и с помощью слов поля «Металлы»:

– фразы – **железо**: Метлою лозунгов / звенит **железо** фраз, метлою бурь / по дуракам подуло (В. Маяковский, 1928).

Приведем примеры тропов, предметами сравнения которых выступают обозначения речевых явлений.

Речь:

– **золотой**: Говорит он милой **золотые** речи (Н. Щербина, 1854); Что за речи **золотые!** (А. Плещеев, 1861);

– **золото**: Надо стоять все тверже, / Надо любить все крепче, / Надо хранить все строже / **Золото** русской речи (Д. Самойлов, 1980);

– **серебро**: Весь мой расходец – **серебро** речей, / Его – увы! – банкноты и цехины (В. Меркурьева, 1936);

– **жемчуг**: Ох, речи мои морочные, / Обронные **жемчуга!** / Ох, реки мои молочные, / Кисельные берега! (М. Цветаева, 1938);

– **олово**: Твои речи – как **олово** – / Матерьял для припоя, / Когда сблизятся головы / Над пропавшей тропой (В. Шаламов, 1937–1956);

– **гранит**: Тихая речь тверда, как **гранит**. / Взор обжигает – и леденит (Д. Андреев, 1952).

Бормотания – **жемчуг**: И, готовый на новые муки, / Вспоминаю те вьюги, снега, / Твои дикие слабые руки, / Бормотаний твоих **жемчуга** (А. Блок, 1908–1910).

Брань – **каменья**: Мне нравится, когда **каменья** брани / Летят в меня, как град рыгающей грозы (С. Есенин, 1920).

В заключение остановимся на формальных разновидностях уподобления стихов и слов камням и металлам. В соответствии с классификацией, представленной в словаре [Кожевникова, Петрова, 2017], они подразделяются на следующие типы:

1. Метафоры:

1.1. Метафоры-загадки, емко выражаются именем существительным: Найду для песен там **жемчугов** (К. Бальмонт, 1905).

1.2. Генитивные метафоры (метафоры-сравнения), представлены генитивной конструкцией: Крикнул, и криком подрезало голову, / Руки лежат тяжелей быков, / А в горле бьется горячее **олово** / Остановившихся **слов** (Н. Тихонов, 1920–1921).

1.3. Метафорические перифразы: *Но в срок, как жених, вернулся, / Стихи – жемчуга Востока / Сложить пред образом Руси* (Н. Клюев, 1921).

1.4. Конструкции отождествления, или идентификации: *Имя твое – из золота, / Маленький, сверкающий слиток* (В. Брюсов, 1921).

1.5. Метафорические прилагательные: *Герои, скитальцы морей, альбатросы... <...> Вам песнь огневая рубиновых слов* (В. Кириллов, 1921).

2. Сравнения:

2.1. Без вербализации основания: *Улыбаясь, простимся с безумиями... / Только как же сказать? – ведь осеннее слово – как сталь...* (Б. Лившиц, 1908).

2.2. С вербализованным основанием:

2.2.1. Основание сравнения – глагол: *Как злато, плавают слова, / Служа поэтовой потребе* (Вяч. Иванов, 1944).

2.2.2. Основание сравнения – прилагательное: *Да и слова, точеные, что камни, / Но мудрость их, как у камней, бесплодна* (Н. Зенкевич, 1935).

2.3. Сравнения-приложения: *Жемчуг-слово, чудо-песни, / Сыпал вещей с языка* (К. Случевский, 1860).

3. Параллелизм: *Я слова ловить лишь буду, / Как они польются вдруг, / Так посыпятся, что чудо, – / Точно падает жемчуг / На серебряное блюдо* (А. К. Толстой, 1858).

Итак, мы описали основные семантические классы компаративных тропов, представляющих рассматриваемую образную параллель, в границах синтаксических конструкций, в которых она реализуется. Основным результатом проведенного исследования можно считать доказательство тезиса о том, что компаративные тропы русской поэзии образуют развивающуюся во времени систему.

Список литературы

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славян. культуры, 2014. 632 с.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М. : Рус. яз., 1980. 253 с.

Живой камень: от природы к культуре / отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц. М. : Ин-т мировой культуры МГУ, 2015. 222 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Ленанд, 2015. 352 с.

Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М. : Наука, 1995. С. 6–79.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1. Птицы. М. : Языки рус. культуры, 2000. 480 с.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М. : Изд. дом ЯСК, 2017. 680 с. Вып. 4. Камни, металлы. Вып. 5. Ткани, изделия из тканей.

Кондратьева О. Н. Метафоры вещества как способ концептуализации души в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2013. № 7. С. 84–93.

- Макеева И. И. История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 1986. 266 с.
- Максимова Е. В. Функционально-семантическая характеристика названий металлов и производных от них прилагательных в русском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала : [Б. и.], 2006. 173 с.
- Николаивили М. Н. Номинация драгоценных камней в русском языке: этимология, функционирование, типология : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2012. 199 с. НКРЯ – Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.03.2018).
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М. : Высш. шк., 1982. 272 с.
- Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 795 с. Т. 2. 872 с.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славян. культуры, 2004. 608 с.
- Таран О. В. Метафора как способ цветоцветового восприятия в идиостиле М. Волошина // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 51–57.
- Фатеева Н. А. Поэзия как филологический курс. М. : Изд. дом ЯСК, 2017. 360 с.
- Филиппов М. А., Грузман В. М. Образы металлов в науке и поэзии : учеб. пособие / под ред. А. А. Попова. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2016. 367 с.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык : Лексика. М. : Просвещение, 1977. 334 с.
- Яценко Т. А., Казарин В. П. Художественные тропы, связанные с названиями камней, в творчестве Пушкина // Культура народов Причерноморья. 1998. № 5. С. 72–79.

References

- Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 632 p.
- Denisov, P. N. (1980). *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [The Russian Lexicon and the Principles of Its Description]. Moscow, Russkii yazyk. 253 p.
- Fateeva, N. A. (2017). *Poeziya kak filologicheskii diskurs* [Poetry as Philological Discourse]. Moscow, Izdatel'skii Dom Yazyki slavyanskikh kul'tur. 360 p.
- Filippov, M. A., Gruzman, V. M. (2016). *Obrazy metallov v nauke i poezii: uchebnoe posobie* [Images of Metals in Scholarship and Poetry: A Study Guide] / ed. by A. A. Popov. Yekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet. 367 p.
- Kobozeva, I. M. (2015). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Lenand. 352 p.
- Kondrat'eva, O. N. (2013). *Metafory veshchestva kak sposob kontseptualizatsii dushi v russkoi lingvokul'ture* [Metaphors of Substance as a Means of Soul Conceptualisation in Russian Linguo-culture]. In *Lingvokul'turologiya*. No. 7, pp. 84–93.
- Kozhevnikova, N. A. (1995). *Evolyutsiya tropov* [The Evolution of Tropes]. In *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya*. Moscow, Nauka, pp. 6–79.
- Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. (2000). *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of 19th- and 20th-century Russian Literature]. Iss. 1. Ptitsy. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 480 p.
- Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. (2017). *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of 19th- and 20th-century Russian Literature]. Iss. 4. Kamni, metally. Iss. 5. Tkani, izdeliya iz tkanei. Moscow, Izdatel'skii Dom Yazyki slavyanskikh kul'tur. 680 p.
- Makeeva, I. I. (1986). *Istoriya nazvaniy dragotsennykh kamnei v russkom yazyke XI–XVII vekov* [The History of Precious Stones Names in the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 266 p.

Maksimova, E. V. (2006). *Funktional'no-semanticheskaya kharakteristika nazvanii metallov i proizvodnykh ot nikh prilagatel'nykh v rusском i nemetskom yazykakh* [The Functional and Semantic Characteristic of Names of Metals and Adjectives Derived from Them in Russian and German]. Makhachkala, S. n. 173 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (mode of access: 26.03.2018).

Nikolashvili, M. N. (2012). *Nominatsiya dragotsennykh kamnei v rusском yazyke: etimologiya, funkcionirovanie, tipologiya* [Names of Precious Stones in the Russian Language: Etymology, Functioning, Typology]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 199 p.

Novikov, L. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 272 p.

Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Lexis]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 608 p.

Pavlovich, N. V. (1999). *Slovar' poeticheskikh obrazov v 2 t.* [A Dictionary of Poetic Images. 2 Vols.]. Moscow, Editorial URSS. Vol. 1. 795 p. Vol. 2. 872 p.

Shmelev, D. N. (1977). *Sovremenniy russkii yazyk. Leksika* [Modern Russian. Lexis]. Moscow, Prosveshchenie. 334 p.

Taran, O. V. (2013). *Metafora kak sposob svetotsvetovogo vospriyatiya v idiostile M. Voloshina* [Metaphor as a Means of Light and Colour Perception in M. Voloshin's Idiostyle]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta*. Iss. 8, pp. 51–57.

Yashchenko, T. A., Kazarin, V. P. (1998). *Khudozhestvennye tropy, svyazannye s nazvaniyami kamnei, v tvorchestve Pushkina* [Tropes Connected with Names of Stones in Pushkin's Works]. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. No. 5, pp. 72–79.

Zaiants, L. O. (Ed.). (2015). *Zhivoi kamen': ot prirody k kul'ture* [The Living Stone: From Nature to Culture]. Moscow, Institut mirovoi kul'tury Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 222 p.

The article was submitted on 06.12.2017

Origines

Л. А. Серяков.
Э. И. Бирон. Гравюра. 1881
L. A. Seriyakov. E. J. von Biron.
Engraving. 1881

Неизвестный художник.
В. Н. Татищев. Гравюра
с портрета. 1800-е
Unknown artist. V. N. Tatishchev.
Engraving from a portrait. 1800s

Н. Иванов. А. И. Ушаков.
Гравюра. 1821–1824
N. Ivanov. A. I. Ushakov.
Engraving. 1821–1824

Неизвестный художник.
А. И. Остерман. Гравюра. 1740–1741
Unknown artist. A. I. Osterman.
Engraving. 1740–1741

DOI 10.15826/qr.2019.1.378
УДК 930.2+94(470)"1730/1740"+347(09)

ДЕЛО О ДОНОСЕ В. Н. ТАТИЩЕВА 1738 г.*

Евгений Анисимов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал),
Санкт-Петербург, Россия

THE CASE OF V. N. TATISHCHEV'S DENUNCIATION, 1738

Evgeny Anisimov

Research University Higher School of Economics
(St Petersburg Branch),
St Petersburg, Russia

V. N. Tatishchev's denunciation of Colonel S. D. Davydov and related documents date back to the autumn of 1738 – summer of 1739 and shed light on previously unknown details in the life of this distinguished administrator and scholar in the reign of Empress Anna Ioannovna (1730–1740). The originals of these previously unpublished documents survive (except for one, which is a copy made by a scribe) and are kept in the Russian State Archive of Ancient Acts (Fund 7. Preobrazhenskii Prikaz, Secret Office and Secret Expedition, collection of the State Archive of the Russian Empire). The information reflected in the documents allows the author not only to clarify the circumstances of Tatishchev's life during the Orenburg expedition (1737–1739) which he led and the motives behind his actions, but also provide a detailed description of the system of political intelligence in the 1730s and the horror experienced even by high-ranking officials when confronted by this intelligence service. All this makes the materials published a valuable source for attaining a deeper understanding of Tatishchev's personality and times.

Keywords: denunciation; V. N. Tatishchev, S. D. Davydov, A. S. Tevkelev; A. I. Ushakov; Secret Chancellery; political intelligence.

* *Citation:* Anisimov, E. (2019). The Case of V. N. Tatishchev's Denunciation, 1738. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1, p. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Цитирование: Anisimov E. The Case of V. N. Tatishchev's Denunciation, 1738 // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378 / Анисимов Е. Дело о доносе В. Н. Тагищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Донос В. Н. Татищева на полковника С. Д. Давыдова и связанные с ним документы относятся к осени 1738 – лету 1739 г. и освещают не известные ранее подробности жизни Татищева – выдающегося администратора и ученого времени правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Эти документы дошли до нас в подлинниках (за исключением одного, известного в писарской копии) и хранятся в РГАДА (Ф. 7. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция – коллекция Государственного архива Российской империи). Информация, отразившаяся в публикуемых документах, позволяет прояснить обстоятельства жизни В. Н. Татищева во время руководства им Оренбургской экспедицией (1737–1739), понять мотивы его поступков и детально проследить действие системы политического сыска в 1730-х гг., а также увидеть эмоции, которые владели людьми, оказавшимися в поле действия ее страшной машины. Все это делает публикуемые материалы ценным историческим источником для более углубленного понимания личности В. Н. Татищева и его эпохи.

Ключевые слова: донос; В. Н. Татищев; С. Д. Давыдов; А. С. Тевкелев; А. И. Ушаков; Тайная канцелярия; политический сыск.

Василий Никитич Татищев (1686–1750), хорошо известный в нашей истории как незаурядный администратор, основатель городов, ученый и публицист, проявивший себя в самых разных областях знаний, автор бесчисленных полезных для страны проектов, а главное (за что ему и до сих пор благодарны потомки) – выдающийся историк, признанный отцом отечественной историографии [Библиографическая справка]. Время первой половины XVIII в. распалось для него на два не схожих друг с другом цикла. Если первые 25 лет в жизни Татищева тесно связаны с именем Петра Великого, чьим деятельным сподвижником Василий Никитич по праву считается, то вторая четверть XVIII в. после смерти императора оказалась сложной для многих соратников Петра. В условиях характерной для этого времени политической нестабильности, стремительной смены персон на троне и возле него мало кто из когорты «птенцов гнезда Петрова» удержался «в седле» на крутых поворотах истории [Петрухинцев, с. 140–166].

1730-е гг., время правления императрицы Анны Иоанновны, стали для Василия Никитича, пожалуй, самыми тревожными. В январь-феврале 1730 г., когда при воцарении Анны Иоанновны шли яростные споры о политическом устройстве России, Татищев оказался одним из активных сторонников самодержавия и после победы Анны Иоанновны удостоился чести вести процедуру ее коронации в роли обер-церемониймейстера, был повышен в чине, стал руководителем Монетной канцелярии, но затем оказался подследственным по делу о махинациях с серебряной монетой (дело И. В. Корыхалова, с которым было связано и вполне обоснованное обвинение Татищева в получении «презента» – взятки в крупном размере). Он был отстранен от должности весной 1733 г., по ходу следствия его положение стано-

вилось порой критическим, и, как писал его биограф А. И. Юхт, «над ним нависла угроза лишения чинов, ссылки, а может быть, и более суровой кары» [Юхт, с. 293–295]. Следствие тянулось два года, а в 1734 г. Татищева послали ведать уральскими казенными заводами, что стало для него формой ссылки.

Традиционно считается, что главным недоброжелателем Татищева был фаворит Анны Иоанновны Э. И. Бирон, который не просто вывел Татищева из круга сановников, но явно относился к нему с недоверием и подозрительностью, несмотря на то, что административные таланты Василия Никитича были общепризнанными. Из письма начальника Монетной канцелярии М. Г. Головкина (давнего недоброжелателя В. Н. Татищева) Бирону от 11 марта 1739 г. вытекает, что временщик, ранее поручив Головкину «наведываться, какие его, Василья Татищева, неисправы» [Попов, с. 202], уже давно искал случая окончательно расправиться с последним, что было непросто. Деятельность Татищева на Урале была успешной для казны, с его именем связаны открытие и освоение рудных запасов горы Благодать, строительство новых заводов. Когда Татищева в 1737 г. перебросили руководить Оренбургской экспедицией – работа, происходившая в условиях кровопролитного Башкирского восстания (1735–1739), – он вполне успешно распоряжался делами экспедиции. Все доносы на него в основном касались «упущений» по службе, а не его политических взглядов или высказываний. В отличие от многих своих современников, он вел себя осмотрительно и осторожно, разговоров на опасные политические темы не допускал и в застольные рассуждения о личной жизни и нраве государыни и ее фаворита не пускался. Когда в конце 1734 г. на Урале началось дело о «непристойных словах» Егора Столетова касательно государыни и Бирона, Татищев так горячо взялся за него, что анонимный автор статьи о деле Столетова в «Русской старине» не без основания писал, что Татищев «отнесся к делу Столетова совершенно с бироновской точки зрения и взял на себя гнусную роль инквизитора, чуть не заплечного мастера» [Егор Столетов, с. 7]. За это из Петербурга он получил не похвалу, а нагоняй, ибо влез в дело, которое в силу своей особой важности подлежало ведению исключительно Тайной канцелярии, а не начальника уральских заводов.

Да и в других обстоятельствах он проявлял особое служебное рвение. Известно, что Татищев выступал в роли жестокого карателя Башкирского восстания, был устройтелем публичных казней, по его указу были сожжены заживо двое отступников от православия (в том числе женщина). Он же подал проект о «кардинальном» решении «башкирского вопроса» посредством поголовной высылки башкирской молодежи на войну с турками, заведомо обрекавшей ее на гибель [Каменский, с. 183]. Склонен он был и к доноситељству, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы. Естественно, оценивая эти и другие поступки Татищева, необходимо исходить из понимания особенностей мышления, поведения и этики людей того времени.

Тут и типично европоцентристский взгляд на восточные народы как на «дикарей», убеждение, что только жестоким применением силы можно их «укротить». Тут и весь сложный комплекс представлений о роли политического сыска и доносов в жизни людей аннинской эпохи. При этом положение Татищева, несмотря на его служебные успехи и рвение, оставалось весьма шатким. Он испытывал постоянный страх, не зная, какой новый указ придет из столицы и что будет с ним завтра. Татищев не имел в Петербурге высокопоставленного покровителя, что при существовании разветвленной системы патроната и клиентелы для чиновника было очень важно. И, хотя он состоял в переписке с влиятельным в системе управления А. И. Остерманом («милостивым патроном»), надежды на этого известного своим эгоизмом и лицемерием сановника у Татищева было мало. Если Остерман как опытный политик ценил Татищева-администратора, то встать на его защиту он никогда не намеревался.

К концу 1730-х гг. тучи над Татищевым постепенно сгущались, и за ним уже тянулся целый шлейф компромата. Как активный и самостоятельный чиновник, человек резкий, Татищев не мог не делать ошибок, не избежал он и соблазна поправить свое благосостояние за счет просителей. Неудивительно, что число его врагов и недоброжелателей постоянно росло, многие из них писали доносы и жалобы на Татищева. В упомянутом выше письме Бирону М. Г. Головкин писал, что ему удалось вытянуть первую ниточку из клубка дел Татищева: «...разведал, что полковник Тевкелев вашей светлости о том доносил; для того я призвал его, полковника, и обо всем обстоятельно выспросил», и это позволяет лишить Татищева должности и начать расследование о «непорядках, нападках и взятках Василья Татищева» [Попов, с. 7]. А. И. Тевкелев был ближайшим подчиненным Татищева в Оренбургской экспедиции и исполнителем его приказов (в том числе и по публикуемому ниже делу). Все вышесказанное было тем весьма неблагоприятным для начальника Оренбургской экспедиции фоном, на котором и развернулось дело о доносе Татищева, сохранившееся в материалах Тайной канцелярии и отложившееся в РГАДА (Ф. 7).

Начало дела было положено приездом в начале октября 1738 г. в Самару, где тогда находился Татищев, полковника С. Д. Давыдова с указом-поручением касательно переписи русских беглых крестьян, поселившихся на башкирских землях. На обеде, устроенном столичному гостю Татищевым 9 октября, шел общий разговор о петербургских новостях, а после застолья гость с хозяином перешли в кабинет последнего, где, вероятно, закурив трубки, продолжили беседу. После того, как за Давыдовым закрылась дверь кабинета, Татищев впал в панику. И было отчего...

Давыдов наговорил такого, что сказанное им «тянуло» на весомое государственное преступление. На следующий день, 10 октября, Татищев написал письмо начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову

(док. 1), приложил к нему в отдельном конверте доношение императрице Анне Иоанновне (док. 2), а также собственно донос (док. 3) и отправил все это со срочным курьером в Петербург. Там послание Татищева получили 20 октября, императрица вскрыла пакет через два дня и приказала начать расследование. 26 октября Ушаков написал Татищеву, чтобы тот прислал Давыдова в Тайную канцелярию [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 241]. Но Давыдов уже давно под конвоем ехал в столицу: 13 октября Татищев предписал полковнику А. И. Тевкелеву выехать следом за уже отправившимся по своему переписному делу Давыдовым, арестовать его и затем передать для конвоирования прапорщику Тарбееву, который получил от Татищева сопроводительное письмо в Тайную канцелярию (док. 4) и наказ (док. 5). Тарбеев получил от Татищева также сопроводительное письмо на имя С. А. Салтыкова, главнокомандующего Москвы, через которую пролегал путь Тарбеева с арестантом. 16 октября Тевкелев рапортовал Татищеву об исполнении его задания (док. 6). Тарбеев с арестантом прибыл в Петербург 18 ноября. Татищев был вызван (или явился сам) в столицу весной 1739 г., 27 мая он был отстранен от должности начальника Оренбургской экспедиции и взят под домашний арест [Петрухинцев, с. 586]. Начались допросы по многим заведенным на него делам. 25 июля он был допрошен в Тайной канцелярии по сути своего доноса на Давыдова (док. 7). Затем 23 августа 1739 г. Татищеву и Давыдову устроили очную ставку (док. 8). После этого по материалам допросов А. И. Остерман и А. И. Ушаков составили доношение Анне Иоанновне по делу о доносе Татищева (док. 9) с предложением по поводу возможного наказания Давыдова. Вопрос же о судьбе Татищева остался открытым – его ждали новые допросы по многочисленным эпизодам, относящимся к деятельности Василия Никитича на Урале и в Оренбургской комиссии [Попов, с. 204–207]. В этом смысле донос на Давыдова Татищеву не помог и, если бы Бирон после смерти Анны Иоанновны в октябре 1740 г. удержался у власти, Татищев, вполне вероятно, был бы возведен на эшафот: к осени 1740 г. уже был составлен проект указа о лишении его всех чинов и званий – верное свидетельство приближавшейся расправы.

* * *

Тексты документов публикуются в соответствии с правилами критической передачи текста XVII–XVIII вв. [Правила издания исторических документов в СССР]. Все тексты написаны несколькими писарскими подчерками, за исключением подписей В. Н. Татищева, С. Д. Давыдова и А. И. Тевкелева. Сокращения (в подписях В. Н. Татищева и датах) раскрыты. Выносные буквы внесены в строку, к выносным согласным по необходимости добавлен мягкий знак, буквы алфавита XVIII в. заменены современными, орфография текстов

сохранена, пунктуация же приближена к современной. Текстуальные примечания даны литерами и помещены в подстрочнике. Комментарии по содержанию даны арабскими цифрами и помещены после публикации в порядке сплошной валовой нумерации. Допрос Татищева в Тайной канцелярии (док. № 7) записан, согласно принятому в то время протоколу, в две колонки (левая – вопросы следователя, правая – ответы подследственного). Но для экономии места (из-за того, что ответы по объему во много раз превосходят объем текста вопросов, и слева остается много не заполненного текстом места) текст допроса публикуется мною обычным порядком: вначале вопрос, затем ответ.

№ 1. 1738 г., ноября 3

**Письмо В. Н. Татищева
начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову, 10 октября
1738 г.**

(Л. 1) // Превосходительный господин генерал и ковалер, милостивый государь мой! Сим покорно Вашему превосходительству доношу. Здесь один полковник произнес непристойные к персоне Ея императорского величества поносные слова, но понеже я о том не знаю, в Тайную ль розыскных дел канцелярию или по присланному от Ея императорского величества указу к самой Ея императорского величества донести, того ради тот пакет с доношением и обстоятельную слов тех запискою при сем посылаю, полагая на разсуждение Вашего превосходительства: сами ль изволите ль распечатать и доложить или, не распечатав, подать.

Вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга

В[асилий] Татищев.

Самара, в 10 де[нь] октября 1738
[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 1].

Подлинник

№ 2. 1738 г., октября 10

**Доношение В. Н. Татищева
императрице Анне Иоанновне**

(Л. 5) // Всепресветлейшая, всемилостивейшая государыня императрица и самодержица Всероссийская!

Вашему императорскому величеству всеподданейше дерзаю донести: сего октября 9-го дня прибывшей сюда для переписи дере-

вень от Сената полковник Семен Давыдов, будучи у меня в доме, говорил разные непристойные слова о персоне Вашего императорского величества и других, до вышнего правления касающихся в разных обстоятельствах, которые точно, сколько в великой горести и болезни упомнить мог, написав при сем, всеподданейше послал, и хотя могу разуметь, что он о разорении Малой России с самой злости разглашает, понеже того ж дня, будучи у полковника Змеева, тож говорил, однако ж я, зная его человека довольнаго коварства, опасясь арестовать и здесь удержать и к Вашему императорскому величеству послать, дабы он, узнав, что за те слова взят, не надумался к выкрутке, и для того, не дав ему никакого вида, немедленно к определенному делу, где ему таких слов расплечь не с кем, отправил, а дни три спустя, пошлю офицера и велю его, взяв якобы по присланному от Вашего величества указу, вести в Питерсбург под крепким караулом, как указы Вашего величества повелевают, а в комисию оную чтоб от Сената прислать инаго штаб-офицера я донести до указа Вашего (Л. 5 об.) // императорского величества не смел.

Вашего императорского величества всемилостивейшей государыни всенижайший раб

В[асилий] Татищев.

Самара, в 10 де[нь] октября 1738.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 5–5 об.].

Подлинник

№ 3. 1738 г., октября 10

Донос В. Н. Татищева на полковника С. Д. Давыдова

(Л. 6) // Сего октября 9-го дня 1738 года присланной от Правительствующаго Сената для переписи в землях, пожалованных кресченым калмыкам, населившихся крестьян, полковник Семен Дмитриев сын Давыдов, будучи в доме у тайного советника Татисчева, говорил непристойное:

1. За обедом, где было персон 10-ть, тайный советник сказал: «Слава Богу, что я со всех моих деревень лошадей заплатил, да я боялся, что донковскую деревню забыл, однакож осмотрелся, что с них брать не велено»; на то он, Давыдов, сказал: «Нечего-де бояться, и платежем спешить, есче из третей год в Москве не выбраны».

2. Говорил: «Ныне-де указом 1736 августа 1-го великое раззорение зделалось, что денег ни по дватцати на сто занять нельзя», на что ему Татисчев сказал: «Сей указ, я мню, зделан в пол[ь]зу, понеже я, чрез долгое время о таких коварствах искусяся и разсуждая с людьми, советную написал в 1732-м году, представил, а при том есче представлял о коварствах и непорядках в письме крепостей и о сумнительствах

в продаже из конфискованных деревень»¹, но он паки говорил, что и подушные заклады никто не дает для того, что их велено по сроке из казны продавать и так-де ныне пришло многим разоряться.

3. После обеда, как уже все разошлись, а осталось мало людей, из которых памятных подполковник Останков да поручик Белосельской, начал он говорить: «Полки-де из Украйны, чаю, надобно вывести, да куда не знаю, во всей Мало Росии, почитай, ничего не сеяно, для того граф Миних взял в поход 64 000 волов, и обирали всех, у кого что нашлось, а людей всех в погонщики забрали, и остались только бабы и рабята, которые только около дворов пахали на коровах и телятах дву-летних»², и хотя к тем ево словам никто не приставал, но он того ж дня в вечеру, будучи у полковника Змеева³, говорил, как оной полковник, нарочно приехав, сам тайному советнику сказывал.

4. В домех тайного советника он, полковник Давыдов, в тож время, после обеда, при Останкове и Белосельском (*Л. 6 об.*) // разсуждал о положенном на нем деле, и как Татисчев ему говорил, что дело малое и даст ему для помосчи офицеров хотя трех, то он, Давыдов, сказал: «Ты-де говоришь, что мало, да в Сенате поставлено и донесено государыне велико и страх немалой», а потом сказал: «Знаете вы, для чего я сюда послан?» и молвил Татисчеву: «Пойдем-де в другую избу, я вам скажу» и потом кликнул за собою Белосельскаго, где, затворя двери, сказывал, что занял у него денег 6 000 рублей, заложа два села, и умер, «то-де я записал, но сестра его поехала в Петербург бить челом, но как-де ей тамо надобно самая государыни просить, а ее видеть вскоре не добьется, то-де умыслили меня отослать».

5. Потом тотчас он сказал: «Знаете ль вы, от чего государыня в Петербург уехала?», то Белосельской тотчас вон вышел, и остались сам вдруг, то он сказывал: «Помнишь ли ты, как во дворце ночью от трубы загорелось, то-де солдаты отнимали, и, погася, идучи мимо дворца, двое говорили: “Ех, жаль, что нам тот, которой надобен, не попался, а то буде его уходили”, и он-де, Бирон, тогда стоял у окна за государыней, и, услыша оное, тотчас обеих солдат взяв, заслали в Сибирь, а потом, как стали караульных на смену посылать, то идти не хотели, и для того ж тотчас она уехала в Анненгоф и так-де она настрочена, что непрестанно бунтов боится». На то Татисчев ево спросил: «Кто ж был такой безсовестный был, чтоб Ее величество страсчал?», то он сказал: «Веть знаешь, кто не хочет в Москву, токмо в Петербурге жить, и ему-де даром, что государство разорется»⁴.

6. Татисчев, ведая его человека великаго коварства, хотя, чтоб такие злостные враки пресечь, сел и взял перо, будто писать хотел, то и он, Давыдов, сел и говорил: «Чего-де добра уповать, что государыни мало видят – весь день с герцогом, он встанет рано, пойдет в манежию, и поставят караулы и, как государыня встанет, то уйдет к ней, и долго не дождутся, и так-де дела волочатся, а в Сенат редко, когда троем приедут»⁵.

7. Он же, Давыдов, не перерывая той речи, сказывал: «Приехала одна знатная полковница в Петербург (*Л. 7*) // бить челом о заслуженном мужа ее жалованье, котораго было с 400 рублей и, видя,

что нигде определения сыскать не может, намерялась просить самое государыни в надежде той, что ее давно знает, и долго исча случая, улучила видеть, и как ее государыня спросила, давно ль она приехала, то она доносила свою нужду и просила с челобитною о решении, то-де государыня, сказав ей: |”Ведаешь, что мне бить челом вам запрещено?”|, тотчас велела ее вывести на площадь и, высекши плетями, денег выдать, и как ее высекли, то, посадя в карету, хотел вести к рентрее, чтоб деньги выдать, но она, бояся, что есче тамо не высекли, оставя денги, уехала домой»⁶.

В[асилий] Татищев.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 6–7].

Подлинник

№ 4. 1738 г., октября 13

Доношение В. Н. Татищева в Тайную канцелярию

(Л. 11) // В Канцеляриу тайных розыскных дел от тайного советника Татисчева.

Доношение.

Сего октября 9-го числа явился здесь присланной от Правительствующего Сената для следствия о землях, пожалованных кресченным калмыкам, на которых населены разные деревни, полковник Семен Дмитриев сын Давыдов в поносительных непристойных о персоне Ее императорского величества словах, которой под крепким караулом с прапорщиком Тарбеевым послан при сем, а о словах тех точно от меня 10 числа к Ея императорскому величеству всеподданейше донесено.

В[асилий] Татищев.

Самара, в 13 де[нь] октября 1738.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 11].

Подлинник

№ 5. 1738, октября 13

Наказ В. Н. Татищева прапорщику Тарбееву

(Л. 243) // Секретно.

Наказ. Прапорсчику Тарбееву.

Получа сие, взяв тебе здесь 3 человека салдат и подорожную на 6 лошадей с прогонами, ехать в деревню Царевщину⁷ немедленно и учинить следующее:

1. Принять тебе от полковника Тевкелева полковника же Семена Дмитриева сына Давыдова и при том письма и пропитания онаго ж полковника Давыдова ден[ь]ги з запискою, ехать в Санкт-Петербург со всяким поспешением.

2. Будучи в пути с оным полковником, со всякою осторожностью поступать, чтоб о его имени и о самом отнюдь никто не ведал, и при нем бы яко ножа, топора или какого другаго остроя, чем себя повредить, не было, и ничим бы себя умертвить не мог, для котораго ему рыбы и мяса с костми мяса есть не давать.

3. При вставанье на квартиры, где случится, всегда выбирать особой покой, чтоб его никто видеть не мог, и как тебе и будущим с тобою, кроме самой нужды, с ним, полковником, не говорить, посторонних же никого говорить ни с чем отнюдь не допускать.

(Л. 243 об.) // 4. Как прибудешь в Москву, то стать тебе на краю слободы, а самому ехать в город и посланной с тобою пакет к его сиятельству графу Семену Андреевичу Салтыкову⁸ подать, требовать себе прогонов и немедленнаго в Санкт-Петербург отправления.

5. По прибытии же в Петербург, тако остановясь в Ямской слободе, явиться его превосходительству генералу господину Ушакову, а в небытность его превосходительства в Тайную канцелярию и посланной с тобой пакет подать, а потом, как онаго полковника примут, то его письма и достальные денги в ту ж канцелярию объявить и требовать себе с солдаты возвратно отпуска.

В[асилий] Татищев.

Самара, в 13 де[нь] октября 1738.

В конце первой страницы наказа помета: Объявлена от онаго Тарбеева 19 декабря 1738-го в Самаре

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 243–243 об.].

Подлинник

№ 6. 1738 г., октября 15

Доношение полковника А. И. Тевкелева⁹ В. Н. Татищеву

(Л. 246) // Доношение.

По данным мне от Вашего превосходительства ордеру сего числа по полудни во 2-м часу полковника Давыдова изъехал я в деревне Царевщине и, постановя кругом двора и у дверей в квартире ево караул, вшел к нему в ызбу, выслав всех, арест ему объявил, и сперва он не противился, потом, немного погодя, говорил, чтоб я объявил ему подлинной указ, по которому арестовывать ево велено, но я ему повторне объявил, что указа показать ему не должно, но он, противясь, есче, закричал: «Люди!» и «Караул!», на что я ему объявил, что того чинить весьма непристойно, представляя при том указы Ея императорского величества¹⁰, и по оному уже едва шпагу из рук

своих отдал, письма ево, сколько нашлось, все осматривал, и партикуляные, собрав, особо запечатав, и деньги под росписку, отдал прапорщику Тарбееву, другие же, (*Л. 246 об.*) // касающися до ево комиссии, отданы бывшим при нем подъячим, по ордеру же Вашего превосходительства велено по отъезде ево того ж часу в путь выслать, но за неимением к переправе порому чрез реку Волгу на несколько часов принужден удержать, пока пором зделают, которой здешним мужикам тотчас делать приказал и для понуждения людей своих послал, а по зделании, отправя при себе за реку, возвращюся, бывших при нем солдат, падъячих и людей ево, дав пашпорты, с богажем, не умедля, вышлю.

По осмотру же моему в имеющемся при нем подголовнике, между другим, найдено в бумашке мышьяку злотника з два, которой взял с собою¹¹.

О сем покорно доносит Андрей Тевкелев.

Деревня Царевщина, в 15 де[нь] октября 1738 года.

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 246–246 об.].

Подлинник

№ 7. 1739 г., июля 25

Допрос В. Н. Татищева А. И. Ушаковым

(*Л. 63*) // Пункты к ответственю против оных тайному советнику господину Татищеву.

1739-го, июля 25-й дня, в присутствии господина генерала и кавалера Ушакова господин тайный советник Василей Татищев на выше-означенные пункты ответствовал:

1. Данная полковнику Семену Давыдову инструкция и отданная ему от вас, тайного советника, о свидетельстве деревень ведомость, ныне где имеетца?

На 1-й. Данная полковнику Семену Давыдову из Сената инструкция и отданная оному Давыдову от него, Татищева, ведомость посланным для взятъя оног Давыдова от него, Татищева, полковником Тевкелевым взяты ль и ныне где имеютца, того Татищев не упомнит.

2. Как оной Давыдов говорил вам, тайному советнику, показанные от вас непристойные слова, то чего ради тогда ж других вы не призвали и о том не заявили и в то время оног Давыдова для чего подлинно не заарестовали?

На 2-й. Как оной Давыдов говорил ему, Татищеву, показанные от него непристойные слова, то тогда ж никого к себе не призвал и при оном Давыдове об оном на него не заявил, что услышал от оног Давыдова показанныя непристойныя слова, страх ево, Татищева, обуял, и как-де он, Татищев, из светлицы, в которой ему оной Давыдов показанные непристойные слова наедине говорил, вы-

шел, то, увидя ево, Татищева, доктор Грив спрашивал ево, Татищева, от чего он в лице изменился и не болен ли-де он, Татищев, на что он ему сказал: нешто-де ему, Татищеву, дикое есть, а что и от чего имянно, того не сказал, и в то время помянутой Давыдов, не говоря (*Л. 63 об.*) // ничего, пошел от него в квартиру свою и потом, как хотел он, Татищев, играть в шахматы и Белосельской-де, увидя, что он, Татищев, в сметении находитца, спросил ево, от чего так ему, Татищеву, приключилось, что не то все делает, и он-де, Татищев, оному Белосельскому сказал: «Вот-де твой дядюшка, Давыдов, нечто мне наврал, и ты поезжай домой, а к нему не езди», и Белосельской поехал к себе в квартиру, а ко оному Давыдову не ездил и у него не был, и после-де Белосельского стал он, Татищев, записывать о словах оного Давыдова, что и как от него он слышал, и тогда-де приехал к нему, Татищеву, полковник Андрей Змеев и начал ему, Татищеву, говорить, что-де «полковник Давыдов с ума что ли сошел, был у меня и наврал-де про Украину», и сказал ему, Татищеву, об оном таким образом, как оной Давыдов о том ему, Татищеву, говорил, о чем в записке ево, Татищева, показано имянно, но только ныне об оных словах, как говорены были, подлинно он, Татищев, объявить не упомнит, и он-де, Татищев, оному Змееву сказал, что ему, Татищеву, оной Давыдов и больше наврал, от чего-де с ума, он, Татищев, сходит и не знает, что делать, но токмо о непристойных оного Давыдова словах имянно оному Змееву он, Татищев, не сказал¹², и оной-де (*Л. 64*) // Змеев говорил ему, Татищеву: «Тебе-де не надобно, когда что противное от него, Давыдова, слышал терпеть, понеже-де уже здесь он, Давыдов, врет, а может-де и в других места будет что врать, а здесь-де многие ссылочные имеютца, то, услыша-де, о том как донесут, а Давыдов покажет, что и с тобою о том говорил, то можешь-де и с того пропасть, и для того-де надобно тебе писать, куда надлежит¹³, немедленно, понеже-де оной Давыдов полковник, и собою-де арестовать ево не можно», и он-де, Татищев, оному Змееву сказал, что он каковым образом в важных делах поступать имеет у себя имянной Ея императорского величества указ, и Змеев сказал: «Когда-де о том имянной указ имеешь, то поступай-де в том, как знаешь», однакож-де оного Давыдова в то время он, Татищев, не заарестовал, а для чего, о том он Ея императорскому величеству доношением своим доносил¹⁴.

3. Понеже ведали вы, что о имянных Ея императорского величества указах, не имея оного собою, употреблять никому не подобает, и дело немалое, то для чего помянутому Давыдову (*Л. 64 об.*) // объявить вы велели, что якобы по имянному Ея императорского величества указу повелено, его арестовав, и под караулом в Санкт-Питербурх прислать, не имея о том имянного Его величества указу, а особливо понеже и бес такого объявления он в важном деле, как от вас показано, приличился арестовать было его можно?

На 3-й. О таком немалом деле, что о имянных Ея императорского величестве указах, не имея оных, собою употреблять никому не подобает, хотя он, Татищев, и ведает, однакож помянутому Давыдову объявить он велел, чтоб якобы по имянному Ея императорского

величества указу повелено, его арестовав, и под караулом в Санкт-Питербурх прислать, не имея о том имянного Ея императорского величества указу, и то-де он, Татищев, учинил того ради, чтоб оной Давыдов не дознался, для чего арестуетца, дабы не надумался в говоренных ему, Татищеву, словах к выкрутке себе что показывать, и для чего-де и прежде без объявления о имянном Ея императорского величества указе оного Давыдова он, Татищев, не арестовал, к тому же-де имеет он, Татищев, имянной Ея императорского величества указ, ежели кто прилучится в каковых важных делах, и таковых повелено ему розыскивать и писать к Ея императорскому величеству, почему и паче смелость он, Татищев, принел помянутому Давыдову арест объявить имянным Ея императорского величества указом.

4. Понеже оной Давыдов отправлен был для важных дел по собственному вашему, тайного советника, доношению, и велено ему к тому делу потребные ведомости и наставления требовать от вас, тайного советника, то какия имянно от вас ведомости и наставления и в какой силе ему даваны были?

На 4-й. Каковыя по данному оному Давыдову из Сената инструкции принадлежали дать ведомости и наставления о том-де о всем ведомости и наставления от него, Татищева, оному Давыдову даны со всяким обстоятельством, как по оной инструкции принадлежало, токмо-де в какой имянно силе, того он, Татищев, ныне не упомнит.

(Л. 65) // 5. Когда вы, тайной советник, запотребно разсудили ево, Давыдова, за известную притчину арестовать, а дело для которого прислан он был, весьма важно было, то для следствия оного каковое определение вы учинили и в каком состоянии оное дело ныне находитца¹⁵?

На 5-й. Как помянутого Давыдова за известную ево притчину велел он, Татищев, арестовать, а о деле, для которого оной Давыдов прислан был, о надлежащем следствии каковое определение им, Татищевым, учинено и в каком состоянии оное дело ныне находитца, того он, Татищев, сказать не упомнит, только ко оному делу из имевшихся в команде ево, Татищева, штап-афицеров определить было невозможно, что все-де оные штап-офицеры Казанской губернии помещики, однако же-де сколько о новопоселенных деревнях уведано, о тех следовано и в Сенат писано.

6. Понеже оной Давыдов в важных непристойных словах, каковы от вас, тайного советника, на него показаны, не винитца и в том себя заклиняет и под смертною казнию подписался, то вы на обличение ему во оном какое доказательство приложить имеете и в чем в том ево уличить можете¹⁶?

На 6-й. Помянутой Давыдов важные непристойные слова, каковы он, Татищев, на него в посланной к Ея императорского величества при доношении записке своей объявил подлинно, ему, Татищеву, говорил, а запираетца-де оной Давыдов в том напрасно, а он, Татищев, доносил о том по присяжной своей должности, а сверх-де того (Л. 65 об.) // на обличение оному Давыдову, во оном доказательства никакого предложить он, Татищев, не имеет, и сверх же одного своего доношения обличить оного Давыдова в том другим ничем не может,

понеже показанные важные непристойные слова оной Давыдов ему, Татищеву, говорил один на один.

При сем ответствии помянутой Татищев объявил, что имеетца у него в квартире отпуск о арестовании вышеозначенного Давыдова и что оной пакет у него в Тайную канцелярию принят, которой пакет сего ж числа взят и при оном Татищеве распечатан. И по распечатании оной Татищев, смотря одного отпуску, сказал, что при том отпуске о непристойных словах оного Давыдова учиненной черновой записки не имеетца для того, что тое записку начерно писал он, Татищев, своею рукою, и как-де та записка набело переписана¹⁷, то черная, может, тогда ж им, Татищевым, изодрана, а другим-де никому той записки он, Татищев, никогда не показывал и словесно о показанных Давыдова непристойных словах никому он, Татищев, не сказывал.

(Л. 66) По окончании одного ответствия помянутому тайному советнику Татищеву указом Ея императорского величества объявлено, чтоб он о вышепоказанном важном деле и что во означенном своем ответе он показал, отнюдь ни с кем никогда разговоров не имел и ни чрез что о том никому не сообщал, а содержал бы об оном о всем секретно, как о том указы Ея императорского величества повелевают.

По всему тексту подписано: «К сему допросу тайный советник Василий Татищев руку приложил».

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 63–66].

Подлинник

№ 8. 1739 г., августа 23

Запись очной ставки В. Н. Татищева и С. Д. Давыдова

(Л. 68) // Августа 23-го сего 1739-го году в присутствии тайного действительного советника, и кавалера, и кабинет министра графа Андрея Ивановича Остермана, да генерала и кавалера лейб-гвардии Семеновского полку подполковника, и Ея императорского величества генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Ушакова тайной советник Василей Татищев да содержащийся в Тайной канцелярии полковник Семен Давыдов представлены, и по показанию одного тайного советника в важных непристойных словах, которые как он, тайной советник, показывает, говорил оной Давыдов ему, тайному советнику, наедине, а Давыдов в том не винитца, дана им очная ставка.

А на очной ставке тайной советник Василей Татищев говорил: «В прошлом-де 738-м году октября 9-го числа, в бытность помянутого Давыдова в Самаре, как оной Давыдов, у него, тайного советника, был, и в то-де время между прочих происходимых от одного Давыдова разговоров, о которых в приложенной при доношении к Ея императорскому величеству записке показано имянно, оной (Л. 68 об.) // Давыдов «о том знаете ль-де для чего я сюда прислал», подлинно говорил, и ево,

тайного советника, в другую избу звал, и при том слова «такая я-де вам скажу» оной Давыдов говорил-де, и порутчика князь Михайла Белосельского за собою кликнул, и пришед они трое в другую избу, затворя двери, показанные в означенной записке слова оной Давыдов говорил подлинно, в чем он, Татищев, шлетца на оного Белосельского.

И как оной Белосельской вышел от них, тогда помянутой Давыдов наедине показанные в означенной же ево, тайного советника, записке важные непристойные слова, а имянно:^a

(Л. 70 об.) // Помянутой Давыдов ему, тайному советнику, подлинно говорил же наедине, и в том-де он, тайный советник, утверждаетца, что о вышеобъявленных о всех важных непристойных словах на оного Давыдова доносит он самую истину.

(Л. 70) // Семен Давыдов, выслушав означенного тайного советника Василья Татищева показание в очной с ним, тайным советником, ставке, утверждаетца во всем на прежних своих ответах: помянутого-де тайного советника в другую избу он, Давыдов, не вызывал, и князя Михайла Белосельского за собою не кликивал, и дверей не затворял, и слов таких, как оной советник, на него, Давыдова, показывает, он, Давыдов, при оном Белосельском не говаривал, в чем-де шлетца на оного Белосельского, також важных непристойных слов, о которых оной же, тайный советник, на него, Давыдова, показал, которые явствуют именно в вышеобъявленной оного тайного советника очной ставке, он, Давыдов, оному тайному советнику наодине и не при ком никогда подлинно не говаривал и от него, тайного советника, не слышал, и ни о чем о том он, Давыдов, не знает, а оной-де тайный советник показывает об оном о всем на него, Давыдова, ложно, по злобе, что о деревнях дал ему, Давыдову, непотребную ведомость, о чем оному тайному советнику он, Давыдов, спорил, о которой-де ево, тайного советника, на него, Давыдова, (Л. 70 об.) // злобе и сперва в Тайной канцелярии он, Давыдов, имянно, и об оном-де объявляет он, Давыдов, сущую правду и в том умереть рад.

Под текстом: «Полковник Семен Давыдов руку приложил».

[РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 68–70 об.].

Подлинник

№ 9. 1740 г., апреля 3

**Доклад А. И. Остермана и А. И. Ушакова
императрице Анне Иоанновне**

(Л. 218) // *Копия.* По наченшемуся в Тайной канцелярии чрез донос тайного советника Василья Татищева делу разсуждаецца, что оной Татищев на полковника Семена Давыдова показывает о некоторых важных злых непристойных словах, а Давыдов в том не винится, и от оного Татищева никакова свидетельства, кроме одного своего по-

казания, не объявлено, и при следствии в тех показанных злых словах не только одного Давыдова ничем не изобличил, но сам он, Татищев, показал, что и доказательства никакова предложить он не имеет, понеже те злые слова оной Давыдов якобы говорил ему наедине, и хотя некоторые слова, будто бы говоренные оным же Давыдовым, от него, Татищева, объявлены были, во свидетельство подполковник Останков, поручик Белосельской, однакож и оные объявили не против его, Татищева, общей ссылки, и по тому по содержанию изображенного в Уложении десятой главы сто шестьдесятю пункта во оном к правости следовать не может, и тако в важных злых словах, о которых оной Татищев показывает, что Давыдов говорил ему наодин, ко изысканию сущей правды, кроме наижесточайшего спросу, рознять другим нечем¹⁸. И ежели Ея императорского величества из высочайшаго своего милосердия в разсуждении обоих дряхлостей и слабостей от того их всемилостивейше освободить изволит, то останетца еще другой способ, чтоб в тех показанных важных злых словах клятвенною присягою себя очистить, и егда на то высочайшее Ея императорского величества соизволение будет, то по силе Уложения и Военного артикула оную клятвенную присягу учинить ответчику, а при учинении оной присутствовать Татищеву, (*Л. 218 об.*) // дабы он, когда Давыдов на такую клятвенную присягу поступит, сам того смотреть мог, а по учинении той присяги оной Давыдов уже от того останетца свободен, а что тогда до Татищева принадлежит, то хотя в Уложении и в Военном артикуле и в высочайшем Ея императорского величества указе изображено, как с таковыми недоказательными поступать, однакож, понеже сие дело весьма сумнительное и тол[ь]ко на обоих их, Татищева и Давыдова, совести останетца, того ради о том всеподданейше предается во всемилостивейшее Ея императорского величества милосердие и соизволение, яко оное уже дело далее изследовано быть не может и по учинению той клятвенной присяги неминуемому суду Божескому предаетца. На одного Давыдова сверх вышеимянованных важных и злых слов еще показаны другие продерзостные разговоры о состоявшемся в 736-м году указе о закладных деревнях, и о рушных закладах всемилостивейшим Ея императорского величества указе, и о Малой России, о чем по делу явственню имянно, а оной Давыдов, хотя во оных разговорах не винится, и свидетели о таких продерзостных о указе разговорах имянно не показали, однакож в других ево, Давыдова, разговорах о Малой России показывают, что ему говорить и разглашать весьма неподлежало, за которое такожде ему без достойного штрафа упущено быть не может, того ради разсуждается, чтоб вместо другога надлежащаго штрафа, в разсуждении глубочайшей ево старости и дряхлости, сослать ево, Давыдова, в дальние ево деревни, в которых жить ему до смерти своей никуда неисходно¹⁹.

У подлинного подписано тако: Андрей Остерман, Андрей Ушаков. Подписан апреля 3-го дня 1740-го году.

Комментарии

¹ Речь идет о законе, регулировавшем процедуру заклада недвижимости с целью предотвратить многочисленные злоупотребления в этой сфере [ПСЗ, т. 10, № 7339, с. 229–233].

² Действительно, в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. вся тяжесть содержания и снабжения русской армии легла на население Слободской Украины и Гетманщины. Всякие чрезвычайные сборы с украинского населения резко увеличились. Эти тяготы привели Украину почти к экономической катастрофе, массовому голоду и падежу скота, население страдало не только от постоев, но и от набегов крымских татар [Петрухинцев, с. 365–374].

³ Змеев Андрей Иванович (ум. 1742) – полковник, позже бригадир, первый комендант Ставрополя-на-Волге (с 1737 г.), способствовал переселению русских крестьян в окрестности Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти), основал там русско-калмыцкую школу и больницу.

⁴ Сомнительно, чтобы Бирон, тогдашний фаворит Анны Иоанновны, не знавший русского языка, мог понять разговоры проходивших мимо окна солдат, но суть состоит в том, что действительно появление фаворита-иностранца вызывало недовольство знати. Переезд двора мог быть связан с желанием Бирона увезти государыню из Москвы.

⁵ Факт широко известный: после свержения Бирона в 1740 г. на следствии его пытались обвинить в том, что он удерживал при себе императрицу и увлек ее конными катаниями, что ускорило ее, страдавшую почечно-каменной болезнью, кончину [Дело о курляндском герцоге, с. 40].

⁶ Челобитчики подстерегали русских монархов в самых неожиданных местах, поскольку в народном сознании только верховный властитель мог помочь несчастному просителю.

⁷ Деревня Царевщина – ныне поселок городского типа Волжский Самарской обл.

⁸ Граф Салтыков Семён Андреевич (1672–1742) – генерал-аншеф, родственник императрицы Анны Иоанновны, в 1730-е гг. был длительное время одним из самых доверенных людей императрицы и фактически московским градоначальником.

⁹ Тевкелев Алексей Иванович (до принятия православия – Кутлу-Мухаммед Тевкелев, 1674–1766) – татарский мурза, полковник, выслужившийся позже до генерала, основатель Челябинска, один из самых жестоких карателей Башкирского восстания 1735–1740 гг. Подчиненный с 1737 г. В. Н. Татищеву, не был с ним дружен и писал на него доносы.

¹⁰ Давыдов был формально прав – его, штаб-офицера, посланного от Сената с важным государственным поручением, без специального указа верховной власти таким обманным способом арестовывать было нельзя. Татищев нарушил принятую процедуру задержания предполагаемого государственного преступника: обычно вначале посылался в столицу донос, затем следовало издание указа об аресте и конвоировании задержанного, и для этого посылался порученец, обычно гвардейский офицер. При рассмотрении дела в Тайной канцелярии Татищеву было указано на нарушение принятого порядка ведения дела о государственном преступлении. Но Давыдов, застигнутый врасплох, подчинился, тем более что он находился в расположении Оренбургской экспедиции, управляющий ко-

торой (Татищев) явно обладал большими полномочиями, чем обычный губернатор, на что он и ссылался в Тайной канцелярии. Подробнее см.: [Анисимов, с. 219–245].

¹¹ Тевкелев имел не дошедший до нас ордер Татищева и действовал согласно ему. Внезапный арест, обыск, изъятие документов, конфискация оружия, пресечение возможных попыток бегства или самоубийства – все это предусматривалось при аресте государственного преступника.

¹² Опытный Татищев показывает, что сказанные ему Давыдовым «злые, непристойные слова», согласно закону, оглашать никому, кроме служащих политического сыска, категорически не разрешалось. Их последующее повторение приравнивалось к преступлению.

¹³ Эвфемизм, обозначавший в то время органы политического сыска.

¹⁴ Ключевой момент всего дела: Змеев указал Татищеву на реальную опасность, которая грозила человеку, слышавшему «непристойные слова», быть обвиненным в недонесении, что приравнивалось к государственному преступлению. Логика рассуждений обоих была такова: если Давыдов уже повторил «злые слова» дружески настроенному к Татищеву Змееву (который, в принципе, уже мог, не сообщая об этом Татищеву, донести властям о сказанном Давыдовым и, тем самым, «подвести под монастырь» своего начальника), то совсем другое дело, когда эти же слова от Давыдова могли услышать сосланные в эти места государственные и уголовные преступники. Они, рассчитывая на обещанную государством за донос награду – освобождение от ссылки, непременно написали бы «куда надо». Не исключено, что Татищев боялся и провокации со стороны присланного из Петербурга Давыдова. Следовательно, Татищеву надлежало донести как можно скорее, с тем, чтобы опередить возможных доносчиков на Давыдова (и одновременно на него, Татищева, как на недонесителя). Никакой альтернативы слышавшему «непристойные слова» государство не оставляло. Более того, на следствии Ушаков упрекнул Татищева, что тот не арестовал Давыдова сразу (см. п. 2 док. № 7). Татищев объяснял свою инертность растерянностью, что весьма правдоподобно. В ответе Татищева на этот пункт ярко отображены чувства, которые владела человеком, услышавшим «непристойные слова»: сомнения, смятение, страх, необходимость срочнейшим образом решить страшную дилемму – или «душу бессмертную иудиним грехом погубить», или Родине изменить. Однако сомнения тут не допускались: обязанность доносить в подобных случаях входила во все присяги служивых, и Татищев должен был это сделать, причем закон отпускал на донос не более трех суток. Подробнее см.: [Анисимов, с. 150–163].

¹⁵ Этот пункт, как и первый, демонстрирует явное недовольство следователей (и, соответственно, стоящих за их спиной Бирона и Анны Иоанновны) Татищевым. Его фактически обвиняли в срыве важного государственного поручения, которое должен был выполнить Давыдов. Но материалы расследований в Тайной канцелярии показывают, что каким бы ни было поручение чиновнику, проблема госбезопасности неизменно оставалась важнее всех текущих дел, так что доносчик почти всегда получал одобрение и награду.

¹⁶ Давыдов, допрошенный в Тайной канцелярии до Татищева, все отрицал. Не показали в пользу доносчика свидетели по делу Останков и Белосельский (родственник Давыдова).

¹⁷ Донос Тагищева и другие документы по делу написаны писарской рукой, и это также являлось нарушением законодательства, так как означало разглашение доносчиком Тагищевым «непристойных слов» Давыдова. Но на это следствие внимания не обратило.

¹⁸ Согласно ст. 160 гл. 10 Соборного уложения 1649 г. следовало, что если свидетели, указанные доносчиком, не подтвердят доноса, то надлежит «...его тем обвинить, по тому, что он на тех людей сам слался из воли, а они сказали не против его ссылки» [Соборное уложение, с. 48]. Это означало переход процесса на следующую стадию, называемую «наихудшим расследованием», то есть расследованием с помощью пытки. Ей подвергался в первую очередь сам доносчик, не сумевший с помощью свидетелей «довести донос». Теперь пытка грозила Тагищеву. В случае подтверждения доносчиком своего доноса, как тогда писали, «кровью», на дыбу поднимали ответчика, то есть Давыдова. Однако составлявшие доклад А. И. Остерман и А. И. Ушаков не решились следовать букве закона, учитывая физическое состояние подсудимых и исходя, по-видимому, из каких-то иных соображений. Они предложили императрице применить более мягкий вариант продолжения расследования и, соответственно, завершения дела – «клятвенную присягу», то есть клятву ответчика на кресте и Евангелии в церкви. Для верующего человека это было серьезное испытание, однако подавляющее большинство присягавших предпочитали выбрать клятвопреступление и подвергнуться каре небесной на том свете за ложь, произнесенную перед Богом, чем признать свою вину на этом свете, ибо это означало вынесение самому себе обвинительного приговора, пытку и казнь. Именно поэтому церковная клятва применялась крайне редко [Анисимов, с. 365].

¹⁹ Из доклада Остермана и Ушакова следовало, что они были уверены: Давыдов несомненно пойдет на клятвопреступление, хотя по другим данным дела его вина очевидна. Поэтому они предложили – вне зависимости от результата клятвы – все же сослать его в дальние деревни – наказание по тем временам весьма мягкое. В итоге дело формально закрывалось, но Тагищев оказывался в подвешенном состоянии – по делу о доносе следовало, что он «не довел донос», то есть не доказал вину Давыдова и, тем самым, оказался лжедоносчиком, что также являлось тяжким государственным преступлением, подлежащим по закону пытке и казни. Но пытать Тагищева власти не стали, оставив про запас это «отложенное наказание». На Тагищева было прислано немало доносов с обвинениями в злоупотреблениях по службе, и Тайная канцелярия только начинала с ними свою работу: отстраненного от должностей и посаженного под домашний арест Тагищева начали регулярно привозить в Тайную канцелярию, где он и стал давать показания по заведенным на него делам. Постепенно положение Тагищева приняло угрожающий характер, и если бы не начавшиеся с осени 1740 г. перемены при дворе, ему было бы несдобровать.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
[*Б. а.*] Егор Столетов. 1716–1736 гг. : Рассказ из истории Тайной канцелярии // Рус. старина. 1873. Вып. 8. С. 1–27.

Библиографическая справка о В. Н. Татищеве // Либмонстр : [сайт]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 24.12.2018).

Дело о курляндском герцоге Эрнсте Иоанне Бироне : Сообщил П. К. Щебальский // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 1. Смес. С. 1–122.

Каменский А. Б. «Под сению Екатерины» : Вторая половина XVIII века. СПб. : Лениздат, 1992. 448 с.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : РОССПЭН, 2014. 1064 с.

Попов Н. [А.]. В. Н. Татищев и его время. М. : Тип. В. Грачева и К°, 1861. 807 с.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.

ПСЗ. Собрание первое. Т. 10. 990 с.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611.

Соборное уложение 1649 года : Текст. Комментарии / под ред. А. Г. Манькова. СПб. : Наука, 1987. 448 с.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М. : Наука, 1985. 367 с.

References

Anisimov, E. V. (1999). *Dyba i knut: politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The Rack and the Whip. Political Intelligence and Russian Society in the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 719 p.

[Unknown author]. (1873). Egor Stoletov. 1716–1736 gg. Rasskaz iz istorii Tainoi Kantselyarii [Yegor Stoletov. 1716–1736. A Story from the History of the Secret Office]. In *Russkaya starina*. Iss. 8, pp. 1–27.

Библиографическая справка о В. Н. Татищеве [Bibliographical Note on V. N. Tatishchev]. (N. d.). In *Libmonster* [site]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (mode of access: 24.12.2018).

Delo o Kurlyandskom gertsoge Ernste Ioanne Birone. Soobshchil P. K. Shchebal'skii [The Case of the Duke of Courland Ernst Johann Biron. Reported by P. K. Shchebalsky]. (1862). In *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Book 1. Smes', pp. 1–122.

Kamensky, A. B. (1992). “Pod seniyu Ekateriny”. *Vtoraya polovina XVIII veka* [In the Shadow of Catherine. The Second Half of the 18th Century]. St Petersburg, Lenizdat. 448 p.

Man'kov, A. G. (Ed.). (1987). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii* [The Law Code of 1649. Text. Comments]. St Petersburg, Nauka. 448 p.

Petrukhintsev, N. N. (2014). *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Anna Ivanovna's Internal Policy (1730–1740)]. Moscow, ROSSPEN. 1064 p.

Popov, N. [A.]. (1861). *V. N. Tatishchev i ego vremena* [V. N. Tatishchev and His Time]. Moscow, Tipografiya V. Gracheva i Co. 807 p.

Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Publication Rules for Historical Documents in the USSR]. (1990). 2 Ed., Add. and Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete ministrov SSSR. 83 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sbranie pervoe. Vol. 10.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. List 1. Dos. 611.

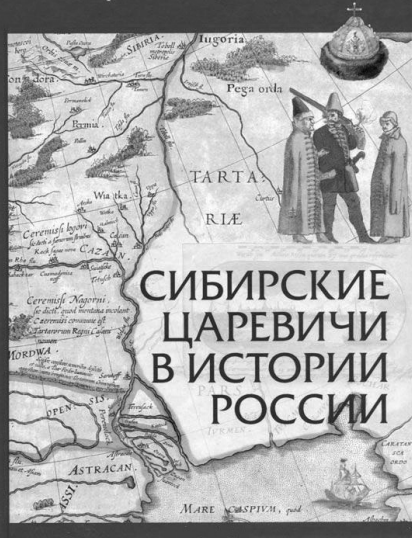
Jucht, A. I. (1985). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' V. N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v.* [State Activity of V. N. Tatishchev in the 1720s – 1730s]. Moscow, Nauka. 367 p.

The article was submitted on 11.01.1019

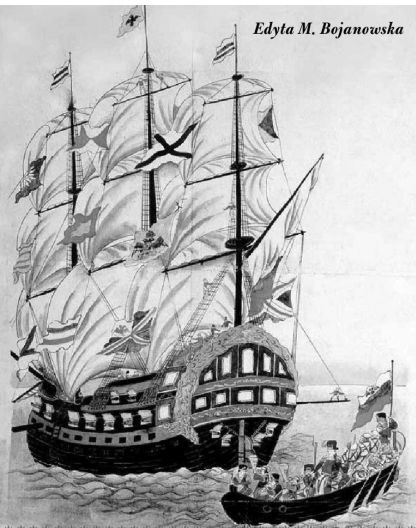
Controversiae
et recensiones

В. В. Трепавлов, А. В. Беляков

СИБИРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Edyta M. Bojanowska

A WORLD OF EMPIRES

THE RUSSIAN VOYAGE of the FRIGATE PALLADA

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2019.1.379

УДК 94(47+57)"15/16"+39(=512.145)(571.1/.5)+929.52

СУДЬБА ХАНА КУЧУМА И ЕГО ПОТОМКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА КОЧЕВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Рец. на кн.: Тrepавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. – СПб. : Изд. Олега Абышко, 2018. – 496 с.

Михаил Акишин

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

THE FATE OF KHAN KUCHUM AND HIS DESCENDANTS DURING THE CRISIS OF NOMADIC STATEHOOD

Rev. of: Trepavlov, V. V., Belyakov, A. V. (2018). *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian Princes in the History of Russia]. St Petersburg, Oleg Abisko (Ed.). 496 p.

Mikhail Akishin

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

The work by V. V. Trepavlov and A. V. Belyakov is the first complex and comprehensive study of the history of Khan Kuchum and his descendants' steppe exile. It is also the first collective portrait of the representatives of the Kuchumovichy who found themselves in the Russian state. The first part of the book carries out a thorough analysis of the nomadic lifestyle of Kuchum and his descendants, and their armed raid of Yasaq and Russian settlements in Siberia in the late 16th and 17th centuries. The second part of the book considers the genealogy, everyday life, and services of the Kuchumovichy in the Russian state. The work done by the authors makes it possible to characterise the monograph as a fundamental study and an important stage in the historiography of the ethnopolitical history of Siberian Tatars. However, like any outstanding work, the monograph gives rise

* *Citation*: Akishin, M. (2019). The Fate of Khan Kuchum and His Descendants during the Crisis of Nomadic Statehood. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379.

Цитирование: Akishin M. The Fate of Khan Kuchum and His Descendants during the Crisis of Nomadic Statehood // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379 / Акишин М. Судьба хана Кучума и его потомков в период кризиса кочевой государственности // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379.

to a number of controversial questions related to further research strategies. The fact that the authors do not analyse Kuchum and his descendants' foreign policy and armed raids through the prism of history and law makes it doubtful that the period in question can be characterised as a "guerilla war" or that the term "war" can be applied to the sporadic raids of steppe nomads at all. Additionally, the authors do not pay enough attention to the analysis of Kuchum and his descendants' sovereign rights. Also, Belyakov's characteristic of the Kuchumovichy as "superfluous men" is debatable. Indeed, his research testifies to the fact that Kuchum's descendants were treated humanely in the Russian state. Finally, Belyakov maintains that the Genghisid automatically attracted Muslims to Russia, which allows researchers to presume that the high status and material support provided to them were a means to ensure the territorial unity of the multiethnic and multi-religious Russian state.

Keywords: Kuchum; Kuchumovichy; Siberian Tatars; Oirats; 16th- and 17th-century Russian state.

Монография В. В. Трепавлова и А. В. Белякова является первым в историографии комплексным всесторонним исследованием истории пребывания в степном изгнании хана Кучума и его потомков, а также коллективным портретом Кучумовичей, оказавшихся в Русском государстве. В первом разделе монографии проведен скрупулезный анализ кочевого уклада жизни и быта Кучума и его потомков, вооруженных набегов хана и царевичей на ясачные и русские поселения в Сибири в конце XVI – XVII в.; во втором – генеалогии, быта, статуса и служб Кучумовичей в Русском государстве. Несомненные достижения авторов позволяют оценить их исследование как фундаментальное, как важный рубеж в историографии этнополитической истории сибирских татар. Но, как и всякий выдающийся труд, монография порождает некоторые дискуссионные вопросы, связанные с поиском дальнейших путей исследования. Отказ авторов от историко-правового анализа внешнеполитических сношений и вооруженных набегов Кучума и его потомков в Сибири заставляет усомниться в квалификации этой эпопеи как «партизанской войны» и в целом в применимости понятия «война» к эпизодичным набегам степных кочевников. Авторами не уделено достаточное внимание анализу суверенных прав Кучума и его потомков. Вызывает возражения тезис А. В. Белякова о Кучумовичах в Русском государстве как о «лишних людях». Напротив, его исследование свидетельствует о гуманном отношении к потомкам Кучума в Русском государстве. Наблюдение А. В. Белякова о том, что Чингисиды автоматически становились центром притяжения мусульман в России, позволяет предположить, что высокий статус и материальное обеспечение, которые им предоставлялись, были одним из средств укрепления территориального единства многоэтнического многоконфессионального Русского государства.

Ключевые слова: Кучум; Кучумовичи; сибирские татары; ойраты; Русское государство в XVI–XVII вв.

Исследование В. В. Трепавлова и А. В. Белякова, посвященное судьбе Кучума и его потомков в конце XVI – XVII в., является важным рубежом в изучении истории сибирских татар. Эта тема ранее уже привлекла внимание Г. Ф. Миллера. В XX в. исследования этнополитической истории сибирских татар проводились в рамках программ по изучению прошлого народов нашей страны (Н. Г. Аполлова, С. В. Бахрушин, В. И. Молодин, М. А. Усманов и др.). На рубеже XX и XXI вв. на волне интереса к национальным культурам появился целый ряд выдающихся работ в этой сфере (Ф. Т. Валеева, Д. М. Исхакова, В. И. Соболева, З. А. Тычинских, Л. И. Шерстовой и др.). Однако комплексного всестороннего исследования истории кочевания Кучума и его потомков в степях Юго-Западной Сибири до работ В. В. Трепавлова создано не было. Можно отметить только исследования отдельных эпизодов этой эпопеи (труды К. В. Волковой, Е. В. Вершинина, Д. А. Васькова, А. Г. Нестерова, Д. Н. Маслюженко, В. Д. Пузанова, Я. Г. Солодкина, Ю. С. Худякова, А. Т. Шашкова и др.). До трудов А. В. Белякова история жизни Кучумовичей, вывезенных в Русское государство, была изучена крайне фрагментарно.

В. В. Трепавлов и А. В. Беляков внимательно отнеслись к трудам своих предшественников, но их исследование стало новаторским благодаря введению в научный оборот значительного массива архивных документов. Авторами был эффективно применен метод просопографии, который позволил на базе детального изучения сведений о Кучуме и его потомках создать коллективный портрет всего рода. В. В. Трепавлов на основе сведений о Кучуме, его 24 потомках-мужчинах и 12 женщинах провел исследование их жизни и быта в Сибири. А. В. Беляков рассмотрел проживание Кучумовичей в Московском государстве. Ему «удалось отождествить 91 Кучумовича. Из них выехали (были вывезены) 38 человек (22 мужчины и 16 женщин), родились в России 53 (34 мужчин и 19 женщин)» (с. 178–179)¹.

В. В. Трепавлов представляет итоги своих исследований кочевой жизни хана Кучума и его потомков после разгрома Сибирского юрта. Очерк истории столицы ханства города Искера (Сибир, Кашлык) позволил автору поставить проблему роли городов в жизненном укладе тюрков. Он доказывает, что «масса населения Сибирского юрта занималась кочевым скотоводством, при котором в принципе не требовалось градостроительство» (с. 148). Первые города здесь появляются не ранее XIV в. В XV–XVI вв. города использовались сибирско-татарской правящей элитой, во-первых, в целях обороны своих владений и закрепления господства над подвластными землями, во-вторых, для надзора за проезжими путями. Искер выполнял также функции столицы и религиозного центра. Но в качестве резиденций сибирско-татарская элита использовала города только в зимнее время,

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

не оставляя «престижного кочевого образа жизни» (с. 149). Именно такие особенности жизненного уклада кочевников определили быстрое запустение их городов после разгрома Сибирского юрта.

Отдельный очерк В. В. Трепавлов посвятил кочевому образу жизни Кучумовичей. Как доказал автор, после разгрома 1598 г. они вынуждены были кочевать в верховьях Ишима и Тобола. Основой их хозяйства были скотоводство, охота и рыболовство. Эпизодически им удавалось получить ясак и поставки «одежи и корма» от сибирских татар и башкир-табынцев. Скудость ресурсов вынуждала Кучумовичей перемещаться отдельно друг от друга. Летом они вели кочевой образ жизни, зимой устраивалось подобие стационарного поселка.

Как доказывает В. В. Трепавлов, живя в степи среди ойратов, Кучумовичи представляли «собой своего рода этнокультурный сплав... потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками»: немногие из них носили мусульманские имена, разговаривали, как на родных, на тюркском и калмыцком языках, будучи мусульманами, участвовали в монгольских языческих, а позднее и в буддийских обрядах (с. 142–144). Скудость жизни обусловила упрощение структуры двора Кучумовичей, наиболее заметными фигурами в котором были аталыки (воспитатели ханских сыновей) и хафизы (духовные лица).

Скудость жизни обуславливала набеги Кучумовичей на русские, татарские и башкирские поселения. Как доказывает В. В. Трепавлов, на укрепленные русские города Кучумовичи, «как правило, не посягали... нападения совершались главным образом на сельские местности» (с. 137). Их целью были насильственные изъятия хлеба и скота у землепашцев, поэтому набеги всегда планировались во время или после сбора ярового и озимого урожая. При этом ученый подчеркивает, что такие нападения «были хотя и относительно частыми, но не регулярными», и «не стоит преувеличивать масштабы агрессивности Кучумовичей» (с. 133, 137).

Основной объем исследования В. В. Трепавлова посвящен изучению политических альянсов и набегов Кучума и его потомков, которые он называет «борьбой за реванш», продолжавшейся на протяжении целого столетия и «...временами напоминавшей партизанскую войну» (с. 5). При этом ученый признает, что статус хана или «царя» (то есть носителя суверенитета) признавался всеми соседними монархами только за Кучумом. Он доказывает, что провозглашение ханом Али б. Кучума было признано только татарами. Ханский титул Ишима б. Кучума он разоблачает как историографический миф (с. 89). В. В. Трепавлов доказывает, что наследники Али б. Кучума даже в татарской традиции не считались носителями ханского титула (с. 73).

Думается, этот анализ статуса Кучума и его потомков не позволяет квалифицировать их набеги как «партизанскую войну». Как установил Р. Ю. Почекаев, в Золотой Орде и возникших на ее осколках ханствах право объявления войны и заключения мира принадлежало

только хану. В конце XVI – XVII в. в Русском государстве и монгольских ханствах общепризнанной нормой было положение о том, что войну может вести только суверен.

При этом, как отмечает В. В. Трепавлов, верховная власть в России «воспринимала Кучума (во всяком случае, официально) как изменника, “государева непослушника”», который нарушил свои шертные обязательства. Восстание тарских и томских татар в 1628–1630 гг. и башкир в 1660-х гг. также квалифицировались как «воровская шатость и измена» (с. 39, 99–102, 112–120). Кучумовичи XVII в. шерты на подданство российскому самодержцу не приносили, поэтому «государевыми изменниками» не именовались. Их вооруженные действия назывались «воровством», «войной и разореньем» волостей ясачных людей и русских крестьян. В переговорах с русскими ойратами и даже Давлет-Гирей, номинальный глава Кучумовичей, такие набеги квалифицировали как самоуправство частных лиц. Добываясь дружественных отношений с Русским государством, правители Джунгарского ханства неоднократно предлагали выдать «с головой» Кучумовичей, виновных в таких набегах.

В. В. Трепавлов доказал, что самостоятельную политику проводили только хан Кучум и его сын Али. После расправы в 1585 г. над Ермаком хан откочевал на южную окраину бывшего Сибирского юрта и на протяжении пяти лет не проявлял военной активности. В эти годы он сумел консолидировать вокруг себя двор численностью «человек с 50», до тысячи рядовых татар, ногаев, башкир, «бухарцев» и ойратов, организовал управление и налогообложение в сохранившихся ему верность степных улусах. Однако поиски казахами, башкирами и ойратами союзников для войны с русскими в Ногайской Орде и Бухарском ханстве закончились неудачно для Кучума.

В. В. Трепавлов справедливо отмечает, что угро-, тюрко- и кетоязычные племена бывшего Сибирского юрта также не проявили солидарности с Кучумом. Потеря ханом поддержки этих народов в историографии объясняется их этнокультурными различиями, межплеменными распрями и не вполне легитимным ханским статусом Кучума («узурпатор»). В. В. Трепавлов полагает, что, возможно, «все эти факторы действительно имели значение», но предлагает еще одну причину: потеря Кучумом трона привела к утрате им такого атрибута всякого государя, как «небесное избранничество, харизма правителя». Помогать ему означало «вступить в противоречие с волей потусторонних вершителей земных судеб» (с. 427–428). В 1580-х гг. только мансийское Пельымское княжество и селькупское княжество Пегая Орда пошли на заключение союзов с Кучумом, но русские воеводы разгромили в 1593 г. Пельымское княжество и в 1596 г. Пегую Орду.

Отсутствие союзников позволило Кучуму совершить только один поход к Тобольску в 1590 г., в результате которого были разорены Курдакская и Салымская волости тобольских татар. В. В. Трепавлов считает, что целями похода были грабеж и возмездие татарам за переход

на сторону русских (с. 37). В августе 1591 г. тобольский воевода нанес поражение Кучуму, после чего хан откочевал в степи между устьями Тары и Ишима. В 1594 г. была основана Тара, а в 1598 г. ее младший воевода А. Воейков нанес последнее поражение Кучуму. Хану удалось бежать, но не позднее 1601 г. он умер.

После смерти Кучума его старший сын Али был провозглашен ханом. Однако верховная власть в Русском государстве «не желала видеть в нем законного правителя Сибирского юрта и, соответственно, признавать за ним монархический статус» (с. 77). Али удалось консолидировать вокруг себя до полутора тысяч татар, башкир-табынцев и ногаев. Он продолжил борьбу против Русского государства, которая «сводилась к набегам на русские деревни и изредка крепости, на селения татар» (с. 67). В 1607 г. Али был разгромлен казаками и вскоре пленен. После этого положение Кучумовичей определялось их союзом с ойратами. С конца 1620-х гг. их зависимость от ойратов все более возрастала. По мнению Л. П. Потапова, с этого времени они стали марионетками в руках «ойратских феодалов». В. В. Трепавлов поддерживает эту позицию: «Хотя принимать Кучумовичей за абсолютных марионеток при тайшах кажется преувеличением их зависимости, в целом мы солидарны с... интерпретацией Л. П. Потапова» (с. 101).

К сожалению, В. В. Трепавлов не акцентирует внимание на образовании ойратами в 1635 г. Джунгарского ханства и пожаловании далай-ламой его первому правителю Батуру титула Эрдэни-Батур-хунтайджи, то есть владетельного князя. В 1671 г. новым правителем Джунгарии стал Галдан. В 1679 г. далай-лама пожаловал его почетным титулом Бошокту-хана. В эти годы Кучумовичи попали в полную зависимость от ойратов. В конце 1670-х гг., по сведениям сибирских воевод, царевич Дюдюбак б. Аbugай был взят Голдан-ханом в плен, а затем отпущен в кочевья тайши Малая, но при условии, чтобы он был «во всем им, тайшам... послушным» (с. 127–129). С середины 1680-х гг. Кучумовичи перестают упоминаться в документах.

Исследование В. В. Трепавлова заставляет усомниться в выдвинутом им во введении тезисе о том, что «клан Кучумовичей воспринимался недовольными коренными сибиряками как альтернатива московскому “белому царю”, как законные, “природные” правители края...» (с. 7–8). Он сам в последующем доказывает, что народы бывшего Сибирского юрта усомнились в Божественном избрании Кучума и перенесли эти чувства на всех Кучумовичей, «все менее успешных и временами жалких в своем скудном прозябании». В. В. Трепавлов утверждает: «Принцы-“казаки” никогда не обладали достаточным авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почетным рангом номинальных лидеров повстанцев» (с. 429).

Напротив, обоснованным представляется вывод В. В. Трепавлова о том, что набеги Кучумовичей на русские, татарские и башкирские поселения являлись «грабительскими нападениями», в ходе которых царевичи пытались, «во-первых, добывать себе пропитание, скот и прочие необходимые для жизни ресурсы; во-вторых, доказывать свои лидерские способности окружавшим их соратникам, водить их в походы, давать возможность захватить трофеи и ясырь (пленных)» (с. 8). Жизнь потомков Кучума стала «прозябанием в окружении многочисленных верных подданных», а удержаться в этом состоянии на протяжении нескольких десятилетий в степи им позволил союз с ойратами (с. 7).

А. В. Беляков начинает исследование положения Кучумовичей в Русском государстве с истории их вывоза или выхода из Сибири. Он отмечает, что в конце XVI – начале XVII в. «Москва... хотела избавиться от постоянных набегов Кучумовичей, препятствовавших скорейшему освоению Сибири» (с. 176). Но в последующем отношение к вывозу Кучумовичей в Москву изменилось, так как их демонстрация могла «косвенно свидетельствовать о шаткости царской власти в Сибири, если до сих пор имеются претенденты на наследие Кучума» (с. 434). Особое внимание ученый обращает на потомков Кучума, которые родились уже в России.

В Москве Кучумовичи принимались царем. При пленении оружие у царевичей изымалось. Но отсутствие у них оружия указывало бы на их ущемленный статус. «В пропагандистских целях» Борис Годунов решил вернуть Кучумовичам право обладания оружием, в том числе жаловал их оружием из своих рук (с. 306). Кучумовичи получали материальное содержание, многие были поверстаны в русскую службу. В результате они сумели обжиться, завести большие семьи. Думается, это свидетельствует о гуманном отношении к поверженному противнику в Русском государстве. К сожалению, А. В. Беляков на этом факторе, определившем судьбу потомков Кучума в России, внимания не акцентирует.

О том, что Кучумовичи обжились в Русском государстве, свидетельствуют события Смуты. Как установил А. В. Беляков, только казимовский царь Ураз-Мухаммед поддерживал Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, но в конечном итоге был заподозрен последним в измене и убит. В ответ его приближенный князь Петр-Урак Урусов убил самого Лжедмитрия II. Относительно других Кучумовичей историк пишет: «Однозначно можно утверждать, что все сибирские царевичи поддерживали вначале Лжедмитрия I, а затем Василия Шуйского и Второе ополчение... Они подчас просто плыли по течению, отдав свою жизнь и судьбу на волю случая, но будущее покажет, что их выбор оказался правильным» (с. 363–364).

Анализ частной жизни Кучумовичей приводит А. В. Белякова к выводу о том, что, «за исключением отдельных моментов, связанных с происхождением и религиозными особенностями, быт Чингисидов

в России не отличался кардинальным образом от быта русских служилых людей... Главной отличительной чертой следует признать стремление мемориализировать (даже в мелочах) те аспекты своей жизни, которые особо подчеркивали исключительное положение данной группы людей среди остальных подданных московского царя» (с. 229). В частности, у некрещеных Чингисидов «в Касимове... сложился значительный татарский некрополь. При этом где-то с середины XVI в. он начинает играть роль курука для Чингисидов в России – средоточие их родовых гробниц и обслуживание династических некрополей» (с. 230).

Вокруг каждого Кучумовича складывался свой двор. Постепенно происходило неизбежное упрощение и видоизменение дворов. Членов двора Чингисид содержал из своих пожалований и доходов, жаловал их землями, кормил и одевал полностью за свой счет. Размеры дворов различных Кучумовичей колебались от нескольких человек до нескольких десятков.

Кучумовичи верстались в государеву службу, но возможности для их полноценной интеграции в состав государева двора были ограничены. Как установил А. В. Беляков, они «формально, по своему статусу Чингисидов... уступали... только московскому государю и его детям», почему «их было невозможно вписать в существующую в России систему местнического счета, в соответствии с которой происходили все служебные назначения», и почему «Кучумовичи не служили... в приказах, их не назначали... на воеводские должности в действующую армию» (с. 10).

Главной службой Кучумовичей стала придворная: фактом своего присутствия на придворных церемониях «они должны были подчеркивать статус московского государя (прежде всего в его собственных глазах) как “царя царей”» (с. 10). Ограниченно они использовались на военной службе. Дело в том, что с середины XVI в. военное значение отрядов Чингисидов падает. Имеются скудные сведения о военном использовании дворов служилых Чингисидов в начале XVII в. В 1613–1615 и 1618 гг. царевичи участвовали в осаде Смоленска и обороне столицы. С середины XVII в. Кучумовичи только номинально назначались командирами полков (реально ими командовали московские бояре).

А. В. Беляков устанавливает, что в зависимости от статуса (поверстанные в службу и неслужилые) содержание Кучумовичей можно разделить на положенное всем и только кормовым. Основой материального обеспечения кормовых Кучумовичей были регулярные и экстраординарные денежные и натуральные дачи, которые касались не только самих царевичей, но и их дворов. Кормовые Кучумовичи и те, кто были поверстаны на службу, но не успели получить поместного и денежного оклада, получали поденный корм и питье, а также дачи на корм лошадей, дрова и свечи. К единовременным выплатам всем царевичам относились пожалования на проезд, на избное строение, на одежду, на свадьбу, за принятие православия.

Служилые Кучумовичи обеспечивались поместным и годовым денежным окладом. Он выплачивался реально. С конца XVI в. Кучумовичи начали получать поместья в Елатомском, Касимовском, Шацком и Московском уездах. В XVII в. им стали жаловать поместья в центральных и северных уездах. Крещеные царевичи увеличивали свое землевладение за счет вотчин жен, которые давали за ними в приданое (эти земли оставались в собственности жен). Они и их жены начали заниматься финансовыми операциями, что позволяло им покупать вотчины. Согласно выводу А. В. Белякова, к концу XVII в. землевладение царевичей не отличалось от землевладений иной русской знати. Оно было достаточно крупным, но при этом Кучумовичи ни в коей мере не могли соперничать с поместным и вотчинным землевладением думских чинов.

Наиболее статусной формой материального содержания Чингисидов были доходы с частновладельческих городов. Но к 30-м гг. XVII в. эта форма пожалований отмирает, почему ее успели получить только единицы из Кучумовичей. До начала 1614 г. доходы с Устюжны Железопольской получал царевич Арслан б. Али. Доходы с Касимова получали царь Ураз-Мухаммед б. Ондан (1600–1610) и царь Арслан б. Али (1614–1626).

Заканчивает свое исследование А. В. Беляков анализом статуса Кучумовичей и его эволюцией в XVII в. Он констатирует, что на рубеже XVI–XVII вв. институт служилых Чингисидов претерпевал кризис, обусловленный потерей военного значения их дворов и отказом московских самодержцев от идеи о возведении на престолы соседних государств своих ставленников. При этом уравнивать татарских царевичей с другими служилыми людьми было почти невозможно, так как они «по факту рождения... стояли выше любого боярина и чстью уступали только московскому государю и его детям» (с. 433).

Это обусловило ряд попыток в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича крестить Чингисидов и инкорпорировать их в состав служилого сословия. Но до конца XVII в. Чингисидов так и не удалось вписать в общую среду служилого сословия. При этом они «благодаря бракам стали свойственниками московских государей и породнились со всей виднейшей русской знатью». Только отмена местничества и реформы Петра I по созданию и консолидации русского дворянства привели «к потере царевичами своего особого статуса... а замена титула “царевич” на “князь” окончательно слила их с остальным дворянством» (с. 435).

Как и всякое фундаментальное исследование, монография В. В. Третьякова и А. В. Белякова вызывает некоторые замечания дискуссионного характера. Прежде всего отмечу, что авторы постоянно возвращаются к вопросу, почему Кучуму и его потомкам не удалось сформулировать альтернативы установлению русской власти в Сибири, но внятного объяснения не дают. Думается, объективная причина заключается в том, что кочевая государственность уже изжила себя

в раннее Новое время. Попытка западных монголов – ойратов создать в XVII в. новые кочевые государства – Джунгарское и Калмыцкое ханства – также закончилась неудачно: первое было уничтожено Китаем, а второе стало автономией в составе России.

Спорным представляется тезис А. В. Белякова о Чингисидах как о «лишних людях» в России XVII в. Думается, он опровергается самим автором. Анализируя роль Кучумовичей в период Смуты, историк делает интересное наблюдение: «...Чингисид, и тем более носитель царского титула, автоматически становился центром притяжения мусульман в России» (с. 409). Если это наблюдение верно, то становится понятной та опека, которой окружали Чингисидов в Русском государстве.

Авторы ставят юридические проблемы (суверенитета, династических прав, права внешних сношений, права войны и т. д.), но их историко-правового анализа не проводят. Например, анализ династических прав Кучума и его потомков они сводят к констатации того факта, что только Чингисиды «могли претендовать на тот или иной ханский престол» (с. 11, прим.). Между тем, после того, как далай-лама пожаловал сначала Батуру титул хунтайджи, а затем Галдану титул хана (они Чингисидами не были), потомки Кучума в Сибири превратились в обычных «калмыцких царевичей» (с. 128–129).

Сделанные замечания носят дискуссионный характер и ни в коем случае не призваны как-либо повлиять на общую оценку труда В. В. Трепавлова и А. В. Белякова. Авторам впервые в историографии удалось показать завоевание и ранние этапы освоения Сибири с позиции тех татар, которые не признали русской власти. В монографии дается развернутая история пребывания в степном изгнании хана Кучума и его потомков. Впервые в историографии был представлен портрет Кучумовичей, оказавшихся в Русском государстве. Скрупулезное исследование их генеалогии, быта, статуса и служб в Русском государстве позволяет вновь задуматься о тех политико-правовых средствах, которые использовали московские самодержцы для укрепления единства своей многонациональной и многоконфессиональной страны.

The article was submitted on 05.04.2018

IVAN GONCHAROV AND THE IMPERIAL HORIZONS OF *THE FRIGATE PALLADA* **

Rev. of: Bojanowska, E. M. (2018). *A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada*. Cambridge, Mass.; L., The Belknap Press; Harvard Univ. Press. 373 + VIII p.

James M. White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review examines Edyta M. Bojanowska's new book on Ivan Goncharov's voyage to Japan and his subsequent travelogue, *The Frigate Pallada*. In 1852, Goncharov set sail for Japan from St Petersburg in the hope of opening up the reclusive Asian nation for Russian trade. Along the way, he visited London, the Cape colony in South Africa, and numerous ports in Southeast Asia. After visiting China, Japan, and Korea, he landed in Ayan, from whence he travelled back to the imperial capital over land. The account he wrote about his experiences became an instant classic, although the lack of good translations means that it is virtually unknown in the English-speaking world. In her work, Bojanowska examines both *The Frigate Pallada* as a text and the history of Russia's expedition to Japan. Strongly criticising the Soviet philological tradition which saw Goncharov's work as an anti-colonial text, she argues that the famous Russian writer sought to justify the expansion of Russian and other European empires in Africa, Asia, and Siberia. Nonetheless, Goncharov's book reflects peculiarly Russian traditions of understanding empire and colonialism: equally, she posits, his work does not (and cannot) present a cohesive system of thought, but a 'kaleidoscopic' series of impressions that sometimes contradict *The Frigate Pallada*'s general themes.

Keywords: Ivan Goncharov; *The Frigate Pallada*; 19th-century Russian literature; empire; colonialism.

В рецензии рассматривается новая книга Эдиты М. Божановской о путешествии Ивана Гончарова в Японию и его travelogue «Фрегат Паллада».

* The completion of this review was supported by the Russian Science Fund (RNF), project no. 18-18-00216.

** *Citation:* White, J. M. (2019). Ivan Goncharov and the Imperial Horizons of *The Frigate Pallada*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 347-353. DOI 10.15826/qr.2019.1.380.

Цитирование: White J. M. Ivan Goncharov and the Imperial Horizons of *The Frigate Pallada* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 347-353. DOI 10.15826/qr.2019.1.380.

В 1852 г. Гончаров отплыл в Японию из Санкт-Петербурга в надежде открыть закрытую страну для российской торговли. По пути он посетил Лондон, Капскую колонию в Южной Африке и многочисленные порты Юго-Восточной Азии. После посещения Китая, Японии и Кореи он высадился в селе Аян, откуда отправился в столицу империи по суше. Свои впечатления Гончаров описал в ставшем впоследствии классическим труде. Однако отсутствие качественных переводов на английский привело к тому, что эта книга была практически не известна в англоговорящем мире. В своей работе Божановска рассматривает «Фрегат Паллада» как текст и как историю российской экспедиции в Японию. Она критикует советскую филологическую традицию, воспринимавшую работу Гончарова как антиколониальный текст. Божановска полагает, что знаменитый русский писатель старался оправдать экспансию России и других европейских стран в Африку, Азию и Сибирь. Тем не менее, книга Гончарова отражает специфические русские традиции понимания империи и колониализма. В то же время автор заявляет, что книга Гончарова не представляет (и не может представлять) связанной системы мысли, а является «калейдоскопической» серией впечатлений, которая иногда противоречит главным идеям этого труда.

Ключевые слова: Иван Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; русская литература XIX в.; империя; колониализм.

In his numerous famous books, the post-colonial scholar Edward Said has argued for a focus on works of literature when studying empire (in particular, see: [Said]). Western literature, he suggests, has frequently been used to construct the image of non-European spaces, thereby rendering them suitable targets for conquest and colonisation. Travelogues in particular can be examined through this lens: allegedly the ‘objective’ first-hand perspectives of supposedly disinterested eyewitnesses, these accounts frequently clothed the distinctly imperialist frameworks of their narratives under a thin veneer of scientific pretensions. Understood in this light, such works often have more to say about the imperial metropolises producing them than they do about the worlds of the colonized subjects they seek to describe: in other words, they reveal the racial, social, gender, cultural, and economic hierarchies and structures that undergirded European imperial projects and filtered the experiences of travellers and authors alike.

However, Said and his adherents have sometimes been criticised for neglecting non-Anglophone and non-Francophone European countries (see: [Todorova]). This is particularly the case for Russia: with a few exceptions (such as John Darwin, for whom Russian expansion into Siberia and Central Asia is a process that needs to be placed parallel to Western European expansion into the Americas if we are to understand the way in which Europe surpassed older centres of global power, like the Middle East, India, and China [Darwin]), western scholars have tended to neglect the Russian Empire in their general accounts of worldwide European imperialism. This

attitude has its Russian mirror, where some Russian scholars assert that the 'joining' (*prisoedinenie*) of non-Russian territories to the country was a qualitatively different process to European settler colonialism (although its effects, in Siberia at least, were much the same: the deaths of many thousands of natives from disease and warfare, the rapacious exploitation of both natives and the natural environment, and waves of varying intensity of voluntary and involuntary settlers). However, area specialists have begun to use Russian literature as a window onto how tsarist writers structured and understood the Russian Empire [Layton]. This has produced some controversial conceptualisations, such as Aleksandr Etkind's idea of internal colonization, the notion that Russians largely regarded the ethnic core of their territories as a space for imperial experimentation and colonial methods of control and development [Etkind].

It is into this field that Edyta Bojanowska (currently of Yale University) enters with her new work on Ivan Goncharov's voyage to Japan and the travelogue that he subsequently wrote about it. Setting out from St Petersburg in 1852, Goncharov was charged with providing a literary description of the journey. In the course of the trip, he and the crew of the *Pallada* visited London, the Cape, Java, Manila, Shanghai, Singapore, and Hong Kong: after going to Japan, they also docked in Korea before finally heading back to Russian waters, where Goncharov disembarked to begin a long trip across Siberia. We see why this author and his book are an ideal topic for Bojanowska. Not only did Goncharov visit Siberia, a Russian settler colony where he could describe his understanding of his own country's imperial project, but he also stopped in British, Spanish, and Dutch colonial possessions: this allowed him to evaluate Russia's place in Europe and the nature of the Russian Empire in relation to its peers. This topic of investigation is made all the more fascinating because of the outbreak of war between Russia, France, and Great Britain during the *Pallada's* voyage, which not only affected the ship's course but also Goncharov's perceptions of Russia's rivals. And although the book is mainly about the Russian and European experience of empire, some sources do allow Bojanowska to comment on how non-European peoples considered the Russians: while neither the imprisoned Xhosa leader Siyolo nor the Macao boat girl whom Goncharov met left descriptions of their encounters, Japanese diplomats noted their impressions of the overweight 'barbarian' and his colleagues.

This, then, is a book predominantly about the Russian conception of empire. Throughout, the author's aim is to deconstruct the mental frameworks through which Goncharov and other Russians approached categories of difference and how they understood themselves as a European and global power. For one thing, when travelling through these far-flung regions, the burning question of Russian national identity ('are we Europeans or not?') faded away, although not completely. The crew of the *Pallada* moved effortlessly through the white settler societies they visited and were treated as wholly European, but they nonetheless provoked curiosity and comment: Russians were quite rare in these parts of the world. Unsurprisingly, therefore,

the Russian Empire that Goncharov reflects and describes is part of the wider European expansion into the non-European world.

Bojanowska's choice of subject is further predicated by a peculiar caesura in the English-language historiography: while *The Frigate Pallada* has been massively popular in Russia since its first publication, it has only seldom been translated into English. Furthermore, as she notes, the few translations that exist [Goncharov, 1965; Goncharov, 1987] are flawed on a linguistic level and are based on truncated Soviet editions [Гончаров, 1940; Гончаров, 1951], ones that sought to disguise or remove racist and imperialist sections from the text: particularly embarrassing to the communist authorities were those parts of the book that describe Eastern Siberia in colonialist terms, as a space in desperate need of a Russian 'civilizing mission' to develop both it and its native inhabitants.

This is in turn connected to one of Bojanowska's core arguments. She frequently notes that Soviet (and, to an extent, post-Soviet) interpretations of *The Frigate Pallada* characterised the work as an anti-colonial text, something they did by extolling Goncharov's criticisms of the British Empire while ignoring or downplaying sections openly advertising his rampant expansionism, capitalist ethics, and praise for the 'civilising' work of the other European powers (he also positively evaluates the British colonies, despite the fact that the book was written during the Crimean War). Her book, then, is partially supposed to serve as an antidote to this interpretation, offering a vision of Goncharov as an unrepentant imperialist and placing his book into the tradition of colonial literature that served to justify further European conquest, annexation, and exploitation in Africa, Asia, and Siberia.

This seems quite obvious. Goncharov was not travelling around the world for the sake of his health, but because he was a paid diplomat in the service of the Russian state on a traditionally imperial mission: to crack open East Asian markets for the benefit of European powers. The *Pallada* and its crew were to exploit the opportunity created by the American Commodore Perry only weeks beforehand when he forced Japan to abandon its centuries-long seclusion (indeed, Putianin, the leader of the Russian expedition, was explicitly instructed to wait until Perry's negotiations had reached their conclusion before approaching the Japanese). Certainly, one might note that the Russian approach to the Japanese lacked the direct threats of violence that Perry had employed, but Goncharov leaves no doubt what he desired in the future: a mixture of condescending paternalism (the Japanese are routinely described as naughty children to be disciplined by a stern but loving Russian schoolmaster), the occasional flash of pity, racism, and a fetish for violence, his narrative waxes its most lyrical when describing the potential of Japan if only it were placed under 'responsible' (Russian) management. It is thus no surprise that Goncharov was a zealous supporter of the annexation of the Ussurri river region from Qing China, which took place in 1858. And while Goncharov at least regarded Japan and China as 'nations' (*narody*), he held no such illusions with regards to

the peoples ('tribes') of South Africa, whose blackness, for the most part, he describes with disgust.

Given the numerous citations Bojanowska provides (and not only from the text of the travelogue but also from Goncharov's private letters, where he was far more acerbic about the Yakuts, for example), it seems difficult to dispute that *The Frigate Pallada* certainly belongs in the pantheon of European imperialist texts. However, one question does arise: was the 'anti-colonial' reading of the book really so widely affirmed in Soviet scholarship? Her own final chapter (which provides a history of the publication and reception of *The Frigate Pallada*) seems to put this doubt: a fair few of the Soviet philologists that she cites did indeed criticise the text for its imperialist attitudes, although perhaps not as systematically as might have been desired.

Furthermore, some of the evidence that she cites for a continuation of this interpretation into the post-Soviet era misses its target. For instance, she argues that the presence of informational annotations and pictures in a 2015 e-book version of *The Frigate Pallada* "authorize" the text, by which she means "the cumulative effect of this massive encyclopaedic paratext is to present *The Frigate Pallada* as a source of reliable information about the nineteenth-century world. By fleshing out Goncharov's references, the text boxes and illustrations authorize the supposed factuality of Goncharov's account, conveying an impression that young Russian people can confidently learn from the book" [Bojanowska, p. 289–290]. In other words, Bojanowska feels that explanatory notes and pictures give Goncharov's narrative the status of reliable fact rather than flawed perception. This is a rather peculiar criticism when we consider that most good reprints of books from earlier historical periods contain some kind of explanatory apparatus, since even well-educated readers may miss or misunderstand references which would have seemed quite obvious to the original audience. It might be more pertinent to look at this e-book's marketing: is it actually being sold as a textbook?

On the whole, Bojanowska's discussions of *The Frigate Pallada* are fair: as she repeatedly states, the book is immensely complex and can often defy a single interpretation. In a rather striking image, she suggests her own book is an "imperial kaleidoscope" [Bojanowska, p. 243–244], the ordering of a chaotic jumble of Goncharov's text into a neat scholarly narrative: however, Goncharov's contradictions frequently threaten that coherence. So, just as Goncharov greedily espied Japanese resources, he condemned the British for their bourgeois rapaciousness and profiteering; just as he described the smiles of black women being almost evil, so too did he favourably compare the bodies of native South Africans to those of Russians. In one moment, he seems capable of stepping into Japanese shoes, sympathising with their reluctance to open their country to outside influence: the next moment, he admonishes them for immaturity and seems to relish the use of force against them. As unacceptable as some of Goncharov's racial epithets for non-Europeans are to the modern reader, Bojanowska locates his attitude to race appropriately, not in the scientific racism of the late nineteenth century but in the tradition of Russian physical anthropology recently analysed by Mariia Mogilner

[Mogilner]: hence the fact that mixed marriages between Yakuts and Russians did not really elicit comment from Goncharov, as compared to some other European observers for whom such a practice threatened racial degeneracy.

Some of these textual tensions were Goncharov's own: a highly perceptive and intelligent man with his own particular narrative strategy that was at odds with traditional anthropological travel writing, it is only to be expected that some of his thinking occasionally entered into discrepancy with otherwise predominant mental frameworks. Some of them, however, belonged to the European imperial ideologies he and his countrymen imbibed, such as the juxtaposition between the 'civilising mission' as a noble endeavour to raise the prosperity of one's fellow man and the ever-present reality of exploitation, violence, and brutality.

The book is not just a deconstruction of Russian imperial and national attitudes; equally, it endeavours to relay a global history of empire in the middle of the nineteenth century, providing much valuable information on 19th-century globalisation, the establishment of colonial societies in South Africa and Southeast Asia, and the massive multinational Russian Empire. It is also a narrative of a story that has not been well told in the West, that of the initially successful Russian effort to crack open the Japanese market: the tale of Commodore Perry is far better known. These histories are told to the reader in a colourful, confident, and commanding way that renders this text highly readable: equally, the analysis is surefooted and sound. Only the occasional misstep can be detected: for instance, on p. 207–208, she seems to mistake a reference to Russia's efforts to eradicate the slave trade in the Caucasus [Kurtynova-D'Herlignan] as praise for the British abolition of the slave trade in 1833.

However, such minor errors are few and far between, and as such they do not dent Bojanowska's achievement. An engaging and accomplished work of scholarship, her book ably contributes to the growing literature that attempts to see empire through a Russian prism and seeks to include the Russian case in global histories of European imperialism in both the early modern and modern epochs. No less than, she puts Goncharov, today known principally in the West for his novel *Oblomov*, in a new light, both as a travel writer and as an imperialist. One can only hope that this book might spur a new translation of *The Frigate Pallada* into English so that a much wider international audience can read this complex, multifaceted, and intriguing text for themselves.

Список литературы

Гончаров И. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. М. : Военмориздат, 1940. 296 с.

Гончаров И. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия / ред. С. Д. Муравейский. М. : Географгиз, 1951. 709 с.

Bojanowska E. M. A World of Empires : The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge ; MA / L. : The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 373 + VIII p.

- Darwin J.* *After Tamerlane : The Rise and Fall of Global Empires.* L. : Allen Lane, 2008. 592 p.
- Etkind A.* *Internal Colonization : Russia's Imperial Experience.* Cambridge : Polity, 2011. 300 p.
- Goncharov I.* *The Voyage of the Frigate 'Pallada' / ed. and transl. by N. W. Wilson.* L. : The Folio Society, 1965. 266 p.
- Goncharov I.* *The Frigate Pallada / transl. by K. Goetze.* N. Y. : St Martin's Press, 1987. 650 p.
- Kurtynova-D'Herlughnan L.* *The Tsar's Abolitionists : The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression.* Leiden : Brill, 2010. 208 p.
- Layton S.* *Russian Literature and Empire : Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. 372 p.
- Mogilner M.* *Homo Imperii : A History of Physical Anthropology in Russia.* Lincoln : Univ. of Nebraska Press, 2013. 504 p.
- Said E.* *Culture and Imperialism.* L. : Vintage, 1994. 528 p.
- Todorova M.* *Imagining the Balkans.* Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 288 p.

References

- Bojanowska, E. M. (2018). *A World of Empires : The Russian Voyage of the Frigate Pallada.* Cambridge, MA/L., The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 373 + VIII p.
- Darwin, J. (2008). *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires.* L., Allen Lane. 592 p.
- Etkind, A. (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience.* Cambridge, Polity. 300 p.
- Goncharov I. (1965). *The Voyage of the Frigate 'Pallada' / ed. and transl. by N. W. Wilson.* L., The Folio Society. 266 p.
- Goncharov I. (1987). *The Frigate Pallada / transl. by K. Goetze.* N. Y., St Martin's Press. 650 p.
- Goncharov, I. (1940). *Fregat 'Pallada': Ocherki puteshestviia* [The Frigate 'Pallada': Travel Essays]. Moscow, Voenmorizdat. 296 p.
- Goncharov, I. (1951). *Fregat 'Pallada': Ocherki puteshestviia* [The Frigate 'Pallada': Travel Essays] / ed. by S. D. Muraveiskii. Moscow, Geografiz. 709 p.
- Kurtynova-D'Herlughnan, L. (2010). *The Tsar's Abolitionists: The Slave Trade in the Caucasus and Its Suppression.* Leiden, Brill. 208 p.
- Layton, S. (2008). *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 372 p.
- Mogilner, M. (2013). *Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia.* Lincoln, Univ. of Nebraska Press. 504 p.
- Said, E. (1994). *Culture and Imperialism.* L., Vintage. 528 p.
- Todorova, M. (2009). *Imagining the Balkans.* Oxford, Oxford Univ. Press. 288 p.

The article was submitted on 07.12.2018

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
akishin-mo@yandex.ru

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.
ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Анисимов Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
vbrevis@yandex.ru

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
bogdanovap@mail.ru

Буренина-Петрова Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, научный сотрудник, Цюрихский университет.

CH-8006, Швейцария, Цюрих, Rämistrasse, 71.
olga.burenina@access.uzh.ch

Бут Юлия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
komleva79@mail.ru

Володина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет.

162600, Россия, Череповец, пр. Луначарского, 5.
rusfilolog@chsu.ru

Геллер Леонид Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Лозаннский университет.

CH-1015, Швейцария, Лозанна.
hellerleonid5@gmail.com

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, Саратовский государственный университет.

410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83.
dementevvv@yandex.ru

Добровольская Варвара Евгеньевна, кандидат филологических наук, заведующий сектором нематериального культурного наследия Центра культуры народов России, Государственный российский дом народного творчества имени В. Д. Поленова Министерства культуры Российской Федерации. 101000, Россия, Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3.
dobrovolska@inbox.ru

Завьялова Оксана Олеговна, младший научный сотрудник, Южный федеральный университет. 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
oxana-z10@rambler.ru

Запартый Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
vzap@mail.ru

Казарновский Петр Алексеевич, докторант, Женевский университет; учитель русского языка и литературы, средняя школа № 29. 1211, Швейцария, Женева, ул. Генерала Дюфура, 24. 199178, Россия, Санкт-Петербург, Малый пр. Васильевского острова, 34.
pjotr@yandex.ru

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
kamyninv@yandex.ru

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии, Тюменский государственный университет. 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.
krest_e_a@mail.ru

Личман Борис Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
lichman@urep.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет. 460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19.
svlubich@yandex.ru

Морар Анник, кандидат философских наук, доцент, Женевский университет. 1211, Швейцария, Женева, ул. Генерала Дюфура, 24.
annick.morard@unige.ch

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ntplant9@mail.ru

Петрова Зоя Юрьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2.
zoyar@mail.ru

Подорога Юлия Валерьевна, кандидат философских наук, преподаватель, Страсбургский университет.
CS 90032, Франция, Страсбург, ул. Блеза Паскаля, 4.
podoroga.ioulia@gmail.com

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).
190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
rpochekaev@hse.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, ответственный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
landrat14@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, ответственный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.
117997, Россия, Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1.
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
mvstroganov@gmail.com

Уайт Джеймс, PhD, старший научный сотрудник, лаборатория археографических исследований, лаборатория эдиционной археографии; редактор перевода журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
james.white@eui.eu

Фатеева Наталья Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2.
nafata@rambler.ru

Akishin Mikhail, Dr. Hab. (History), PhD (Law), Leading Researcher, Novosibirsk State National Research University.
1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
akishin-mo@yandex.ru

Andreeva Tatiana, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Anisimov Evgeny, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics (St Petersburg Branch).
16, Soyuzna Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
vbreis@yandex.ru

Bogdanov Andrej, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
bogdanovap@mail.ru

Burenina-Petrova Olga, Dr. Hab. (Philology), Research Fellow, Zurich University.
71, Rämistrasse, CH-8006, Zurich, Switzerland.
olga.burenina@access.uzh.ch

But Yulia, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
komleva79@mail.ru

Dementyev Vadim, Dr. Hab. (Philology), Professor, Saratov State University.
83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia.
dementevvv@yandex.ru

Dobrovolskaya Varvara, PhD (Philology), Head of the Sector of Intangible Cultural Heritage of the Centre of Culture of the Peoples of Russia, Polenov State Russian House of Folk Art of the Ministry of Culture of the Russian Federation.
8, bldg. 3, Sverchkov Lane, 101000, Moscow, Russia.
dobrovolska@inbox.ru

Fateeva Natalia, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
18/2, Volkhonka Str., 119019, Moscow, Russia.
nafata@rambler.ru

Heller Leonid, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Lausanne.
CH-1015, Lausanne, Switzerland.
hellerleonid5@gmail.com

Kamynin Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
kamyninv@yandex.ru

Kazarnovsky Petr, PhD Candidate, University of Geneva; Russian Language and Literature Teacher, School 29.
24, rue du Général-Dufour, 1211, Geneva, Switzerland.
34, Vasilyevsky Island, Maliy Ave. 199178, St Petersburg, Russia.
pjotr@yandex.ru

Krestyannikov Evgeny, Dr. Hab. (History), Head of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology, Tyumen State University.
6, Volodarsky Str., 625003, Tyumen, Russia.
krest_e_a@mail.ru

Lichman Boris, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
lichman@urep.ru

Lyubichankovsky Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.
19, Sovetskaya Str., 460014, Orenburg, Russia.
svlubich@yandex.ru

Morard Annick, PhD, Lecturer, University of Geneva.
24, rue du Général-Dufour, 1211, Geneva, Switzerland.
annick.morard@unige.ch

Neklyudov Evgeny, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ntplant9@mail.ru

Petrova Zoya, PhD (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
18/2, Volkhonka Str., 119019, Moscow, Russia.
zoyap@mail.ru

Pochekaev Roman, PhD (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St Petersburg Branch).
16, Soyuz Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
rpochekaev@hse.ru

Podoroga Ioulia, PhD (Philosophy), Lecturer, University of Strasbourg.
4, rue Blaise Pascal, CS 90032, Strasbourg, France.
podoroga.ioulia@gmail.com

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Section Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
landrat14@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Section Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Stroganov Mikhail, Dr. Hab. (Philology), Professor, Kosygin Russian State University; Leading Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
33, bldg. 1, Sadovnicheskaya Str., 117997, Moscow, Russia.
25a, Povarskaya Str. 121069, Moscow, Russia.
mvstroganov@gmail.com

Volodina Natalya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Cherepovets State University.

5, Lunacharsky Ave., 162600, Cherepovets, Russia.
rusfilolog@chsu.ru

White James, PhD, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Laboratory of Archaeographical Studies, Translation Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
james.white@eui.eu

Zapary Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
vvzap@mail.ru

Zavyalova Oksana, Junior Researcher, Southern Federal University.

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
oxana-z10@rambler.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АКФ – Архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

AKF – Arkhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN

Архив ГЦРФ – Архив Государственного центра русского фольклора (Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова)
Arkhiv GTsRF – Arkhiv Gosudarstvennogo tsentra russkogo fol'klora (Gosudarstvennyyogo rossiiskogo doma narodnogo tvorchestva imeni V. D. Polenova)

ГАОО – Государственный архив Астраханской области
GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti

ГАОО – Государственный архив Омской области
GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края
GASK – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске
GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske

ГАТО – Государственный архив Томской области
GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyi istoricheskii muzei

МГАМИД – Московский государственный архив Министерства иностранных дел
MGAMID – Moskovskii gosudarstvennyi arkhiv Ministerstva inostrannykh del

НИ Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН

NI Arkhiv SPbII RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiiskoi Akademii nauk

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

NIOR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional’noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГБ – Российская государственная библиотека

RGB – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka

РГИА – Российский государственный исторический архив

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РНБ – Российская национальная библиотека

RNB – Rossiiskaya natsional’naya biblioteka

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 7, 2019, № 1

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Дата выхода в свет – 20.03.2019. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 29,0. Усл. печ. л. 30,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 131.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:
*Юлия Подорога. Революционная телесность:
А. Платонов и П. Филонов в поисках души*

Illustration for the article:
*Iulia Podoroga. Revolutionary Corporality:
Platonov and Filonov in Search of the Soul*

П. Филонов. Живая голова. 1923

P. Filonov. *The Live Head*. 1923

Иллюстрации к статье:
Петр Казарновский. Телесные и пространственные аномалии
как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки»)

Illustration for the article:
Petr Kazarnovsky. Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay
(Pavel Salzman's *Puppies*)

П. Филонов. Живая голова. 1923

P. Filonov. *The Live Head*. 1923

П. Филонов. Пир королей. 1913

P. Filonov. *Feast of Kings*. 1913

И. Босх. Сад земных наслаждений. Правая часть триптиха (фрагмент). 1510

H. Bosch. *The Garden of Earthly Delights*. Right panel (fragment). 1510